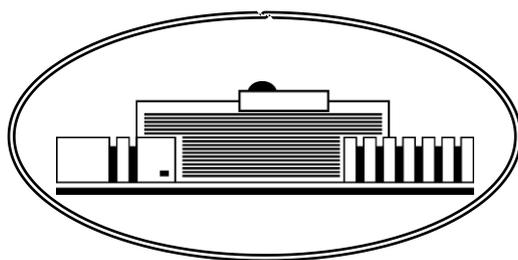

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 10

Витебск 2010

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 10

Сборник научных трудов

Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2010

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бен-4В)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 5 от 23.06.2010 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (главный редактор),
И.М. Прищепа (зам. главного редактора),
Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, И.А. Лапин, В.И. Мандрик, В.А. Маслова,
А.М. Мезенко, С.А. Моторов, А.А. Нестеренко, В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская,
Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, А.С. Табачков, В.М. Шорец

Секретариат:

А.И. Матеюн (ответственный секретарь),
В.Л. Пугач, Т.Е. Сафранкова, А.А. Дайнеко

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
В54 Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – 176 с.

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бен-4В)6я54

Экспериментальные поиски Алеся Рязанова и европейская традиция

И.Ф. Штейнер

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

В статье анализируются теоретические взгляды А. Рязанова по проблемам поэзии и их практическое воплощение в оригинальном творчестве писателя в контексте славянских и европейских традиций. Авторские поиски и находки сопоставляются с экспериментами в сфере поэзии Гийома Аполлинера, Велемира Хлебникова, ведущих реформаторов во французской и русской литературной традиции XX века. Анализируются поиски белорусского поэта в сфере поэтики и смыслового начала внешней и внутренней сущности поэтического слова. Доказывается, что эстетический эксперимент Алеся Рязанова в области словотворчества заслуживает особого внимания со стороны филологов, так как от его успешной реализации в значительной степени зависит дальнейшее развитие высоких сфер белорусской поэзии, полноценное выражение философско-религиозной мысли соотечественников.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, традиции, новаторство, творческий эксперимент, поэзия.

Ales Riazanov's experimental search and European tradition

I.F. Steyner

F. Scorina Gomel State University

The article analyzes theoretical grounds of A. Riazanov for poetry problems and their reflection in the creative works in Slavonic and European literary traditions. The author's searches and findings are compared with experiments in the poetic sphere of Geom Apollinaire, Velimier Chlebnikov, the most important reformers in the French and Russian traditions of the XX century. The article analyzes searches of the Belarusian poet in the poetic sphere and senses beginning of the poetic word, it's external and internal existence. It is proved that Ales Riazanov's aesthetic experiment in the sphere of word-formation deserves special philologists' attention, because further development of high spheres of Belorussian poetry, full expression of philosophic and religious thought of compatriots greatly depends on its implementation.

Key words: creative individuality, tradition, innovation, creative experiment, poetry.

Алесь Рязанов – заметная фигура в европейской поэзии конца XX – начала XXI века. **Материал и методы исследования.** Материалом для научного осмысления специально избраны произведения одного из самых оригинальных славянских поэтов современности, при характеристике произведений которого литературоведы неизменно акцентируют поисковую, экспериментальную направленность. Цель данной работы состоит в выявлении путем использования приемов компаративного, феноменологического и дескриптивного анализа сущности и направленности творчества А. Рязанова в контексте европейской поэтической традиции. Компаративный подход позволяет акцентировать своеобразие художественного опыта писателя, феноменологический – проследить специфику эстетического воспроизведения действительности, дескриптивный – показать идейно-тематическое разнообразие творчества автора.

Результаты и их обсуждение. Белорусский поэт А. Рязанов подчеркивает, что сегодня невозможно не только дать оценку, но даже взглянуть на окружающий мир без учета опыта своих предшественников:

Вяду з сабой
мглісты месяц.

У згадках
колішні паэты [1, с. 3].

В литературе все подчинено *нео-* и *пост-*, паразитирующих на давным-давно созданном, сотворенном человечеством в сфере мысли и языка напоминает собой бархан песка, где практически невозможно заметить песчинку – творца или его произведение. Ж. Батай остроумно заметил: «Песок, в который мы погружаемся, чтобы не видеть, состоит из слов, и, если я перейду от одного образа к совершенно другому, несогласие, вынужденное использовать слова, вызывает ассоциацию с барахтающимся человеком, погружающимся тем глубже, чем сильнее его усилия выбраться: действительно, в словах есть что-то от забытых песков» [2, с. 5]. Далеко не случайно один из реформаторов поэзии XX века, Гийом Аполлинер, создал философское эссе «Убийство поэта», в котором в шуточной форме показал атаку общества на высшее воплощение духа человеческого в лице поэтов, в ходе которой поэты должны исчезнуть с лица земли, ибо их существование не имеет никакого смысла.

В определенной степени А. Рязанов продолжает традиции Г. Аполлинера в сфере обновления поэзии. Г. Аполлинер пришел в литературу после кризиса постсимволизма, с именем Аполлинера связано художественное освоение новых, важных, но казавшихся ранее исключительно непоэтическими сфер жизни, деятельности человека. Великий поэт смело пошел на онтологические изменения: отказался от замкнутости поэзии (лексической и ритмической), характерной для символистов, отклонил музыкально-импрессионистскую стихию П. Верлена, обретая в своем творчестве совсем иные способы углубления ассоциативности уже реальных, не вымышленных поэтических образов.

А. Рязанов с самого начала творческого пути вошел в число поэтов, которые заявили о возможности писать без установленных законов творчества, используя только конкретную форму для реализации конкретного замысла, абсолютно соответствующего, с точки зрения автора, идеалу. В свое время Ш. Бодлер теоретически и практически доказал, что поэзия – это не обязательно стихи, А. Рембо опроверг сентенцию Т. Готье о том, что только искусство способно творить вечное, а С. Малларме пришел к пониманию того, что нет стихов как таковых, что поэзия скорее выделяет спектральные подразделения идеи. Г. Аполлинер вернул в поэзию *литературу*, возродил конкретную содержательность первой, изгнанную последователями Верлена, абсолютизовавшими музыкальность стиха. Каждый настоящий поэт – бунтарь, которому тесно в любых рамках земной условности, что убедительно доказывает и творчество Аполлинера, и творчество Рязанова. Теоретико-философские взгляды белорусского поэта наиболее глубоко и всесторонне отражены в его *зномах*, которые были представлены сначала в книге «Паляванне ў райскай даліне», а затем стали основой отдельной книги «Сума немагчымасцяў: зномы». Первая же заметная публикация поэта была в коллективном сборнике «Вобраз’ 83» под заглавием «Нататкі на дубовых лістах». Название и сама не определенная до конца форма будущих философских притч свидетельствуют о том, что поэт еще не полностью представлял форму и значимость своих произведений, составляющих базис его поэтической философии, которая найдет практическое применение в будущих *версетах*, *вершаказах*, *квантэмах*, и отчасти, *пунктурах*.

Зномы – термин новаторский, рязановский. Поэт подчеркивает: «Той, хто спазнае, і тое, што спазнаецца, твораць новую рэчаіснасць – ЗНО. У ёй знікае падзел на суб’ект і аб’ект, і яна новая не таму, што настае пасля нечага, а таму, што ніколі не бывае старой» [3, с. 12]. Для субъективного *зно* становится свидетельством его объективности, для объективного – возможностью свидетельствования. Зномы – краткие, чаще всего в несколько строк, в абзацах их редко более трех-четырех, философские афоризмы-исследования о сущности бытия и его отображении в искусстве, о сущности самого искусства, о человеке и природе в их извечном единстве и отрицании. Вслед за В. Короткевичем, считавшим, что наши писатели должны обижаться, когда о них говорят, что читать белорусскую поэзию, «як басанож па расе прайсціся», ибо они давно уже выросли из крестьянских пеленок и почувствовали свою силу, имеют собственную стихию, песенную и балладную, народную и философскую, наивную и книжную. Настоящей поэзии, по мнению А. Рязанова, особенно на нынешнем этапе, не хватает человеческого голоса, проблеме которого белорусский автор придает онтологическую значимость, так как квинтэссенция поэзии именно голос, способный становиться ее мерилом.

А. Рязанов считает, что дорога к истине вымощена парадоксами. Он приучает постигать секреты его творчества прежде всего в самих текстах. Анализ произведений, их структура, количество в

сборниках поэта позволяют в известной степени приблизиться к феномену творческой эволюции и художественных ориентаций поэта. Как и большинство своих предшественников, А. Рязанов сакрализирует поэзию. Одновременно он утверждает, что поэзия не столько дар Божий, сколько проклятие, крест, нести который нужно до конца, подобно герою произведения «Скон паэта», восходящему на сцену (*гожы, мажны, паважны*), как на арену битвы, где люди уже замерли в предчувствии слова, которое заставит их восхищаться, радоваться, страдать, гибнуть, воскресать. Рязанов подвергает строжайшей ревизии все устоявшиеся критерии так называемого поэтического мастерства, бросая вызов едва ли не всей теории изящного искусства и высокой поэзии. Он уверен, что предназначение поэзии не в метафоризации действительности, а в превращении ее в энергию, в смысл, в свет, в будущее, что для поэзии главное не возбуждать, а будить. Рязанов утверждает, что именно богатая метафора, звонкая рифма, гибкая фраза, т.е. все те атрибуты стихосложения, которые еще вчера определяли сущность *настоящей* поэзии и которыми так гордились, ныне уже свидетельствуют об обратном, а искреннее неумение в стихотворчестве – более поэзия, нежели профессиональная имитация, что для поэтического произведения незначительный изъян предпочтительнее технического совершенства. По мнению А. Рязанова, поэзию нельзя низводить к конгломерату слов и художественных приемов, ибо она есть духовное явление, поэтому, утратив духовное начало, творец превращается в производителя (в оригинале более созвучно: *тварэц-вытворца*). Поэзия должна всегда оставаться немного неправильной, барочной, так как любая схематизация, стремление упорядочить ведет не к совершенству, призрачному и недостижимому, а к явной гибели. Настоящий поэт должен самостоятельно, по-новому формировать цель и задачи поэзии, способ ее постижения, иначе получается не *езда в незнаное*, а увеселительная поездка согласно правилам дорожного движения.

По-новому реализует белорусский поэт соотношение рационального и эмоционального в лирике, которое отнюдь не представляет собой механическое сочетание *унция чувств* плюс *унция мысли*. Он подразумевает сплав их крайностей в таинственном самовосхождении – превращении в этом процессе самопостижения в нечто качественно новое, где чувство становится мыслью, а мысль – чувством. Рязанов уделяет исключительное внимание внутреннему состоянию поэта, физиологии творческого процесса, его духовной сущности. Последний находится в огромной перспективе от мгновенной импровизации до глубочайше-скуппулезного замысла и совершеннейшего плана его реализации – *ex promptu et ex proposito*. Тем самым А. Рязанов возвращается к древнейшим элементам восприятия поэта и поэзии, реликты которых остались в сознании человечества. Он упоминает, что купаловский пророк из одноименного стихотворения вещает и проповедует как безумный (*як шалёны*). Пророки не помнят, ибо говорят не свое и не от себя. Память – обретение личности. Пророк во все времена не столько творец, сколько глашатай уже существующей истины, он оповещает мир о том, что уже где-то существует. Стихотворение также возникает потому, что каким-то образом где-то оно уже существует, есть: «Ёсціна – ісціна, і верш – падобны на стралу, працяжнік між імі». В мировой поэзии взаимодействуют, отрицая друг друга, интуитивное, бессознательное, и рациональное начала, но магическое, заговорное является ее сущностью. Проблемы начались, когда была утрачена *магічная – замоўная – падаснова мовы*. А. Рязанов, отталкиваясь от воспоминаний Апостола Павла о человеке, который *восхищенъ былъ до третьяго неба, восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченные* (у Рязанова – *невymoўныя*) слова, которыхъ человеку нельзя слышать, считает: именно эти слова, слышимые в раю и на третьем небе, и являются утраченной сущностью поэзии. Их услышать уже смогут, кроме апостолов, святых, допущенных к тайне (*в тЫЛЫ или вНЫ тЫла: Бог знаетъ*), только поэты, способные вымолвить их не обычной речью, а стихотворной. А. Рязанов считает произведение магическим кристаллом: существенно не то, как он выглядит, а что видно в нем и благодаря ему. Поэты во все века стремились овладеть этим магическим словом (*мастацтва=ма(г)стацтва*), в том числе и А. Рязанов. *Racio*, несмотря на все усилия критики убедить в обратном, никогда не доминировало в мировоззрении и поэтическом мире белорусского автора.

Думается, чрезвычайно плодотворно сопоставление А. Рязанова с великим экспериментатором Велемиром Хлебниковым, эстетические помыслы которого реализовались в «писании словами одного корня, эпитетами мировых явлений, живописанием звуком». Девиз В. Хлебникова «Я чувствую гробовую доску над своим прошлым. Стих свой кажется чужим» максимально приемлем для белорусского поэта, так как символизирует квинтэссенцию его творческих устремлений. Но если у В. Хлебникова закон любви *сильнее холодного полета истины*, то для А. Рязанова доминирующим

является полет стрелы, символизирующий собой многоликость бытия – от молчания-безмолвия до взрыва.

Белорусский поэт блестяще доказал, что он равновелик *сверхгению* в постижении славянского корнетворчества. Это подтверждает практика его переводов из В. Хлебникова, в первую очередь, стихотворения «Времышы-камышы...». В восьми строках Хлебникова мастерски соединены реальные пейзажи и неуловимо-непостижимый образ времени, всеильного и безграничного (отсюда термин *времяшы* – от слов *камышы* и *время*).

Времяшы – камышы
На озера береге,
Где каменя временем,
Где время каменьем.
На берега озере
Времяшы, камышы,
На озера береге
Священно шумящие [4, с. 44].

Камышы – маятник вселенной, вечности, анкер которых – вода озера, неустанно лижущая каменные берега. Озеро же своей округлой формой напоминает огромные карманные часы с открытой крышкой. Это видит внутренний взгляд А. Рязанова, перевод которого конгениален своей внутренней сущностью постижения вечности времени при неизменности пространства, что подразумевает возврат в состояние довременья и постижение внутреннего праязыка, когда человек и природа были едины и постигали друг друга совершенно без слов или каких бы то ни было вербальных начал. Их объединяло нечто большее, из чего затем развилось и Пространство, и Время, и Слово:

Чарот – вечарот
На возераберазе,
Дзе векамань – каменем,
Каменне – векаманню,
На берагавозеры.
Чарот, вечарот,
На вечараберазе
Веча шумлівае [5, с. 146].

Вечарот – находка, равновеликая в белорусской стихии русскому *времяшу*, ибо в первом явственно слышится и *вече* (только подразумевавшееся у В. Хлебникова), и *чарот*, и *коловорот*, невидимая сила, вращающая само время (веремя); в то же время неологизм *векамань* – это одновременно и каменя времени и время каменьем.

Блестящим образцом словотворчества В. Хлебникова является стихотворение «Заключение смехом», где он, обыгрывая слово *смех*, создает голограмму превращения семечка в горчичное дерево. Чтобы приблизиться к внутренней сущности образа и кода слова-понятия, А. Рязанов отказывается от нейтрального общеславянского *смех* и градирует его разновидность, ибо эмоциональное начало еще более подчеркивает значимость и силу эманации естественного чувства и способов его выражения. «*Заклён рогатам*» – это и разновидность заклятия смехом, и формирование найденного мотива, ибо игра идет уже в другой октаве, где появляются новые ассоциации.

Белорусский поэт практически воплощает свои теоретические установки: «У перакладзе вершаў належыць ісці за тым, за чым ідуць яны самі: перакладаць не словы і не строфы, а тое, што «пракладаюць» яны, вершы, – сэнс, гукасэнс, духасэнс. Таму пераклад у асобных выпадках можа быць больш дасканалым, чым арыгінал» [3, с. 63–64].

В. Хлебников в статье «Слово как таковое» обосновал значимость самоценного, *самовитого* слова. В поэтической речи В. Хлебникова слышно и белорусское начало, как в выше упомянутом *самовитый, вабны, вырей, небога, самота, вежи, цікавы, навье* (мертвец), *дурника* (голубика). Необходимо отметить подспудную связь экспериментаторов в сфере поэтики слова с Беларусью (белорусские корни Г. Аполлинера, четыре года жил В. Хлебников на берегах Горыни в бывшем имении князей Чарторыйских, находящемся недалеко от малой родины А. Рязанова).

Заключение. Новаторское в своей основе творчество А. Рязанова зиждется на развитии традиций великих экспериментаторов XX века. Непреходящее значение имеют его поиски «самовитого слова», жизненно необходимые для белорусского художественного опыта, особенно в сфере философской и

религиозной поэзии. Не случайно А. Рязанов создает *Тварасловы* (*Крыніца*, № 11, 1994), в которых ищет белорусские эквиваленты словам высокого стиля. Эстетический эксперимент Рязанова необходимо только приветствовать, ибо от его успешной реализации в значительной степени зависит дальнейшее развитие *высоких, горних* сфер белорусской поэзии и философско-религиозной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разанаў, А. Дождж : возера ў акупунктуры : пункціры / А. Разанаў. – Мінск : І.П. Логвінаў, 2005. – 162 с.
2. Батай, Ж. Литература и Зло / пер. с фр. / Жорж Батай. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 166 с.
3. Разанаў, А. Сума немагчымасцяў : зномы / Алесь Разанаў. – Мінск : І.П. Логвінаў, 2009. – 122 с.
4. Хлебников, В. Творения / Велимир Хлебников. – М. : Совет. писатель, 1986. – 736 с.
5. Разанаў, А. Паляванне ў райскай даліне : Версэты. Паэмы. Пункціры. Вершаказы. З Вяліміра Хлебнікава. Зномы / Алесь Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 287 с.

Автор:

Иван Фёдорович Штейнер, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой белорусской литературы УО “Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины”.

Домашний адрес: Беларусь, город Гомель, ул. Советская, д. 106, кв. 16.

Домашний телефон: 8(0232)57-92-04; моб.: 8(029)638-75-65; служебный: 8(0232)60-32-40

E-mail: belitchair@gsu.by

Сфера научных интересов: белорусская литература в славянском и европейском контексте, теория литературы, перспективы классической литературы в эпоху глобализации и изменения парадигм бытия.

Аманімія ў тапанімічнай лексіцы

Н.А. Багамольнікава

Установа адукацыі “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны

З’ява аманіміі назіраецца і ва ўласных імёнах, дзе яна мае сваю спецыфіку, якая выяўляецца ў звужэнні тыпаў амонімаў, характарызуецца сваімі спосабамі, шляхамі і прычынамі ўзнікнення. У тапанімічнай аманіміі ўстаноўлены спосаб транстапанімізацыі. З’ява тапанімічнай аманіміі развілася ў выніку запазычання з другіх тапанімічных сістэм або блізкага размяшчэння геаграфічных аб’ектаў.

Практычная значымасць праведзенага даследавання заключаецца ў магчымасці выкарыстання вынікаў у вузах пры правядзенні семінараў па праблемах беларускай анамастыкі, у пазакласнай працы ў гуманітарных класах ліцэяў і гімназій.

Ключавыя словы: онімы, анамастычная прастора, тапанімія, разнавіднасці тапонімаў, тапанімічная аманімія, міжвідавая аманімія, унутрывідавая аманімія, “скрытая” аманімія.

Homonymy in toponymic lexis

Bogomolnikova N.A.

Educational establishment “Gomel State University named after F. Scorina”

The phenomenon of homonymy is also observed in proper nouns with its specific features that are shown in contraction of homonymic types. Homonymy is also characterized by its own ways and means of occurrence. In toponymic homonymy the method of transtoponymization is defined. The phenomenon of toponymic homonymy has been developed as a result of loan-words from other toponymic systems as well as closely located geographical objects.

Practical significance: the results of this research can be used at seminars on the problem of Belarusian onomatology in the institutes of higher education as well as in out-of-school work in gymnasiums and lyceums.

Key words: homonyms, onomastic space, toponymy, toponymic varieties, toponymic homonymy, interspecific homonymy, infraspecific homonymy, implicit homonymy.

Паняцце “аманімія” ўключае гукавое супадзенне адзінак, што адрозніваюцца значэннем. Супадаць могуць адзінкі нізкага ўзроўню (марфемы), сярэдняга (словы) і высокага (словазлучэнні як сінтаксічныя канструкцыі, сказы).

Сярод адзінак нізкага ўзроўню адзначаюцца выпадкі супадзення ўсіх відаў марфем: падводнік – перавод (каранёвыя), цымбаліст – лясісты, цаліна – удовін (суфіксы), бягу – сталу (канчаткі), нізка (наз., канчатак) – нізка (прысл., суфікс), прарэктар ‘намеснік рэктара’ і прамова ‘публічнае выступленне’ (прэфіксы).

Аднак больш прадуктыўна выяўляецца аманімія сярод слоў: апалонік ‘вялікая лыжка, якой разліваюць страву’ і апалонік ‘хвастатая лічынка жабы’ [7, с. 30], студзень ‘першы месяц каляндарнага года’ і студзень ‘страва’ [7, с. 260].

У апелятыўнай лексіцы з’яве аманіміі адводзіцца належнае месца. Так, даследчыкам В.П. Краснеем выяўлены прычыны яе ўзнікнення, разнастайныя працэсы, найперш, фанетычныя змяненні, што вядуць да супадзення этымалагічна розных адзінак, запазычання, абрэвіяцыя, страта сэнсвай сувязі паміж значэннямі асобных мнагазначных слоў і г.д. Вызначаны таксама такія тыпы амонімаў, як лексічныя, фанетычныя, марфалагічныя, графічныя, міжмоўныя і іх характарыстыкі [4, с. 31].

Аманімія ўласціва і сінтаксісу (словазлучэнням, сказам). Словазлучэнне, напрыклад, чытаць выразна надрукаваныя радкі можна разумець наступным чынам: 1) ‘выразна чытаць надрукаваныя

радкі' і 2) 'чытаць радкі, надрукаваныя выразна', а сказ *Яму трэба пазваніць* – 1) 'званіць будзе ён сам' і 2) 'яму будуць званіць'.

Сінтаксічная аманімія ўзнікае ў залежнасці ад парадку слоў у словазлучэнні, здольнасці лексем спалучацца з некалькімі словамі ў словазлучэнні, лагічнага націску. Гэты аспект дэтальна вывучаўся А.Я. Міхневічам [4, с. 31].

Пры дапамозе інавацыйных метадаў лінгвістамі праведзена статыстычнае даследаванне характарыстык амаграфіі розных карпусоў апелятыўнай лексікі ў рускай і беларускай мовах [11].

З'ява аманіміі займае значнае месца і ў тапанімічнай прасторы на сінхронным зрэзе існавання ўласных найменняў (яе можна пазначыць у шырокім сэнсе як тапанімічная аманімія). Яна з'яўлялася аб'ектам вывучэння асобных тапанімістаў. Так, на IX Міжнародным амамастычным кангрэсе тапанімічная аманімія была адной з цэнтральных праблем. Мы можам угадаць і работы В.Д. Беленькай, у якіх аўтар вывучала аманімію ў назвах населеных пунктаў Англіі, ЗША і Аўстраліі. [5, 6]. Пытанню тапанімічнай аманіміі ў Аўстраліі быў прысвечаны таксама даклад Д.С. Райана "Храналогія аўстралійскіх тапонімаў" [5, с. 13]. Ва ўкраінскай тапаніміі праблема аманіміі аналізуецца Ю.А. Карпенкам [5, с. 6], у расійскай – працяглы час была адным з накірункаў даследавання тапанімістаў на чале з В.С. Ахманавай [5, с. 3-4]. Само паняцце тэрміна *аманімія* ва ўласных імёнах было акрэслена А.В. Суперанскай і Н.У. Падольскай [10, с. 19]. На жаль, працы, прысвечаныя гэтай праблеме, у беларускай тапаніміі адсутнічаюць, таму гэтай дадзенага артыкула з'яўляецца даследаванне аманіміі, у прыватнасці, яе спецыфікі, тыпаў, прычын, шляхоў і спосабаў узнікнення, у беларускай тапанімічнай прасторы на сінхронным зрэзе.

Матэрыялы і метады. Крыніцай даследавання паслужылі ў цэлым гідронімы, айконімы і урбанонімы, зафіксаваныя ў паўднёва-ўсходняй частцы Беларусі – на Гомельшчыне. Апісальны метады даследавання выбраны ў якасці асноўнага. Ён суправаджаецца прыёмамі назірання, супастаўлення і абагульнення.

Вынікі і іх абмеркаванне. Мова існуе ў выглядзе арганізаванай сістэмы, а яе састаўныя – складаныя структуры – надзелены разнастайнымі адносінамі і характарыстыкамі і схільны падвяргацца лінгвістычнаму аналізу. Пры гэтым не выключана магчымасць, што "аб'ектыўныя падыходы могуць дапаўняцца, удакладняцца... суб'ектыўнымі прынцыпамі адбору" [10, с. 12]. Апісанне сістэмнай іерархіі выяўляе класы (апелятывы, онімы), з'явы (парадыгмы, сінтагмы, унутрысістэмныя лексічныя адносіны аманіміі, сінаніміі), факты, іх шматаспектную структуру, у якой кожны з кампанентаў, у сваю чаргу, валодае рознымі ўласцівасцямі.

Уласныя імёны, ці онімы, у лексіцы сучаснай беларускай мовы ўтвараюць унікальную падсістэму са сваімі механізмамі, заканамернасцямі развіцця і асаблівасцямі функцыянавання. Гэты пласт лексікі нясе асноўную нагрузку пры рэалізацыі сацыякультурнай функцыі мовы, у ім працягваецца нацыянальна-моўная спецыфіка любога этналінгвістычнага грамадства [10, с. 3]. Усе разрады онімаў пастаянна ўзаемадзейнічаюць паміж сабой.

Уласныя імёны складаюць амамастычную прастору, ядром якой лічацца антрапонімы (назвы людзей), на перыферыі знаходзяцца амамастычныя палі: тапонімы (назвы геаграфічных аб'ектаў), заонімы (назвы жывёл), касмонімы (назвы касмічнай прасторы) і інш. Паняцці *прастора* і *поле* не атаясамліваюцца (В.І. Супрун). Першы тэрмін не дае ўяўлення аб арганізацыі, заканамернасцях функцыянавання яго складальных адзінак. Гэта сукупнасць імён безадносна да ўнутранай пабудовы. *Поле* мяркуе наяўнасць сістэмна-структурных адносін, сувязей, адзінкі ў ім упарадкаваны, іх сукупнасць выражае іерархію. Структура поля даволі ўстойлівая і толькі зрэдку можа змяняцца, быць функцыянальна рухомай [10, с. 11 - 12].

Асобныя палі падзелены на зоны. Тапонімы, напрыклад, у залежнасці ад названых геаграфічных аб'ектаў утвараюць зоны айконімаў (назваў населеных пунктаў), гідронімаў (назваў водных аб'ектаў), урбанонімаў (назваў унутрыгародскіх аб'ектаў), харонімаў (назваў ландшафтных і адміністрацыйных тэрыторый), мікратапонімаў (назваў дарог, участкаў лесу, палёў, сенажацей) і інш. Такія разнавіднасці тапонімаў называюць яшчэ ў тапаніміцы *відамі* [9]. Аднак многія лінгвістычныя тэрміны ўжываюцца ў вузкім і шырокім сэнсе. Напрыклад, *словаўтварэнне* ў шырокім сэнсе абазначае 'раздзел мовазнаўства, які вывучае структуру слоў і законы іх утварэння' (Д.Э. Разенталь, М.А. Целянкова), у вузкім – 'сам працэс утварэння новых слоў' (В.М. Немчанка). Тапонімы, як бачна, маюць шматлікія разнавіднасці, таму прапануем увесці звужанае паняцце *тапанімічная прастора*, што па параметрах характарыстык супадае з *полем*.

Пад тэрмінам *тапанімія* мы разумеем сукупнасць тапонімаў: гідронімаў, айконімаў, урбанонімаў, харонімаў, аронімаў, спелеонімаў, драмонімаў, дрымонімаў, аграонімаў. У апошнія гады ўсё большую ўвагу лінгвістаў прыцягвае да сябе рэгіянальная тапанімія, якая ўяўляе сабою складаную сістэму з разнастайнымі ўнутрысістэмнымі адносінамі.

Тапанімію вывучае тапаніміка. Тапаніміка, маючы выразны міждысцыплінарны характар (як лінгвістычная дысцыпліна знаходзіцца на стыку гісторыі, геаграфіі, дыялекталогіі і інш.), патрабуе комплекснага даследавання, заснаванага на аб'яднанні метадаў адпаведных навук. Адзначаная ўзаемасувязь праяўляецца ў арганічным адзінстве лінгвістычных, геаграфічных і гістарычных характарыстык, уласцівых кожнай уласнай назве. Такая спецыфіка тапанімікі прыводзіць да супастаўлення матэрыялу ў самых розных планах: супастаўленне тапаніміі геаграфічных рэгіёнаў як унутры краіны, так і далёка за яе межамі, назваў, што адносяцца да розных класаў і рангаў геаграфічных аб'ектаў, асаблівасцей іх функцыянавання. На аснове пазначаных дадзеных уяўляецца магчымасць дыферэнцыяльнага лінгвістычнага аналізу онімнай прасторы, глыбокага пранікнення ў своеасаблівасці тапанімічных разрадаў, што валодаюць не толькі агульнымі рысамі, але і маюць адрозненні.

Тапанімія фіксуе месцазнаходжанне аб'ектаў у рэальнай прасторы, і яе лакальнасць, адрасная функцыя не менш важная, чым намінальна-выдзяляльная. Гэта гаворыць аб залежнасці тапонімаў ад экстралінгвістычных параметраў, найперш, вядомасці. Носьбітамі мовы тапонімы ўжываюцца рэгулярна і складаюць вялікае поле анамастычнай прасторы. Многія характарыстыкі аб'ектаў у гэтым полі частотныя, паўтаральныя, валодаюць магчымасцю анімізацыі і транстапанімізацыі, ствараючы з'яву аманіміі.

Фактычны матэрыял дазваляе заўважыць, што розныя геаграфічныя аб'екты могуць рэгулярна супадаць у сучаснай мове ў плане выражэння. Узнікае пытанне, як кваліфікаваць з'яву аднайменнасці, што назіраецца ў тапаніміі. Ці правамерна ўвесці паняцце *тапанімічная аманімія*? Можна дакладна канстатаваць, што аманімія ўласных імён прынцыпова адрозніваецца ад аманіміі імён агульных. Асноўным крытэрыем размежавання амонімаў у апелятыўнай лексіцы з'яўляецца наяўнасць розных значэнняў аднаго і таго ж слова, якія супадаюць па знешняй форме, але маюць несумяшчальныя значэнні, г. зн. пад увагу бярэцца характар лексіка-семантычных значэнняў, заснаваных на сукупнасці канкрэтных лексічных значэнняў, уласцівых агульным словам [6, с.68].

Іншая сітуацыя выяўляецца ў тапаніміі, дзе сінхронны аналіз мяркуе “вывучэнне адносін не толькі паміж тапонімамі і астатнімі словамі дадзенай мовы, але і паміж самімі тапонімамі як мікрасістэмы ў складзе агульнай лексічнай сістэмы мовы” [5, с.6]. Сінхронны аналіз “дае магчымасць устанавіць узаемасувязь асобных тапонімаў паміж сабой і тым самым выявіць сістэмную арганізацыю сукупнасці назваў” [6, с.11].

Агляд сучаснага стану сістэмы ўласных назваў сведчыць аб тым, што тапанімічная аманімія ў параўнанні з апелятыўнай мае сваю спецыфіку. Функцыянаванне онімаў ажыццяўляецца незалежна ад пачатковай семантыкі іх матывавальных асноў, таму “асабліва важным аспектам становіцца не сігніфікацыя, а намінацыя, г. зн. тое значэнне, якое тапонім набывае падчас непасрэднага суаднясення з геаграфічным аб'ектам” [6, с.68 - 69]. Такім чынам, тапанімічная аманімія развілася ў асноўным у сувязі з тэндэнцыяй называць геаграфічныя аб'екты аднолькавымі імёнамі, вядомымі мясцовому насельніцтву. Пры гэтым пераносе першапачатковай семантыка назваў неістотная, а вольна канатацыі, што развіваюцца, набываюць першараднае значэнне. Дыферэнцыяцыя амонімаў адбываецца на аснове несумяшчальнасці адрасна-ўказальных значэнняў. У выніку атрымліваецца, што назвы, этымалагічнае значэнне якіх ідэнтычнае, маюць неаднолькавае тапанімічнае значэнне, указваючы на розныя аб'екты, а гэта галоўнае для іх успрыняцця і функцыянавання. Шляхі ўтварэння тапанімічнай аманіміі абумоўлены ў цэлым прычынамі гісторыка-геаграфічнага характару.

Спецыфічнасць тапанімічнай аманіміі ў параўнанні з апелятывамі выяўляецца і ў звужэнні тыпаў амонімаў. Намі вылучаны тры тыпы: міжвідавая і ўнутрывідавая аманімія, аманімія паміж онімамі і апелятывамі. З'ява аманіміі ў іх ствараецца адрозненнямі ў назвах трох вялікіх класаў – прыродных аб'ектаў (ландшафту, рэльефу і г.д.), палітыка-адміністрацыйных (населеных пунктаў) і назваў людзей. У адзначаных тыпаў розныя спосабы ўтварэння: міжвідавоя і ўнутрывідавоя амонімы ўзніклі ў выніку транстапанімізацыі, амонімы паміж апелятывамі і онімамі (іх яшчэ называюць квазіамонімамі [10, с.19]) – шляхам анімізацыі. У межах дадзенага артыкула будуць разгледжаны першыя два тыпы амонімаў.

Для ўнутрывідавояй аманіміі характэрна паўтаральнасць найменняў сярод тапонімаў аднаго віду.

Амонімы ўзнікаюць у выніку асэнсаванага пераносу назваў з аднаго аб’екта на другі. Так, у айканіміі Беларусі адзначаюцца запазычанні з другіх тапанімічных сістэм, што адносяцца да невялікіх населеных пунктаў, прычым аманімія выяўляецца як у афіцыйных, так і неафіцыйных, мясцовых варыянтных назвах. Параўн.: г. *Назарэт* (Ізраіль) – п. *Назарэт* (Гом., знік), г. *Парыж* (Францыя) – афіц. в. *Парыж* (Паст. р-н Віцебск. вобл., вар. *Навадруцк*) – неафіц. в. *Парыж* (Рэч. р-н Гом. вобл., афіц. *Глінная Слабада*); г. *Варшава* (Польшча) – неафіц. в. *Варшава* – (Нар., афіц. *Грушаўка*). У дадзеным выпадку аманімія развілася ў выніку называння невялікіх па памеры населеных пунктаў імёнамі буйных цэнтраў – сталіц, што добра вядомы ў “Старым Свеце”. У Заходняй Еўропе перанос уласных назваў старажытных універсітэцкіх гарадоў, сталіц дзяржаў на іншыя геаграфічныя аб’екты – даволі распаўсюджаная з’ява, але такія выпадкі ў тапаніміі Беларусі спарадычныя. Як бачна, асноўнае значэнне тут мае фактар вядомасці і значымасці запазычаных онімаў, а іх паўтаральнасць у меншых “рангам” населеных пунктаў паказвае на чыста мясцовае значэнне і “індывідуалізацыя” іх умоўная. Адзначае назіраецца таксама і ва урбананіміі: *Чырвоная Плошча* (г. Масква) → *Чырвоная Плошча* (назвы вуліц у г. Ветка, раней Панская, і ў г. Тураў Жытк.). Аднак нашы назіранні дазваляюць сцвярджаць, што ўнутрыўдавая аманімія прадуктыўна развілася сярод падвідаў тапонімаў, якія звычайна размяшчаюцца паблізу і нават адносяцца да аднаго адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу: в. *Астанкавічы* → чыг. ст. *Астанкавічы* (Асташкавіцкі с/с, Св.), в. *Бабічы* → х. *Бабічы* → чыг. ст. *Бабічы* (Бабіцкі с/с, Рэч.), в. *Гарочыцы* → чыг. ст. *Гарочыцы* (Гарочыцкі с/с, К.), в. *Івашкавічы* → п. *Івашкавічы* (Капаткевіцкі с/с, Петр.), в. *Кавалі* → п. *Кавалі* (раней Падсобнае) (Акцябрскі с/с, Акц.), вв. *Капіцэвічы* → п. *Капіцэвічы* (Капіцэвіцкі с/с, Лучыцкі с/с, Петр.), в. *Карані* → п. *Карані* (Давыдаўскі с/с, Св.), в. *Салагубаў* → п. *Салагубаў* (Дуброўскі с/с, Лельч.), в. *Славінск* → п. *Славінск* (Галубіцкі с/с, Петр.), в. *Хваенск* → п. *Хваенск* (раней Майдан) (Азяранскі с/с, Жытк.), г.п. *Церахоўка* → в. *Церахоўка* → чыг. ст. *Церахоўка* (Церахоўскі п/с, Добр.) і інш. (у межах айконімаў); р. *Альхоўка* → кан. *Альхоўка* (Петр.), бал. *Асова даліна* → кан. *Асова даліна*, воз. *Баланіха* → кан. *Баланіха*, р. *Батыўля* → кан. *Батыўля* (Е.), бал. *Бель* → кан. *Бель* (К.), р. *Вароніна* → кан. *Вароніна* (Жытк.), р. *Ветка* → кан. *Ветка* (Акц.), кан. *Дрынішча* → коп. *Дрынішча* (К.), р. *Жэлонь* → бал. *Жэлонь* → воз. *Жэлонь* → кан. *Жэлонь* (вар. *Жалонь*, Нар.), бал. *Забяўе* → кан. *Забяўе*, воз. *Крывуша* → кан. *Крывуша* (Жытк.), бал. *Лісна* → кан. *Лісна* (Акц.), бал. *Майдан* → коп. *Майдан* (К.), р. *Млынавіца* → кан. *Млынавіца* (Жытк.), р. *Нараўлянка* → бал. *Нараўлянка* (Нар.), р. *Нератоўка* → кан. *Нератоўка*, р. *Няслаўка* → кан. *Няслаўка* (Акц.), р. *Палеча* → кан. *Палеча* (Нар.), воз. *Роў* → кан. *Роў* (Жытк.), бал. *Рудзенец* → коп. *Рудзенец* (Жытк.), р. *Салакуча* → бал. *Салакуча* (Маз.), р. *Серабранка* → кан. *Серабранка* (Акц.), бал. *Старушка* → кан. *Старушка*, бал. *Стрэлка Рыбеча* → воз. *Стрэлка Рыбеча* → кан. *Стрэлка Рыбеча* (Жытк.), р. *Купальня* → бал. *Купальня*, р. *Станівеж* → бал. *Станівеж* (Нар.), р. *Трэмя* → кан. *Трэмя* (Акц.), р. *Ханка* → бал. *Ханка* (Нар.), бал. *Цапля* → кан. *Цапля* (Петр.) (у межах гідронімаў).

Утварэнні ў выніку блізкага размяшчэння аб’ектаў можна назваць умоўна і з’явай “люстраной” тапаніміі, але ўсё ж такі апошняе паняцце больш шырокае па змесце, чым тапанімічная аманімія. З’ява “люстраной” тапаніміі ахоплівае дадаткова яшчэ урбананімы, дзе назвы меншых па памеры лінейных аб’ектаў (завулкаў, праездаў) паўтараюць аднайменныя назвы паблізу размешчаных вуліц, аднак структурна яны не супадаюць, параўн. вул. *Чонкаўская* і завул. *Чонкаўскі* (г. Гомель).

Перанос назваў з розных онімных палёў у межах сістэмнай онімнай прасторы мы адзначаем як міжвідавая аманімія. Яе сутнасць заключаецца ў тым, што найменні разнастайных відаў тапонімаў супадаюць у гучанні, аднак успрымаюцца насельніцтвам як паказчыкі розных геаграфічных аб’ектаў або тыпаў аб’ектаў. Прычыну яе ўзнікнення патрэбна таксама шукаць у сінхраніі, найперш, у выніку культурных сувязей задзейнічаны прынцып намінацыі ‘у гонар гарадоў-пабрацімаў’: г. *Клермон-Феран* (Францыя) → вул. *Клермон-Феран* (г. Гомель), г. *Бангалор* (Індыя) → плошча *Бангалор* (г. Мінск).

Фактар вядомасці ў міжвідавай аманіміі займае належнае месца: *Амерыка* (харонім, які ўключае найменні двух мацерыкоў – Паўночнай і Паўднёвай Амерыкі) → пп. *Амерыка* (Жл., перайменаваная затым у *Савецкі*, але захавалася як неафіцыйная назва, і зніклі п. у Рэч.), р. *Волга* → п. *Волга* (Рэч.), горны масіў *Каўказ* → п. *Каўказ* (Карм.), планета *Марс* → п. *Марс* (Лоеўск.), гара *Пальміра* → п. *Пальміра* (Х.); святы *Першае Мая* → п. *Першае Мая* (Рэч.), *Троіца* → в. *Троіца* (Шкл., Маг.); *Ільіч* (У.Ленін) → п. *Ільіч* (Гом.), *Калінін* (М.І.) → пп. *Калінін* (Ветк., Рэч.), *Нарыманаў* (Н.К.) → п. *Нарыманаў* (Х.), *Тэльман* (Э.) → в. *Тэльман* (Браг.), *Роза Люксембург* (дзеяч міжнароднага рабочага руху) → в. *Роза Люксембург* (Е.), *Папанін* (І.Д.) → п. *Папанін* (Гом.); этнонімы *мазуры* → в.

Мазуры (Е.), *маскалі* → в. *Маскалі* (Рэч.), *худзічы* → в. *Худзічы* (Браг.), *чэхі* → п. *Чэхі* (Нар.); назвы рускіх караблёў “*Громкі*”, “*Забіяка*”, “*Светлы*” → пп. *Громкі*, *Забіяка*, *Светлы* (зліліся з в. Краснае, Гом.). Пацверджанне нашай думкі мы знаходзім і ў тапаніміі іншых рэгіёнаў: р. *Днепр* → п. *Днепр* (Маг-і Маг.), р. *Добасна* → в. *Добасна*, бог мора *Няптун* → п. *Няптун* (Кір-і Маг.), г. *Піцер* (Санкт-Пецярбург) → в. *Піцер* (Клім. Маг.), р. *Прыпяць* → г. *Прыпяць* (Украіна).

Адной з прычын ўзнікнення міжвідавой аманіміі таксама з’яўляецца блізкае размяшчэнне геаграфічных аб’ектаў, звычайна населеных пунктаў паблізу рэк, рэчак: р. *Акішынка*, л. пр. Сажа → в. *Акішынка* (Ветк.), р. *Бесядзь*, л. пр. Сажа → в. *Бесядзь (Ветк.), р. *Ведрыч*, п. пр. Дняпра → в. *Ведрыч* (Рэч.), р. *Віць*, л. пр. Прыпяці → в. *Віць* (Х.), р. *Віша*, п. пр. Іпы → вв. *Віша* (К., Св.), р. *Востранка* → в. *Востранка* (Жытк.), р. *Днепрык*, л. пр. Ведрыча → п. *Днепрык* (Рэч.), р. *Жэрдзь*, п. пр. Беразіны → в. *Жэрдзь* (Св.), р. *Зябраўка*, пр. Уці → в. *Зябраўка* (Гом.), р. *Іпуць*, л. пр. Сажа → п. *Іпуць* (Гом.), руч. *Каравышань* → п. *Каравышань* (Гом.), р. *Ліпа*, п. пр. Сажа → в. *Ліпа* (Б.-К.), р. *Лохніца*, п. пр. Убарці → в. *Лохніца* (Лельч.), р. *Піціч*, л. пр. Прыпяці → в. *Піціч* (Петр.), р. *Ражава*, п. пр. Жалоні → в. *Ражава* (Нар.), р. Рэчыца, былы пр. Дняпра → г. *Рэчыца*, р. *Славечна*, п. пр. Прыпяці → в. *Славечна* (Е.), р. *Сож*, л. пр. Дняпра → п. *Сож* (Гом.), р. Трэмя, л. пр. Прыпяці → в. *Трэмя* (Петр.), р. *Уза*, п. пр. Сажа → вв. *Уза* (Б.-К., Гом.), р. *Уць*, л. пр. Сажа → в. *Уць* (Добр.), воз *Чырвонае* → п. *Чырво’нае* (Жытк.), р. *Чэргень*, л. пр. Славечны → в. *Чэргень* (Е.).

Адваротная з’ява, калі назвы населеных пунктаў ці іншых відаў онімаў пераносіцца на водныя аб’екты, непрадуктыўная: в. *Вішоўня* → бал. *Вішоўня* (варыянт Вішаўнянскія балоты), в. *Тарканы* → бал. *Тарканы* (варыянт Тарканоўскае) (К.). Адзначанае адносіцца і да мікратапонімаў: уроч-ы *Бабровае* → воз. *Бабровае*, *Баташы* → воз. *Баташы* (Петр.), *Валізоўка* → крын. *Валізоўка* (Е.), пакос *Каўпуста* → воз. *Каўпуста* (Нар.), ур. *Шырокае* → воз. *Шырокае* (Петр.).

Асобныя найменні ў сінхраніі маюць “скрытую” аманімію. Яе выявіць магчыма толькі ў этымалогіі, бо на сучасным этапе онімы або адрозніваюцца гучаннем, або “згубілі” сваю пару. Напрыклад, в. *Муціжар* (К., у старажытнасці *Муціжырь*) суадносілася з гідронімам *Мутежэрь*, левым прытокам Тур’і ў басейне Прыпяці, які быў зафіксаваны П.А. Маштаковым [8, с. 66-67], аднак назва воднага аб’екта не адзначаецца сучаснымі даведнікамі па тапаніміі і гідраніміі ў прыватнасці, таму, мяркуючы, што рэчка знікла. Працэс разыходжання форм тлумачацца тэрытарыяльнымі моўнымі асаблівасцямі.

Заклучэнне. Разгледжаны матэрыял дазваляе зрабіць выснову аб тым, што незалежна ад паходжання аднайменнасці ў тапаніміі – ці гэта вынік развіцця розных слоў, ці ўжыванне адных і тых жа адзінак для называння розных аб’ектаў, у тым ліку і перанясенне назваў у межах адной сістэмы або запазычанне з іншых – сінхранічна яна ўяўляе сабою адметны род аманіміі. Спецыфіка тапанімічнай аманіміі ў шырокім сэнсе абумоўлена тым, што аднолькавыя па гучанні найменні вызначаюцца не сапраўдным адрозненнем семантыкі іх першасных матывавальных асноў, а фактычнай іх замацаванасцю за рознымі аб’ектамі. Праніканне запазычаных тапонімаў у беларускую тапанімічную сістэму можа ажыццяўляцца і на вялікай адлегласці, утвараючы міжнацыянальную тапанімію. Як бачна з прыкладаў, перанос найменняў у тапаніміі адбываецца як паміж разнастайнымі відамі онімаў, якія складаюць анімичную прастору даследаванай тэрыторыі (антрапонімамі, гідронімамі, айконімамі, ідэонімамі, аронімамі, харонімамі, этнонімамі, мікратапонімамі), так і ўнутры асобных класаў.

Практычная значымасць праведзенага даследавання заключаецца ў магчымасці выкарыстання вынікаў падчас чытання вузаўскага курса па сучаснай беларускай мове (“Лексікалогіі”), пры правядзенні спецыяльных семінараў па праблемах беларускай анамастыкі, пры супастаўляльным вывучэнні сістэмных адносін агульных слоў і онімаў на практычных, семінарскіх занятках, у пазакласнай працы ў гуманітарных класах ліцэяў і гімназій. Разгледжаны фактычны матэрыял можна прымяніць ў лексікаграфічнай практыцы – пры складанні агульных і прыватных анамастычных слоўнікаў.

Спіс умоўных скарачэнняў

Афіц. – афіцыйная назва, бал. – балота, Браг. – Брагінскі раён, Б.-К. – Буда-Кашалёўскі раён, в. – вёска, вар. – варыянт, Ветк. – Веткаўскі раён, воз. – возера, вул. – вуліца, г. – горад, г.п. – гарадскі пасёлак, Гом. – Гомельскі раён, Е. – Ельскі раён, Жытк. – Жыткавіцкі раён, К. – Калінкавіцкі раён, кан. – канава, Карм. – Кармянскі раён, Кір-і Маг. – Кіраўскі раён Магілёўскай вобласці, Клім. Маг. – Клімаўскі раён Магілёўскай вобласці, коп. – копанка, Лельч. – Лельчыцкі раён, Лоеўск. – Лоеўскі

раён, Маг-і Маг. – Магілёўскі раён Магілёўскай вобласці, наз. – назоўнік, Нар. – Нараўлянскі раён, неафіц. – неафіцыйная назва, п. – пасёлак, Петр. – Петрыкаўскі раён, прысл. – прыслоўе, р. – рака, Рэч. – Рэчыцкі раён, Св. – Светлагорскі раён, чыг. ст. – чыгуначная станцыя, Шкл. Маг. – Шклоўскі раён Магілёўскай вобласці.

Літаратура

1. Багамольнікава, Н.А. Айканімія Гомельшчыны: Слоўнік / Н.А.Багамольнікава, А.А.Станкевіч; навук. рэд. В.П.Лемцюгова. – Гомель: УА “ГДУ імя Ф.Скарыны”, 2003. – 392 с.
2. Багамольнікава, Н.А. Гідронімы басейна ракі Прыпяць: структурна-семантычныя тыпы матывацыі: манаграфія / Н.А. Багамольнікава. – Гомель: ГДУ, 2004. – 195 с.
3. Багамольнікава, Н.А. Тапанімія Гомельшчыны: структурна-семантычная характарыстыка : манаграфія / Н.А. Багамольнікава; навук. рэд. А.А. Станкевіч; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель: “ГДУ імя Ф. Скарыны”, 2008. – 242 с.
4. Беларуская мова: Энцыклапедыя: Бел. Энцыкл. / пад рэд. А.Я.Міхневіча; рэдкал. Б.І.Сачанка (гал.рэд.) [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1994.
5. Беленькая, В.Д. Топонімы в составе лексической системы языка / В.Д. Беленькая. – М.: МГУ, 1969. – 166 с.
6. Беленькая, В.Д. Очерки англоязычной топонимики / В.Д. Беленькая. – М.: Высш. школа, 1977. – 227 с.
7. Гамеза, Л.М. Комплексны лексічны слоўнік беларускай мовы (сінонімы, антонімы, амонімы, паронімы) / Л.М. Гамеза. – Мінск: ТетраСистемс, 2008. – 304 с.
8. Казлова, Р.М. Старажытныя айконімы Палесся адантрапонімнага паходжання / Р.М. Казлова // Я блізка стаю да народа... Матэрыялы навуковых чытанняў, прысвечаных Еўдакіму Раманаву. – Гомель, 1993. – с. 68 - 71.
9. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии: науч. изд. / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
10. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
11. Цирульник, Л.И., Гецевич, Ю.С., Веремей, В.В. Проблема графической омонимии при синтезе русской и белорусской речи и статистические алгоритмы её решения // беларуская мова ў культурнай і моўнай прасторы Славii: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 24-25 лістапада 2009 г.) / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – С. 323 – 333.

Кніга У. Дубоўкі “Пялёсткі” як жанрава-стылёвы феномен

В.Ю. Бароўка

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

У артыкуле даследуюцца жанрава-стылёвыя асаблівасці кнігі У. Дубоўкі «Пялёсткі». Даказваецца, што жанр – гэта адзінства зместу, мастацкай структуры і ўспрымання, на аснове прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, феноменалагічнага і дэскрыптыўнага аналізу падрабязна характарызуюцца праблематыка і кампазіцыя твора. Сцвярджаецца, што «Пялёсткі» – кніга прозы, створаная паэтам, у якой аўтар выкарыстоўвае спавядальна-маналагічную форму апаведу, што дазваляе пісьменніку непасрэдна выказаць сваё ўласнае стаўленне да асветленых праблем і падзей. Звяртаецца ўвага на асацыятыўнасць мастацкіх вобразаў у кнізе «Пялёсткі», на сэнсавую мнагазначнасць вобраза пялёсткаў. Падкрэсліваецца эксперыментальны характар кнігі, яе сінтэтычная жанравая прырода. Акцэнтуюцца спалучэнне ў творы мемуарнага, навілістычнага, раманнага і апавесцевага пачаткаў, дакументальнага і мастацкага дыскурсаў. Адзначаецца арганічная сувязь стылёвых рыс кнігі «Пялёсткі» са стылем папярэдняй творчасці У. Дубоўкі.

Ключавыя словы: *проза, жанр, стыль, літаратурны працэс, мастацкі вобраз, паэтыка.*

The book «Petals» by U. Dubouka as genre and style phenomenon

V.Yu. Barouka

Educational establishment Vitebsk State University named after P.M. Masharov

In the article the genre and style peculiarities of the books «Petals» by U. Dubouka are under investigation. The author proves that genre is the unity of content, artistic structure and perception. On the basis of concrete-historical, phenomenological and description analysis the problem and the composition of the book are characterized in detail. It is stressed that “Petals” is a book of prose created by a poet, in which the author uses confessional monological form of presentation, which makes it possible for the author to represent his private position to the problems and events. Attention is paid to association of the artistic images in the poetic book «Petals», on the sense polyphony of the petals image. Experimental character of the book is singled out, its synthetic genre nature. Combination of memoir, novelistic and epic sources, documental and artistic discourses is stressed. Organic connection of the «Petals» book style peculiarities with the style peculiarities of the previous U. Dubouka’s works is noted.

Key words: *prose, genre, style, literary process, artistic image, poetics.*

Кніга «Пялёсткі» (1973) – адметны твор у мастацкай спадчыне таленавітага беларускага пісьменніка Уладзіміра Дубоўкі. У змястоўным плане гэта разважанне над лёсам чалавека ў зменлівых абставінах часу, у плане мастацкім – пошук прыёмаў адэкватнага ўзнаўлення зместу і шляхоў развіцця нацыянальнай пражытнай традыцыі. Айчынная літаратуразнаўства правамерна шмат увагі надавала вывучэнню паэтычнай спадчыны У. Дубоўкі, аднак проза пісьменніка і яго кніга «Пялёсткі» ў прыватнасці, за выключэннем аналітычных публікацый Д.Я. Бугаёва, на жаль, не атрымалі належнага навуковага разгляду. Выяўленне жанрава-стылёвай спецыфікі кнігі «Пялёсткі» паспрыяе ўдакладненню агульнапрынятых меркаванняў пра асаблівасці стылю пісьменніка, пра сувязь прозы У. Дубоўкі з нацыянальным літаратурным працэсам ХХ стагоддзя.

Матэрыял і метады даследавання. Матэрыялам для даследавання стала наватарская ў сваёй аснове кніга прозы У. Дубоўкі як удалы вопыт эпічнага асэнсавання прыватнага лёсу асобы на фоне эпохі аўтарам, што галоўным чынам пісаў паэтычныя творы. *Мэта* дадзенай работы заключаецца ў

вызначэнні на аснове прыёмаў канкрэтна-гістарычнага, феноменалагічнага і дэскрыптыўнага аналізу жанрава-стылёвай адметнасці кнігі «Пялёсткі» праз асэнсаванне праблематыкі і характарыстыку кампазіцыі. Канкрэтна-гістарычны метада дазваляе суаднесці твор з часам напісання, феноменалагічны – ацаніць пісьменніцкае бачанне свету, эстэтычныя вартасці твора, а дэскрыптыўны аналіз – глыбей выявіць адзінства зместу і формы ў літаратурным творы.

Вынікі і іх абмеркаванне. «Пялёсткі» – твор з навелістычнай кампазіцыяй, усе часткі якога аб'яднаны ў адно мастацкае цэлае асобай апавядальніка, чалавека сталага веку і багатага жыццёвага вопыту. Назва «Пялёсткі» – метафарычная. Кніга пачыналася з успаміну апавядальніка, у асобе якога лёгка ўгадваецца сам У. Дубоўка, пра ўбачаны ў маладыя гады малюнак у вітрыне аднаго з маскоўскіх антыкварных магазінаў, дзе каля восеньскай клумбы з кветкамі, што абсыпалі на дол пялёсткі, стаялі ў старамоднай вопратцы двое старых – Ён і Яна. Гэты малюнак нагадваў праходжым пра хуткаплыннасць чалавечага жыцця. У сталыя гады восенню апавядальнік у падмаскоўным парку звярнуў увагу на клумбу з апалымі пялёсткамі кветак. Жонка апавядальніка зазначыла, што яны разглядаюць на клумбе пялёсткі не кветак, а ўласнага жыцця. Дубоўка прыгадаў словы аднаго англічаніна, што ў кожным чалавечым сэрцы ёсць грязь, каменне і кветкі, а характар асобы абумоўліваецца тым, што пераважае ў яе сэрцы. Прыемней за ўсё назіраць за пялёсткамі, на думку апавядальніка, калі «кветкі сілкуюцца толькі ад шчырасці, ад чыстага сумлення» [1, с. 6]. Мікрасюжэт пра пялёсткі кветак – лейтматыў кнігі, ён надае змешчаным у кнізе гісторыям рысы алегарычнасці, філасафічнасці, звязвае асацыятыўнай сувяззю канкрэтнае з абагульненым.

Аповед такім чынам арганізуецца ў творы, што біяграфічны матэрыял становіцца дамінантным канструктыўным элементам. Аднак «Пялёсткі» – гэта не асабісты дзёнік, не мемуары, а паўнаватасны мастацкі твор, бо біяграфічна-дакументальны матэрыял канцэптуальна апрацоўваецца пісьменнікам. Л.Я. Гінзбург слухна заўважыла, што ў творах, заснаваных на рэальных падзеях, «абавязковая арганізацыя – адбор і творчае спалучэнне элементаў, якія адлюстраваны і пераствораны словам» [2, с. 10]. Са свайго жыцця апавядальнік вылучае найбольш важныя, на яго думку, падзеі, якія рэпрэзентуюць гістарычны час і народжаныя гэтым часам чалавечыя характары. Паводле вызначэння У. Дубоўкі, яго кніга складаецца з апавяданняў-ўспамінаў. Варта адзначыць, што кожнае апавяданне ў «Пялёстках» мае свой лакальны сюжэт, а ў адно ідэйна-эстэтычнае цэлае іх аб'ядноўвае асоба апавядальніка, сталага, мудрага, дасціпнага чалавека. Шматтэмнасць, шматпраблемнасць, шматгеройнасць, вялікі часавы ахоп матэрыялу (ад пачатку да другой паловы ХХ стагоддзя), шырокае кола адлюстраваных з'яў з цэнтрабежным макрасюжэтам жыццяпісу галоўнага героя дазваляюць сцвярджаць пра актыўную прысутнасць у «Пялёстках» раманага пачатку. Апісальнасць як дамінантная нарратыўная стратэгія, адсутнасць прыкметнай эвалюцыі характару героя набліжаюць кнігу да жанру аповесці, у прыватнасці, біяграфічнай аповесці.

Жанр як устойлівая мастацкая форма ўяўляе сабой адзінства зместу, структуры і ўспрымання. У жанравым змесце найперш вылучаюцца тэматыка і праблематыка. Жыццёвы матэрыял у «Пялёстках» біяграфічнага характару. У цэнтры кнігі знаходзяцца філасофская і маральна-этычная праблематыка: пытанні добра і зла («Як старадаўнія рымскія пісьменнікі гасцявалі ў нашых Агародніках», «Сустрэча з ліхімі людзьмі», «Як бывае на свеце»), адносіны паміж бацькамі і дзецьмі («Як бацька вучыў агонь распальваць», «З бацькам», «І той бацька, і другі бацька»), асвета, адукацыя, выхаванне («Мой першы працоўны дзень», «Што расце на жабінай скуры?», «Крамольная газета», «Першае заляцанне», «Добрая кніга дапамагла», «Як Марк Твэн дапамог цокаль фарбаваць»), лёс народных талентаў («Янук Біюцкі»), суадносіны эмацыянальнага і рацыянальнага, бескарыслінасці і выгады ў чалавечых дзеяннях («Бабуліна фісгармонія») і інш. Пэўнае месца адводзілася пісьменнікам і асэнсаванню сацыяльных супярэчнасцей у грамадстве («Пажар», «Пан і мужык»).

Пісьменнік шмат увагі адводзіў паказу быту і светаадчування людзей свайго часу. Ён быў далёкі ад сацыялагізаваанай спрощанасці ў асвятленні дарэвалюцыйнага жыцця суайчыннікаў, акцэнтаваў імкненне сваіх равеснікаў да набыцця ведаў, калі расказваў пра вучобу ў Мядзельскай школе: «Кожны марыў, каб пасля гэтае школы пайсці вучыцца далей. Ва ўсякім разе ўсім было добра вядома, што век непісьменных скончыўся. Усюды, куды не паткнешся, перавагу аддаюць пісьменным людзям» [1, с. 61]. Аўтар паэтызаваў паасобныя рысы чалавечага характару. Так, знаходлінасць прыўносілася пісьменнікам у апавяданні «Тры бульбіны – дзве стравы», дабрыня – у «Ветрыку», працавітасць, знаходлінасць і смеласць у «Сустрэча з ліхімі людзьмі», жыццёвая мудрасць і цярдлівасць – у «Яблыньках» і «Гартаванні цярдлівасці», дабрыня і неабходнасць узаемаразумення

паміж людзьмі – у апавяданнях «Як начаваў у Байкане», «Саратаўскі беларус», прыстойнасць – у «Хованках».

Структура «Пялёсткаў» угрунтавана на асацыятыўных сувязях мастацкай і пазамастацкай рэальнасці. Кампазіцыя кнігі метафарычна абазначана ў пачатку твора, яна нагадвае будову кветкі, дзе асобныя апавяданні-«пялёсткі» групуюцца вакол «сардэчка» – асобы апавядальніка. Асноўны прынцып эстэтычнай арганізацыі матэрыялу ў творы – рух памяці асобы. Успаміны пра дзяцінства і ранняе юнацтва ўключаюць шмат камічных сітуацый. Пры гэтым камічнае нярэдка суседнічае з трагічным і драматычным. У. Дубоўка падкрэслівае вялікую ролю выпадку ў яго жыцці. Письменнік перакананы, што толькі дзякуючы прыязнасці лёсу ён застаўся жыць. Апавяданне «Як мяне, маленькага, тапіць меліся» пачыналася з інтрыгуючай апавядальніцкай заўвагі: «Славу таму прароку Майсею ні па матчынай, ні па бацькавай лініі я радней не быў» [1, с. 7]. Справа ў тым, што «Майсей» у перакладзе са стараўрэйскай мовы азначае «выцягнены з вады». Біблійны Майсей «даў чалавецтву заветы Боскія, якія людзі вывучалі на памяць з малых гадоў, але якіх увогуле ніколі не прытрымліваліся» [1, с. 7]. Падстава для супастаўлення з Майсеям у апавядальніка з’явілася пасля таго, як малалетні старэйшы брат і яго сябры прыцягнулі ў хату вялікія начоўкі, каб утапіць у іх крыклівае немаўля. Жыццё малому выратавала маці. Паводле апавядальніка, эпізод з няўдалым утапленнем па-свойму сімвалічны: «Хоць мае будучыя сябры не здолелі ажыццявіць сваёй задумкі, але яны напручылі мне такую вандроўную долю: у сталым веку хвалі насілі мяне на сабе праз усю краіну» [1, с. 8].

Гумар – дамінантная стыльвая рыса аповеду, калі аўтар расказвае пра замах брата на яго жыццё («Як мяне, маленькага, тапіць меліся»), пра першую мянушку, якую атрымаў («Прышываны нос») з-за слядоў ад сякеры, пра першы літаратурны «ганарар» ў выглядзе нядзельнага матчынага грачанага бліна («Мой самы першы твор»), пра чаканне аднавяскоўцамі канца свету («Канец свету»). Дзяцінства стала для Дубоўкі часам адкрыцця многіх жыццёвых ісцін. Так, у апавяданні «Сапсаваны падарунак» письменнік прыгадвае сабраныя ім восенню ў маленстве грыбы, якія пасля знаходжання ў кішэні паліто няўрымслівага хлопчыка ператварыліся ў «нейкі кісель». Гэты выпадак падштурхнуў да вываду: «Трэба насцярожана аглядаць і радасць, ці не схаваны ў ёй часам слёзы...» [1, с. 12]. Кожная расказаная апавядальнікам гісторыя ў кнізе звычайна суправаджалася кароценькай дыдактычнай аўтарскай сентэнцыяй. Наяўнасць яе, як і лёгкая апавядальніцкая іронія набліжалі «Пялёсткі» да твораў дзіцячай літаратуры. Варта зазначыць, што змест расказаных гісторый і сама манера аповеду ў кнізе арыентаваны адначасова на ўспрыманне і дарослых, і дзяцей. Апавядальнік пастаянна звяртаўся да чытачоў, дзяліўся меркаваннямі па самых розных пытаннях. Напрыклад, у частцы «Як бывае на свеце», дзе гаворка ішла пра давер да чалавека, апавядальнік, падсумоўваючы гісторыі людзей, што прасілі дапамогі, заўважыў: «Цяжка распазнаць праўду, але прыходзіцца верыць людзям...» [1, с. 116].

Дзеля ажыўлення аповеду У. Дубоўка браў у якасці назваў некаторых апавяданняў трапныя народныя выслоўі тыпу: «Навучыўшыся здабыць – навучыся і спажыць», «Хто пытае, той не блудзіць», «За дурной галавой і нагам неспакой», «І смех, і грэх...». Часам назва апавядання дасціпна абыгрывалася письменнікам. Так, у «Лыжцы дзэгцю» аўтар звяртаецца да прыёму зваротнай этымалагізацыі, калі расказвае пра сябра дзіцячых гадоў: «Кажуць, што адна лыжка дзэгцю псеу бочку мёду. Не ведаю, не каштаваў такога мёду. Але што адна лыжка дзэгцю падняла хворага з ложка – бачыў на ўласныя вочы» [1, с. 65].

Кніга «Пялёсткі» мае адзнакі кальцавой кампазіцыі, яна заканчваецца раздзелам «Зімовыя браткі», у якім своеасабліва працягваецца размова пра месца прыгажосці ў жыцці, пра выпрабаванне чалавечага характару абставінамі. Апавядальнік расказвае пра выпадак, што здарыўся ў час Вялікай Айчыннай вайны, калі Дубоўка працаваў эканамістам у далёкай Сібіры, меў агарод, дзе садзіў гародніну і кветкі. Сябры любілі паласавацца свежай гароднінай, але капаць зямлю не дапамагалі, яны жылі адным днём: «А навошта нам? Мы заўтра, можа, адсюль паедзем...» [1, с. 164]. На клумбе ў гародчыку апавядальніка красавалі браткі, частку іх Дубоўка ўзяў на зіму ў памяшканне і клапатліва аберагаў ад холаду. Кухар, што напасіўся адпачыць у пакоі апавядальніка, замарозіў кветкі. Усім было шкада, што кветкі загінулі ды яшчэ ў канцы сакавіка: «Кожны шкадаваў аб сваім. А я – дык аб тым, што не стала каму вітаць мяне і ціхенька-ціхутка нагадваць мне песеньку, якую калісьці спявала маці... Гэта ж яны, мае кветкі, падавалі сваімі пялёстачкамі гукі ўцехі, надзеі, наступнай радасці і, з’яднаўшыся з галасамі кветак майго сэрца, стваралі такую чароўную мелодыю...» [1, с. 165]. Кветкі, загубленыя марозам, выступаюць увасабленнем прыгажосці, дабрыні, святла, разам з тым іх вобраз

выклікае асацыятыўную паралель з лёсам суайчыннікаў аўтара, не ўсе з якіх ацалелі на скразняках драматычнай гісторыі XX стагоддзя.

У. Дубоўка па-мастацку «перастварыў» факты ўласнага жыцця. Некаторыя з іх (трагікамічныя гісторыі пра няўдалае тапельства, пра канец свету) згадваліся яшчэ ў дакументальным «Маім жыццяпісе» [3]. У час напісання «Пялёсткаў» перад пісьменнікам стаяла дастаткова складаная задача, абумоўленая тым, што «падзеі яму дадзены, і ён павінен раскрыць у іх латэнтную энергію гістарычных, філасофскіх, псіхалагічных абагульненняў, тым самым ператварыць іх у знакі гэтых абагульненняў» [2, с. 11]. Аўтар пракладваў дарогу ад факта да яго значэння, у выніку чаго факт становіўся формай увасаблення пісьменніцкай думкі пра пэўную жыццёвую з’яву. Уладзімір Дубоўка ўмела раскрываў праз канкрэтнае і адзінкавае заканамернае, валодаў неаспрэчнай здольнасцю бачыць у асабіста-індывідуальным агульназначнае. Цяжка не пагадзіцца з меркаваннямі знакамітага навукоўцы М.М. Бахціна наконт таго, што кожны творца «больш за ўсё» «раскрываецца ў лепшых карцінах» [4, с. 363]. Асоба Дубоўкі-пісьменніка раскрывалася ў праблематыцы твораў, выбары героя, у манеры аповеду, якой былі ўласцівы спалучэнне гумару, дыдактычнасці, псіхалагізму, філасафічнасці, зварот да самаіроніі, сінтэз эмпірычнага і адцягненага.

Беларуская проза з другой паловы 1950-х гадоў вялікую ўвагу надавала чалавеку як індывідуальнасці, значнае месца ў творчасці пісьменнікаў заняло даследаванне гістарычных і нацыянальных каранёў, этычнага патэнцыялу асобы, у якасці аднаго з асноватворных кампазіцыйных прыёмаў пісьменнікі абралі матыў памяці. «Пялёсткі» У. Дубоўкі былі вытрыманы ў змястоўна-мастацкім рэчышчы менавіта такога напрамку развіцця айчыннай прозы.

Заклучэнне. Мастацкі эксперымент з’яўляўся характэрнай рысай аўтарскай манеры Дубоўкі. Яна заявіла пра сябе яшчэ ў 1920-я гады ў вершах і паэмнай трылогіі, а потым нязменна вытрымлівалася ў далейшай пісьменніцкай дзейнасці. «Пялёсткі» – эксперыментальны твор, стылёва іманентны пісьменніку. Разам з тым «Пялёсткі» прынцыпова адрозніваюцца ад аўтабіяграфічных аповесцей «У дрымучых лясах» Змітрака Бядулі, «Шлях з цемры» Янкі Маўра, дзе жыццёвы шлях творчай асобы паказваецца на фоне сацыяльных абставін. Сацыяльна-гістарычны фон – другасны, а не першасны ў кнізе Уладзіміра Дубоўкі. Апісальныя па стылі «Пялёсткі» насычаны тонкімі назіраннямі пісьменніка над бытавымі сітуацыямі і чалавечымі характарамі. Гэта кніга прозы, створаная паэтам, таму аўтар выкарыстоўвае спавядальна-маналагічную форму аповеду, якая дазваляе яму непасрэдна выказаць сваё асабістае стаўленне да асветленых праблем і падзей. У кнізе арганічна спалучаюцца мастацкае народа- і чалавеказнаўства, гумарыстычная і дыдактычная падсветкі з прыёмамі прамога і ўскоснага псіхалагізму, элементы мемуарнага і раманнага жанраў. Выбарам сродкаў увасаблення праблематыкі, арганізацыяй аповеду У. Дубоўка акцэнтаваў запатрабаванасць пошукавага пачатку ў пісьменніцкай працы.

ЛІТАРАТУРА

1. *Дубоўка, У.* Пялёсткі : апавяданні-ўспаміны / У. Дубоўка. – Мінск : Маст. літ., 1973. – 168 с.
2. *Гинзбург, Л.Я.* О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – 2-е изд. – Л.: Худож. лит., 1976. – 448 с.
3. *Дубоўка, У.* Мой жыццяпіс / У. Дубоўка // Пяцьдзесят чатыры дарогі: аўтабіяграфіі беларус. пісьменнікаў. – Мінск : Дзяржвыд, 1963. – С. 189–207.
4. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРА

Бароўка Ванда Юльянаўна, кандыдат філал. навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры УА “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”.

Дамашні адрас: 210009, Віцебск, вул. Чырвонафлацкая, 4-89. Тэл.: 8 0212 24 73 89; + 37529 7104629.

Адрас для карэспандэнцыі – e-mail: dvkessibar@mail.ru

Корреляции между составом персонажей и иллокутивной структурой их коммуникативных партий (на материале повестей Г. Щербаковой и Л. Улицкой»

Е.А. Kazankova

Белорусский государственный университет

В статье показано, что в художественной прозе малых форм объём речевой партии персонажа определяется его "сюжетной" или "идейной" активностью в произведении, а объём коммуникативной партии "сюжетно активного" героя зависит от количества действующих лиц в повести. Особое внимание уделено принципам анализа речевых актов, релевантного как для обыденного общения, так и для художественной прозы; названы лексико-грамматические маркеры обязательных и факультативных иллокуций высказывания. Установлено доминирование информативной и побудительной функций во всех исследуемых произведениях. Исследованы речевые акты с факультативной иллокуцией высказывания, а также количественные различия в представленности того или иного вида речевого акта в произведениях с разными типами повествования. Выявлено, что в речевой партии экспрессивные, метаязыковые, фатические и эстетические речевые акты служат целям характерологической индивидуализации персонажей, а своеобразие иллокутивной структуры коммуникативных партий персонажей обусловлено особенностями отображаемой реальности.

Ключевые слова: коммуникативная партия, повествование от 1-го лица, повествование от 3-го лица, прямая речь, речевой акт.

Correlations between the characters and illocution structure of their communicative parties (on the material of G.Shcherbakova's and L.Ulitskaya's stories)

E.A. Kazankova

Belarusian State University

The article shows that in the fiction of small form the volume of communicative party of the character is determined by its "story" or "ideological" activity in the story and the volume of communicative party of "the plot active hero" depends on the number of actors in the story. Particular attention is paid to the principles of analysis of speech acts, relevant both for everyday communication and for fiction; the lexical and grammatical markers of obligatory and optional illocution statements are named. The dominance of informative and motivating features in all the studied stories is established. Speech acts with an optional illocution statements, as well as quantitative differences in the representation of a particular type of speech act in the works with different types of narrative are investigated. It is revealed that in the communicative party expressive, metalinguistic, fatic and aesthetic speech acts serve

to characterlogical individualizing characters, and the peculiarity of the illocution structure of communicative parties of characters due to the peculiarities of the represented reality.

Keywords: *communicative party, narration from the 1-st person, narration from the 3-rd person, direct speech, speech act.*

Для современного этапа лингвистических исследований существенным является разноаспектное внимание к процессам общения. Исследование коммуникации персонажей в художественном тексте может происходить в одном из следующих аспектов: 1) лингвистическом или 2) лингвопрагматическом. Лингвистический аспект исследования коммуникации в художественном произведении определяется разнообразием лексико-фразеологического состава речи персонажей. Лексико-фразеологический состав речи формирует языковой образ персонажей [см. 1]. По мысли В.В. Виноградова, в художественном тексте «взаимоотношения разных общественных групп отражаются в экспрессивных оттенках, облекающих соответствующий круг слов и выражений» [2 с.176]. Лингвопрагматический аспект изучения коммуникации в художественном произведении заключается в изучении состава речевых актов (далее – РА) в речах героев, поскольку именно такой подход позволяет выявить коммуникативные приоритеты в речи разных героев. Речевые акты (коммуникативные действия), представленные в прямой речи героев, значимы для создания образов изображаемых людей, однако эта значимость иная, чем роль средств этнического языка [см. 3], [см. 4]. Если языковой портрет героя (создаваемый средствами этнического языка) прочитывается как анкета с данными об этноязыковой принадлежности человека, его социальном положении, уровне образования и профессии, то в коммуникативном поведении (представленном в совокупности РА персонажа, составляющих его прямую речь) раскрывается характер человека, его взаимоотношения с людьми (другими героями) и его место в представленной в произведении парадигме характеров. В.П. Руднев полагает, что характеры героев следует изучать на основе их речевых действий и представляет речевые портреты персонажей "Вини Пуха", связанные с их характерологией [5, с.20—24]. Несмотря на разностороннее изучение процессов общения в художественном тексте, без внимания исследователей остались некоторые частные вопросы, например: какие РА представлены в речах разных (главных и второстепенных) персонажей, как соотносятся состав персонажей и иллокутивная структура их коммуникативных партий¹.

Цель данного исследования состоит в выявлении корреляций между составом персонажей и иллокутивной структурой их коммуникативных партий.

Материал и методы исследования. Настоящее исследование выполнено на материале диалогической речи, представленной в художественных прозаических произведениях. Материал исследования составили два произведения близкого рода и жанра (а именно, жанр современной психологической повести): повесть "Косточка авокадо" (2005) Галины Щербаковой [6] и повесть "Веселые похороны" (2005) Людмилы Улицкой [7]. Указанные произведения написаны в двух повествовательных манерах — от 1-го лица (Г. Щербакова), от 3-го лица (Л. Улицкая). Рассматриваемые повести различаются по признаку "субъективность / объективность". Субъективный характер повествования имеет повесть, написанная от 1-го лица, тогда как для произведения от 3-го лица характерна объективность в изложении событий.

---

¹В синтагматическом плане коммуникативная партия персонажа является корпусом его высказываний (РА), представленным в той последовательности, в какой высказывания произносятся по ходу развертывания сюжета произведения. Синтагматический аспект коммуникативной партии позволяет увидеть тематическую связность речи персонажа с его предшествующими речами (высказываниями), а также с речами других персонажей. В аспекте парадигматики коммуникативная партия персонажа предстает как некоторое множество РА. Парадигматический аспект показывает своеобразие коммуникативного поведения персонажа, отличия от речевого портрета других персонажей.

Предлагаемая классификация речевых актов опирается на работу Р.О. Якобсона о функциях языка / речи [8], в которой их выделено шесть. Виды речевых актов соответствуют функциям языка / речи, но вместе с тем учитываются ставшие популярными термины и дефиниции Дж. Остина [9] и Дж. Сёрля [10]. В настоящем исследовании был использован симбиоз двух указанных концепций, поскольку данная классификация РА позволяет оценить функциональные возможности семиотики художественного произведения.

В данном исследовании классификация речевых актов имеет следующий вид: 1) информативы (сообщение информации): *Здесь климат такой, здесь пьянства нет, есть алкоголизм.* [7, с.344]; 2) побуждения (к действию и к ответу, т.е. вопросительные РА): *Веди своего попа* [7, с.291], *А ты любишь Россию?* [7, с.342]; 3) экспрессивы (выражение эмоционального состояния или эмоциональной оценки)²: *Да нет уж!*³ [6, с.30]; 4) фатические и этикетные речевые акты⁴: *Здрасьте!* [6, с.45]; 5) метаязыковые речевые акты⁵; 6) речевые акты, в которых реализуется эстетическая (поэтическая) функция речи⁶, что часто связано с феноменом языковой игры или шутки: *Нинка, ты стала как корзинка. Для змей* [7, с.277].

Исходя из сосюрховской оппозиции "язык – речь", А.А. Леонтьев полагал, что существуют «такие функции языка, которые проявляются в любом речевом акте и такие, которые являются факультативными» [11, с.101]. Вслед за исследователем, мы рассматриваем информативы и побуждения в качестве обязательных / базовых (языковых) иллокуций, а экспрессивы, фатические, метаязыковые и эстетические РА квалифицируются как факультативные (речевые) иллокуции высказывания.

Результаты и их обсуждение. В художественном произведении речь персонажей может сильно отличаться в количественном отношении, например: иногда второстепенные персонажи говорят больше главных героев. Причины авторских решений в каждом случае могут быть разными.

---

²В художественной прозе большинство экспрессивов выступают в качестве дополнительной иллокуции, сопровождающей информативы и побуждения, поэтому удельный вес эмоционально-экспрессивной компоненты в речи героев превосходит количество чистых (собственно) экспрессивов. В чистом виде экспрессивы часто проявляются в виде междометий. Взятые вне контекста, такие высказывания не позволяют понять, о чем идет речь или к чему побуждает говорящий. Слова Алика *Нет слов. Просто нет слов* [7, с.321] в повести стоят в окружении, которое все объясняет: речь идет о запоздалом его гонораре, переданном адвокатом.

³В ходе исследования в тексте двух повестей были выделены коммуникативные партии основных персонажей. В каждой партии была проведена квалификация всех РА в терминах, представленных выше, и определен объем каждого иллокутивного класса РА, что позволило выявить объем коммуникативной партии каждого персонажа и иерархию классов РА в коммуникативных партиях героев.

⁴Язык выступает в фатической, или контактоустанавливающей функции, если целью конкретного коммуникативного акта является установление контакта между его участниками. Фатическая функция направлена также на поддержание или прекращение контакта. Диапазон реализации фатической функции в естественном языке достаточно широк: от приветствий до дежурных разговоров о погоде.

⁵В настоящем исследовании в качестве метаязыковых РА выступают разнообразные переспросы, уточнения и комментарии, направленные на то, чтобы «пояснить характер использования кода» [12, с.14]. Ярким примером проявления метаязыковой функции речи является отрывок из диалога Тишорт, не достаточно хорошо владеющей русским языком, и ее матери Ирины, родом из СССР: [Т и ш о р т :] – *Знаешь что, давай в Россию съездим. – Тишорт отодвинулась, освобождая Ирине место. [И р и н а :] – Я уже и сама об этом думала. Поедем, обязательно поедем, только вот немного устаканится. [Т и ш о р т :] – У – что? Как ты сказала? [И р и н а :] – Устаканится, ну, придет в порядок, что ли...* [7, с.382]. В этом диалоге две последние реплики содержат метаязыковую иллокуцию.

⁶В настоящем исследовании к эстетическим РА относятся высказывания, в которых особый интерес говорящего уделяется "сообщению ради сообщения", когда говорящий замечает эстетическую ценность слова: *Мало проку от этой красоты* [7, с.285].

В таблице 1 представлено количество РА в коммуникативных партиях основных персонажей в исследуемых повестях и процент по отношению к общему количеству РА в произведении.

Таблица 1 – Количество РА в коммуникативных партиях персонажей, их процент по отношению к общему объему речевых актов в повести

Автор	Персонажи	Количество речевых актов в коммуникативной партии персонажа и их процент по отношению к общему количеству речевых актов в повести	Общее количество речевых актов в повести
Щербакова	героиня-рассказчица	95 (34,5%)	275 (100%)
	Женя	62 (22,5%)	
	Ася	39 (14,2%)	
	другие герои	79 (28,8%)	
Улицкая	Алик	313 (26,2%)	1196 (100%)
	Нина	149 (12,5%)	
	отец Виктор	107 (8,9%)	
	раввин	73 (6,1%)	
	Валентина	71 (5,9%)	
	Марья Игнатьевна	71 (5,9%)	
	Ирина	69 (5,8%)	
	Тишорт	58 (4,9%)	
	другие герои	285 (23,8%)	

Как можно судить по табличным данным, в исследуемых повестях значимость героев в произведении и относительный объем коммуникативных партий положительно коррелируют между собой и образуют градацию: "сюжетно активные" герои всегда говорят больше "идейно активных" персонажей, а объем речи каждого второстепенного героя определяется его вовлеченностью в действие, а также спецификой развития сюжета в повествовании⁷.

Повесть Г. Щербаковой представляет собой "психологическую нарратацию", в которой описываются воспоминания героини-рассказчицы (переданные в форме внутреннего монолога) с добавлением рассказа о произошедших событиях, в том числе и прямой речи других действующих лиц. Большие объемы общения персонажей переданы в форме косвенной речи и простого упоминания о факте разговора или намеков на речь. Рассказчица описывает только те события, участницей или свидетельницей которых она являлась. В повести она является самым "сюжетно активным" персонажем: она решает проблемы своей подруги Аси, а также чужих ей людей. Именно поэтому в повести героиня-рассказчица говорит больше других героев (объем ее коммуникативной партии в речевой структуре повести составляет 1/3 от общего количества реплик). Женя (второй по значимости персонаж), напротив, представляет собой "идейно активного" персонажа: на протяжении всей истории она отстаивает свое право на комнату в квартире Аси. Поэтому она говорит меньше, чем героиня-рассказчица, от лица которой идет повествование. Значительный объем прямой речи Жени, составляющего практически 1/4 от всего

⁷Далее различия в объеме коммуникативных партий персонажей объясняются с учетом особенностей повествовательной формы в конкретном произведении, поскольку своеобразие диалога во многом обусловлено повествованием.

числа реплик, связан с тем, что в повести она вовлечена в действие больше Аси, которая фигурирует только в отдельных эпизодах.

В повести Л. Улицкой "Веселые похороны" главным (и самым "сюжетно активным") героем, вокруг которого развивается интрига, является художник Алик, эмигрировавший из СССР в США, хороший, талантливый и легкий человек, к которому очень хорошо относятся все герои повести. Вполне закономерно, что он говорит больше других героев (объем его коммуникативной партии составляет чуть больше четверти от всего объема коммуникативной партитуры повести). Если в произведении Алик показан в эпизодах, связанных с его прошлым, то о прошлом его жены Нины говорится в отдельных эпизодах. В повествовании действие разворачивается в течение трех дней до смерти Алика, все это время его жена находится рядом с ним. Поэтому объем речевой партии Нины больше, чем удельный вес речей остальных героев. Эпизоды с участием отца Виктора и раввина относятся ко времени повествования. Эти герои представляют две идейные позиции, связанные с разными вероисповеданиями. В силу своей "идейной активности" они говорят больше двух любящих Алика женщин Валентины и Ирины. Эпизоды с участием этих героинь "панорамно" представлены в развитии сюжета и относятся к прошлому главного героя. Народная целительница Марья Игнатьевна (второстепенный персонаж) в коммуникацию вступает только в одном эпизоде, поэтому говорит она немного.

В условиях естественного непринужденного общения речевое поведение людей определяет коммуникативный тип личности. В художественном произведении своеобразие коммуникативной партии персонажа создает его неповторимый речевой портрет (т.е. определяет коммуникативный образ героя) и служит его характерологии. Несходства в коммуникативной структуре партий разных персонажей бывают очень значительны в силу как особенностей характеров литературных героев, так и – в еще большей степени – в силу разнообразия авторских манер изображения коммуникации. В коммуникативных партиях персонажей иерархия РА представлена в художественно преобразованном виде и связана со спецификой художественного образа (характера) действующего лица.

В таблице 2 представлено соотношение объемов основных функциональных (иллюктивных) групп РА в коммуникативных партиях персонажей в рассматриваемых повестях.

Таблица 2 — Процентное соотношение объемов основных функциональных (иллокутивных) групп речевых актов в коммуникативных партиях героев

Автор	Персонажи	Общее число речевых актов в партии героя	Информативы	Побуждения	Экспрессивы	Фатические речевые акты	Метаязыковые речевые акты	Эстетические речевые акты
Щербакова	героиня-рассказчица	95 (100%)	48,4 (I)	28,4 (II)	20 (III)	1 (VI)	2,2 (IV)	1,5 (V)
	Женя	62 (100%)	53,2 (I)	24,2 (II)	19,4 (III)	3,2 (IV)	-	-
	Ася	39 (100%)	79,5 (I)	7,7 (III)	12,8 (II)	-	-	-
	другие герои (в целом)	79 (100%)	53,1 (I)	21 (II/III)	21 (II/III)	3,7 (IV)	-	-
	Итого:	275 (100%)	54,6 (I)	22,6 (II)	19,4 (III)	2,3 (IV)	0,7 (V)	1,2 (VII)
Улицкая	Алик	313 (100%)	51,1 (I)	19,8 (III)	20,1 (II)	1,6 (IV/V)	1,6 (IV/V)	5,8 (VI)
	Нина	149 (100%)	51 (I)	27,5 (II)	18,8 (III)	0,7 (V/VI)	1,3 (IV)	0,7 (V/VI)
	отец Виктор	107 (100%)	73,1 (I)	10,3 (III)	13,2 (II)	0,9 (V/VI)	2 (IV)	0,9 (V/VI)
	раввин	73 (100%)	72,6 (I)	9,6 (II/III)	6,8 (IV)	1,4 (V)	9,6 (II/III)	-
	Валентина	71 (100%)	40,9 (I)	33,8 (II)	15,5 (III)	2,8 (V/VI)	4,2 (IV)	2,8 (V/VI)
	Марья Игнатъевна	71 (100%)	62 (I)	14,1 (III)	23,9 (II)	-	-	-
	Ирина	69 (100%)	60,9 (I)	20,2 (II)	15,9 (III)	1,5 (IV/V)	1,5 (IV/V)	-
	Тишорт	58 (100%)	39,7 (I)	32,8 (II)	20,7 (III)	-	6,9 (IV)	-
	другие герои (в целом)	285 (100%)	45,3 (I)	25,5 (II)	23 (III)	2,7 (V)	3 (IV)	0,5 (VI)
	Итого:	1196 (100%)	52,8 (I)	22,2 (II)	19,1 (III)	1,6 (VI)	2,3 (IV)	2 (V)

Таблица показывает, что в коммуникативных партиях героев представлено разное количество функциональных видов РА и в неодинаковых пропорциях, что вызвано художественной необходимостью. Чем меньше значимость героя в произведении (т.е. является ли он главным или второстепенным), тем менее разнообразен репертуар функциональных видов РА в его коммуникативной партии. Кроме того, на представленность определенных видов РА влияет и специфика сюжета: в повести Г. Щербаковой, в которой действие развивается между участниками "любовного треугольника", минимально представлены эстетические РА, которые часто связаны с феноменом языковой игры или шутки.

Как можно видеть по табличным данным, в коммуникативных партитурах количественная иерархия обязательных / языковых (информативной и побудительной) функций соответствует их иерархии и частотности реализации в обычном общении: всюду в итоговых строках информативы и побуждения занимают первое и второе места. Можно также констатировать регулярную представленность класса экспрессивов во двух произведениях, хотя для рассматриваемых повестей характерен разный удельный вес этого вида РА. Значительный удельный вес экспрессивных РА в коммуникативных партитурах свидетельствует о доминировании в речи персонажей двух современных повестей разговорного элемента, благодаря чему реплики героев литературного произведения приобретают сходства со звучащей речью. Наблюдаемые в таблице сходства между произведениями в количественной представленности некоторых видов РА (информативов, побуждений и экспрессивов) позволяют охарактеризовать их как "коммуникативный инвариант" прямой речи в коммуникативных партитурах произведений.

В коммуникативных партиях персонажей различия в удельном весе побудительных и экспрессивных РА значимы для психологической и коммуникативной характеристики персонажей. Преобладание экспрессивов над побуждениями обусловлены тем, что в подавляющем большинстве случаев экспрессивы представлены в качестве дополнительной иллюции высказывания, которая накладывается на основную (информативную или побудительную) иллюцию, например: *Все дело в этом!* [7, с.280]; *Это же Булгаков!* [6, с.14]. В рассмотренных произведениях экспрессивные, фатические и метаязыковые РА, а также эстетические РА представлены неравномерно. Несмотря на факультативность проявления РА с иллюцией фатической, метаязыковой и эстетической, эти РА имеют большое значение для характерологии коммуникативных образов героев.

Экспрессивы придают речи героев разговорную тональность и характеризуют их как непринужденных и естественных собеседников. В повести Г. Щербаковой речевое поведение трех героинь обладает высокой экспрессивностью. Возможно, это связано с гендерным фактором: речь женщин характеризуется большей эмоциональностью, чем коммуникативное поведение мужчин. Примечательно, что в повести Л. Улицкой самым эмоциональным является главный герой Алик: в его коммуникативной партии экспрессивные РА находятся на втором месте, тогда как в речах большинства персонажей (в основном женщин) такая информация занимает третий ранг. Вероятно, любвеобильный Алик потому и нравился женщинам, что в его речи часто присутствовали слова с уменьшительно-ласкательными аффиксами, повышающие экспрессивность его высказываний, ср.: *Всех их он звал зайками и кисками* [7, с.289]. В речи раввина количество экспрессивов значительно меньше, чем в речи отца Виктора, которому *"почти все женщины нравятся"*.

Для вербального поведения героев художественного произведения метаязыковая рефлексия является достаточно редким явлением. Конкретные условия, в которых персонажи употребляют "речевые комментарии к речи", непосредственно связаны с особенностями развития сюжета. В повести Л. Улицкой в коммуникативной партии раввина метаязыковые РА оказываются очень важными. Если сравнить своеобразие коммуникативных партий двух священников, то в отличие от довольно экспрессивной речи отца Виктора, в речевом поведении раввина часто присутствуют метаязыковые РА (объем метаязыковых РА в его речи составляет 9,6%). Вероятно, это связано с

"ученостью" раввина. Можно утверждать, что коммуникативный образ этого героя характеризуется наибольшим вниманием к собеседнику. Следовательно, раввин является наиболее тактичным к собеседникам во время разговора, что может быть обусловлено характером образования или религией, которой он придерживается. Вполне понятно, почему Тишорт часто употребляет в своей речи метаязыковые РА (объем метаязыковых РА в ее речевой партии составляет 6,9%). Она плохо владеет русским языком, поскольку выросла в Америке и часто спрашивает, что значит то или иное слово.

Фатические РА показывают коммуникативную неловкость персонажа или придают речи подчеркнuto этикетный характер. Те фатические РА, которые попали в коммуникативное пространство исследуемых произведений, представляют собой интересные случаи. В "Веселых похоронах" к умирающему Алику приводят "правильного" раввина, специалиста по "иудео-исламской культуре времен халифата", недавно приехавшего с лекциями из Израиля в Америку. Как показывает автор, ученость раввина, как и его "ортодоксальная" семья (в которой вскоре должен родиться десятый ребенок), были своего рода уходом от слишком непредсказуемого окружающего мира. Когда его ввели в комнату к Алику, первыми словами раввина были: — *Do you speak English, don't you? — I do, — улыбнулся Алик и подмигнул Нине* [7, с.313]. В приведенной сцене реплика раввина служит фатическим преддверием разговора. Нелепость вопроса раввина вызывает у Алика улыбку, а автору фраза нужна как раз для того, чтобы читатель увидел, как далек от обычной жизни ограниченный своей ученостью раввин.

Эстетическое отношение человека к речи в реальной коммуникации (включая языковую игру) является вполне наблюдаемой реальностью, но в коммуникации героев художественного произведения ее проявления не так регулярны, как, например, побуждения или вопросы. Из рассмотренных повестей только в речи главного героя повести Л. Улицкой представлено значительное количество эстетических РА, которые наиболее ярко характеризуют коммуникативный образ данного героя. В "Веселых похоронах" в коммуникативной партии Алика РА с эстетической функцией составляют почти 5,8%, в то время как в речи четырех персонажей эта функция не представлена, а у остальных колеблется от 0,7% до 2,8 % от всех РА: *Алик любил всякие шутки и второсортным тоже улыбался* [7, с.285]. Умирающий Алик от своей первой в повести реплики до предсмертной магнитофонной записи шутит, играет значениями, говорит в рифму, каламбурит и при этом сохраняет способность улыбнуться чужой шутке. Речевой юмор Алика естествен и является неотъемлемой чертой его сознания: *Он сказал очень тихо: — Умру прелюбодеем...* [7, с.328]. Никогда не обделенный женским вниманием умирающий Алик не воспринимает свою болезнь и смерть как что-то трагическое, а сохраняет чувство юмора и шутит над своей болезнью.

Заключение. В проанализированных повестях объем речевой партии персонажа определяется его "сюжетной" или "идейной" активностью в произведении, а объем коммуникативной партии "сюжетно активного" героя зависит от количества действующих лиц в повести. Чем меньше в повести действующих лиц, тем больше объем речевой партии героя. Разнообразие репертуара РА в коммуникативной партии персонажа определяется его значимостью в произведении, а также особенностями развития сюжетной линии и субъективностью / объективностью повествования. В коммуникативных партиях действующих лиц редуцируются, в том числе до нуля, полупустые (полуинформативные) для художественной коммуникации РА.

В коммуникативных партиях действующих лиц доминируют обязательные (информативная и побудительная) функции. Высокая употребительность экспрессивов в речевой партии действующих лиц объясняется гендерным фактором, социальным статусом героя, фактором наличия / отсутствия образования. В коммуникативных партиях героев фатические РА показывают трудность установления или поддержания контакта, коммуникативную неловкость персонажей и в силу своей сюжетной мотивированности придают их речи подчеркнuto-этикетный характер. Склонность героев к метаязыковой рефлексии связана с повышенной активностью интеллекта, а

также их желанием быть тактичным по отношению к собеседнику. Стремление героев к языковой игре вызвано тем, что юмор является неотъемлемой частью их сознания, а внимание персонажей к сообщению ради самого сообщения обусловлено родом их деятельности. В речевой партии экспрессивные, метаязыковые, фатические и эстетические РА служат целям характерологической индивидуализации персонажей, а своеобразие иллокутивной структуры коммуникативных партий персонажей обусловлено особенностями отображаемой реальности (своеобразием их характеров, особенностями развития сюжета и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Bürling, C. Die direkte Rede als Mittel der Personengestaltung in den Íslendingasögur / C. Bürling. – Frankfurt/a/M.: Peter Lang, 1983. – 240 S.
2. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. – 656 с.
3. Pratt, M.L. Towards a Speech Act Theory of Literary Discourse / M.L. Pratt. – Bloomington: Indiana University Press, 1977. – 236 p.
4. Miller, J.H. Speech Acts in Literature / J.H. Miller. – Stanford California: Stanford University Press, 2001. – 238 p.
5. Руднев, В.П. Морфология реальности: Исследования по "философии текста" [1995] / В.П. Руднев. – М.: Гнозис, 1996. – 207 с.
6. Щербакова, Г. Косточка авокадо / Г. Щербакова // Косточка авокадо: повести и рассказы / Г. Щербакова. – М., 2005. – С. 5—48.
7. Улицкая, Л. Веселые похороны / Л. Улицкая // Бедные, злые, любимые: повести, рассказы / Л. Улицкая. – М., 2005. – С. 277—382.
8. Якобсон, Р.[О.] Лингвистика и поэтика [1960] / Р.[О.] Якобсон // Структурализм: "за" и "против": сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.
9. Остин, Дж.Л. Слово как действие [1962] / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике / Прогресс. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–129.
10. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов [1976] / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике / Прогресс. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 170–194.
11. Леонтьев, А.А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты / А.А. Леонтьев // Язык и общество / под ред. Ф.П. Филина. – М., 1968. – С. 99 – 110.
12. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – М.: АспектПресс, 1996. – 207 с.

Сведения об авторе:

Екатерина Алексеевна Казанкова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германских языков БГУ (Минск)

Домашний адрес и адрес для корреспонденции:

220002 г. Минск ул. Крапоткина 51 – 1109
моб. тел. (велком) 8-029-3295773
e-mail: k.kazankowa@gmail.com

Способ описания и систематизации лексики со значением речевой каузации в старославянском языке

С.С. Хоронеко

Белорусский государственный экономический университет

Впервые рассматриваются метаязыковые глагольные конструкции, выступающие в качестве неоднословных средств номинации процесса передачи информации, и представляются в виде класса глагольно-именных синтагм. В глагольно-именных синтагмах ведущую семантическую роль выполняют метаязыковые лексемы.

Ключевые слова: *глагольно-именные синтагмы, метаязыковые лексемы.*

Method of description and systematization of the vocabulary with the meaning of speech causation in Old Church Slavonic

S.S. Horoneko

Belarusian State Economic University

For the first time metalinguistic verbal constructions performing as multi-word nomination means of information transfer are being considered and presented in the form of a class of verbal nominative syntagms. Metalinguistic lexemes perform the leading semantic role in verbal nominative syntagms.

Key words: *verbal-nominal syntagm, metalinguistic lexemes.*

Старославянский язык в течение столетий был главным фактором в развитии языковой ситуации Slavia Orthodoxa, сакрализации языковых явлений, закладывая и передавая традиции славянских текстов.

Глагольная лексика со значением вербальной передачи информации относится к основе словарного фонда языка, отражая важнейшую сторону деятельности человека – речь. Среди лексико-семантических полей (далее ЛСП) в старославянском (далее ст.-слав.) языке глаголы со значением вербальной передачи информации занимают особое место. В этом можно убедиться, исследуя как статистические показатели распределения данных глаголов в отдельных текстах, так и тематическое развертывание самих старославянских текстов. Последовательный подход к явлениям языка дает возможность увидеть все семантическое пространство поля без ограничений, искусственно накладываемых формальными критериями, например, однословностью. Номинация процесса передачи информации в ст.-слав. текстах может осуществляться неоднословным способом – подобные возможности системы ст.-слав. языка реализуются в семантике метаязыковых глагольных сочетаний, участвующих в создании полного образа речевой деятельности.

Целью работы является описание глаголов и глагольно-именных синтагм, манифестирующих речевую каузацию, которые составляют одну лексико-семантическую группу (ЛСГ) со значением речевой каузации. Рассматриваемая ЛСГ является частью лексико-семантического поля со значением вербальной передачи информации. Кроме того, в работе предложены метод отбора и исследования глаголов, способных участвовать в номинации процесса вербальной передачи информации, а также характеристика условий, при которых глагольно-именная синтагма приобретает возможность реализации указанного значения.

Материал и методы. Выборка глаголов производилась из словаря «Старославянский словарь» (по рукописям X-XI веков) (далее СС (см. Список использованных словарей)) на основе значения лексемы, главное условие – наличие семы вербальной передачи информации. Необходимые для представления семантики контексты извлекались из ст.-слав. текстов узкого канона. Выборка

глагольно-именных синтагм (глагол + метаязыковая лексема бесе́да, глаголь, глась, рѣчь, слово, съказанид) производилась из текстов узкого канона на основе значения синтагмы в целом.

Первостепенное значение для данного исследования имеет анализ словарных дефиниций, представляемых Старославянским словарем (СС), Древнегреческо-русским словарем (ДГРС), а также словарями ГРС и МАС (см. Список использованных словарей).

При анализе лексем использовался лексикографический метод (сравнение семантики ст.-слав., русских и греческих (далее греч.) глаголов по данным словарей). При классифицировании лексикой использовался метод компонентного анализа и структурно-семантического моделирования.

В работе значения глаголов маркированы индексами: верхним, различающим явления омонимии, и нижним, различающим номера значений многозначного слова. Например, нижний индекс лексемы зъвати₂ указывает на второе значение, зафиксированное в СС, верхние индексы в глаголах въст\сати¹ и въст\сати² различают очередность омонимов. Знак * показывает переносное употребление глагола, отмеченное в СС. В работе используются принятые в палеославистике сокращения названий памятников старославянского языка.

Результаты и их обсуждение.

1. Глаголы, номинирующие вербальный процесс передачи информации.

1.1. Принципы выделения ЛСГ глаголов. Глаголы ст.-слав. языка представляют все аспекты сложнейшего процесса передачи информации, объединяясь на основании общей семантики в группы обозначений: внешней стороны речи, передачи информации ментального содержания, передачи сообщения адресату, речевого взаимодействия между адресантом и адресатом, речевой каузации, речевого выражения эмоций. Выделение ЛСГ осуществляется как на основе анализа объективных условий протекания коммуникации, так и на основе семантических критериев: 1) наличия корневой общности ст.-слав. лексем, 2) общности дефиниций ст.-слав. лексем, 3) наличия общих греческих соответствий для ст.-слав. лексем, 4) взаимозаменяемости ст.-слав. лексем в параллельных местах.

1.2. Глаголы, манифестирующие речевую каузацию. Каузация к определенному действию может осуществляться различными средствами: речью, жестами, силой и т. д. В языке подобный процесс также выражается разными способами: лексическими, морфологическими, интонационными. Мы рассматриваем только лексические средства его выражения. В работе принято традиционное понимание каузации, см. труды Ю.Д.Апресяна [1].

Глаголы, манифестирующие речевую каузацию, соотносятся с коммуникативной моделью «субъект речевой каузации» – «выражение речевой каузации» – «каузируемое действие» – «объект речевой каузации». Именно в рассматриваемой группе элемент каузации является определяющим, причем здесь следует учитывать некоторые модальные параметры: желательность, долженствование, побуждение, приказ.

ЛСГ глаголов, манифестирующих речевую каузацию, объединяет 12 подгрупп. Дифференцирующая сема называет тип речевого акта, при помощи которого осуществляется каузация. Выделяются следующие подгруппы: основная – 1) ‘побуждать’ (пооустити, подвигнѣти₂, прилежати₄), с дополнительными семами: 2) ‘побуждать’+‘подстрекательство’ (наоустити, навадити, пострѣкати), 3) ‘побуждать’+‘принуждение’ (бѣдити, приноудити), 4) ‘побуждать’+‘приказ’ (повелѣти, прѣтити₂), 5) ‘побуждать’+‘поручение’ (порѣчити, вѣвѣрити₃), 6) ‘побуждать’+‘убеждение’ (оувѣштати, оувѣрити, оуистити), 7) ‘побуждать’+‘запрет’ (отърешти₃, възбранити), 8) ‘побуждать’+‘позволение’ (ослабити₃, попоуштати), 9) ‘побуждать’+‘просьба’ (просити, молити* с\, заклинати), 10) ‘побуждать’+‘просьба’+‘милостыня’ (въсхлѣпати, просити*), 11) ‘побуждать’+‘просьба’+‘прийти’ (пригласити, зъвати₂), 12) ‘побуждать’+‘требование’ (трѣбовати₂).

2. Глагольно-именные синтагмы, номинирующие вербальный процесс передачи информации. В старославянских текстах обращают на себя внимание глагольные сочетания типа «глагол + метаязыковое существительное», которые могут выполнять подобную функцию (в СС они отмечены как устойчивые сочетания): слово възданию сътворити, въздвигнѣти глась, молитвѣ дѣати, творити, мольбы дѣати, отъвѣть дати, сътворити, повѣсть дѣати, сът\сати о словеси, хвалѣ въздати, приносити, въсылати, хоулы творити и др. Представляется, что неоднословный способ номинации передачи информации употребляется в ст.-слав. текстах гораздо шире, реализуя скрытые возможности глагольных лексем. Рефлексия ст.-слав. языка, зафиксированная в семантике глагольно-именных словосочетаний, существенно пополняет концептуальный образ речевой деятельности.

2.1. Внутренние механизмы процесса вербальной передачи информации глагольно-именными синтагмами. Для обобщенного обозначения продуктов речевой деятельности используют различные термины, например, «метаязыковая» лексика», см., например, монографию «Язык о языке» [2], «речевые факты» [3], «речединамика» [4]. В ст.-слав. языке такими обозначениями продуктов речевой деятельности, соответственно, представителями метаязыковой лексики, являются лексемы слово, глаголь, рѣчь, бесѣда, съказаниѣ и под. Основным обозначением высказывания в ст.-слав. тексте является лексема слово и его лексико-семантические варианты, которые можно отнести к средствам репрезентации единого концепта. Такие существительные в сочетании с глаголами могут служить для обозначения самых различных видов речевых действий. В ст.-слав. тексте указанные лексемы могут группировать вокруг себя ЛСГ глаголов, которые зачастую не имеют идентифицирующей семы речи, а значение передачи информации возникает за счёт потенциальности их эпидигматики – оси семантической производности (термин Д.Н. Шмелева).

2.2. Роль метаязыковых лексем бесѣда, глаголь, глась, рѣчь, слово, съказаниѣ в организации неоднословного способа номинации процесса передачи информации является ведущей. Следовательно, анализ сочетаний должен опираться именно на них. Итак, выявление неоднословных составляющих ЛСП происходило путём отбора субъектно-объектных словосочетаний (лексемы бесѣда, глаголь, глась, рѣчь, слово, съказаниѣ + глагол). Такие глаголы, не являющиеся по существу глаголами речи, но маркированные метаязыковыми лексемами, смогут представить неоднословные средства номинации процесса передачи информации. Термин «метаязыковая лексика» объединяет названия всех видов речевой деятельности, то есть в работе принято традиционное понимание метаязыковой лексики, см., например, монографию «Язык о языке» [2].

2.3. Синтагмы, манифестирующие речевую каузацию. В этой системе роль каузатора играет метаязыковая лексема, постулирующая действенность речевого влияния, глагол же представляет каузируемое действие. Это особенно очевидно в случае с глаголами перемещения, выражающими различные каузированные действия: *тѣхъ дѣстъ глась/ проидохомиъ сквозѣ огнь и водѣ/ и узведе насъ на прохладениѣ/* (Супр. 94.18), (извести¹ ‘вывести’; прохладениѣ ‘освежение’); *сими оу+бо глаголы отъганаше паула/* (Супр. 170.10) (отъганати ‘отгонять’); *стопы мос направи по словеси твоемоу: у да не оудоблѣеть мнѣ вьсе безаконие* (Супр. 164.21) (направити ‘направить’, значение греч. соответствия – ‘силой заставлять, принуждать’). В этом примере семантика оригинального глагола отличается от семантики переводного, в значении последнего отсутствует сема принуждения, как представляется, его употребление обусловлено характером подлежащего (стопы). Сема же принуждения наблюдается в следующем контексте: *прихождаахъ архиереи искоушахште дго/ и днѣмъ словомъ онѣмъаше* \ (Супр. 476.30), *онѣмлати* (греч. нет) – ‘заставлять молчать’.

Речевая каузация просьбы может также выражаться за пределами синтагмы, заключающей метаязыковое существительное, – в атрибутивной характеристике этого существительного: *поуштааше гласы молитвѣны/* (Супр. 36.15); и *ако молитвѣнаа словеса съконьчаваахъ сг/* (Супр. 276.17) (молитвѣнь – ‘просительный’). В другом фрагменте именно молитва становится причиной прекращения коммуникации: *онъ же не хотг оставити молитвы/ не отвѣшта имъ словесе/* (Супр. 216.22) – *он, не захотев оставить молитвы, не отвечал им ни слова*. Оба примера убедительно демонстрируют важность контекста в формировании выражаемого синтагмой значения.

Идея материализации слова, воплощения пророчества широко представлена в ст.-слав. текстах преимущественно словосочетаниями с глаголами осуществления. Именно этот способ позволяет показать раздвоение этого процесса – существование *слова* как такового и возникновение *дела*, не исключаяющего, а подчеркивающего существование слова: *да слово ис%во събѣдетъ с\.* (Мар. Ин. 18, 32); *еи блаженни фома испльнги слово дѣльмъ/* (Супр. 512.23); *дѣйствоукуштоу животворивоуоу+моу крѣстианьскы\ вѣры словеси/* (Супр. 534.25); *съконьта гл%ъ отъ рода въ родъ:* (Син. 98.2); *въздрѣмашг сг вьсг дѣвицг и съпаахъ/ съврѣши бо сг гл%ъ г%а ис%а/* (Супр. 135.9). В Евангелии эта конструкция приобретает вид устойчивой формулы, поскольку часто повторяется.

Особую роль в старославянских текстах играет представление демиургической силы божественного слова. Глаголы, участвующие в построении синтагм, объединены тематически: все они связаны с божественным домостроительством: сотворением мира, его обустройством, победой над адом, духовным и телесным воскресением: *владыкѣ вьсѣкоі тварі/ твор\шта словомъ/ і повелѣньмъ вьсе/ нъ хот\ оучиті/ і безоумь-го оуолити/* (Клоц. 4b35-36(2,152-153)—3); *нос\ же вьсѣ гл_омъ силы свое* (Ен. 6a,14); и *словесемъ днѣмъ движѣшта* (Супр. 334.11); *w+ гласа сило/ разно*

сто\штг\ оу+ды/ въ ддино събъравъши/ и простъ поставъши/ и не бывъшааго въ бытид приведеши/ (Супр. 317.10); w+ гласа сило 'адъ испровръгыши/ врата мѣдна сътъръши/ заборы желѣзны съломъши/ мрътвааго въставъши/ (Супр. 317.7); иже доушг ис телесь изводитъ/ и паки въводитъ съ словесемь/ то како глаголетъ исаиа/ (Супр. 344.26); сие ддинѣмъ гласомъ въ породѣ въведе/ (Супр. 309.1).

Обещание вечной жизни представлено в еще одной устойчивой формуле: ёко аште кто слово мое съблюдетъ. не имать въкоусити съмръти въ вѣкъ. (Мар. Ин. 8, 52). Идея речевой каузации в данном случае распределена между составляющими синтагмы: метаязыковой компонент представляет собственно вербальное побуждение, в то время как глагол – реакцию на это побуждение. Такое же распределение побуждения и реакции на него наблюдается во фрагменте: дли бо врховъни-и-хъ/ вратарицъ жены словесе не сътъръпѣ/ (Супр. 442.20).

Реакция на божественное слово может быть негативной; эта реакция представлена глаголами с соответствующим префиксом: прѣстѣпакште слово б%жие. прѣдааниемъ вашимъ еже прѣдасте. ³ подобна такова многа творите (Мар. Мк. 7, 13).

Особую роль в сакральных текстах играет представление двух взаимосвязанных амбивалентных компонентов: обновление словом и разрушение словом. Эти составляющие нередко объединяются в составе одного фрагмента: w+ гласа сило 'адъ испровръгыши/ врата мѣдна сътъръши/ заборы желѣзны съломъши/ мрътвааго въставъши/ (Супр. 317.7), где испроврѣги – 'опрокинуть, перевернуть, *перен.* ниспровергнуть'; сътърти₂ – '*перен.* уничтожить'; съломити – 'разломить, переломить'; въставити – 'поставить, поднять, (здесь) *перен.* воскресить'.

Объектом обновления является, прежде всего, человек; этот процесс состоит из трех компонентов: исцеление (предикаты цѣлити, ицѣлити – 'излечить, исцелить', поддержание жизни (предикат живити – 'оживить / оживлять'), воскресение из мертвых (въставити – 'поставить, поднять, *перен.* воскресить'): прохождааше же паче слово о немъ. ³ съньмаахэ сэ народи мноси. слышати и цѣлити с\ отъ него. (Мар. Лк. 5, 15); коуп'но съ жизнѣк сие недѣгы имѣкшта/ словесемь ицѣли/ (Супр. 388.2); мс оутѣши во съмѣрениу моемъ: ёко слово твое живи мс (Син. 157b.21); оу+ченици дмоу словомъ мрътвы\ въставишг/ (Супр. 307.9).

Идея исцеления продолжается за счет представления силы слова, направленной на враждебный человеку объект. Основными предикатами тут выступают глаголы перемещения – дериваты гнати: въ поустыни прог'налъ словомъ множество бѣсъ/ слово испоуштааше/ и проганаше недѣгы/ (Супр. 473.12); дднѣмъ словомъ отъгонг страсти/ (Супр. 476.11).

Разрушительная сила слова может использоваться иначе – как наказание за недостойное поведение. В старославянских текстах это представлено употреблением дериватов глагола соушити / съхнѣти, которые выступают здесь как глаголы разрушения: видѣ смокве акы чловѣка бесплодна/ оу+соуши к словомъ акы богъ/ (Супр. 345.8), где оусоушити – 'иссушить, засушить, (*лишитъ жизненных соков*)'; каа бо бѣ бѣда словомъ исъхнѣти смокви/ (Супр. 345.21), исъхнѣти – 'засохнуть, иссохнуть'; дже бо словомъ исоуши к (Супр. 345.23а), isoушити – 'иссушить'; ако словомъ оу+соуши/ зазорнь же ако без оума к проклг/ (Супр. 346.2).

Как видно, все эти фрагменты представляют одну ситуацию, в которой в качестве субъекта выступает Христос, в качестве же объекта – смоковница. Подобную ситуацию божественного вмешательства находим также в Синайской псалтири, ср.: гласъ гн%ъ съкроушакштааго кедры (Син. 34.1), где съкроушати – 'ломать, разбивать, сокрушать'. Ветхозаветное представление всемогущего и карающего Бога находит представление в предикате раждешти: слово гн%е ражде ³: (Син. 136.6), раждеги₂ – 'расколоть, разогреть, *перен.* возбудить, воспламенить, разгорячить'.

Тексты, однако, представляют ситуацию с иными субъектом и объектом: существуют слова, оказывающие губительное воздействие на самого человека (в роли предиката выступают дериваты глагола гоубити / гибнѣти: акоже бо бесѣды зълы гоубгтъ обычаи благы/ (Супр. 544.2); нь съ неприазниномъ показаниимъ погыбоста/ и съ словомъ имѣниимъ/ (Супр. 362.17), где гоубити – 'губить, уничтожать'; погыбнѣти – 'погибнуть, подвергнуться порче, пропасть'.

Еще один пример разрушительного действия слова на слушателя представляет фрагмент нь словесы тѣми оу+стрѣли того отъ кротости/ възг отъ кротости побѣдѣ/ (Супр. 381.13). Интересно сравнение семантики переводного и оригинального глаголов: оустрѣлити – 'застрелить, подстрелить, (здесь) *перен.* сразить, поразить', значение греч. соответствия – 'ловить сетью; уловлять словно сетью, опутывать'. Выражая одну и ту же идею добычи, они представляют различные способы охоты, обусловленные различными культурами, в которых создавались тексты.

Сильное вербальное воздействие может вызывать психосоматические реакции у слушающего: падоста на земли не сътрѣпѣвъша ни вида того ни гласа/ долоу кл\ч\шта и лицы закрывакшта/ (Супр. 211.3), греч. нет: *не стерпел ни того вида, ни голоса, упали вниз на землю, став на колени и закрыв лица*; w гноусьнааго того гласа/ како искочи из оусть/ како подвигнѣ \зыкь/ како не оцѣпѣнѣ тѣло дми вьсе/ (Супр. 410.29).

Словесная каузация может не иметь разрушающей силы: тако и бесѣды благы/ оу+страакть съвѣсти послоушакштиихь/ красгште/ и оу+тврѣждак' имь дш%g/ (Супр. 544.3). Ст.-слав. словарь предлагает для глагола оустрадаи значение 'устраивать', но, учитывая греческое соответствие со значением 'восстанавливать, возвращать в прежнее состояние; возвращать; восстанавливаться', можно предложить иной перевод: *беседы благие возвращают совесть слушающим*, то есть «обустраивают» духовное состояние слушающего.

Заключение Лексико-семантическое поле вербальной передачи информации старославянского языка распадается на две составляющие: глагольные лексемы и глагольно-именные словосочетания. Эти единицы – члены глагольных номинативных рядов – взаимно дополняют друг друга. Глаголы входят в состав ЛСП на основе лексического значения.

Необходимым составляющим ЛСП вербальной передачи информации являются глагольно-именные синтагмы, в которых ведущую семантическую роль выполняют метаязыковые лексемы бесѣда, глаголь, глась, рѣчь, слово, съказанид. Глаголы, участвующие в образовании синтагм, разнообразны по семантике и многозначны. Собственные способности синтагмы выражать значение передачи информации могут быть вполне достаточными, но в некоторых случаях оно выражается также за пределами синтагмы за счет более широкого контекста.

Единицы ЛСП вербальной передачи информации представляют собой не только обширный класс лексем, но и являются разнообразными лексическими средствами, способными передавать в текстах самые тонкие смысловые оттенки, подчеркивая богатство ст.-слав. языка.

Предложенный принцип выявления, описания и анализа глагольно-именных синтагм на основе дистрибутивных способностей семантически однородного существительного и способ систематизации лексики может быть использован для исследования других полей и ЛСП славянских языков.

Перечень условных обозначений:

Мар. — Мариинское четвероевангелие; Син. — Синайская псалтырь; Ен. — Енинский апостол; Супр. — Супрасльская рукопись; Клоц. — Сборник Клоца; Супр. 94.18 — источник, номер страницы, строка.

Список использованных словарей:

СС— Старославянский словарь (по рукописям X — XI веков): около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; Под ред. Р.М. Цейтлин, Р.Вечерки и Э. Благовой. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1999. — 842 с. ДГРС — Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. — М., 1958. ГРС — Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. — Спб., 1899. — М.: ГЛК, 1991. — VIII с. — 1370 стб.

МАС—Словарь русского языка в четырех томах. — изд. третье, стереотипное. — Гл. ред. А.П. Евгеньева. — М.: Русский язык, 1985-1988.

Список использованных источников:

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / — М.: Языки русской культуры, 1995. — с. 109.
2. Язык о языке / под общ. рук. и ред. Н.Д.Арутюновой. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 624 с.
3. Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Л.Г.Бабенко; под редакцией Л.Г.Бабенко. — Екатеринбург. Изд-во Уральск. ун-та, 1999. — с. 207.
4. там же, с. 137.

Испытание первым боем: толстовская традиция в военных рассказах В. Быкова 50-60-х годов

С.В. Лапунов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Статья посвящается преемственности художественных решений при воплощении в военных рассказах В.Быкова 50 – 60-х годов классической для военной прозы ситуации -- испытания человека первым боем. Несмотря на разработанность проблемы освоения белорусской литературой художественных достижений русской военной прозы второй половины XIX века, прежде всего художественного опыта Л.Н. Толстого, влиянию традиций русской военной прозы XIX века на «малые» жанры белорусской военной прозы XX века уделено недостаточно внимания. На раннем этапе творчества В. Быкова осмысление художественных открытий, сделанных классиками русской военной прозы второй половины XIX столетия, стимулировало поиск новых художественных приемов изображения войны. «Неожиданности и повороты», открывающиеся сознанию человека в первом бою, заставляют осознать подлинное значение событий, помогают ощутить контраст между объективной и субъективной реальностью. Осмысление художественных открытий Л.Н. Толстого определило эволюцию военной прозы Быкова в сторону психологизации батального пространства.

Ключевые слова: *военный рассказ, русско-белорусские литературные связи, преемственность, психологизм, «диалектика души».*

The test of the first battle: Tolstoy's tradition in V. Bykov's war stories of the 50-60s

S.V. Lapunov

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M.Masherov"

The article is devoted to the continuity of the literary presentations when the classical situation for war prose – the test of the person by the first fight – was embodied in V. Bykov's war stories of the 50-60s. Despite the development of the problem of mastering by Belarusian literature achievements of Russian war prose of the second half of the 19th century, especially L. Tolstoy's experience, it should be mentioned that it was paid little attention to the influence of Russian war prose tradition of the 19th century on "small" genres of Belarusian war prose of the 20th century. In the early period of V. Bykov's work the understanding of literature discoveries made by Russian war prose classics of the second half of the 19th century stimulated the search of new literary way of war depiction. "Unexpectedness and turnings" which the person encounters in the first fight, make the man realize the real meaning of events, help to feel the contrast between objective and subjective reality. The understanding of L. Tolstoy's literary discoveries determined Bykov's war prose evolution in the direction of war space psychologism.

Key words: *a war story, Russian-Belarusian literary connections, continuity, psychologism, "the dialectic of the soul".*

В истории белорусско-русских литературных связей важное место занимает проблема освоения белорусской литературой художественных достижений русской военной прозы второй половины XIX века. Наиболее разработанным в белорусском литературоведении аспектом указанной проблемы является влияние на белорусскую военную прозу XX века художественного опыта Л.Н. Толстого. Следует отметить, что объектами исследований в большинстве работ являются крупные эпические произведения (повести, романы, романтические циклы), тогда как влиянию традиций русской военной прозы XIX века на «малые» жанры белорусской военной прозы XX века уделено недостаточно внимания. Цель данной статьи мы видим в определении преемственности художественных решений при воплощении классической для военной прозы ситуации испытания человека первым боем.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования мы выбрали военные рассказы Василя Быкова, написанные в конце 50-х – начале 60-х годов. Обращение к данным источникам обусловлено следующими причинами. Во-первых, как это уже давно признано исследователями, традиции «лейтенантской прозы», представителем которой является Быков, восходит «к общему источнику – к Толстому» [1, с.541]. Во-вторых, рубеж 50-х – 60-х годов XX века для Быкова был временем утверждения военной темы как основной в творчестве писателя (первая военная повесть «Журавлиный крик» написана в 1960 году), а также поиска оригинальных художественных решений в ее раскрытии [2, с.427]. В-третьих, признания самого Быкова в ценности для него как для писателя толстовского художественного опыта [3]. Для реализации поставленной цели мы обращаемся к сопоставительному методу исследования.

Результаты и их обсуждение. Обращаясь к вопросу толстовского влияния на поэтику белорусской военной прозы, А.М. Адамович обратил внимание на то, что своими произведениями Толстой показал, «сколько в правде неожиданностей и поворотов» [1, с. 615]. Именно «неожиданности и повороты» движут событиями и поступками персонажей в ранних военных рассказах Быкова. На наш взгляд, этим объясняется взаимосвязь особенностей изображения внутреннего мира человека в ранних военных рассказах писателя с принципами толстовской «диалектики души». Испытание человека первым боем, ставшее классической для военной прозы ситуацией, стало предметом осмысления и в ряде ранних рассказов В. Быкова. Первое серьезное испытание, которое проходят герои Быкова, приобретает тот же смысл, что и в военных рассказах Л.Н. Толстого: оно заставляет осознать подлинную сущность войны, избавляет от прежних иллюзий, открывает прежде недоступное сознанию. Подобная ситуация представлена в рассказе «Утро вечера мудренее» («Ранак – світанак», 1966). Рассказчик-герой – безымянный младший лейтенант, командир взвода автоматчиков – после того как его взвод почти без боя отбил у немцев хутор, воспринимает успех как возможность самоутверждения: «...і розныя фарсістыя думкі ўсё настойлівей пачалі займаць мае ўяўленне. Я ўжо бачыў, як на КП... камандзір палка... кажа зараз начальніку штаба: «Малайчына гэты аўтаматчык, іш урэзаўся куды!»... Зрэшты, я быў бы рады, калі б ён нават не сказаў, а хоць бы падумаў пра мяне што-небудзь накшталт: «Малайчына младшой! Не з труслівага дзесятка!» [4, с. 130]. В то же время рассказчик-герой осознаёт свою неопытность: «Смелы я або трус – аб тым мне, дарэчы, яшчэ самому было невядома. Па прычыне зусім нядоўгае мае франтавой выслугі, выпадку як след праверыць сябе на гэтым пакуль не здаралася» [4, с. 130]. Отсюда и стремление младшего лейтенанта подавлять в себе малейшие бессознательные проявления чувства страха, и желание казаться решительным в глазах подчиненных: «Ды і сорамна было памкамузвода сяржанта Хазяінава, шырокатварага нетаропкага чалавека, удвая старэйшага за мяне, які на кожны мой так старана хаваны ў сябе спалох нібы незнарок кідаў: «Нічога! Міма...» [4, с.131]. Однако то и дело проявляющаяся нерешительность рассказчика подчеркивается писателем с помощью контраста внешности и поведения «новичка» и более опытного сержанта Хозяинова: «Апрануты ён быў у новы яшчэ камсастаўскі паўшубак з выдраным клокам на левой лапатцы, на нагах яго сядзелі валёнкі... Падобна на тое, што яму было цёпла. Я ж у сваім «на рыбіным футры» шынелку пачынаў ужо зябнуць на снезе...» [4, с.131].

После благополучного начала в ход событий вмешиваются «неожиданности и повороты» войны: внезапная атака немцев, гибель Хозяинова, отступление и приказ командира полка майора Воронина под угрозой расстрела отбить хутор. Чувствуя, что события развиваются вопреки его воле, командир пытается действовать: «Мяне ж ці то ад гарэлкі, ці таму, што я толькі цяпер пачаў усведамляць усю незайздроснасць свае перспектывы, пачала распіраць неспатомная прага да дзеяння. Хацелася неадкладна кудысьці бегчы, ... здаецца, я пачынаў адчуваць у сабе сілу і рашучасць супраціўлення абставінам» [4, с.139]. Однако неудачная попытка отбить хутор ничего не оставляет ни от попыток казаться уверенным, ни от прежних тщеславных мечтаний: «Дурань, пянцох і няўдачнік. А яшчэ столькі марыў аб подзвігах! Зубрыў у вучылішчы статуты, стараўся на службе, меў выдатныя характарыстыкі. Зкзамены здаў на пяцёркі. Выпусцілі па першым разрадзе з правам датэрміновага прысваення чарговага воінскага звання. Навошта цяпер... першае званне, якое была і апошнім. Растрэляюць як сабаку... І ніхто нават не даведаецца ніколі, што перажываў перад смерцю камандзір узвода аўтаматчыкаў і якое было ў яго жыццё» [4, с. 142]. Изображения внутреннего мира человека в рассказе Быкова, безусловно, перекликается с толстовской «диалектикой души», воплощенной в третьем севастопольском рассказе. Мечты Володи Козельцова по пути в осажденный Севастополь о романтическом подвиге тоже усилены обостренным «желанием выказать»: «...ведь ежели здесь

счастливого пойдёт, так можно ещё скорее выиграть, чем в гвардии: там в десять лет в полковники. А здесь Тотлебен так в два года из подполковников в генералы...» [5, с.158]. Но после увиденного в госпитале и городе (здолго до первого боя!) романтические представления о войне неожиданно сменяются страхом: «Вся его молодая и чувствительная душа сжалась и ныла под влиянием сознания одиночества и всеобщего равнодушия к его участи в то время, когда он был в опасности. «Убьют, буду мучиться, страдать, – и никто не заплачет!» И все это вместо исполненной энергии и сочувствия жизни героя, о которой он мечтал так славно»[5, с.172].

Исход боя для рассказчика вроде бы благополучен: врага удалось отбить, а сам лейтенант лишь легко ранен в руку. Все началось с победы и все ей закончилось. Но после боя из взвода осталось в живых только семеро, поэтому в душе рассказчика не может быть прежней ясности: «Цяпер я сам не разумею сябе – адбылося нешта супярэчлівае і загадкавае. Недзе ў глыбіні душы я рады, амаль шчаслівы, і ў той жа час мне як ніколі крыўдна і хочацца плакаць»[4, с.145]. События, произошедшие за короткий промежуток времени, заставляют молодого командира почувствовать прежде недоступную для его сознания роль случая на войне, переосмыслить прежнее отношение к Воронину. В бою командир полка был для рассказчика лишь воплощением жестокой власти: «Я глядзеў на яго сутулаватую, паверх паўшубка апяразаную рамянямі постаць, і ў гэты момант для мяне не існавала ў свеце нічога, апроч ягонае гнеўнай улады» [4, с. 137]. Но после боя, глядя на убитого майора, рассказчик с трудом узнаёт его. Вид мертвого тела, как в толстовской «Рубке леса» (эпизод смерти Веленчука), разрушает привычное представление о человеке, открывает прежде незаметное: «Ён ляжыць на лаўцы, між двума вокнамі, з застылым воскавым тварам, на якім ужо ні руху, ні думкі – толькі слабы адбітак нейкай няпэўнай грымасы. Грымаса гэтая больш за мярцвецкае здранцвенне робіць яго твар амаль чужым, раней невядомым мне, напэўна, гэта таму, што пры жыцці была зусім неўласціва яму» [4, с.128]. Поэтому к убитому Воронину младший лейтенант испытывает совершенно иное чувство: «Да маёра ў мяне, не зважаючы ні на што, адно толькі – ціхае шкадаванне... І тут самае кепскае ў тым, што ніколі ўжо і не даведзешся, ці ён сапраўды хацеў выканаць сваю пагрозу, ці толькі палохаў. Гэта ўжо навек застанеца для мяне загадкай»[4, с. 146]. Как и в толстовских рассказах, близость смерти становится способом познания жизни, толчком к осознанию сопричастности судьбы одного судьбам многих: «...я адчуваю да гэтай магілы нейкае невыказанае сваё дачыненне. Напэўна, таму, што сярод тых, хто хутка ляжа сюды, вельмі нават магчыма мог бы ляжаць і я. Лёс або выпадак дамогся іншага, і ўсё ж нейкая часцінка майго Я будзе вечна знаходзіцца тут – з Грынюком, Дудчанкам, Усольцавам, Бабкіным. І з маёрам Вароніным таксама» [4, с.146].

Характерно обращение к толстовскому опыту и в рассказе «Утрата» («Страта», 1956). Центральный персонаж – молодой боец Матузка – также во многом схож с толстовскими Аланиным и Володей Козельцовым. Как и в рассказах Толстого, в портретной характеристике персонажа внимание акцентируется на деталях, подчеркивающих обаяние молодости: «очень хорошенький и молоденький юноша в офицерском сюртуке и высокой белой папахе...» [5, с.12] («Набег»); «Молоденький мальчик, лет семнадцати, с веселыми черными глазами и румянцем во всю щеку...» [5, с.156] («Севастополь в августе»), «...свежы кірпаты твар Матузкі, на пераносі крануты рабаціннем, і тонкая постаць падлетка ўжо завельмі маладзілі яго» [4, с.148]. Поведение Матужки мотивировано все тем же «желанием выказаться». Назначение в помощники пулеметчику Галкину молодой солдат воспринял как долгожданную возможность проявить себя: «Першае самастойнае баявое заданне было прычынай яго незвычайнай энергіі і спрыту. Хоць Матужка і не першы дзень на вайне, але неяк здаралася, што яму не давялося трапіць у бой: усё выпадаў рэзерв або марш ці другой эшалон» [4, с. 147]. «Детскость» поведения проявляется и во взаимоотношениях Матужки и его напарника Галкина. С одной стороны, описание внешности Галкина создает контраст между «новичком» и «опытным»: «Гэта быў дужы і сур'ёзны хлопец, ненамнага старэйшы, але з выгляду куды мажнейшы за Матужку. Рысы яго твару вылучаліся той грубаватай буйнаватасцю, якая разам з некаторай панураццю ў поглядзе рабіла яго старэйшым за свае, можа, і невялікія гады» [4, с. 148]. Опытность Галкина подчеркнута еще одной деталью: «...апануў заношаную і засаленую гімнасцёрку з двума медалямі «За адвагу»»[4, с.152]. Но несмотря на желание Галкина казаться старше и опытнее Матужки, взаимоотношения напарников схожи с взаимоотношениями «старших» и «младших» в детской среде. Успех в первой стычке с немцами Матужка воспринимает как доказательство равенства со «старшим», а Галкин – как повод для того, чтобы «снизойти» до дружбы

с «младшим»: «У гэты час ён быў перакананы, што Галкін зусім някепскі хлопец... а Галкін... думаў, што з маладога байца, пэўна, будзе толк» [4, с. 151].

Изображая «новичка» в самый напряженный момент боя, Быков акцентирует внимание на том, что действиями Матюзки движут на первый взгляд противоположные чувства: «Страшна зрабілася хлопцу тут, на паверхні зямлі, воддаль ад вырытага акупчыка. Але трэба было рабіць сваю справу – бегчы наперад, каб у час памагчы Галкіну» В момент первого серьезного испытания боец, несколько часов назад мечтавший о подвиге, не осознаёт того, что совершает *подвиг* и ведет себя по-детски бессознательно: «Малады баец моцна спалохаўся ад думкі, што спазніўся. Як-кольвечы ён прыцэліўся і націснуў спуск... Нястрыманая весялосць ахапіла кулямётчыка. Аглушаны выбухамі і стрэламі, ён на ўсё горла крычаў адно і тое ж зларадна-дураслівае...» [4, с.155-156]. После боя отношение Матюзки к происходящему, казалось бы, не изменяется: «Як крыўдныя слёзы маленства, адразу забыліся нядаўнія страхі... Ён... быў рады, і радасць яго павялічвалася ўпэўненасцю, што Галкін задаволіцца яго ўмельствам і цяпер, бадай, пасябруе з нім» [4, с. 157]. Однако толчком к новому осознанию действительности вновь становится смерть. Внезапное известие о гибели Галкина стало для молодого солдата потрясением: «Нешта цяжкае і душнае навалілася на хлопца... Матюзка апусціўся на пыльны ўскраек дарогі і абхапіў рукамі кулямёт» [4, с.157]. В то же время смерть воспринимается героем и автором как движение по замкнутому кругу – от смерти к жизни: «Матюзка падняўся апошні і, падумаўшы крыху, стаў у галаву калоны, дзе ўчора крочыў Галкін і дзе звычайна станавіліся ручныя кулямётчыкі» [4, с. 157]. Война дает мало времени на принятие решений. Смерть на войне страшна, но закономерна. Матюзка занял место Галкина, а значит война (и жизнь!) продолжается – так частное событие становится частью «большого» пространства и времени. По нашему мнению, и в этом случае возникает переключка с толстовскими военными рассказами. Так, описание начала похода в «Набеге» сопровождают «звуки солдатской песни, барабана и прелестного тенора, подголоска шестой роты...» [5, с.11]. Эти же звуки сопровождают завершение похода: «Подголосок шестой роты звучал изо всех сил» [5, с. 32]. Так финал рассказа становится знаком не только конца, но и бесконечности: частный эпизод завершён – «большая» история продолжается. Тот же смысл несет повторение пространственных и временных координат в «Рубке леса», а также первом и втором севастопольских рассказах.

Заключение. На раннем этапе творчества Василя Быкова художественное освоение и осмысление писателем художественных открытий, сделанных классиками русской военной прозы второй половины XIX столетия, стимулировало поиск новых художественных приемов изображения войны, прежде всего средств раскрытия человеческого характера в его сложности и противоречивости. «Неожиданности и повороты» войны, открывающиеся сознанию человека в первом бою, приобретают в произведении тот же смысл, что и в толстовских военных рассказах: они заставляют осознать подлинное значение событий, помогают ощутить контраст между объективной и субъективной реальностью. Безусловно, что творческое осмысление художественных открытий Л.Н. Толстого во многом определило эволюцию военной прозы Василя Быкова в сторону психологизации батального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамович А.М. Собр. соч. В 4-х т. Т.3. / А.М. Адамович – Мн.: Маст.літ., 1982. – 622с., 4 л. ил.
2. Беларускія пісьменнікі: Бібліягр. слоўн. У 6 т. Т.1./ Ун-т імя Я. Купалы АН Рэспублікі Беларусь. Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: І. Э. Багдановіч і інш. – Мн.: БелЭн, 1992. – 542 с.: іл.
3. Быков В. Правду и всю правду. / Сов. культура, 1987, 29 октября. – С.4.
4. Быкаў В. Збор твораў. У 6 т. Т.6. Аповесць, апавяданні, драма, публіцыстка./ В.Быкаў – Мн.: Маст. літ., 1994. – 543 с., [4] л. іл.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т.2./ Л.Н. Толстой – М.: Худож. лит., 1979. – 422 с.

Лапунов Сергей Владимирович.

УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кафедра литературы, старший преподаватель.

Адрес для корреспонденции: vonupal@yandex.ru

УДК 821.161.1.0.

Проблема типологии романного героя в творчестве М.А. Шолохова

Ю.Н. Пасютина

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

Работа посвящена выявлению типологии романного героя в романах М.А. Шолохова «Тихий дон» и «Поднятая целина». Изучение типологии романного героя является важным и актуальным. До сих пор эта проблема остается не до конца исследованной в литературоведении и открывает широкие возможности для ее раскрытия.

Исходя из того, что литература развивается в трех парадигмах (связывают которые два полюса): социо-, индивидо- и персоноцентрической – в зависимости от того, что становится предметом изображения: индивид или личность, выделяются социоцентрический, индивидоцентрический и персоноцентрический типы романых героев. В романах М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» есть все перечисленные выше типы романых героев, которые анализируются в соответствии с предлагаемой типологией; рассматриваются особенности, характерные черты каждого из типов.

Ключевые слова: *типология, романый герой, социоцентрический тип, индивидоцентрический тип, персоноцентрический тип.*

THE PROBLEM OF THE NOVEL HERO TYPOLOGY IN M.A. SHOLOKHOV'S WORKS

Y.N. PASIUTSINA

Educational establishment “Vitebsk state university named after P.M. Masherov”

The article deals with the typology of the hero in M. A. Sholokhov's novels “Quiet flows the Don” and “The ploughed virgin land”. Learning of the typology of the novel hero is an actual and important problem. This problem hasn't been investigated in literature yet and gives the possibility to do it. The author proposes her own typology of the novel hero where she distinguishes three types of heroes depending on the depicted person: social-centered, individual-centered and personality-centered heroes. Every type has its distinctive features which the author tries to explain. In M. Sholokhov's novels “Quiet flows the Don” and “The ploughed virgin land” all these types can be found. They are analyzed according to the proposed typology.

Key words: *typology, novel hero, social-centered type, individual-centered type, personality-centered type*

Наиболее актуальной и важной проблемой, непосредственно связанной с изучением жанра романа, является выявление типологии романного героя, так как в этом плане не найден еще единый подход. Существуют работы о типах героев в произведениях отдельных авторов (Пушкина, Толстого, Достоевского), посвященные отдельным литературным эпохам, однако исследований, достаточно полно раскрывающих типологию романного героя, крайне мало.

Цель нашего исследования заключается в разработке типологии романного героя в прозе М. Шолохова.

Материал и методы. В предлагаемой работе на материале произведений М.А. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина») рассматривается типология романного героя, выявляются и анализируются типы романых героев.

Методологическую основу исследования составили сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и социологический методы.

Результаты и их обсуждение. Огромное значение для понимания сущности романа и романного героя имеют учения Гегеля и Белинского, а также работы М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, А.А. Потебни, Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского. Отдельные стороны теории романа были разработаны И.А. Виноградовым, Г.Н. Пospelовым, Л.И. Тимофеевым и др. Так, М.М. Бахтин в докладе «Роман как литературный жанр» – позднее опубликованном под названием «Эпос и роман (О методологии исследования романа)» – говорит о «существенном обновлении образа человека в литературе», заключающемся в преодолении характерных для других жанров «завершенности и овнешненности» героя, в наделинии образа идеологической инициативой, показе его субъективности, и, наконец, создании «становящегося человека» [1, с. 292].

Г.К. Косиков в статье «К теории романа» указывает на раздвоенность романного героя – «его разлад с действительностью и вместе с тем глубокую общность между ними, что и создает специфическую проблемность романа» [2, с. 37].

Интересны рассуждения Н.Д. Тамарченко, который, основываясь на установлении сюжетных функций персонажа, различает героя поступка, не совпадающего со своей сюжетной ролью, и героя сознания, не совпадающего с миром своим сознанием [3, с. 302].

В.Е. Хализев вводит понятие «самостоянье», подразумевая под ним относительную независимость человека от установлений социальной среды с ее обрядами, ритуалами, законами. Исследователь выделяет два типа героев: героев, опора которых на самих себя, с одной стороны, привлекательное «самостоянье», с другой – источник заблуждений и жизненных поражений, и героев, «самостоянье» которых не имеет ничего общего с отчуждением от окружающего, опорой лишь на себя [4, с. 326].

Литературный герой, в том числе герой романский, в своем развитии прошел несколько этапов: ролевая маска, социально-моральный тип, психологический характер, носитель идеи. Литература всегда имела дело с ценностями и оценками, и этическое начало было для нее внутренним, структурным началом. Неудивительно, что наиболее традиционной и распространенной была типология, которая разделяла героев на положительных и отрицательных.

Обратимся к терминологии, чтобы выяснить понятие «тип». Под данным термином обычно подразумевают обобщающий образ человеческой индивидуальности, наиболее ярко проявляющий себя в определенном обществе в определенный момент, или, в более широком смысле – любое воплощение общего в индивидуальном. Необходимо также различать тип как форму, представляющую собой элемент художественной традиции, и тип как факт самой исторической действительности. М. Горький описал появление литературных типов таким образом: выделяются характерные подвиги многих героев, т.е. «абстрагируются», затем эти черты «конкретизируются» и обобщаются в виде одного героя.

Учитывая сложность природы проблемы, нам представляется возможным выделить социоцентрический, индивидоцентрический и персоноцентрический типы романских героев. Типология, которой мы придерживаемся, основана на теории А.Н. Андреева, который предложил разделить литературу на социоцентрическую, индивидоцентрическую и персоноцентрическую в зависимости от того, что становится предметом изображения: индивид, homo economicus (ипостась природы), или личность homo sapiens (феномен культуры) [5, с. 80].

В связи с этим необходимо разъяснить значение понятий «Авторитарные Идеалы» и «Гуманистические Идеалы», которые, по А.Н. Андрееву, являются «полюсами, порождающими различные общественные идеалы и конфликты между ними» [5, с. 79]. Авторитарные идеалы представляют собой своеобразный авторитет, на основе которого формировалась и развивалась личность (родители, государство, власть), в то время как гуманистические идеалы создают духовно и нравственно свободную личность, сознающую свою относительную независимость. Соотношение описанных идеалов и образует определенные типы романского героя.

Известно, что литература социоцентрического толка ориентирована на удовлетворение интересов общества, ключевым словом здесь является социум, его ценности и потребности, а это значит, что авторитарные идеалы преобладают. Личность «обезличивается», ее содержанием становятся сугубо общественные по своему характеру ценностные установки.

Следовательно, в центре таких произведений – герой, персонаж героической ориентации. Уже само слово «герой» носит социоцентрический характер, так как самое важное для героя – служить долгу. Он без остатка растворяется в интересах социума, и в этом видится его смысл жизни. Героическая личность горда своей причастностью к сверхличному содержанию миропорядка и

равнодушна к собственной самобытности. Именно таковы персонажи Гомера, произведений классицизма, романов социалистического реализма.

Вспомним героев романа М. Шолохова «Поднятая целина» Нагульнова, Давыдова, которые ради «общего» дела не пожалели никого и ничего. Вот как Давыдов отреагировал на протест Андрея Разметнова «воевать с детишками»: «Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь без таких вот... чтобы в будущем не повторялось...», а Нагульнов и вовсе заявил: «...тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета ... всех порежу!» [6, с. 47]. Преданность идеям социализма подчеркивают и слова Давыдова: «...если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Всю, до последней капли!» [6, с. 53]

И дело здесь не в том, что у этих героев нет ничего святого, напротив, каждый из них обладает целым рядом положительных характеристик: они смелые, ответственные, решительные, добросовестные. Объяснение лишь одно – сотни и тысячи таких Нагульновых, Давыдовых не могли себе позволить остаться вне того времени, когда строилось «счастливое» будущее, в которое так хотелось верить. А долг настоящего героя, гражданина своей страны – помочь своей родине.

Не сразу люди приняли Советскую власть, не хотели вступать в колхоз и потому чинили различные препятствия: резали скот, прятали «семфонд». Неудивительно, что Макар Нагульнов, сердцем болеющий за «мировую революцию», призывал не «нежничать» с врагами: «...надо непременно расстрелять двоих-троих гадов за скотину! Кулаков надо уничтожить!» [6, с. 89] Этим же объясняется и его жестокость по отношению к Баннику, который предпочел бы высыпать хлеб сниньям, чем отдать «чужедам»: «...застрелю как вредного гада, а потом пойду за тебя в тюрьму хоть на десять лет! Я тебе не дам над Советской властью надругиваться!» [6, с. 138] Безоговорочно поверив в правоту Советской власти, в необходимость колхозов Нагульнов был разочарован статьей Сталина, согласно которой «закружилась Макарова голова от успехов» [6, с. 164]. Теперь, по его словам, Нагульнов лежал в грязи «нищ лицом, столченный, сбитый с ног долой» [6, с. 165]. Настоящим ударом для него стало исключение из партии: «Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл надо... Мне жизнь тогда без надобностей, исключите и из нее...» [6, с. 199]

Такие герои, как Нагульнов, – люди долга, они озабочены ценностями, актуальными для общества в большей степени, чем для личности. Особенность героя социоцентрического типа в том, что он идеально соответствует задачам идеологического контроля над умами граждан.

Постепенно авторитарные идеалы уступают место гуманистическим, социоцентрический тип героя – индивидоцентрическому и персоноцентрическому. Человек становится все более независимым, свободным от навязанных ценностей, он мыслит, чувствует, реализует заложенные в нем способности, желания и потребности, хотя, конечно, он не ставит себя полностью автономным от социума. На первый план выходит частная жизнь персонажа, который, концентрируясь лишь на себе, противопоставляет себя социуму – индивидоцентрический герой. В таком романном герое развито эгоистическое начало, так как цель индивида – удовлетворение только своих потребностей, а к интересам общества он относится довольно равнодушно и даже презрительно. Индивид – это уже не герой, но еще и не личность, причем его главной особенностью является отказ от малейшей возможности стать личностью, высшей ступенью своего развития, поэтому такие герои редко становятся главными в романе. В данном типе героя гуманистические идеалы преобладают над авторитарными. Это герои в основном литературы постмодернизма, но и не только.

Лушку Нагульнову из «Поднятой целины» М. Шолохова также можно отнести к героям индивидоцентрического типа, так как ее не волнует ни строительство нового общества, «лучшей жизни», ни духовный и нравственный рост. Она занята только собой, своим благополучием, удачным «устройством» в жизни: «Ни колхозы, ни совхозы, ни сама Советская власть ей и на нюх не нужны! Ей бы только на игрища ходить, поменьше работать, побольше хвостом крутить, вот и вся ее беспартийная программа!» – говорит о Лукерье Макар Нагульнов [6, с. 377]. В конце книги автор убеждает нас в том, что Лушка нашла то, к чему так стремилась: она стала Лукерьей Никитичной, а по словам Разметнова, «толстой бабехой», причем «очень довольной собой» [6, с. 543].

В «Тихом Доне» М.А. Шолохова мы встречаемся с Лизой Моховой, которая «рано глянула на изнанку жизни» [7, с. 110]. О ней и о подробностях ее жизни мы узнаем по большей части из дневника убитого казака. Вот как он характеризует ее: «взбалмошная девочка, выдавшая такие виды,

о которых я знал лишь понаслышке», с «уж очень убогим умственным пожитком» и «культом самопочитания», – остального для нее не существует [7, с. 301].

Индивид живет преимущественно чувствами, в то время как личность – преимущественно сознанием. Индивид – единично-рационально-разумное создание природы, носитель специфическо-индивидуальных черт, а личность – это индивид, не отрицающий значимости общественных отношений. Личность ценна прежде всего не своей особенностью, своеобразием, но богатством содержания и духовной высотой, которые имеют всечеловеческое значение. А.Н. Андреев называет личность «антигероем», так как без нее социум теряет свою значимость, превращается в начало второстепенное, главная задача которой – «дистанцироваться от социума, не порывая связей с ним» [5, с. 84]. Именно личность является героем персоноцентрического типа, где авторитарные и гуманистические идеалы занимают равные позиции. Другими словами, такой персонаж – гуманистический идеал, его становление, духовный рост становится главной темой романа.

Героев персоноцентрической ориентации крайне мало, наиболее ярким представителем является Евгений Онегин А. Пушкина.

Не всегда выделенные нами типы романских героев могут существовать в «чистом» виде. Так, героя романа-эпопеи «Тихий Дон» М.А. Шолохова Григория Мелехова нельзя отнести к какому-то одному типу. Этот персонаж не является только социоцентрическим, ведь он прекрасно понимает весь ход истории, разбирается в происходящем: «уж ежели пан плох, то из хама пан во сто раз хуже!.. – Что коммунисты, что генералы – одно ярмо!» [7, т. 3, с. 161]. Григорий болеет душой за свою родную землю, народ, именно этим объясняются его поиски несуществующей «правды для всех». Следует отметить, что Григорий Мелехов несравненно выше духовно и нравственно не только представителей новой власти, но и всех тех грамотных офицеров-белоручек, среди которых ему приходилось бывать. Он своего рода лишний, ведь до своей, возможно единственно верной правды Григорий дошел сердцем: «У меня выбор, как в сказке про богатырей: налево пойдешь – коня потеряешь, направо поедешь – убитым быть.... И так – три дороги, и ни одной нету путевой...» [7, т. 4, с. 421]. И тем не менее его нельзя отнести к герою персоноцентрическому, так как, несмотря на все нравственные поиски, Григорий продолжает быть связанным с почвой, т.е. со своей не безразличной ему родиной, устоями, традициями, без которых немислима его жизнь и судьба. Это особый тип романского героя, его можно охарактеризовать как социо-персоноцентрический.

Заключение. Проанализировав романы М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина», мы выделили следующие типы романских героев: социоцентрический, целью которого является бессознательное выполнение критериев и запросов социума; индивидоцентрический, или эгоцентричный, заинтересованный только в своих потребностях, чувствах, а также социо-персоноцентрический, в котором сочетаются сразу несколько типов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Паньков, Н. М.М.** Бахтин и теория романа / Н. Паньков// Вопросы литературы. – 2007. – №3. – С.252-315.
2. **Косиков, Г.К.** К теории романа (роман средневековый и роман нового времени) / Г.К. Косиков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – №1. – С. 21-51.
3. **Теория литературы:** учеб. Пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тмарченко. – Т. 1: Н.Д. Тмарченко, В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
4. **Хализев, В.Е.** Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высш. школа, 2000. – 398 с.
5. **Андреев, А.Н.** Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество: Учеб. Пособие для студ. фил. спец. в 2-х частях. Часть 1 / А.Н. Андреев. – Мн., 2003. – 177 с.
6. **Шолохов, М.А.** Поднятая целина: Роман в 2-х кн. / М. Шолохов. – Мн.: Нар. асвета, 1978. – 544 с.
7. **Шолохов, М.А.** Собрание сочинений: в 8 т. / М.А. Шолохов.– М.: Художественная литература, 1975. – 8 т.

Сведения об авторе

Пасютина Юлия Николаевна

Преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант кафедры литературы

УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Адрес: 211089, Витебская область, Толочинский район, п. Райцы, ул. Восточная, д. 20.

Телефон: +375-29-590-97-27

e-mail: ju_lee@tut.by

Дублетнасць, сінанімічнасць і варыянтнасць беларускай граматычнай тэрміналогіі (1917 – 1926 гады XX стагоддзя)

В.В. Радзюк

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

Акрэсліваюцца падыходы вучоных да варыянтнасці як фактара развіцця моўнай сістэмы. Аналізуецца дублетнасць, сінанімічнасць і варыянтнасць (фанетычная, арфаграфічная, словаўтваральная, марфалагічная і сінтаксічная) граматычных тэрмінаадзінак у працах беларускіх мовазнаўцаў 1917 – 1926 гадоў XX стагоддзя. Разглядаюцца асаблівасці варыянтных адносін граматычных найменняў у 1917 – 1919 (пераважная сінанімічнасць тэрмінаадзінак) і 1920 – 1926 гадах (дублетнасць і словаўтваральная варыянтнасць, ужыванне інтэрнацыянальных намінацый ў якасці варыянтных). Вызначаюцца мадэлі паводле колькасці кампанентаў у полінайменных радах граматычных тэрмінаў, выяўляюцца прычыны павелічэння колькасці кампанентаў у межах полінайменнага рада і зніжэння агульнай варыянтнасці ў граматычнай тэрміналогіі 20-ых гадоў. Робіцца вывад пра варыянтнасць на пачатковым этапе фарміравання граматычнай тэрміналогіі новай беларускай літаратурнай мовы як тэндэнцыю натуральнага развіцця мовазнаўчай тэрмінасістэмы.

Ключавыя словы: беларуская літаратурная мова, граматычная тэрміналогія, мовазнаўчая тэрміналогія.

Doubleness, synonymity and variantness of Belarusian grammar terminology (1917 – 1926 of the XX century)

V.V. Radyuk

The educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”

Scientific approaches to variantness as a factor of the development of the language system is described. The paper deals with the analysis of doubleness, synonymity and variantness (phonetic, spelling word building, morphological and syntactic ones) of grammar term units in the papers Belarusian linguists in 1917-1926 of the 20th century. Peculiarities of variant relations of grammar names in 1917-1919 are considered (mainly synonymity of term units) and in 1920-1926 (doubleness and word building variantness, usage of international nominations as variant ones). Models of the amount of components in polynome rows of grammar terms are singled out, reasons of the increase of the amount of components within polynome row as well as the decrease of general variantness in the grammar terminology of the 20-ies. The research is carried out on the basis of the works of well-known Belarussian linguists - B. Tarashkevich, B. Pachobka, A. Lutskevich, J. Stankevich and R. Abiht.

Key words: Belarusian literary language, grammar terminology, linguistic terminology

Як вядома, варыянтнасць з’яўляецца ўстойлівым паказчыкам развіцця моўнай сістэмы: «Менавіта змяненне і развіццё мовы вядзе да ўзнікнення варыянтаў на ўсіх яе ўзроўнях» [1]. У лінгвістычнай літаратуры няма адзінага меркавання наконт размежавання варыянтнасці і сінаніміі як з’яў фармальных і семантычных мадыфікацый слова на розных узроўнях мовы – фанетычным, марфалагічным, словаўтваральным і лексічным. Часцей паняцце варыянтнасці ўключаецца ў сінанімічныя адносіны, якія ахопліваюць усе аспекты слова як адзінкі мовы (Ю.Д. Апрэсян, А.Я. Баханькоў, Е.А. Іваннікава). Часам варыянтнасць разумеюць вельмі шырока - як трансфармацыю

слова, у якую ўваходзіць і з’ява сінаніміі (Ю. В. Слажэнкіна). І.Р. Шкраба разумее варыянтнасць як «лексіка-граматычны феномен мовы, які праяўляецца ў гістарычна рухомым суіснаванні відазмяненняў формы аднаго і таго ж слова» [2]. Зразумела, што вывучэнне варыянтнасці ў лексіцы ставіць адпаведную праблему і ў тэрміналогіі, паколькі тэрмінаадзінкі, як і агульнаўжывальныя словы, уступаюць у сістэмныя адносіны і рэалізуюцца ў варыянтах. У мовазнаўчай літаратуры няма адзінага пункту погляду на сінанімію і варыянтнасць у тэрміналогіі. Даследчыкі вызначаюць:

- адносную і абсалютную сінанімію (С.І. Коршунаў, Д.С. Лотэ, Э.А. Натансон);
- тэрміналагічную дублетнасць, якая ўключае тры віды: тэрміны-дублеты іншамоўнага паходжання, тэрміны – сінтаксічныя сінонімы і дэфініцыйную сінанімію (Б.Н. Галавін, Р.Ю. Кобрын);
- сярод сінанімічных тэрмінаў - тэрміналагічныя дублеты (трыплеты) і варыянты (В.С. Ахманавы і Т. Л. Кандэлакі);
- ідэаграфічныя і дублетныя тэрміны (В.П. Красней);
- тэрміны-сінонімы, тэрміны-дублеты і варыянты тэрмінаў (Л.М. Мінакова, С.М. Аніськова і А.А. Станкевіч);
- сінанімію і лексічную варыянтнасць тэрмінаў, або дублетнасць (Л.А. Антанюк);
- ідэаграфічныя і абсалютныя сінонімы, а таксама словаўтваральныя і фанематычныя варыянты (І.Р. Шкраба).

Такім чынам, можна сцвярджаць, што тэрміназнаўства яшчэ не выпрацавала агульных поглядаў на тэрмінаадзінкі, суадносныя з адным і тым жа паняццем.

Мэта дадзенай працы – размежаванне дублетнасці, сінанімічнасці і варыянтнасці граматычных тэрмінаадзінак у працах беларускіх мовазнаўцаў 1917 – 1926 гадоў ХХ стагоддзя.

Матэрыял і метады. Дзеля дасягнення пастаўленай мэты з дапамогай апісальнага, параўнальна-гістарычнага і статыстычнага метадаў прааналізаваны першыя беларускія граматыкі, слоўнікі, вучэбныя выданні і публікацыі ў друку на мовазнаўчыя тэмы з 1917 па 1926 год. Пачатковы вопыт нармавання марфалогіі і сінтаксісу беларускай мовы паслякастрычніцкага часу, першыя спробы уніфікацыі беларускай граматычнай тэрміналогіі ў час Акадэмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі 1926 года абумовілі выбар прац беларускіх мовазнаўцаў указаных гадоў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Абапіраючыся на манаграфію І.Р. Шкрабы аб варыянтнасці ў беларускай мове, працы Л.А. Антанюк, Б.М. Галавіна і Р.Ю. Кобрына, В.П. Красней, мы разумеем пад **варыянтнасцю** тыпалагічную з’яву, якая ахоплівае ўсе ўзроўні мовы і адлюстроўвае натуральныя зрухі ў сістэме мовы, падпарадкавана тэндэнцыям яе развіцця. З улікам гэтага мы прытрымліваемся класіфікацыі, згодна з якой у граматычнай тэрміналогіі вылучаюцца вырыянтныя, дублетныя і сінанімічныя тэрмінаадзінкі.

Да **тэрмінаў-дублетаў** адносім тэрміналагічныя найменні або іх кампаненты з розным моўным афармленнем і аднолькавай семантыкай, якія не маюць стылістычных і сэнсавых адрозненняў.

Пад **тэрміналагічнай варыянтнасцю**, услед за В.П. Краснеем, разумеем «разнавіднасці тэрміна, якія адрозніваюцца паміж сабой фанетычнымі і словаўтваральнымі элементамі ці сродкамі выражэння граматычных значэнняў, але не маюць ніякіх семантычных адценняў і поўнасцю супадаюць у сваім значэнні» [3]. З улікам гэтага вылучаем наступныя **тэрміналагічныя варыянты**:

а) **фанетычныя варыянты** – тэрмінаадзінкі, якія адрозніваюцца ў плане гукавой тоеснасці: знікненне фанемы або групы фанем у слове, развіццё прыстаўных гукаў, чаргаванне галосных і зычных гукаў, асіміляцыя, дысіміляцыя і рэдукцыя гукаў, сцяжэнне галосных фанем і спантанныя змены гукаў, якія не абумоўлены пазіцыйна і не ўплываюць на семантычныя адрозненні;

б) **арфаграфічныя варыянты** – тэрміналагічныя намінацыі, якія адрозніваюцца графічнымі асаблівасцямі, па большай частцы ў выніку рознай транслітарацыі тэрмінаадзінак з прац надрукаваных лацінкай або па прычыне неўнармаванасці беларускага правапісу;

в) **словаўтваральныя варыянты**, якія ўключаюць у сябе тоесныя тэрміналагічныя найменні з афіксальнымі адрозненнямі;

г) **марфалагічныя варыянты**, да якіх адносім тэрмінаадзінкі, якія вар’іруюцца ў межах катэгорыі роду і зваротнасці дзеясловаў;

в) **сінтаксічныя варыянты** тэрміналагічных найменняў, якія суадносяцца паводле будовы і супадаюць па значэнні. З улікам гэтага вылучаюцца тры групы сінтаксічных варыянтаў тэрмінаадзінак:

- варыянтная адпаведнасць “слова – словазлучэнне”;
- варыянтная адпаведнасць “словазлучэнне – словазлучэнне”;
- варыянтная адпаведнасць “поўная форма тэрміна – кароткая форма тэрміна”, якая ўключае ўтварэнне кароткай формы шляхам лексічных і словаўтваральных скарачэнняў.

У групу **тэрмінаў-сінонімаў** уключаем найменні, якія адрозніваюцца адценнямі значэння і аб’ёмам семантыкі.

Асаблівасцю развіцця беларускай граматычнай тэрміналагічнай лексікі 1917 – 1926 гадоў з’яўляюцца дублетнасць, варыянтнасць і сінанімічнасць тэрмінаадзінак, абумоўленыя інтэнсіўным функцыянальным развіццём беларускай мовы паслякастрычніцкага часу, натуральным працэсам яе стылістычнай дэферэнцыяцыі. Так, ужо на пачатку фарміравання граматычнай тэрмінасістэмы тэрмінанайменні ўтваралі полінайменныя рады, г. зн. адлюстроўвалі граматычную адзінку ці яе кампаненты ў выглядзе некалькіх (дзвюх або больш) мадыфікацый, якія па-рознаму дыферэнцыравалі суадносіны тэрмінамінацый з адпаведным лінгвістычным паняццем:

1. Тэрміналагічныя дублеты: *словачын – дзеяслоў, морфолёгія – формаслоўніца, кіраваньне – таварышаваньне, будучы проты час – проты форма будучага часу, дзеяслоўнае прыслоўе – сказная форма чынніка, дзейны стан – актыўны стан, залежны стан – пасыўны стан, скланеньне мужчынскага роду – мужчынскае скланеньне, будучы час – наступны час, іменная-дзеяслоўныя сказы - двухчленныя сказы і інш.*
2. Варыянтныя тэрміналагічныя найменні:
  - а) фанетычныя: *ступені прыраўнавання – ступні прыраўнавання, клікальны прыпадак – клічны склон, абвестны лад – абвяшчальны лад, дзеяслоў у асабовай форме – дзеяслоў у асабовай форме, акалічнасць мейсца – акалічнасць месца, прыметнік – прыкметнік, многасцьвяная – многасцьвяная лічба;*
  - б) арфаграфічныя: *цяперашні час – цяперашні час, мужчынскі род – мушчынскі род, лічбовыя лічэбнікі – лічбовыя лічэбнікі, займак – займак, прыменьні – прыйменьні, морфалёгія – морфолёгія, , іменьне прыметнае – іменьне прыметнае, абвестны лад - абвесны лад, безпрысудны сказ - беспрысудны сказ, лічэбнік - лічэбнік, , іменьнікі - іменьнікі;*
  - в) словаўтваральныя: *асабісты іменьнік – асабовы іменьнік, часьці мовы – часьціны мовы, злучнік – злуч, чыннік – чыннасць, іменьне – іменьнік - імя, найменьнік – найменьне, клікальны прыпадак – клічны прыпадак, прыметы якасці – прыметнікі якасці, сказьнік – выказьнік – казьнік, дзеяслоўны прыметнік - дзеяслоўная прымета – дзеяпрыметнік – дзеяпрымета ;*
  - г) марфалагічныя: *дзеяслоў – дзеяслова, спрагаць – спрагацца, жілаць – жілацца, дапасаваньне – дапасаваньне;*
  - д) сінтаксічныя:
    - “слова – словазлучэнне”: *варунковыя словы – варункі, незначальная форма – інфінітыў, імя назоўнае – назоўнік, навука аб казе – сынтас, імя – прадметнае іменьне, род – род іменьніка, спосаб злучэння – злучэнне, адмена чыннікаў – адмена;*
    - “словазлучэнне – словазлучэнне”: *два злучэнні чыннікаў – два спражэнні дзеясловаў, зваротнае дзеянне – зваротная чыннасць, дзеясловы будучага часу – дзельнікі будучага часу, мінуўшы час – проты час, прыметная форма чынніка – дзеяслоўны прыметнік;*
    - “поўная форма тэрміна – кароткая форма тэрміна”: *акалічнасць спосабу дзеяння – акалічнасць спосабу, граматычнае дапасаваньне – дапасаваньне, давальны склон – прыналежнасці – давальны прыналежнасці, граматычнае злучэнне слоў - словазлучэнне, адмоўнае прыслоўе – адмоўнасць, дапаможнае слова – дапаможнік.*
3. Сінанімічныя тэрмінаадзінкі: *кліч «выражае ўчуццё або паказвае розныя зыкі, да якіх чалавек сваім голасам хоча прыпадобніцца» [4] – галосьнік - «нязьменная часць мовы, выражаючая розныя раптоўныя ўзгалосы, або з прычыны парушэння души, або дзеля пасьледавання якіхколічы гукаў» [5]; казьнік «паказуе, што ў казанні кажацца, або што дзейнік дзеіць ці што з ім дзеіцца» [6] – выказьнік – «асабовая форма дзеяслова, адна ці ў злучэнні з іншаю часьцінаю мовы» [7]; чужаслоўе – «мова, каторую аўтар ці тая асоба, што гаворыць, перадае ад імя другой асобы так, як тая асоба сама гаварыла» [8] – проты мова – «тая мова, што перадае толькі змест чужой мовы» [8]; члены казу – «словы, з якіх складаецца сказ» [9].*

Як сведчыць граматычны матэрыял, большасць тэрмінанайменняў на пачатку аналізуемага перыяду (1917 – 1919 гады) уступаюць у сінанімічныя адносіны, г. зн., адлюстроўваюць розныя кваліфікацыйныя прыметы паняцця, адрозніваюцца аб’ёмам семантыкі. На нашу думку, такая

асаблівасць развіцця граматычнай тэрміналогіі ў гэты час абумоўлена тым, што ў гэты час у беларускім мовазнаўстве з’явіліся першыя даследаванні марфалагічных і сінтаксічных фактаў новай беларускай літаратурнай мовы (“Беларуская граматыка для школ” Б. Тарашкевіча і “Граматыка беларускай мовы” Б. Пачобкі), у якіх асноўным фактарам фарміравання структурнага адзінства граматычнай тэрміналогіі выступае паняццевае вызначэнне тэрмінаадзінкі.

Асаблівасць варыянтных ужыванняў 1920 - 1926 гадоў – дублетнасць і словаўтваральная варыянтнасць. У гэты час у якасці варыянтных пачынаюць выкарыстоўвацца інтэрнацыянальныя найменні або іх кампаненты, напрыклад: *выказальнасць* – **прэдыкатыўнасць**, *морфалёгічны назіранні* – морфалёгічны **аналіз**, *незначальна-асабовы сказ* – *незначальна-суб’ектыўны сказ*, *асабовы дзеяслоў* – *дзеяслоў у асабовай форме* – **флексыўная форма** дзеяслова, **морфалёгія** – **морфалёгія** – **формаслоўніца**, морфалёгічныя асаблівасці – морфалёгічныя **факты**, *выказьнік* – **прэдыкат**, *безасабовы сказ* – **бессуб’ектыўны** сказ, *незначальны лад дзеяслова* – **інфінітыўная форма** – **інфінітыў** і інш. Тэрміналагічны разнабой наглядаецца ў лінгвістычных працах 1920 – 1926 гадоў у выніку розных класіфікацый іменных часцін мовы, што абумовіла існаванне шматлікіх паралельных тэрмінаў з адпаведнымі сістэмнымі сувязямі (гл. табліцу 1).

Табліца 1. Рэпрэзентацыя іменных часцін мовы ў сучаснай граматычнай граматычнай тэрмінасістэме і тэрміналогіі 1920 – 1926 гадоў.

сучасны тэрмін	тэрмінанайменне 1920 – 1926 гадоў
назоўнік	<i>іменьне, іменьне назоўнае імя назоўнае, імя, іменьнік, прадмет, назоўнік, назоўнік іменны</i>
прыметнік	<i>прыметны, прыкмета, імя прыметнае, імя прыкметнае, назоўнік прыметны, прыметнік назоўны, прыметнік, прымета, прыметнік іменны, іменьне прыметнае</i>
лічэбнік	<i>імя лічэбнае, лічэбнік, іменьне лічэбнае, назоўнік лічэбны</i>
займеннік	<i>займак, займе, займя, займеньне, займеньнік, назоўнік займенны</i>

Такім чынам, пашырэнне дублетных тэрмінаадзінак і іх словаўтваральных варыянтаў граматычных намінацый падпарадкаваны агульнай тэндэнцыі станаўлення тэрміналагічнай сістэмы і выступаюць як сутнасць працэсу тэрмінаўтварэння ўвогуле.

Тэрміналагічныя дублеты, варыятыўныя і сінанімічныя граматычныя тэрмінаадзінак неаднародныя паводле колькасці кампанентаў. Сярод марфалагічных і сінтаксічных тэрмінаадзінак 1917 – 1926 гадоў вылучаюцца наступныя мадэлі паводле колькасці кампанентаў у адным радзе мадыфікацый граматычнай тэрмінаадзінак:

а) двухкампанентныя полінайменныя рады: *першае злучанне чыннікаў* – *першае спражэнне дзеясловаў*, *дзеяслоўнае прыслоўе* – *казаная форма чынніка*, *даданыя сказы даданых* – *падзалежныя сказы*, *уяўная асоба* – *незначальная асоба*, *злучальныя словы* – *злучнікавыя словы* і інш.;

б) трохкампанентныя полінайменныя рады: *дзеяслоўная прымета* – *прыметная форма чынніка* – *прыметная форма*, *асабовае займеньне* – *асабовы займак* – *асабісты займак*, *рады мовы - часьціны мовы* – *часьці мовы*, *акалічнасць* – *варункі* – *варунковыя словы*, *глаўны сказ* – *асноўны сказ* – *незалежны сказ*, *матэрыяльны іменьнік* – *відзімы іменьнік* – *прадметнае іменьне*, *злучані чыннікаў* – *спражэньні дзеясловаў* – *кон’югацыі чыннікаў* і інш.;

в) чатырохкампанентныя полінайменныя рады: *залежны прыпадак* – *родны склон* – *другі склон* – *частковы падзеж*, *многасцьвяная лічба* – *мносьцьвяная лічба* – *множнае чысло* – *множная лічба*, *дзіцячы род* – *ніпэўны род* – *ніякі род* – *сярэдні род*, *глагол* – *дзельнік* – *чыннік* – *дзеяслоў*, *прыкметнік* – *прылагацельнае* – *прымета* – *прыметнік*, *займеньне* – *займак* – *займя* – *заміжіменьнік*, *прадлог* – *прыймак* – *прыменьне* – *прымя* і інш.;

г) пяцікампанентныя полінайменныя рады: *лічны лічэбнік* – *лічнае чысло* – *назоўнік лічны* – *назоўнік лічэбны* – *лічны* – *лічнае іменьне лічэбнае*, *парадкавы лічэбнік* – *парадкавае чысло* – *прыметнік лічэбны* – *назоўнік лічэбны* – *прыметны* – *парадкавае іменьне лічэбнае*, *даданыя складны казаньня* – *даданыя словы* – *даданыя часьціны сказу*, *другародныя члены сказу* – *паясьняльныя словы*, *прадлог* – *прыменьне* – *прыменьнік* – *прымя* – *прыназоўнік* і інш.;

д) шасцікампанентныя полінайменныя рады: *сынтакс – сынтаксіс – складаньне – вучэньне аб членах сказу – тэорыі сказаў – навука аб сказе, іменьнік разумовы – абстрактнае іменьне – паняцьце непрадметнае – паняцьце разумовае – прадмет вобразны – прадмет разумовы;*

е) сямікампанентныя полінайменныя рады: *кароткі прыметнік – прыкметнік з кароткай формай – прыметнік з сыягнутаю формай – прыметнік няпоўны – прыметнік са скарачаным канчаткам – скарачаная форма прыметніка – сыягнутая форма прыметніка, заімак – займеньне – займе – займя – займеньнік – займенныя прыметнікі – назоўнік займенны, спосаб залежнага злучэньня – залежнае злучэньне – спосаб падпарадкаваньня – падпарадкаваньне – залежнасьць – злучальная залежнасьць – падлегласьць і інш.;*

ё) васьмікампанентныя полінайменныя рады: *зваротны стан дзеяслова – сярэдні стан дзеяслова – залежнае значэньне дзеяслова – дзеянне несапраўднага дзеяньня – зваротная форма дзеяслова – форма дзеяслова з часткамі –ся, -сь – зваротнае дзеянне – супольнае дзеянне;*

ж) дзесяцікампанентныя полінайменныя рады: *імя прыметнае – імя прыкметнае – іменьне прыметнае – назоўнік прыметны – прыметнік назоўны – прыметнік іменны – прымета – прыкмета – прыметнік – прыметны.*

У параўнанні з варыянтнымі радамі тэрмінаадзінак на пачатку аналізуемага перыяду (1917 – 1919), у 1920 – 1926 гадах назіраюцца іншыя колькасныя характарыстыкі полінайменных радоў. Нягледзячы на тое, што даследчыкі выкарыстоўвалі намінацыі ранейшых гадоў і стваралі новыя, паглыбляючы граматычныя паняцці, распрацоўваючы аспекты марфалогіі і сінтаксісу, якія не закраналіся раней, агульная варыянтнасць граматычных тэрмінаадзінак у 1920 – 1926 гадах панізілася на 10%, панізілася колькасць двух- і пяцікампанентных полінайменных радоў, з'явіліся шасці-, васьмі- і дзесяцікампанентныя полінайменныя рады (гл. табліцу 2).

Табліца 2. Полінайменныя варыянтныя рады граматычных тэрмінаадзінак 1917 – 1926 гадоў

колькасць кампанентаў у полінайменным радзе	колькасць тэрмінаадзінак у полінайменным радзе (1917 – 1919 гады)	колькасць тэрмінаадзінак у полінайменным радзе (1920 – 1926 гады)
двухкампанентны полінайменны рад	22,6%	8,5%
трохкампанентны полінайменны рад	3,7%	6,5%
чатырохкампанентны полінайменны рад	2,5%	2,3%
пяцікампанентны полінайменны рад	0,3%	1,2%
шасцікампанентны полінайменны рад	-	0,3%
сямікампанентны полінайменны рад	0,3%	0,4%
васьмікампанентны полінайменны рад	-	0,1%
дзесяцікампанентны полінайменны рад	-	0,1%
колькасць варыянтных тэрмінаадзінак	30%	20%

На нашу думку, павелічэнне колькасці кампанентаў у межах полінайменнага рада тэрмінаадзінак у 20-ых гадах цесна звязана з інтэнсіўнымі працэсамі фарміравання граматычнай тэрміналогіі, пошукамі агульнапрынятага моўнага афармлення марфалагічных і сінтаксічных паняццяў. Зніжэнне агульнай варыянтнасці граматычнай тэрміналогіі 1920 – 1926 сведчыць аб пачатковых праявах працэсу нармалізацыі тэрміналагічнай лексікі.

Заклучэнне. Такім чынам, пачатковы этап развіцця беларускай граматычнай тэрміналогіі характарызуецца разгалінаванай фанетычнай, арфаграфічнай, сінтаксічнай, марфалагічнай і

словаўтваральнай варыянтнасцю, дублетнасцю і сінанімічнасцю тэрмінаадзінак, неаднароднасцю полнайменных радоў паводле колькасці кампанентаў. Такая варыянтнасць і шматкампанентнасць полнайменных радоў граматычных тэрмінаадзінак на пачатковым этапе фарміравання граматычнай тэрміналогіі новай беларускай літаратурнай мовы абумоўлены агульнай тэндэнцыяй натуральнага развіцця мовазнаўчай тэрмінасістэмы і з’явілася перадумовай распрацоўкі аспектаў яе спарадкавання.

ЛІТАРАТУРА

1. **Гречко, В.А.** Теория языкознания: учеб. пособие / В.А. Гречко. – М.: Высшая школа, 2003. – 375 с.
2. **Шкраба І.Р.** Варыянтнасць у сучаснай беларускай мове (Структурна-граматычны і функцыянальна-дынамічны аспекты) / І.Р. Шкраба. – Мінск: ТАА: “Асар”, 2004. – 240 с.
3. **Красней, В.П.** Некаторыя асаблівасці беларускай навуковай тэрміналогіі Нашаніўскага перыяду і 20-ых гадоў / В.П. Красней // Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 1994. – № 2. – С. 30 – 35.
4. **Тарашкевіч, Б.** Беларуская граматыка для школ / Б. Тарашкевіч. - Вільня: Друкарня М. Кухты, 1918. – 62 с.
5. **Расобка, В.** Граматыка bielaruskaj mowy / В. Расобка. - Wlclnia: Drukarnia "Homan", 1918. - 24 s.
6. **Станкевіч, Я.** Беларуская правапісь: 3 практыкаваннямі. Кніжка 1 / Я. Станкевіч. – Вільня: Друкарня “Віленскага выдавецтва” Б. Клецкіна, 1921. – 32 с.
7. **Лёсік, Я.** Сынтакс беларускае мовы. / Я. Лёсік. – Менск: ДВБ, 1924. – 268 с.
8. **Лёсік, Я.** Школьная граматыка беларускае мовы / Я. Лёсік. – 4-е выданьне, нанова напісанае. – Менск: Белдзяржвыдавецтва, 1926. – 184с.
9. **Лёсік, Я.** Сынтакс беларускае мовы / Я. Лёсік. – 2-е выд., пераробленае. – Менск: ДВБ, 1926. – 272 с.

Радзюк Вольга Валер’еўна – аспірант кафедры беларускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
210026 г. Віцебск, вуліца Праўды, дом 58, корпус 3, кватэра 51
тэл. хатні 48-09-98, мабільны МТС 511-76-63
E-mail olga-radzyk@rambler.ru

«Роль» как средство структурирования дискурсивного пространства в формате политического ток-шоу (на материале русского и немецкого языков)

Я.Р. Зинченко

Белорусский государственный университет

В статье представлен опыт дискурсивного анализа ролевого взаимодействия участников политического ток-шоу с позиций каузально-генетического подхода: выделение и обоснование трех элементов содержания дискурс-категории «роль», демонстрация технологии анализа и реконструкции содержания дискурс-категории. Реконструкция категории демонстрирует механизм формирования содержания ролевого взаимодействия участников политического ток-шоу путем раскрытия коммуникативного, социального и аксиологического факторов его [взаимодействия] содержания. Эмпирическая база статьи – по одному выпуску российского ток-шоу «К барьеру!» (канал НТВ) и немецкого ток-шоу «Sabine Christiansen» (канал Das Erste).

Ключевые слова: ролевое взаимодействие, дискурс-категория «роль», реконструкция содержания

“Role” as a tool of discourse construction in the format of a political talk show (based on Russian and German language materials)

Yanina Zinchenka

Belarusian State University

In this article the experience of discourse analysis of the role interaction of the participants of a talk show is presented from the point of view of causal and genetic approach: singling out and substantiation of the “role” discourse category, demonstration of analyses techniques and category content reconstruction. The category reconstruction illustrates the actualization of role interaction mechanism build under the influence of three groups of factors: communication-related, social-related and value-related. The empirical base of article are scripts of one Russian (K bar' eru!, NTV-Channel) and one German (Sabine Christiansen, Das Erste) political talk-shows.

Key words: role interaction, discourse category “Role”, content reconstruction

Понятие «роль» распространено в социальной философии, социальной психологии, лингвистике. Различается и толкование данными дисциплинами сущности ролей и их значения в процессе коммуникации и общения людей. В политической коммуникации роли политических лидеров приобретают особое значение, так как позволяют политикам и/или общественным деятелям позиционировать себя в определенном качестве. Политические ток-шоу представляют собой тот формат, в рамках которого взаимодействие с партнерами по ток-шоу и аудиторией приобретает черты ролевого взаимодействия. Роли же выступают как

средство общения участников ток-шоу друг с другом, а также осуществления коммуникации с аудиторией и, оказывая на нее определенное воздействие. В этой связи роли рассматриваются нами как средство структурирования дискурсивного пространства в его социальном, коммуникативном и аксиологическом измерениях.

Ролевой аспект коммуникации и общения имеет свои теоретические предпосылки, восходящие к работам западноевропейских и американских социальных философов: Ральфа Линтона (Ralph Linton), Ральфа Дарендорфа (Ralf Dahrendorf), Талкотта Парсонсона (Talcott Parsons), Джорджа Г. Мида (George H. Mead), Питера Бергмана и Томаса Лукмана (Peter Bergman and Thomas Luckman) и др. В свою очередь, в социологии категория «социальная роль» вводится наряду с категорией «социальный статус», которую рассматривают в качестве структурного элемента общества. Здесь роль является отображением социального статуса во всем его многообразии и рассматривается как модель поведения субъекта в соответствии с его набором социальных статусов [1]. Таким образом, роль предстает и как атрибутивный элемент социального статуса, и как регулятор отношений между субъектами социальной коммуникации, выражаемый в ожиданиях (экспектациях). Представления о ролях как инструменте осуществления социальной коммуникации представлены в социально-психологической теории ролей [2], [3].

В отличие от теории ролей, которая сосредоточена на характеристиках субъекта, дискурсивный анализ смещает акцент на «методы конструирования» субъекта [4]. В частности такие модели субъекта теоретически и практически разработаны в рамках социального конструкционизма: теория дискурса Дж. Лакло и Ш. Муффа, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология, комплексная модель Л. Филипса и М.В. Йоргенсен [5]. Белорусский подход к анализу дискурса представлен каузально-генетическим моделированием содержания текста/дискурса [6], [7] в рамках которого осуществлялся представленный в статье анализ. В фокусе данного типа анализа находится субъект – ориентированное и предмет – ориентированное содержание дискурса, актуализованное в речевых произведениях (речи политиков и т.п.) и макротекстах (интернет-страницы, газеты и т.п.).

В лингвистике имеется, как минимум, три вектора трактования ролей: социальные роли, коммуникативные роли, ценностно-нагруженные. В социолингвистике понятие «социальная роль» опирается на социологизаторскую трактовку ролей (Карасик, Е.Ф. Тарасов, Л.П. Крысин, В.А. Аврорин, И.А. Стернин и др.): «устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека. Ролевое поведение есть поведение человека, занимающего определенную социальную позицию в соответствии с ожиданиями людей» [8, с.11]. Дефиниция «коммуникативная роль» (у И.А. Стернина [9, с. 85], у М.К. Ветошкиной [10], О.С. Иссерс [11, с. 196]) подчеркивает функционально-коммуникативный характер роли как средства осуществления общения. В качестве формального средства организации устного общения роли рассматриваются в рамках коммуникативно-прагматической лингвистики, где выделяют такие роли как: «адресант» и «адресат», «инициатор» и «разработчик» темы, «слушающий» и «говорящий» и т.п. [Там же, с. 213], [12, с. 22].

И, наконец, последний вектор – роли для оказания эмоционального и идеологического воздействия. Данный план ролевого взаимодействия детерминирован культурной средой, что погружает исследователя в аксиологическое измерение, которое определяется при помощи таких категорий как «ценности», «верования», «убеждения», «нормы». В политическом дискурсе трансляция убеждений, верований, ценностей и эмоций является частью взаимодействия, так как напрямую связано с идеологическими установками [13]. О.С. Иссерс выделяет роли данного типа в отдельный микроблок, структурирующий модель имиджа (образа) политика [11, с. 200].

Полифункциональность ролей как средства осуществления коммуникации, общения и оказания воздействия позволяет более детально взглянуть на содержание процесса взаимодействия в аспекте того, каким образом субъекты коммуникации структурируют дискурсивное пространство: устанавливают контакт и поддерживают общение, иллюстрируют в процессе общения свои знания, мнения, эмоции, оценки, транслируют информацию о себе как социальных субъектах. Тем не менее, открытыми для дискуссий остаются вопросы

классификации ролей для определенного типа общения, аксиологическое измерение ролевого поведения субъекта в процессе социальной коммуникации и в конкретных ситуациях общения, вопросы выделения речевых маркеров и способов актуализации в речи. Ответы на данные вопросы (только для определенного типа дискурса) могут быть получены посредством моделирования содержания процесса ролевого взаимодействия, актуализованного в определенном дискурсивном пространстве. Одним из таких подходов, позволяющим синтезировать социальное и речевое (а значит и лингвистическое) измерения, стал для нас каузально-генетическое моделирование содержания дискурса / текста, предложенный И.Ф. Ухвановой.

В рамках изучения процесса и продуктов массовой политической коммуникации существует ряд прикладных методов моделирования субъекта, учитывающих ролевой аспект (см. дополнительно у Г.Г. Почепцова [14, с. 442 – 446]). В рамках академических дискурсивных исследований в русскоязычной традиции в качестве примеров необходимо назвать социолингвистическую статусную модель В.И. Карасика, модель образа адресата в средствах массовой коммуникации Т.В. Чернышовой [15], коммуникативные стратегии и тактики О.С. Иссерс.

В рамках каузально-генетического подхода к анализу дискурса роль рассматривается как элемент дискурса, т.е. выступает в качестве его содержательной характеристики или «адресант-идентифицирующей» категории и определяется как средство «демонстрации или приписывания адресантом себе определенных ролей в процессе общения» [6, с. 16 – 17]. Немаловажным аспектом для раскрытия сущности категории «роль» выступает понятие «кортежное взаимодействие», которое понимается как отражение и конструирование «единства общающихся субъектов» в «содержании самого процесса коммуникации, равно как и в его продукте (тексте) [7, с. 25]¹.

Резюмируя всё выше сказанное, следует отметить, что с позиций каузально-генетического моделирования дискурса в фокусе внимания оказывается «глубинный срез» ролевого поведения субъекта, детерминированного рядом лингвистических и нелингвистических факторов. Взаимодействие в таком ракурсе представляет собой процесс моделирования образа с одной стороны, интерпретации данного образа и адекватной на него реакцией, с другой. Следовательно, содержание ролевого взаимодействия формируется на основании всех заявленных (актуализованных) в речи субъектами общения ролей, которые транслируют *социальный статус, указывают на формальную позицию во время общения, транслируют ценности*.

Наша **исследовательская цель** заключается в построении дискурсивной модели механизма взаимодействия участников политического ток-шоу. В качестве одного из аспектов взаимодействия был выделен функционально-ролевой. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выявление элементов содержания механизма ролевого взаимодействия участников политического ток-шоу; установление связей между данными элементами; реконструкция взаимодействия участников в функционально-ролевом аспекте.

В данной статье представлено обоснование содержания дискурсивной категории «роль», которая выступает как средство структурирования дискурсивного пространства, приводится краткое описание технология анализа, излагаются результаты проведенного исследования. Содержательные элементы категории были предложены в качестве рабочих в результате аналитического обзора литературы по данной проблематике. Приведенная в статье классификация и модель являются результатом анализа и реконструкции механизма

---

¹ По этому поводу мы находим у Г. Г. Почепцова: «в случае коммуникации речь уже идет о двустороннем процессе, где и генератор и получатель информации обладают активными, формирующими эту коммуникацию ролями» [14, с. 296]; у Н.Д. Арутюновой речь идет о «согласованности параметров говорящего и слушающего» [16, с. 357-358], у Э.Б. Яковлевой о наличии знаний, связанных с «целями общения, а также ролью и статусом собеседников» [12, с. 23].

формирования содержания ролевого взаимодействия, актуализованного в речи участников политического ток-шоу.

Разработка технологии анализа строилась на основании выведенного теоретическим путем дискурсного измерения субъекта, которое реализуется в процессе коммуникации. В этой связи была выдвинута рабочая гипотеза о том, что содержание дискурс-категории «роль» формируется под влиянием *коммуникативных, социальных и аксиологических* факторов и является универсальным для данного типа дискурса. Следовательно, реконструкция механизма актуализации проводится с учетом всех трёх измерений в речи участников на уровне субъект – ориентированного содержания дискурса².

Материалом анализа выступили скрипты 2-х политических ток-шоу: немецкого ток-шоу «Sabine Christiansen» (канал «Das Erste» ‘Первый’, ФРГ), выпуск от 03.06.2007 г.; российского ток-шоу «К барьеру!» (канал НТВ, РФ), 168-й выпуск от 21. 02. 2008 г.

Основными методами исследования являются кейс-стади (как метод формирования выборки), каузально-генетическое моделирование содержания дискурса / текста, стилистический анализ языкового материала, интерпретационный анализ. На этапе сбора исследовательского материала применялись техники: составление индивидуальных карт ролей для каждого участника ток-шоу методом сплошной выборки по тексту. На этапе анализа: функциональный анализ ролей в контексте ситуации общения; выделение и лингвокультурологический анализ оппозиций; описание языковых и речевых средств оформления ролей в речи; интерпретационный анализ; контрастивный анализ и составление сводных карт ролевого взаимодействия участников; классификация ролей. На заключительном этапе – построение модели ролевого взаимодействия (реконструкция содержания).

Опираясь на теоретические размышления и **результаты исследования**, мы предлагаем различать три аспекта (элемента категории), реконструкция которых демонстрирует динамику формирования содержания ролевого взаимодействия участников политического ток-шоу: 1) *коммуникативно-форматные роли*, 2) *статусные роли*, 3) *коммуникативные ценностно-нагруженные роли*. Ниже приводятся краткое обоснование параметров содержания трех элементов категории и примеры³.

Карты реконструкции содержания дискурс-категории «роль» (табл.1) демонстрируют в обобщенном виде распределение ролей, актуализованных в речи участников обоих ток-шоу. Данные карты составляются на материале индивидуальных карт и сводных таблиц

Таблица 1 Реконструкция содержания категории «роль»

ок-шоу	Форматные	Статусные	Ценностно-нагруженные
--------	-----------	-----------	-----------------------

² Субъект в процессе общения обладает следующими характеристиками: 1) ограничен ситуацией общения, которая приписывает ему отношения (функции) и правила поведения в соответствии с заданными форматом функциями; 2) обладает статусным набором, что предполагает наличие определенного набора социальных и коммуникативных ролей в его репертуаре; 3) обладает системой ценностей, которая транслируется в процессе общения; 4) обладает набором индивидуальных и лингвопсихологических характеристик (особенности речи).

³ В связи с ограничениями по количеству знаков примеры в статье приводятся не в полном объеме.

К барьеру!	<ul style="list-style-type: none"> - Ведущий - Дуэлянт - Секундант - Судья 	<ul style="list-style-type: none"> - Политики - Чиновники - Менеджеры - Люди искусства - Бизнесмены - Журналисты - Ученые - Мигранты 	<ul style="list-style-type: none"> - Странники независимости Косова - Противники независимости Косова - Странники современного миропорядка - Критики современного миропорядка - Очевидец - Патриот
Sabine Christiansen	<ul style="list-style-type: none"> - Ведущая - гости на подиуме - гости среди публики 	<ul style="list-style-type: none"> - Политики - Общественные деятели - Члены политических партий - Члены общественных движений - Депутаты парламента - Правительственные чиновники - Граждане Германии - Граждане Европы - Ученые - Банкиры - Бизнесмены - Общественные деятели/активисты 	<ul style="list-style-type: none"> - Глобалисты - Антиглобалисты - Странники G8 - Критики G8 - Нейтральные люди по отношению к G8 - Очевидцы

1. Коммуникативно-форматные роли выступают средством конструирования и формализованного взаимодействия (у каждого участника есть своя функция в структуре ток-шоу). Согласно данным статусам участникам приписываются определенные коммуникативные действия или роли. Напр., в ток-шоу «К барьеру!» роли данного плана распределены следующим образом: Ведущий ведет передачу и дискуссию, следит за выполнением процедур и регламента: *Уважаемы господа, Вы готовы к дуэли? Прошу сходитьсь.* Дуэлянт, секундант – участники дискуссии, являются инициаторами и разработчиками темы: *Господин З., мне кажется, что в вопросе Косово Россия заняла очень негибкую позицию, в результате стала заложником других стран, других политиков, других проблем. Мне кажется, что такая позиция загоняет Россию в угол. Благодаря таким политикам как Вы Россия лишается свободы рук. Я вызываю Вас к барьеру!* Судьи наблюдают и оценивают дискуссию: *По совокупности аргументации и умения вести диалог, работы команды и позиции, я отдаю свой голос З.* В ток-шоу «Sabine Christiansen» инициатором дискуссии выступает ведущая, которая также моделирует дискуссию, регламентирует высказывания участников, задает вопросы: *Aber denn noch möchte ich, Herr K., Sie fragen: Waren Sie gestern dabei?* – ‘Но я бы хотела спросить Вас, господин К.: Вы были вчера там?’ Участники, в основном, являются разработчиками уже предложенной темы, хотя и могут брать на себя инициативу, руководствуясь при этом своими собственными коммуникативными целями: *Das ist nämlich die höchste Zeit, dass alle, die hier sitzen sagen: „Leute! Hört mit dem Quatsch auf!“* – ‘Самое время, чтобы все присутствующие здесь сказали: «Народ! Прекратите эту бессмысленную перебранку»’.

2. Статусные/социальные роли соотносятся с набором социальных статусов индивида. Они выполняют номинативную и атрибутивную функции в процессе общения. Статусные отражают социокультурный план содержания дискурса, фиксируют информацию о принадлежности субъекта к той или иной социальной позиции. Статусные роли эксплицируются в определенных ситуациях: представление участников, ссылка на профессию, образование, национальность и пр. В ток-шоу «К барьеру!» представлен следующий

социальный ролевой портрет участников: *представители творческой, научной, политической элиты - служащие верхнего звена - представители бизнеса - журналисты - мигранты.* Напр.: *Позвольте представить наших судей: (крупным планом) бизнесмен К. Поэтесса В. Консультант по управлению Н. И, актер и режиссер Б.* В ток-шоу «Sabine Christiansen»: *политики - граждане Германии, Австрии, Бангладеш, Ирландии - граждане Европы – граждане мира - люди с разным достатком - ученые - музыканты - члены политических партий и общественных движений - бизнесмены.* Напр.: *Ich komme aus Bangladesch.* – ‘Я из Бангладеш.’; *Christoph Kleine: Mitorganisator „Block G8“, Mitglied der Interventionistischen Linken* – ‘Кристофер Кляйне: член оргкомитета «Блокируй Большую восьмерку», член движения «Интервенционные левые»’ и т.д.

3. Коммуникативные ценностно-нагруженные роли – средство воплощения эмоционально-экспрессивного план дискурса, оценок, базирующихся на системе ценностей. Напр., в речи участников ток-шоу «К барьеру!» посредством этих ролей транслируются такие ценности как: «*верность*», «*дружба*», «*справедливость*». В ролях данного типа актуализована оппозиция *свои/чужие*, которая представлена такими вариантами как: «*мы – они*», «*Россия – Америка*», «*Россия – Европа*», «*Россия – НАТО*», «*Россия – СБ ООН*». Оппозиция зафиксирована в ролях нескольких участников и транслирует негативную оценку существующего миропорядка, подчеркивает справедливость позиции России. Напр.: *Мы можем, только проиграв, знаете, как брошенная жена: «А он был такой плохой! Я справедливости хочу, пусть вернет (небольшая пауза) косметичку, нужный подарок.»; И Россия, вместо того, чтобы сейчас тихо, спокойно сесть и сказать: «Ребята! Новые правила игры. Да, мы проиграли, давайте смотреть, договариваться, проявлять гибкость». Мы говорим: «Мы тут такие гордые!* П посредством ценностно-нагруженных ролей в речи участников «Sabine Christiansen» актуализована оппозиция «*сторонник-противник*», представленная такими вариантами как: «*критик-защитник*», «*глобалисты-антиглобалисты*». Варианты оппозиции: «*мы-они*», «*индустриальные страны-другие страны*». Центральным в дискуссии выступает концепт «*глобализация*». П посредством данных ролей транслируются такие ценности как «*плюрализм*», «*свобода*», «*выбор*». Напр.: *Ich bin einfach ein klarer Globalisierungsbefürworter.* – ‘Я однозначно являюсь сторонником глобализации.’; *Und keiner von uns ist in die Politik gegangen, um in dieser Art und Weise Zäune zwischen uns und der Bevölkerung zu bauen. Das ist für jeden demokratischen Politiker eine Katastrophe, wenn er das erleben muss.* – ‘И никто из нас не шел в политику с тем, что таким образом возводить заборы между нами и населением. Это означает катастрофу для любого политика-демократа, если ему приходится пережить такое’ и т.д.

Для каждого отдельно взятого участника набор ролей в количественном и качественном измерении будет различаться. Приведем примеры только с форматными и ценностно-нагруженными ролями. Напр., коммуникативно-форматные роли в «К барьеру!» строго регламентированы: 2 ведущих (В. Соловьев и «голос за кадром»), 2 дуэлянта, 4 секунданта, 4 судей, публика в студии. В ток-шоу «Sabine Christiansen»: ведущая, 6 гостей на подиуме, 1 участвует дистанционно (включение в студию), 2 гостя находятся среди публики. Ценностно-нагруженные роли среди участников (сторонники/противники независимости) распределились следующим образом. В ток-шоу «К барьеру!»: за независимость Косово выступил 1 дуэлянт (он же работает в США в Институте мировой безопасности), против – 9 участников (1 дуэлянт – член государственной Думы, житель Италии, несколько журналистов и научных сотрудников, люди искусства). Ведущий не обозначил какой-либо четкой позиции по этому поводу. В «Sabine Christiansen»: в качестве сторонников глобализации себя позиционировали 3 участника (федеральный министр по вопросам окружающей среды, министр внутренних дел земли Бранденбург, бывший министр финансов Австрии); против – 3 участника (член партии DIE LINKE. – он же председатель фракции в немецком парламенте, организатор демонстрации, певец); высказались нейтрально – 3 участника (бывший директор ПРООН – член партии СДПГ, Нобелевский лауреат премии мира – он же гражданин Бангладеш, жительница города Халигендамм). Ведущая не высказывала какой-либо определенной позиции.

Заключение. Анализ показал, что посредством коммуникативно-форматных ролей в речи участников устанавливаются формальные отношения между участниками ток-шоу и телевизионной аудиторией, которые являются частью формата. В этом качестве роли выступают *средством организации дискурса* на уровне локальной когерентности. Статусные роли выполняют *номинативную* и *атрибутивную функцию*, так как содержат релевантную информацию об участниках ток-шоу, рисуют социальный портрет отдельно взятого участника ток-шоу и всех участников в целом. Коммуникативные ценностно-нагруженные роли составляют аксиологический план содержания, выполняют *атрибутивную функцию*: транслируют информацию эмоционально-экспрессивного характера, ценностно-нагруженную (убеждения и политические взгляды участников). Статусные и ценностно-нагруженные роли регулируют социокультурный порядок организации полемического дискурса на уровне трансляции субъект-ориентированной информации.

Каждый из участников ток-шоу, который принимает участие в полемической дискуссии, обладает следующим типовым набором ролей (рис. 1), которые соотносятся с различными уровнями содержания дискурса: на уровне ситуации общения и на уровне социокультурной реальности.

Рисунок 1 Соотношение набора ролей субъекта-участника полемического дискурса с уровнями дискурса

Таким образом, роли образуют своеобразный каркас, на котором строится взаимодействие участников ток-шоу друг с другом и с телевизионной аудиторией. Динамика формирования содержания ролевого взаимодействия проявляется в том, что роли постулируются, с одной стороны, в процессе протекания ток-шоу, при этом не имеет значения, кто вводит роль: сам говорящий, либо ведущий ток-шоу или интерактивный текст (формат немецкого ток-шоу). С другой стороны, роли в речи участников ток-шоу возникают в ходе развития дискуссии, по принципу «стимул-реакция», и определяются контекстом общения и темой дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко, А.И. Глава 5. Социальные роли / А.И. Кравченко. Социология. Общий курс: Учебное пособие для вузов. – [Электронный ресурс] – ПЕРСЭ; Логос, 2002. – 640 с. – Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/1/library>. – Дата доступа: 12.06.2010.
2. Soziale Rolle. Deutsche Enzyklopädie. – [Elektronik Ressource] – Mode of acces: http://www.calsky.com/lexikon/de/txt/s/so/soziale_rolle.php. Date of access: 20.05.2010.
3. Горностай П.П. Теория ролей / П.П. Горностай, Т.А. Титаренко // Психология личности: словарь-справочник. – [Электронный ресурс] – Киев: "Рута", 2001. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/psiteol/txt38.htm>. – Дата доступа: 12.06.2010.
4. Поттер, Дж. Дискурс и субъект / Дж. Поттер, М. Уезерел // Психологическая библиотека «Самопознание и саморазвитие» Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. – [Электронный ресурс] – Киев, 2010. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/pottu01.htm>. – Дата доступа: 20.06.2010 г.
5. Филипс, Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод/ пер. с англ. – Харьков:

- Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
6. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.3. – Минск: «Технопринт», 2002. – 360 с.
  7. Ухванова-Шмыгова, И.Ф. Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И.Ф. Ухванова-Шмыгова, Е.В. Савич, Н.В. Ефимова // Вып.6. – Минск: «Издательский центр БГУ», 2009. – 216 с.
  8. Карасик, В.И. Язык социального статуса /В. И. Карсик. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
  9. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. Воронеж, 2001. – 252 с.
  10. Ветошкина, М.К. О непосредственно составляющих диалога/ М.К. Ветошкина // Функционирование и развитие языковых систем: сб. науч. тр./ под ред. А.П. Клименко. – Минск, 1990. – С. 13-19.
  11. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс // Москва: КомКнига, 2006. – 288 с.
  12. Яковлева, Э.Б. Многосторонние формы общения: Полилог как объект лингвистического анализа: Аналитический обзор / Э.Б. Яковлева; Отв. ред. С.А. Ромашко – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 72 с.
  13. Дейк Ван, Т. Язык и идеология / Т. ван Дейк // Методология исследования политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып.2. – Минск: БГУ, 2000. – С. 50-63.
  14. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – [Электронный ресурс] – Москва: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер» – 2001. – Режим доступа: <http://www.nir.ru/socio/articles/poch.htm>. – Дата доступа: 30.06.2010. – 656 с.
  15. Чернышова, Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата / Т.В. Чернышова // Монграфия под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2005. – 293 с.
  16. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40, № 4. – Москва: Наука, 1981 г. – С. 356 – 367.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ф.И.О. Зинченко Янина Родионовна

Учёная степень: нет

Место работы и занимаемая должность: старший преподаватель кафедры германских языков ф-та международных отношений БГУ.

Адрес для переписки: ул. Кропоткина, 51 - 1103
220002 Минск

Язык купчих, жалованных и духовных грамот XIV – XVI вв. в аспекте сравнительно-сопоставительного лингвостилистического анализа

О.А. Климкович

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

В статье рассматриваются аспекты сравнительно-сопоставительного лингвостилистического анализа деловых текстов XIV – XVI вв., обозначена актуальность подобного исследования, определены методы и круг рассмотренных источников. Автором проведено сопоставление жалованных, купчих и духовных грамот на основе шести модальных жанровых признаков, выявлено четыре аспекта сравнительно-сопоставительного исследования: 1) характеристика структурно-смысловой организации текстов; 2) исследование способов вербальной презентации общих смысловых единиц текстов; 3) изучение стилистически маркированных средств синтаксического уровня; 4) определение степени влияния социальной роли адресата и адресанта на оформление документа.

Анализ структурно-смысловой организации деловых текстов проводится путем вычленения и описания самостоятельных смысловых блоков. Необходимыми составляющими такого анализа является характеристика способов их вербальной презентации, описание лексического и синтаксического варьирования. Это позволяет наиболее точно охарактеризовать стилистическое своеобразие языка актов с учетом их жанровой и локальной отнесенности.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, модальные жанровые признаки, деловые тексты, стилистический язык.

The language of XIV – XVI century purchase, award and religious licenses in the aspect of comparative linguistic and stylistic analysis

O.A. Klimkovich

Establishment of education «Vitebsk state university named after P.M.Masherov»

The article considers aspects of comparative linguistic and stylistic analysis of XIV – XVI century business texts, the actuality of the research is stressed, methods and sources are defined. The author conducted a comparison of purchase, award and religious documents on the basis of six modal genre features, four aspects of comparative research have been singled out: 1) characteristics of structural and sense organization of texts; 2) study of the ways of verbal presentation of general sense units; 3) study of stylistically marked means of syntactic level; 4) definition of the degree of the influence of the social role of the addresser and the addressee in the form of the document.

The analysis of structural and sense organization of business texts is conducted by singling out and describing individual sense blocks. The necessary component of such analysis is the characteristic of their verbal presentation, description of lexical and syntactic variety. This allows to precisely characterize stylistic peculiarity of the language of the documents taking into account their genre and local reference.

Keywords: linguistic and stylistic analysis, modal genre features, business texts, stylistic language.

Роль языка деловой письменности в становлении и развитии национальных языков неоднократно подчеркивается в работах Ф.П. Филина, С.П. Обнорского, Д.С. Лихачева и других исследователей. Полифункциональность, народно-разговорная основа и, наконец, большой корпус сохранившихся текстов предопределяют его многоаспектное исследование с конца XVIII в. – начала XIX веков. В рамках исторической стилистики, основы которой были заложены в работах Г.О. Винокура и развиты в трудах М.Н. Кожинной, З. К. Тарланова, В. В. Колесова, Д.С. Лихачева, А.И. Горшкова, со второй половины XX века осуществляется описание основных стилеобразующих признаков деловых текстов эпохи средневековья на основе документов, характеризующихся жанровой или региональной общностью. С.С. Волковым рассмотрены челобитные грамоты В.Я. Дерягиным – двинские купчие грамоты и важские порядные записи, Е.И. Зиновьевой кабальные книги Московского государства XVII вв., О.В. Бараковой таможенные книги XVII века. В исследованиях анализируются стилистические ресурсы отдельных языковых уровней и их изменение в диахронии, рассматриваются вопросы зарождения и становления стилистической системы языка, ее характеристики на отдельных этапах развития, соотношение между собой отдельных стилистико-речевых разновидностей, их взаимодействие и взаимопроникновение. Особое внимание уделяется структурно-смысловому построению текстов разных жанров, формированию закономерностей отбора и организации языковых средств в определенных группах текстов. При этом основными факторами развития стилистической системы становятся экстралингвистические: изменения в материальной, политической, духовной жизни общества [1, с.417]. Антропоцентризм исторической стилистики проявляется в том, что любые изменения стиля отражают, прежде всего, изменения в мышлении человека, так как «стиль – это всегда изменение по линии язык – мышление» [1, 417].

Цель работы – определить аспекты сравнительно-сопоставительного лингвистического анализа языка купчих, жалованных и духовных грамот периода XIV-XVI вв., созданных на территории Московского, Новгородского княжеств и Великого княжества Литовского.

Актуальность представленной работы обусловлена отсутствием сравнительно-сопоставительных историко-стилистических исследований неоднородных в жанровом отношении текстов, созданных в разных регионах. Необходимость проведения исследования определяется следующими фактами: а) нерешенностью до настоящего времени вопроса об эволюции языка отдельных жанров деловой письменности; б) отсутствием исследований стилистического своеобразия значительного корпуса деловых текстов, созданных на территории Великого княжества Литовского; в) отсутствием исследований, посвященных сопоставительному диахроническому изучению формуляра и языковых особенностей грамот, созданных на разных территориях.

Материал и методы исследования. Методологической основой является комплексный подход к изучаемому материалу. Основными методами представленной работы выступают: 1) сравнительно-сопоставительный метод; 2) источниковедческий метод, 3) метод формулярного анализа, 4) описательный метод.

Материалом для исследования послужили тексты духовных, купчих и жалованных грамот XIV – XVI вв., извлеченные методом сплошной выборки из фундаментальных изданий актового материала XIX – XXI веков. Общее число рассмотренных актов составляет 1449 грамот. Предметом исследования стала структурно-смысловая организация и стилеобразующие ресурсы лексики и синтаксиса, определяющие жанровую и территориальную специфику документов.

Период XIV-XVI вв. можно рассматривать как начальный этап становления особого стиля деловых документов на территории восточных славян. Основными чертами этого периода становится формирование местных традиций делопроизводства и изменение роли актового текста в жизни социума.

При изучении актового материала с позиций исторической стилистики основным параметром становится жанр текста. Под жанром понимается класс документов, объединенных общей текстовой модальностью. В свою очередь «модальность – это отношение текста к действительности, заданное ему говорящим и оцененное слушающим» [2, с. 19]. При этом в «разное время и в разных канцеляриях могут образовываться и реально образуются близкие по модальному содержанию виды документа» [2, с. 21]. Понятие жанра относительно документов до XVIII века может быть применено несколько условно. Маркером жанровой характеристики становится самоназвание акта.

Результаты и их обсуждение. Жалованные, купчие и духовные грамоты характеризуются, с одной стороны, общностью целевой установки – закрепить передачу имущественных прав, с другой стороны, согласно классификации А.Н. Качалкина [2, 45-54], они отличаются по некоторым

модальным признакам (см. табл. 1). Эти отличия позволяют наиболее точно выявить общестилистические и собственно-жанровые черты языка актовых текстов.

Таблица 1.

<i>Модальный признак</i>	<i>Духовные</i>	<i>Жалованные</i>	<i>Купчие</i>
<i>1) признак времени составления документа ко времени действия акта</i>	будущее время	будущее время	прошедшее время
<i>2) отношение государственного и частного права</i>	а) адресант и адресат выступают как частные лица б) адресант – частное лицо, адресат – представитель власти (духовные с вкладом в церковь)	а) адресант – представитель власти, адресат – частное лицо, б) адресант и адресат представители власти (светской и духовной)	а) адресант и адресат выступают как частные лица б) адресант – частное лицо, адресат – представитель власти (купчие церквям)
<i>3) а) иницируемость б) движение документа по иерархии</i>	инициируемые как между лицами, стоящими на одной ступени, так и в направлении сверху-вниз, снизу-вверх	инициирующие направление сверху вниз, когда адресант был выше адресата.	инициируемые как между лицами, стоящими на одной ступени, так и в направлении снизу-вверх
<i>4) история текста документа, его источник.</i>	устный источник	возможно наличие устного и письменного источника	устный источник
<i>5) отношение текста к предметной ситуации</i>	конкретность отношения текста к предметной ситуации	конкретность отношения текста к предметной ситуации	конкретность отношения текста к предметной ситуации
<i>б) воспроизводимость в тексте другого документа или упоминание о другом документе</i>	документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения	а) документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения, б) документы, воспроизводящие текст другого документа	документы, содержащие отсылки на устные указания и письменные распоряжения

Анализ таблицы показывает, что наиболее существенным модальным признаком, определяющим стилистическое своеобразие рассмотренных актовых текстов, является признак отношения частного и государственного права и принадлежность адресата и адресанта к определенной социальной группе.

Структура документа, набор обязательных формул, устойчивых конструкций, их последовательность в тексте, варьирование средств лексического и синтаксического уровней, отражение элементов разговорного начала при изложении конкретных ситуаций определяются как жанром документа, так и социальными ролями контрагентов оформляемых сделок. Степень обусловленности языка акта жанровыми и социальными факторами может отличаться на разных территориях.

Выявление языкового своеобразия деловых текстов разных жанров, созданных на территории Московского, Новгородского княжеств и ВКЛ, при сравнительно-сопоставительном лингвостилистическом анализе основано на 1) характеристике структурно-смысловой организации текстов; 2) исследовании способов вербальной презентации общих смысловых единиц текстов; 3) изучении стилистически маркированных средств синтаксического уровня; 4) определении степени

влияния социальной роли адресата и адресанта на оформление документа.

I. Структурно-смысловая организация грамот разными исследователями описывается на основе традиций дипломатического или текстологического подхода к акту и не имеет общепринятой формы. В первом случае оперируют понятиями *формуляра, начального и конечного протокола, клаузулы*, которые были определены в работах С.И. Лаппо-Данилевского и В.И. Веретенникова (см. работы С.С. Волкова, В.Я. Дерягина, Е.И. Зиновьевой). Во втором случае вводятся понятия оформляющей и содержательной частей (А.Н. Качалкин), в которых могут быть выделены разные разделы (Г.И. Багрянцева), используются понятия шаблона (Е.Н. Полякова) и блока (О.В.Трофимова, Н.В.Викторова, М.С. Выхрыстюк).

В представленной работе под формуляром понимается состав и порядок следования смысловых блоков в тексте и вербальные способы их презентации. Структурно-смысловая организация текста состоит из оформляющей и содержательной частей. В оформляющей части элементы, предваряющие содержательную часть, называются зачином, а элементы, следующие за содержательной частью, называются концовкой. В содержательной части отрезок текста, в котором содержится либо изложение оснований для выдачи документа, либо изложение распоряжений, называется разделом. Выделяются казусный и констатирующий разделы. В разделы включены смысловые блоки и смысловые фрагменты. Смысловой блок – основная единица анализа структурно-смысловой организации документа – смысловая предикативная единица, занимающая самостоятельное положение в текстовом фрагменте или в целом тексте. Отдельные смысловые блоки в составе делового документа могут быть связаны между собой общностью темы и выполнением законченной функционально-смысловой роли. Подобные единицы названы смысловыми фрагментами. Количество блоков в пределах фрагмента и в пределах раздела было разным, что позволяло передавать в рамках одного документа любую необходимую информацию.

Схема построения делового текста эпохи средневековья с точки зрения иерархии структурно-смысловых единиц выглядит следующим образом: смысловой блок – смысловой фрагмент – раздел – часть – текст.

В конкретных текстах наблюдается отсутствие некоторых частей (так, например, в купчих элементы зачина включены в основную часть, содержательная часть большинства из них состоит из смысловых блоков, а не фрагментов; среди жалованных грамот встречаются как документы, в которых есть казусный и констатирующий разделы, так и документы, в которых есть только констатирующий раздел), разная степень распространенности смысловых фрагментов и разное количество смысловых блоков.

Было установлено, что структурно-смысловая организация делового текста на протяжении XIV – XVI вв. обусловлена жанром документа и представлена 3 основными типами: ТИП А: содержательная часть, состоящая только из констатирующего раздела, концовка; ТИП В: зачин, содержательная часть, состоящая только из констатирующего раздела, концовка; ТИП С: зачин, содержательная часть, состоящая из казусного и констатирующего разделов, концовка. В течение трех столетий наблюдается процесс усложнения структурной организации документа, который наиболее ярко отражается в жалованных грамотах и проявляется 1) в вычленении зачина как отдельной структурной части текста, 2) в вычленении в содержательной части казусного и констатирующего разделов.

II. Такие признаки делового текста, как однозначность, нейтральность, логичная связность и стандартизованность проявляются на уровне вербального оформления смысловых единиц. Особенностью деловых грамот является корреляция между жанром, регионом создания текста, его структурно-смысловыми единицами и типичными средствами их вербального оформления.

Основной чертой вербального оформления деловых памятников является клишированность изложения. Вербализация смысловых блоков в текстах осуществляется посредством конструкций, совмещающих стандартные и свободные компоненты. Для обозначения стандартных компонентов чаще всего используется понятие формулы.

В широком смысле слова под формулой понимается «фразеологизм номинативного или коммуникативного характера, а также словосочетание, синтаксическая конструкция (модель предложения) с более или менее постоянным лексическим составом. Опорными элементами формул являются юридические термины и термины деловой речи» [3, 5]. В узком смысле слова под формулой понимаются «устойчивые выражения, штампы, переходящие из одного документа в другой» [4, 174], наряду с которыми в тексте делового документа могут быть выделены реалии и

описания. Под реалиями понимаются имена лиц и географические названия, под описаниями – отступающие от «типичных» формул более или менее индивидуальные выражения, возникшие в силу необходимости охарактеризовать особые, не встречающиеся в предыдущих текстах понятия» [4, 174].

Анализ текстов показывает, что в пределах типичных синтаксических моделей, которые определяются нами как устойчивые конструкции, используемых для вербализации смысловых блоков, степень устойчивости многокомпонентных единиц является различной. Возможно выделение формул, устойчивых сочетаний и свободных сочетаний.

Наибольшей слитностью и, соответственно, наименьшей вариативностью характеризуются формулы, к которым относятся постоянно повторяющиеся сочетания. Для формул характерна локализация в оформляющей части или в начальной позиции смысловых блоков, относящихся к содержательной части. Безусловно, формулы не являются застывшими компонентами и характеризуются наличием диахронических сдвигов, детерминированных, прежде всего, экстралингвистическими факторами.

Устойчивые сочетания характеризуются лексической вариативностью, обусловленной синонимической заменой зависимых компонентов. Их употребление отмечено в середине и конце смысловых блоков.

Свободные сочетания используются для описания нестандартных индивидуальных ситуаций и наиболее часто отражают разговорный пласт явлений в стилистической организации деловых текстов. Процентное соотношение формульных, устойчивых и свободных сочетаний, тенденции их локализации в тексте грамот, корреляция с частями документа, способы интеграции в пределах предложения конституируют жанровые и локальные лингвистические характеристики деловой письменности.

Важной составляющей устойчивых конструкций являются именованья адресатов и адресантов сделок, характеристики структурного и лексического оформления которых позволяют раскрыть социолингвистическую составляющую деловой письменности определенного жанра и региона.

III. Синтаксическая организация текстов делового стиля в своей основе репрезентирует такие его качества, как точность, информативность, однозначность. Доминантный характер точности и однозначности делового текста предопределяет синтаксический строй памятников, влияние на который, кроме этого, оказывают исторические и лингвистические факторы.

Иерархия расположения структурно-смысловых единиц делового текста предполагает иерархичную систему средств синтаксического уровня, в связи с чем для определения лингвистического своеобразия грамот необходимым является 1) сравнительно-сопоставительный анализ средств связи между структурно-смысловыми единицами различных уровней; 2) сравнительно-сопоставительный анализ стилистически значимых структурно-семантических разновидностей простых и сложных предложений с учетом их корреляции со структурно-смысловой частью текста, жанром и регионом создания памятника; 3) сравнительно-сопоставительный анализ стилистически значимых средств на уровне организации простого предложения, к которым можно отнести а) особые случаи использования главных и второстепенных членов предложения, б) особенности употребления однородных членов предложения, в) порядок слов в предложениях, г) особенности выражения различного типа отношений предложно-падежными конструкциями; 4) анализ степени представленности синтаксических явлений деловой, разговорной и книжной традиции в актовых текстах разных жанров и регионов создания.

IV. Определение степени влияния социальной роли адресата и адресанта на оформление документа подразумевает выяснение степени зависимости структурного, лексического и синтаксического своеобразия текстов от социальной роли адресата и адресанта документа.

Заключение. Таким образом, среди разнообразных исследований деловой письменности в историко-стилистическом аспекте сравнительно-сопоставительный анализ гетерогенных в жанровом и локальном отношении текстов является наиболее актуальным направлением исследований, так как позволяет определить общие и специфические принципы стилистической организации деловых текстов наиболее крупных государственных образований на территории восточных славян. Привлечение к исследованию купчих, духовных и жалованных грамот, адресанты которых отличаются по своей социальной роли, помогает выявить степень влияния личности автора или заказчика документа на его язык, что соответствует доминирующему в современных исследованиях антропоцентрическому подходу к изучаемому материалу. Анализ структурно-смысловой

организации деловых текстов проводится путем вычленения и описания самостоятельных смысловых блоков. Необходимыми составляющими такого анализа является характеристика способов их вербальной презентации, описание лексического и синтаксического варьирования. Это позволяет наиболее точно охарактеризовать стилистическое своеобразие языка актов с учетом их жанровой и локальной отнесенности.

Литература

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л. М. Алексеева и др.] под ред. М.Н. Кожинной – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 694 с.
2. Качалкин, А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи: в 2 ч. / А.Н. Качалкин. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – Ч.2 : Филологический метод анализа документов. – 111 с.
3. Дерягин, В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV-XVII в.: автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / В.Я. Дерягин. – М.: 1980. – 50 с.
4. Каштанов, С.М. Русская дипломатика /С.М. Каштанов. – М. Высшая школа :1988. – 231 с.

Климкович О.А. *Язык купчих, жалованных и духовных грамот XIV – XVI вв. в аспекте сравнительно-сопоставительного лингвостилистического анализа*

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются аспекты сравнительно-сопоставительного лингвостилистического анализа деловых текстов XIV – XVI вв., обозначена актуальность подобного исследования, определены методы и круг рассмотренных источников. Автором проведено сопоставление жалованных, купчих и духовных грамот на основе шести модальных жанровых признаков, выявлено четыре аспекта сравнительно-сопоставительного исследования: 1) характеристика структурно-смысловой организации текстов; 2) исследование способов вербальной презентации общих смысловых единиц текстов; 3) изучение стилистически маркированных средств синтаксического уровня; 4) определение степени влияния социальной роли адресата и адресанта на оформление документа.

Анализ структурно-смысловой организации деловых текстов проводится путем вычленения и описания самостоятельных смысловых блоков. Необходимыми составляющими такого анализа является характеристика способов их вербальной презентации, описание лексического и синтаксического варьирования. Это позволяет наиболее точно охарактеризовать стилистическое своеобразие языка актов с учетом их жанровой и локальной отнесенности.

Сведения об авторе:

Климкович Ольга Александровна, преподаватель кафедры русского языка как иностранного.

Паспортные данные: ВМ 0772169, выдан 28. 02.2002 г. Первомайским РОВД г. Витебска.

Дом. адрес: 210033, г. Витебск, ул. Лазо д. 133 к. 3 кв. 37

Тел.: дом. 48-42-12, моб. 8-029-298-96-48

К определению жанровой специфики публицистического очерка (в русско- и англоязычной традициях)

О.В. Казиминова

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»

Статья посвящена рассмотрению публицистического жанра очерк. В трактовке данного жанра, как в отечественной, так и в зарубежной науке, нередко встречаются расхождения. Это обусловлено тем, что очерк – это постоянно трансформирующийся с учетом существующей конъюнктуры жанр. В образной инфраструктуре очерка преобладает, с одной стороны, чувственно-эмоциональное, а с другой – логико-понятийное начало. Спецификой очерковой публицистики, таким образом, является не только документальное отображение действительности, но и ее художественное моделирование. Диалектика взаимодействия этих двух начал обуславливает широкие возможности исследования очерка как вида текста по ряду причин: очерк представляет собой наиболее сложную в содержательном плане жанровую форму, которая предполагает одновременно информирование, анализ, обобщение; очерк как никакой другой жанр публицистики отличается крайней степенью эксплицированности личностного фактора.

Ключевые слова: жанровая форма, очерк, публицистика.

To the definition of genre peculiarity of a feature story (in Russian and English speaking traditions)

O.V. Kazimirova

Minsk state linguistic university

The article is devoted to the problem of the definition of the term feature and revealing its genre characteristics. Both home and foreign science witness discrepancies in understanding this genre. This refers to the fact that this genre is always transforming in accordance with the requirements of the time. In the image infrastructure of the feature story the sense emotional beginning prevails, on the one side, and the logical conceptual one, on the other. The peculiarity of the feature story thus is not only a documentary reflection of the reality but also its artistic modeling. The dialectics of these two beginnings results in the wide possibilities of the feature story research as a type of text. There are a number of reasons: feature story is a most complicated genre form from the point of view of the contents. This form presupposes informing, analysis, generalization; feature story as no other genre is extremely explicit from the point of view of personality factor.

Key words: genre form, feature story, publicistics

Исследование природы публицистического очерка и его содержания является предметом постоянных дискуссий. Неоднозначность подходов к изучению данного жанра связана, прежде всего, с тем, что очерк функционирует как в художественной литературе, так и в публицистике. Осложняет описание очерка и его динамика: очерк за годы своего существования постоянно подвергается различного рода трансформациям, связанным с потребностями отражения действительности. Нет единства в понимании и самого термина *очерк*. Эти обстоятельства послужили стимулом для нашей статьи.

Целью работы является выявление жанровой специфики очерка в публицистике. Достижение поставленной цели предполагает решения следующих задач:

1. Рассмотреть содержание термина *очерк* в отечественной и зарубежной науках.

2. Систематизировать имеющиеся в науке подходы отечественных и зарубежных теоретиков к проблематике очеркового жанра.

Материалы и методы. Материалом послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингвистики, журналистики и литературоведения. Для решения поставленных задач применяется метод сравнительного анализа, который дает возможность сопоставить и теоретически осмыслить имеющиеся в науке учения о жанре *очерк*.

Результаты и их обсуждение. Обратимся к понятию *очерк* и его трактовке в зарубежных и отечественных исследованиях. В отечественной и зарубежной теориях существуют некоторые расхождения в интерпретации жанра *очерк*, что связано, прежде всего, с различными традициями в журналистике.

Рассматривая содержание термина *очерк* в отечественной науке, нельзя не упомянуть о разнохарактерности двух существующих точек зрения: первая – основана на этимологическом значении слова *очерк*, которое связано с семантикой глаголов *очертить* – *очерчивать* и с термином живописцев *очерк* [1, с. 108]; а вторая – на жанровой специфике: *очерк* – «небольшое повествовательное произведение, содержащее краткое описание фактов, лиц» [там же, с. 109]. Обе точки зрения детально изложены в работе В.П.Вомперского «О стиле очерка». Позволим себе обратиться к отдельным ее положениям для освещения указанных точек зрения.

В соответствии с первой точкой зрения, слово *очертание* (*очерк*) по своим значениям связано с глаголами *очертить* – *очерчивать* (обводить вокруг чего-либо черту для определения границ) и профессиональным *очертать* (у живописцев *обрисовать, сделать чему-либо очертание*). В дальнейшей истории русского литературного языка пути развития обоих синонимов – *очертание* и *очерк* – разошлись. Слово *очерк* ограничило круг употребления слова *очертание*: значение действия в слове *очертание* утрачивается уже к началу XIX века. Слово *очерк* по своему морфологическому строю было связано с конкретным значением слов *очертить, очерчивать* – *очеркнуть*, обозначая действие по глаголу *очертить* и продукт этого действия [1, с. 108].

По В.П.Вомперскому, на прямую связь с живописным первоначальным употреблением слова *очерк* указывал и А.М.Горький. Причисляя очерк к «эскизу-наброску для памяти карандашом», А.М.Горький констатировал, что «преимущественно насыщение большинства очерков – публицистика»

[цит. по 1, с. 108]. Говоря о его специфике, А.М.Горький исходил из слов *чертить, очерчивать* и добавлял, что очерк стоит где-то на грани между рассказом и исследованием. А.М.Горький особенно выделил краткость и оперативность очерка как самостоятельного художественно-публицистического жанра. Тем не менее, краткость нельзя назвать исключительной чертой жанра в целом. История его развития доказывает, что очерк может быть представлен довольно большим по объему произведением.

Согласно второй точке зрения, слово *очерк* обозначает одну из разновидностей малой формы эпической литературы – рассказа, отличную от другой его формы, новеллы. Очерк характеризуется отсутствием единого, острого и быстро разрешающегося конфликта и большей развитостью описательного изображения. Следует отметить, что оба отличия зависят от особенностей проблематики очерка.

Как далее отмечает В.П.Вомперский, окончательное терминовое определение *очерка* определяется к концу 1930-х – началу 1940-х годов, когда *очерк* становится обозначением литературного жанра – фельетонного, беллетристического описания быта той или иной социальной среды, той или иной общественной сферы [1, с. 109]. В беллетристическом очерке редко использовались сюжетно-тематические ходы, бытовые детали, почти не было психологической разработки образов.

Обзор англоязычной лингвистической литературы, а также литературы по журналистике показал, что в определении понятия *очерк* так же, как и в отечественной теории, нет терминологического единства, не существует и самого жанра в «чистом виде». В английской теории понятие *очерк* the Collins English Dictionary определяет как *sketch* – «краткое описательное произведение шуточного содержания» ('a brief, usually descriptive and informal essay or other literary composition'); *essay* – «небольшое прозаическое сочинение свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному вопросу» ('a short literary composition dealing with a subject analytically or speculatively'); *outline* – «краткое произведение, проблематика которого изложена в общих чертах» ('a condensed treatment of a particular subject') [2]. Данные определения, на наш взгляд, недостаточно раскрывают сложную природу и специфику жанра *очерк*. Очерк

характеризуется широтой обобщений, глубиной анализа фактов, художественностью. Его назначение – обстоятельно исследовать факты, разработать общественно значимый вопрос. Это – определенная система положений, аргументированных, развитых суждений автора. Поэтому нельзя не согласиться с утверждениями Т.Г.Добросклонской, Э.И.Глинчевского, что наиболее близким к русскоязычному понятию *очерка* является англоязычное понятие *feature (article)*. The Longman Dictionary of English Language определяет *feature* как в основном ‘продукцию печатных СМИ’ (‘a special long article in a newspaper or magazine’) [3]. The Oxford Advanced Learner's Dictionary несколько расширяет значение *feature* как ‘специальной статьи в СМИ или программы на телевидении’ (‘a special or prominent article or programme about sb/smith» in newspapers, television’) [4]. И, наконец, the Cambridge International Dictionary of English дает наиболее полное толкование слова в его терминологическом значении: ‘особая статья (но не новости) по какой-либо теме в газете или журнале; или выпуск радио- или телевидения, где рассматривается определенная проблема’ (‘a special article in a newspaper or magazine about a particular subject, usually not the news; or a part of a television or radio broadcast that deals with a particular subject’) [5]. Из приведенных определений следует, что существенным признаком *feature*-текстов является их тематическая привязанность, специальное освещение той или иной темы: ‘special article on a particular subject’.

Что же понимают под жанровой спецификой публицистического очерка отечественные и зарубежные исследователи СМИ? Для того чтобы описать жанровую сущность очерка, необходимо, в первую очередь, обратиться к традиционному пониманию очерка в лингвистике, журналистике и литературоведении.

Отметим сразу, что историю становления отечественного очерка подробно описал М.Н.Ким. Согласно М.Н.Киму, выделение очерка из сферы литературных жанров произошло в 1920-е годы, когда литературоведы и писатели дискутировали по поводу того, является ли очерк литературным либо сугубо публицистическим жанром. Остро ставились вопросы о том, как сочетать документальное и художественное отображение действительности, по каким законам выстраивать художественный образ. Первые попытки классификации очерка предпринимались и в 1930-е годы. Внимание исследователей было направлено на выяснение специфики жанра, определение его понятия [6, с. 200 – 204].

В 1940-е годы, продолжает М.Н.Ким, под очерком понимали короткое повествовательное произведение, основной целью которого является образная иллюстрация или образная информация. Данная точка зрения была подвергнута критике, потому что сводила задачи очерка к простому информированию.

В 1950-е годы Б.В.Полевой попытался дать развернутую характеристику данного жанра. Он считал, что «очерк является самостоятельным литературно-художественным жанром, находящимся на вооружении газеты. В отличие от других жанров публицистики, он содержит элементы художественного, образного описания; в отличие от литературных жанров, он основывается на конкретных фактах, содержит элементы публицистики, исследования» [цит. по 6, с. 200]. Другие теоретики (В.А.Алексеев, Б.В.Стрельцов и др.), по нашим данным, утверждали, что данная формулировка нуждается в уточнении: очерк публикуется не только в газетах, но и в журналах. Очерк, таким образом, формируется как самостоятельный жанр, в нем подчеркивается наличие разнородных содержательных составляющих, но ничего не сказано об особенностях их внутрижанрового взаимодействия.

В 1960-е годы разгорелась дискуссия по поводу отличия очерка от других малых литературных форм. Литературоведы характеризовали данный жанр, как один из видов эпической, повествовательной литературы, который отличается от других типов своей достоверностью. Относя очерк к малому литературному жанру, ученые все же отмечали его документальную основу, а его основную функцию сводили к достоверному описанию фактов с образной трактовкой. Такого же мнения придерживались и представители теории журналистики. Например, М.С.Черепанов писал, что «очерк является одним из наиболее «подвижных» жанров литературы, который в силу своего назначения и природы в большей мере, чем другие формы, подвержен изменениям [цит. по 6, с. 201]. В приведенном определении ничего не сказано о публицистических началах очерка, хотя именно данное свойство наряду с его художественной основой придавало жанру особую оригинальность. Совершенно противоположную точку зрения отстаивали Ю.И.Суровцев и Б.О.Костылянец, которые рассматривали очерк как жанр «чистой публицистики» и умаляли его художественные основы [см. об этом 6, с. 201].

Как видим, выделение какой-либо одной стороны очерка вносило путаницу в понимание природы жанра. Главное – было неясно, по каким законам – литературным или публицистическим – создается очерк, какие черты ему присущи в наибольшей степени, в каком взаимодействии должны находиться внутри произведения публицистические и беллетристические элементы. Данные проблемы требовали специального изучения, так как без их освещения невозможно было выстроить внутрижанровую классификацию, которая и на сегодняшний день целиком не устоялась.

Более продуктивной и дальновидной, на наш взгляд, оказалась концепция Е.И.Журбиной. Она полагает, что «очерк при ярких публицистических приметах и публицистической направленности одновременно остается неотъемлемой частью художественной литературы» [7, с. 10]. Говоря о функциях очерка в публицистике и литературе, Е.И.Журбина справедливо отмечает, что очерк вышел «за пределы существующих в литературе жанровых форм во имя очерчивания новых явлений и постановки новых проблем жизни» [там же, с. 15]. Тем самым впервые ставится проблема взаимодействия публицистических и художественных начал в очерке.

В 1970-е годы теоретики (В.В.Ученова, Г.В.Колосов, В.А.Алексеев и др.) углубляют свое видение природы очерка [цит. по 6, с. 202]. Они рассматривают вопросы, связанные с законами выстраивания документального образа человека, определяют роль автора в очерковом произведении, обсуждают проблемы поэтики жанра и т.д.

В 1980-е – 1990-е годы центральным вопросом изучения становится специфика отображения личности в публицистике. Т.А.Беневоленская пишет о документальности очерка, которая роднит его с другими жанрами журналистики, оперативности, личностном факторе. Отличительными чертами очерка также считаются его политическая окраска, научная направленность, которая приближает жанр к исследованию, умение автора создать образ, помогающий раскрыть идею очерка. По этому поводу литературовед В.Е.Соколова утверждает: «Документальность очерка измеряется не красочностью стилевой отделки материала, а политической остротой факта, аргументированностью мысли, зарядом побуждения к действию. Однако сила воздействия публицистичности очерка на читателей достигается при условии, что автор остается на почве искусства» [8, с. 8].

Художественность в очерке проявляется, по мнению теоретиков, и в образном осмыслении фактов, и в особых способах актуализации авторской индивидуальности, и в характере проявления различных эстетических начал, связанных с отбором конкретных художественных приемов, со способом образного постижения мира. Таким образом, взаимопроникновение рационально-понятийных и эмоционально-образных средств повествования становятся одной из актуальных задач теории публицистики. Однако специфичность очерка нельзя понять, сводя все дело к двуединству «документальность – вымысел». На это обращает внимание Б.Г.Удодов. Мы согласны с Б.Г.Удодовым, который, разделяя понятия «документальность» и «художественность», считает, что оба эти свойства не определяют специфику очерка, а являются его существенными чертами.

Современный публицистический очерк, по мнению ряда отечественных исследователей в области журналистики (Е.И.Журбиной, Т.А.Беневоленской, Г.В.Колосова, М.И.Стюфляевой), является жанром, наиболее соответствующим задачам публициста, требующим особого мастерства, владения словом, умения анализировать и обобщать факты, умения обозначить наиболее важные тенденции в жизни общества. Без очерка с его жанрообразующими признаками (элементами публицистического и художественного стилей) журналистика лишь реализовывала бы функцию информирования. Лингвисты (В.П.Вомперский, Т.Г.Добросклонская, Г.Я.Солганик и др.) также констатируют, что очерк является индивидуальным жанром, выражающим и диктующим основные тенденции развития личностного фактора. Так, Г.Я.Солганик определяет очерк как самый «субъективный публицистический жанр, привлекающий читателя именно открытостью чувств и мыслей автора, который делится с читателем сокровенным, пережитым, продуманным» [9, с. 148].

Англоязычный очерк также имеет свою историю становления, в процессе которой складывались его отличительные жанрово-стилистические черты. В Великобритании прообраз очерка появляется в первой половине 18 века. В британских сатирических журналах Р.Стила и Дж.Аддисона печатались социально-критические очерковые зарисовки характеров и бытовые сценки [6, с. 198]. А в США очерк, напоминая по своей структуре рассказ, стал принимать современную форму в так называемой грошовой прессе ('penny press') в первой половине 19 века [10, с. 3]. Уже в то время очерк начинает оформляться как небольшой рассказ, способный возбудить интерес читателя, увлечь интересной, но не обязательно значимой темой.

Указанная специфика англоязычного очерка отражена в англо-русском словаре по средствам

массовой информации, который переводит *feature* как ‘занимательная статья, занимательный очерк, газетная или журнальная рубрика’, при этом «особенность» этого вида текста подчеркивается с помощью прилагательного «занимательный» [11, с. 125]. Подтверждение данной мысли находим у У.Блейера и других исследователей, которые считают, что задача *feature (article)* – развлекать читателя. Другую позицию наблюдаем у исследователя М.В.Хэя, который, определяя *feature* как ‘тип журналистского рассказа, цель которого – развлекать и информировать’ (‘a type of journalistic story that entertains and informs’), отмечает, что значение ‘развлекать’ не обязательно должно обозначать ‘забавлять’ [12, с. 3]. Под семантикой ‘развлекать’ он понимает манеру написания с целью привлечь внимание адресата. М.В.Хэй также выявляет жанровую специфику *feature*-текстов путем сопоставления их с другими жанрами:

- *Feature* не является научно-исследовательской статьей, требующей какого-либо исследования;
- *Feature* не новостная статья, особенность которой – информировать посредством классической инвертированной пирамиды, где ‘ключевые сведения’ *the key information* (кто, что, когда, где, почему) подаются в первом параграфе, либо во втором, а остальной материал излагается в порядке убывания важности. Основное же сообщение в *feature article* может содержаться и в последнем параграфе. Типичная же отличительная черта *feature* от новостного блока – образность, художественность, экспрессивность высказывания. Кроме того, *feature* характеризуется меньшей объективностью, хотя позиция автора может быть выражена тонко, через выбор и организацию деталей, а не откровенным высказыванием. Плавные переходы, логическая структура, нюансы являются наиболее важными жанровыми особенностями *feature article* в сравнении с новостным сообщением;
- *Feature* не обзор, и не часть литературной критики, а требует более детального и глубокого изложения;
- *Feature* не эссе, которое выражает индивидуальные соображения по конкретному поводу либо вопросу, заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. Автор *feature*-текстов, в отличие от эссеиста, может писать от 1-го лица либо включить в повествование адресата, но ‘большая часть текста представляет собой информацию, собранную автором путем наблюдения и интервью;
- *Feature* не статья. Статья может содержать авторскую интерпретацию на поднятую проблему, но основной ее целью все же является сообщение;
- *Feature* не рекламное объявление, не ‘фальшивая статья журнала’ (*phony magazine article*), а жанр публицистики [12, с. 6].

Итак, М.В.Хэй, тщательно изучив характерные признаки *feature (article)*, приходит к выводу, что данному жанру свойственны элементы художественности и документальности, точности и честности, четко выраженной авторской позиции. *Feature* – это синтетический жанр, требующий объединения навыков репортера с искусством рассказчика.

Существуют и другие подходы к выявлению жанровой специфики *feature*-текстов. Так, Э.Дж.Фридландер и Дж.Ли сравнивают их с информационными жанрами и считают, что они «оригинальны» в двух смыслах. Во-первых, они своеобразны относительно манеры их написания. Во-вторых, характерной чертой *feature*-текста является разнообразная тематика, основное требование которой – писать в пределах «личностного интереса», так как публикации этого рода наиболее востребованы адресатом [10, с. 3]. Заметим, что данное суждение отражено и в словаре *the Mass Media Dictionary* Р.Терри Элмора, в котором *feature* определяется как ‘рассказ, концентрирующий внимание на факторе человеческого интереса’: ‘a news story, in which immediacy is not important and human interest is stressed’ [13].

Кроме того, в *feature*-текстах может отсутствовать элемент ‘дикий новизны’ (*odddity*), но *feature*-тексты обязательно должны включать образную трактовку фактов. Именно образность (*imagery*), по мнению Э.Дж.Фридландера и Дж.Ли является превосходством *feature*-текстов над другими жанрами [10, с. 5]. И, наконец, исследователи признают некоторую связь жанра со сферами развлечения и информации.

Заключение. В рамках проведенного нами исследования очеркового жанра мы выяснили, что русскоязычному понятию *очерк* соответствует англоязычное понятие *feature*. Однако следует еще раз подчеркнуть, что значения русского термина *очерк* и английского *feature* совпадают не полностью.

Главным общим признаком выступают тематика, формат и особый художественно-публицистический стиль изложения. В отечественной публицистике очерк является жанром, выражающим злободневный интерес к определенному состоянию или тенденциям развития социальной жизни, воспроизводящий её реальные типичные черты, часто и значительные индивидуальные факты с эмоциональным заострением в сопровождении оценки автора-рассказчика.

Что же касается англоязычных *feature*-текстов, то в них, так же как и в отечественных, прослеживается индивидуально-авторский подход. При освещении той или иной темы на первый план выдвигаются такие факторы, как доступность и занимательность. Большинство свойств *feature*-материалов, как в плане содержания, так и на уровне языка, обусловлены их общей функционально-стилистической направленностью. По сравнению с текстами – новостными и информационно-аналитическими – форма текстов *feature* более гибкая и подвижная.

Обобщая взгляды отечественных и зарубежных ученых, мы приходим к выводу, что проблемно-тематическое и идейно-художественное разнообразие жанра *очерк* служит причиной возникновения различных подходов к его изучению. Комплексный межъязыковой анализ жанра показал, что очерк, как вид текста, в целом представляет собой художественно-публицистическое произведение, имеющее довольно сложную и противоречивую природу. И вследствие этого, при определении места очерка в системе публицистических жанров, необходимо учитывать его «двойственную сущность»:

1. Очерк находится на стыке документальной и художественной литературы, обладает особыми средствами эстетического воздействия.
2. Факт и его индивидуальное, личностное осмысление – таковы две опорные точки очеркового жанра.
3. В очерке вполне допустим художественный вымысел.
4. Успех очерка во многом обусловлен органичным сочетанием в нем объективности, доказательной типизации и художественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вомперский, В.П.** О стиле очерка / В.П. Вомперский // Стилистика газетных жанров / под общ. ред. Д.Э. Розенталя. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 107-125.
2. **Collins English Dictionary.** – Complete and unabridged. – Glasgow: Collins, 2003. – 1872 p.
3. **Longman Dictionary of Contemporary English.** – Third Ed. – Harlow, Essex: Longman: Corpus, 2001. – 1668 p.
4. **Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary** / Ed.: J. Crowther, S. Ramsaran, H. Warren. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 1081 p.
5. **Cambridge International Dictionary of English Reprint.** – Cambridge: Cambridge university press, 1995. – 1773 p.
6. **Ким, М.Н.** Жанры современной журналистики / М.Н. Ким. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 336 с.
7. **Журбина, Е.И.** Теория и практика художественно-публицистических жанров. Очерк. Фельетон / Е.И. Журбина. – М.: Мысль, 1969. – 399 с.
8. **Соколова, В.Е.** Мордовская публицистика на современном этапе: учеб. пособие / В.Е. Соколова. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1990. – 48 с.
9. **Солганик, Г.Я.** Очерк / Г.Я. Солганик // Стилистика газетных жанров / под общ. ред. В.Н. Вакурова, Н.Н. Кохтева, Г.Я. Солганика. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 148-156.
10. **Friedlander, E.J., Lee, J.** Feature writing for newspapers and magazines: the pursuit of excellence / E.J. Friedlander, J. Lee. – 2nd ed. – Harper: Collins College Publishers. – 1993. – 351 p.
11. **Землянова, Л.М.** Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов / Л.М. Землянова; под ред. Я.Н. Засурского; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, фак. журналистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
12. **Hay, Millicent V.** The essential feature. Writing for magazines and newspapers / Millicent V. Hay. – New York: Columbia University Press, 1990. – 289 p.
13. **Ellmore, R.Terry.** Mass Media Dictionary / R.Terry Ellmore. – Special edition. – Lincolnwood; М.: National Textbook Company, 1992. – 668 p.

Казими́рова Ольга Владимировна, аспирант кафедры лексикологии английского языка
УО «Минского государственного лингвистического университета».
Адрес: г. Минск, ул. Платонова, д. 21, кв. 205.
тел.: 8(029)150-51-25.
Адрес электронной почты: keliki@mail.ru

УДК 81'42

Значение и смысл при восприятии поэтического текста: место и роль ключевых слов

А.В. Сасновская

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

В статье освещается проблема значения и смысла при восприятии поэтического текста. Несмотря на многообразие трактовок этих понятий в различных науках, единого мнения относительно четкого определения этих понятий применительно к поэтическому тексту не существует. В работе предпринимается попытка объяснить механизмы возникновения индивидуально-личностных смыслов поэтического текста. Так как художественному восприятию присуща ассоциативность, нами проведен ассоциативный эксперимент с целью сопоставления ключевых слов поэтических русского, белорусского и английского текстов на материале поэзии М.И. Цветаевой. Результаты ассоциативного эксперимента подтверждают нашу гипотезу о том, что особенности идентификации переводчиками ключевых слов исходного текста оказывают влияние на последующую расстановку акцентов в текстах переводов.

Ключевые слова: значение, смысл, поэтический текст, ассоциативный эксперимент.

Meaning and sense in the process of poetry perception: place and role of key words

A.V. Sasnovskaya

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"

The article is devoted to the problem of meaning and sense in the process of poetry perception. Despite a great variety of definitions of these terms in different sciences, a unanimous opinion in respect to their clear definitions within the framework of poetry doesn't exist. The aim of our work is to specify the definition of sense because of the necessity to solve some theoretical and practical tasks. In the research we try to explain the mechanisms of emergence of individual-personal senses of poetry. The reason why we carried out an associative experiment for comparing key words of M.I. Tsvetaeva poetry in Russian, Belarusian and English is that art perception is characterized by associativity. The results of the experiment confirm our hypothesis that individual peculiarities of choosing key words of the original text by translators influence the further emphasizing of key words in their translations.

Key words: meaning, sense, poetic text, associative experiment.

При традиционном подходе к проблеме значения и смысла, когда доминировала абсолютизация языка как самодостаточной автономной сущности, смысл выступал как факкультативное явление. При обращении к тексту, речи смысл начинает фигурировать как одна из фундаментальных категорий. Однако данное понятие все еще не имеет общепринятого строгого определения, и даже при описательном подходе существует большой разброс мнений о том, что это такое.

Неоднократно предпринимались попытки исключить смысл из сферы научного анализа. В первую очередь, это связано с представлением о смысле как экстралингвистическом явлении. Обратившись к определениям этого явления в словарях, видим, что наиболее общим признаком, содержащимся в дефиници-

ях данного понятия, является его отнесенность к ментальной, а не языковой сфере. Во многих общих толковых, философских и лингвистических словарях смысл определяется как синоним значения [1; 2; 3].

Существуют две традиции использования понятия «смысл». В одной из них смысл выступает как полный синоним значения; эти два понятия взаимозаменяемы. Во второй традиции понятия «смысл» и «значение» образуют концептуальную оппозицию, выраженную в более или менее четкой форме. Родоначальником оппозиции «значение–смысл» в науках о языке принято считать Готлиба Фреге. В своей книге «Смысл и денотат» он говорит о том, что текст может иметь всего одно значение, но несколько смыслов или же не иметь значения, но иметь при этом смысл [4].

Многочисленные определения значения, предлагавшиеся представителями различных направлений языкознания, можно свести к двум основным: 1) к определению значения как психической, отражательной сущности, соотносимой с такими психическими явлениями, как представления, эмоции, понятия и т.п.; 2) к определению значения как реляционной сущности, как отношения языкового знака к предмету (денотативное значение), к понятию (сигнификативное значение), к условиям акта речи и его участникам (прагматическое значение), к сфере или ситуации употребления (стилистическое значение), к другим языковым знакам (структурное значение) и т.д.

Г.Л. Тульчинский усматривает глубинные взаимосвязи между семиотическими проблемами, философскими идеями М. Бахтина, Г. Шпета, П. Флоренского и методологическими основаниями психологической школы Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева. Он выделяет следующие слои опыта, которые могут быть выявлены в любом знаке или тексте: 1) материальная форма знака, 2) предметное значение, 3) смысловое значение, 4) оценочное отношение, 5) переживание. «В социально-психологической модели 1-й уровень — знак, 2-й и 3-й образуют социальное значение, 4–5-й — личностный смысл. Прохождение от 5-го уровня к 1-му есть воплощение, опредмечивание опыта, его объективация. Обратный путь — субъективация, распредмечивание, путь понимания, причем каждый из уровней соответствует и уровню понимания смыслового содержания текста» [5]. Вероятно, он имеет в виду существование двух видов смысла: смысл говорящего и смысл слушающего, возникающий при восприятии и понимании текстов.

Данное понятие интересует лингвистику, логику, философию, психологию. Несмотря на то, что в центре пересечения интересов этих дисциплин находится язык с его отнесенностью к мышлению, с одной стороны, и к действительности — с другой, каждая из этих дисциплин усматривает в данной проблеме свой интерес. Задача заключается в том, чтобы найти наиболее общее основание,

которое позволило бы интегрировать различные расплывчатые характеристики смысла в более четкое и определенное понятие.

Исходя из того, что всякое значение объективно и выражает общую для всех сумму истин, существующих в мире и обществе, оно является постоянным и неотъемлемым качеством или свойством объекта (в нашем случае — поэтического текста). Поиски смысла текста активно ведутся сейчас не только с помощью различных традиционных (филологических) видов анализа — литературоведческого, лингвистического, комплексного, но и в психолингвистике, экзогетике, герменевтике, синергетике и др. При анализе текста с позиций психолингвистики в центре внимания оказывается языковая личность, процессы порождения и восприятия текста рассматриваются как результат речемыслительной деятельности индивида, как «способ отражения действительности в сознании ... с помощью элементов системы языка» [6]. Однако на современном этапе развития науки невозможна полная научная рационализация проблем смыслопорождения.

Поэтому проблема взаимоотношения языка и мира художественных смыслов пока далека от своего решения. Так, до сих пор непонятно, как осуществляется конструирование смысла в поэзии, как фраза обретает приращения смысла, не планируемого самим автором, в какой степени весь смысловой комплекс поэтического текста детерминирован национальной культурой, ее эстетической традицией и т.д.

В исследовании предпринимается попытка объяснить механизмы возникновения индивидуально-личностных смыслов поэтического текста, и при этом считаем, что собственно семантические описания содержания текста малоперспективны, т.к. здесь описываются лишь значения, а за его рамками остаются смыслы.

Вся сложность улавливания индивидуально-личностных смыслов поэтического текста состоит в том, что поэзия выходит за привычные рамки смысла, создает новый смысл, часто более глубокий, чем общепринятый,

закрепленный за этими словами. Поэтому любое слово в поэзии может оказаться как синонимом, так и антонимом любому другому.

Наши наблюдения показывают, что есть языковые и поэтические смыслы. И если языковые смыслы в своей основе понятны, в некоторой степени предсказуемы, уловимы, то в поэзии все гораздо сложнее. Б.М. Гаспаров пишет: «Ни сам автор, ни его адресат не в состоянии учесть все резонансы смысловых обертонов, возникающие при бесконечных столкновениях бесчисленных частиц смысловой ткани, так или иначе фигурирующих в тексте» [7]. В поэзии почти всякое слово живет собственной жизнью, отличной от жизни в естественном языке.

Всякий текст имеет два основных смысла: смысл, который вкладывается автором, и смысл, который извлекается читателем. Эти смыслы принципиально не совпадают из-за индивидуальных различий в личности и часто не совпадают с объективным значением. Поэтический текст как раз и отличается тем, что порождает у читателя огромное количество смыслов, совсем не запланированных автором.

Анализ литературных данных, посвященных исследованиям процесса восприятия художественной литературы, указывает на то, что психологические механизмы, обуславливающие понимание художественных произведений, остаются малоизученными. Основной задачей подхода, представленного в исследовании, выступает изучение индивидуально-личностной обусловленности смыслов поэтического текста. Понимание поэтического текста читателем можно определить как процесс коммуникации, в результате которой осваиваются смыслы художественного произведения. Коммуникативная ситуация в данном случае обогащена за счет акцентуации тех коммуникативных факторов, которые вследствие специфики художественного текста выходят на первый план. Система психологических особенностей коммуникативного процесса, обуславливающих качественное своеобразие понимания и переживания художественного текста, определяется нами как индивидуально-личностные факторы понимания поэтического текста. Индивидуально-личностные факторы понимания поэтическо-

го текста проявляются как психологический механизм включения в ситуацию взаимодействия человека и искусства, где накопленный читателем жизненный опыт, привычные формы осуществления жизнедеятельности, коммуникативные установки и ценности наиболее ярким образом раскрываются по отношению к смысловому содержанию художественного произведения. Личностное разрешение противоречий, характеризующих природу художественного текста (Л.С. Выготский, В.М. Аллахвердов и др.), приводит к конструированию образов текста и его автора и определяет характер понимания поэтического текста читателем.

Содержание поэтического текста в целом – динамическая смысловая система, где взаимодействуют авторские смыслы со смыслами языковой личности, воспринимающей текст, потому что текст без воспринимающего лишь набор мертвых знаков. В связи с этим целью работы является уточнение понятия смысла в связи с необходимостью решения ряда задач теоретического и прикладного характера.

Материал и методы. Художественному восприятию присуща ассоциативность. Поэтому в нашем исследовании мы провели ассоциативный эксперимент с целью сопоставления ключевых слов поэтических русского, белорусского и английского текстов на материале поэзии М.И. Цветаевой.

Ассоциативный эксперимент является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики.

Процедура проведенного нами ассоциативного эксперимента состояла из того, что 100 испытуемым предъявлялся список ключевых слов, выявленных нами в поэзии М.И. Цветаевой (стихотворения «Откуда такая нежность?», «В лоб целовать – заботу стереть», «Писала я на аспидной доске»); переводы на белорусский язык В.В. Аколавай «Любасць адкуль жа такая?», «А ў лоб цалаваць – турботы ўсе зняць», «Пісала я на грыфельных брусках», переводы на английский язык А. Kneller «Where does such tenderness come from?», «To kiss the forehead – is to erase worry», «I wrote it on a blackboard». Показателями для выделения ключевых слов являлись: 1) символичность, идейно-

эстетическая и композиционная нагрузка; 2) повторяемость, частота употребления; 3) вынесенность в название; 4) функционирование в составе парадигматической группы. Давалась инструкция, согласно которой испытуемым необходимо было ответить первыми приходящими в голову словами. Мы выделили 30 слов на языке оригинала, т.е. русском (*всходить, глаза, гаснуть, гимн, губы, делать, доска, звезда, кудри, лист, лоб, любить, лукавый, нежность, непроданный, ночь, откуда, певец, перечеркивать, песок, писать, продажный, радуга, сердце, ствол, стекло, стирать, уцелеть, целовать, цвести*); 28 слов на белорусском языке (*адкуль, брусок, вочы, вусны, вясёлкі, гаснуць, гром, знімаць, квітнець, лістота, лоб, любасць, любіць, ноч, песня, пісаць, прадажны, пульсіраваць, пясок, рабіць, святлець, скроні, сцявак, ствол, сэрца, уратаваць, цалаваць, шкло*) и 26 слов на английском языке (*blackboard, come from, do, erase, eyes, fade, flourish, forehead, glass, heart, hymn, kiss, lips, love, night, not sold, paper, rainbow, rise, sand, singer, sly, star, survive, tenderness, write*). На выполнение задания отводилось не более 5–7 минут. Большинство реакций, приводящихся в нашей работе, получено от студентов университетов в возрасте 19–21 лет, для которых язык стимулов является родным, или которым они хорошо владеют.

Мы применяли свободный ассоциативный эксперимент, при котором испытуемым не ставится никаких ограничений на реакции.

Результаты и их обсуждение. Результаты ассоциативного эксперимента могут быть использованы, прежде всего, в разных областях лингвистики. В частности, в силу того, что он обычно проводится на большом количестве испытуемых, можно построить таблицу частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. При этом можно будет вычислить семантическую близость (семантическое расстояние) между разными словами. Мерой семантической близости пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т.е. сходство данных на них ассоциаций.

Ассоциативный же эксперимент позволяет

выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка.

Именно потому, что в ходе ассоциативного эксперимента испытуемому предлагается реагировать на то или иное слово первым пришедшим в голову словом или словосочетанием, можно получить очень интересные результаты: *губы – силикон, песок – цукар, not sold – without salt, гимн – ха-ха, адкуль – барсук, tenderness – nestle*.

Ассоциативный эксперимент показывает наличие в слове психологического компонента. Тем самым ассоциативный эксперимент дает возможность построить более точную семантическую структуру слова. Он служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в лингвистике называется семантическим полем, и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов. В этой же связи следует отметить, что главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, так как он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения. Так, по результатам эксперимента оказывается, что в слове «певец» в сознании носителей русского языка (и соответственно культуры) присутствует и такой психологический момент этого слова, как *фанера, крикун, голубой*.

ПЕВЕЦ сцена 11; голос 8; Киркоров 5; артист, известный, мужчина, талант 4; Билан, звезда, микрофон, музыка, песня, плохой, популярный, соловей, эстрада 3; знаменитый, концерт, оперный, певица, рок, солист, студия, творец 2; актер, блистать, Бутусов, голубой, Губин, зарубежный, крикун, Колдун, любимый, магазин, народный, парень, свинец, сердце, телевизор, фанат, фанера, шоу-бизнес 1. 101+83+0+18.

Особенностью ассоциативных реакций на слово является то, что испытуемые могут быть чувствительны к фонологическому и синтаксическому уровню слова-стимула. Некоторые фонетические ассоциации могут

рассматриваться и как смысловые. Обычно они даются испытуемыми, которые не желают сотрудничать с экспериментаторами или в состоянии усталости (например, в конце длительного эксперимента), а также умственно отсталыми испытуемыми. Например, как в нашем случае, *ночь – дочь, губы – зубы, певец – творец*.

Некоторые реакции могут быть истолкованы и как смысловые, и как фонетические. Они также чаще всего даются испытуемыми в состоянии усталости или умственно отсталыми испытуемыми. Большая часть ассоциаций обусловлена речевыми штампами, клише. При этом ассоциации также отражают различные аспекты родной культуры испытуемого, например *квітнець – Беларусь* и текстовые реминисценции, например *сердце – собачье, сэрца – на далоні, heart – brave*.

Ассоциативное поле у каждого человека свое и по составу наименований, и по силе связей между ними. Актуализация той или иной связи в ответе не случайна и может зависеть даже от ситуации. Несомненно влияние уровня образования человека на устройство его ментального лексикона. Так, например, лица с высшим техническим образованием дают чаще парадигматические ассоциации, а с гуманитарным – синтагматические.

На характере ассоциаций сказываются и возраст, и географические условия, и профессия человека.

Однако принадлежность к определенному народу, одной культуре делает «центр» ассоциативного поля в целом достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяемыми в данном языке. По полученным нами данным мы можем сказать, что ассоциации зависят и от культурно-исторических традиций народа. Приведем пример словарных статей слов «стекло», «шкло» и «glass».

СТЕКЛО прозрачный 27; окно 24; разбивать 9; чистое 4; осколки, свет 3; бить, блеск, витражное, зеркало, порез, стакан, холодное, хрупкое, цветное 2; бутылка, бьется, вещество, дышать, жевать, «За стеклом», здание, отражение, песок, скрип, снег, тара, улица 1. 102+88+0+14.

ШКЛО празрыстае 26; акно 21; разбіць 16;

чыстае 9; дождж 3; акуляры, бутэўка, вуліца, люстэрка, святло, холад, хруст 2; блакітнае, б'еца, ваза, глядзець на двор, забарона, крохкі, лупа, малюнак на вокнах, матавае, пастка, піць, склянка, трэба памыць, шар, шкрэбет 1. 104+89+0+15.

GLASS water 15; window 9; fragile 7; drink 5; broken, mirror 4; beer, breakable, cup, eyes, milk 3; bottle, clear, glass (стакан), juice, small, table, transparent, vase 2; aquarium, big, blood, building, clean, coca-cola, contact lenses, crystal, dirty, glasses, grass, green, to kick, outdoor, painful, precious stones, pupils, reflection, room, sand, spectacles, shop-window, tea, thin, vodka 1. 100+75+0+25.

Как мы видим, в русском и белорусском языках наиболее частотными реакциями на *стекло* стали ассоциации с прозрачностью и окном. В английском же языке данное слово ассоциируется с водой, так как слово *glass* переводится как «стекло, стакан». Таким образом, считаем правильным то, что в переводе на английский язык автор уточнил и перевел слово *стекло* как *window glass* (оконное стекло).

Рассмотрим еще словарные статьи слов «нежность», «любасць», «tenderness».

НЕЖНОСТЬ ласка 17; любовь 7; мягкое, чувства 6; забота, тепло 5; кот, шоколад 3; доброта, мама, облако, прикосновения, приятное, пушистый, радость, розовый 2; белый, бесконечная, гармоничность, грубость, дети, добро, зверь, Максим, моя, муж, объятия, ощущения, полотенце, поцелуй, преданность, прелесть, пшчота, редкая, роза, солнце, состояние, спокойствие, стихотворения, студент, телячья, фильм, характер, хлопок, человек, чувственность, щедрость 1. 100+68+1+31.

ЛЮБАСЦЬ каханне 19; дабрыня, маці, міласць, прыемна 4; да чалавека, шчырая 3; вялікая, дабро, да дзяўчыны, добра, замілаванне, любоў, мая, падабацца, пачуццё, прыгажосць, пшчота, радзіма, рэбус, цеплыня 1. 100+69+2+29.

TENDERNESS love 21; mother, care 8; kind 7; soft 5; feeling, kitten, warmth 4; hands, white 3; mildness, pig, skin, tender, touch, voice, woman 2; baby, behavior, child, cloud, fellow,

girl, heat, inside, kiss, meat, nestle, on TV, passion, pleasant, protection, relations, rude, sweet, temptation 1. 100+81+0+19.

Из полученных ассоциаций видно, что в русском языке *нежность* в большинстве случаев ассоциируется с лаской. А это же слово в переводе на белорусский, звучащее как *любасць*, ассоциируется с любовью и, на наш взгляд, в переводе на белорусский следовало бы употребить слово *пяшчота*.

Далее рассмотрим словарные статьи слов «откуда», «адкуль», «to come from».

ОТКУДА отгуда 34; куда 8; далеко 6; город, деревня, ехать, от верблюда 4; дровишки 3; везде, дорога, лес, отсюда 2; адрес, взялось, вопрос, восток, где, дом, запад, здесь идти, коробка, место, ниоткуда, паспорт, поезд, потерянность, прогулка, пространство, разговор, слева, страна, территория, тетрадь, туда, тут 1. 100+75+0+25.

АДКУЛЬ адтуль 27; куды 11; прыйшоў 10; здалёк 9; месца 8; узялося 6; адсюль 4; дом 3; паходзіць, прыехаў 2; барсук, Віцебск, горад, гэта, дарога, дзеці, ён, здаду, злева, край, куля, не ведаю, недзе, скуль, снягі, туды, ты, шлях 1. 100+82+0+18.

TO COME FROM country 10; home 9; to be born, city 7; origin 5; to be foreign, Belarus 4; abroad, Vitebsk 3; USSR, university, family, event, England, to come back, cinema, arrive 2; Alabama to appear, away, bag, to be busy, to date back, door, to eat, to found, to go, to go somewhere, idea, Liverpool, moon, phrasal verb, quickly, to refer to, to release, to return, room, Russia, school, to sit down, smell, society, street, sudden, theatre, trip, village, visitor, Voronezh 1. 101+68+1+32.

Приведенные примеры показывают, что выбранный переводчиком на английский язык эквивалент слова «откуда» ассоциируется в большинстве случаев с происхождением из какой-то страны или города, что обусловлено тем, что глагол *to come from* употребляется в устойчивой фразе *Where do you come from?*, которая означает «Откуда ты родом?». Поэтому в данном случае было бы уместнее употребить другой глагол.

Рассмотрим далее словарные статьи слов

«стирать», «знімаць», «to erase».

СТИРАТЬ белье 22; одежда 11; чистота 8; стерка 6; доска, порошок, убирать 5; машина, удалять 3; исправлять, карандаш, ошибка, пена, Тайд 2; белый, буква, вода, заметать следы, грязное, Индезит, линия, мел, носки, память, переделывать, простыня, пустота, пыль, рисунок, руки, слова, стирка, тазик, уничтожать, файл, художник, чупа-чупс 1. 101+78+0+23.

ЗНИМАЦЬ адзенне 29; кіно, бялізна 6; кінастужка 5; відэа, фота 4; сукенка, фільм, яблык 3; аднімаць, апранацца, вяроўка, зверху, на памяць, меншыць, паліца, штаны 2; вяршкі, дзверы, дзевак, дрэва, занімаць, з пасады, зорка, капялюш, кватэра, кошка, лекцыю, малонак, плацце, скінуць, ставіць, стрыптыз, стул, трымаць, ураджай, фіранкі, шторы 1. 100+79+0+21.

TO ERASE memory 23; mistake, to clean 10; eraser 7; pencil 4; to delete, paper, powder, quickly, recollections, to rise, rubber, thought, to wash 2; absence, blade, to cease, computer, to diminish, to disappear, dust, everything, to forget, to get rid of, information, letter, to lift, past, pen, phrase, problem, savegame, skin, table, tooth, vanish, way 1. 101+78+0+23.

Полученные данные указывают на то, что в русском и белорусском языках слова *стирать* и *знімаць* соответственно ассоциируются в большинстве случаев с одеждой, поэтому переводчику на белорусский язык следовало бы употребить другое слово, ведь в русском языке автор более тонко чувствует текст. А вот переводчик на английский язык сделал правильный выбор, употребив глагол *to erase*, так как большинство ассоциаций было со словом *memory*, что вероятно вызвано тем, что в английском языке есть устойчивое словосочетание *to erase memory*, которое очень точно передает смысл оригинала.

Показательны данные, которые могли бы быть получены при сопоставлении ассоциаций в исторической перспективе. Так, лет 10–20 назад вряд ли бы были такие ассоциации, как *ночь* – *Интернет*, *уничтожать* – *файл*, *писаць* – *SMS*, которые обусловлены развитием высоких технологий.

Таким образом, проведенный нами

ассоциативный эксперимент подтверждает нашу гипотезу о том, что особенности идентификации переводчиками ключевых слов исходного текста оказывают влияние на последующую расстановку акцентов в текстах переводов. Так, например, при переводе стихотворения «Откуда такая нежность?» слово *гимн* у переводчицы ассоциируется с песней, и она в переводе на белорусский язык использует слово *песня*, которое в свою очередь в большинстве случаев ассоциируется со словами *вясёлая*, *спявак*, *л'еца*, тем самым не сохраняется некоторая торжественность момента, характерная для оригинала.

Заключение. Результатом понимания художественного текста становится индивидуально-личностный смысл произведения, который непосредственно связан с чувственной тканью переживаний. У реципиента возникает художественный образ, который формируется, с одной стороны, на основе воспринимаемой читателем авторской концепции действительности, с другой стороны – на основании субъективной картины мира читателя, его жизненного опыта и ценностно-смысловых установок. Личностный смысл выполняет функцию презентации субъекту в образе роли и места отражаемых объектов и явлений действительности в его жизнедеятельности. Данная функция реализуется посредством механизма эмоциональной индикации и механизма трансформации образа. Индивидуально-личностный смысл слов – это мысль о значении слова, которая связана с личностным субъективным опытом реципиента, зависит от ситуации общения и служит средством выхода на индивидуальную картину мира.

Психолингвистический подход помогает понять многие процессы, происходящие со значением и смыслом при восприятии поэтических текстов. Мир, находящийся отображение в значении слова, не постулируется «извне», а исходит от носителей определенного языка и культуры (при порождении поэзии – от автора, при восприятии – от реальных читателей). Художественный текст живет до тех пор, пока каждая новая интерпретация черпает из него новые смыслы. Читатель,

воспринимая стихотворение, налагает на него собственную схему смысла, что позволяет ему увидеть в данном тексте нечто свое. Поэтому можно интерпретировать стихотворение в довольно широком диапазоне: восприятие текста вариативно, в самом же тексте содержится инвариант этих различий. Ю.Б. Борев пишет: «Изменчивость смысла произведения определяется историческим, групповым и индивидуальным опытом читателя. Однако не всякое прочтение текста аутентично. В тексте содержится устойчивая программа ценностных ориентаций и смысла. Эта программа при широкой вариативности ее усвоения инвариантна и обеспечивает подвижное, но не релятивное, не произвольное прочтение смысла, меняющееся в зависимости от типа реципиента, но остающееся в устойчивых рамках, заданных самим произведением. Веер трактовок произведения имеет границы развертывания и единую ось – «программу», заложенную в художественном тексте» [8].

Думается, что смысл поэтического текста обусловлен индивидуально-личностными особенностями восприятия реципиентом ключевых слов. Результаты проведенного ассоциативного эксперимента указывают на то, что индивидуально-личностные смыслы ключевых слов текста оригинала оказывают влияние на его последующий перевод, при этом могут возникать другие образы или даже искажаться смысл.

Л и т е р а т у р а

1. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). – М.: Советская Энциклопедия, 1981. – С. 1240.
2. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 618.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С.И. Ожегов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – С. 601.
4. Фреге, Г. Избранные работы / Г. Фреге. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. – С. 154–155.
5. Тульчинский, Г.Л. Текст как интонированное бытие, или Инорациональность семиотики / Г.Л. Тульчинский // Философия языка и семио-

- тика / под ред. А.Н. Портнова. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1995. – С. 44–52.
6. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе / В.П. Белянин. – М., 2000. – С. 13.
7. Гаспаров, М.Л. Избранные труды: в 2 т. – Т. 2: О стихах / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 346.
8. Боров, Ю.Б. Эстетика: учебник / Ю.Б. Боров. – М.: Высш. шк., 2002. – С. 439.

Поступило 6.12.2010

Адрес для корреспонденции: г. Витебск, пр-т Черняховского, д. 11, кв. 60; e-mail: alivisa@rambler.ru.

Проблемы войны. Обращение к прошлому и настоящему

И.В. Мандрик, Н.Н. Пархимович

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

В статье анализируются многочисленные источники, показаны различия в трактовках событий, предшествовавших Второй мировой и Великой Отечественной войнам, дается авторское видение роли Советского Союза, других стран в поисках создания системы коллективной безопасности в Европе. В контексте современных взглядов обстоятельно раскрыты причины возникновения Второй мировой и Великой Отечественной войн. Приведенный фактический материал, теоретические обобщения и выводы призваны довести до сознания людей, особенно молодого поколения, величие подвига, совершенного народами СССР, помочь уяснить его огромное историческое значение, сделать из опыта Великой Отечественной войны необходимые выводы.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Советский Союз, система коллективной безопасности.*

Problems of the war. Referring to the past and present

I.V. Mandrik, N.N. Parkhimovich

Establishment of education "Vitebsk state university named after Masherov"

Numerous sources are analyzed in the article. The differences in the interpretations of the events preceding World War II and the Great Patriotic War are shown. The author's vision of the role of the Soviet Union and other countries in search of the formation of the system of collective security in Europe is given. In the context of modern views the causes of World War II and the Great Patriotic War are revealed. The factual material, theoretical generalizations and conclusions are given in order to bring to people's consciousness, especially to the younger generation, the idea of the greatness of the heroic deed of the Soviet peoples; to help to realize its great historic significance; to draw conclusions from the Great Patriotic War experience.

Keywords: *World War II, the Great Patriotic War, the Soviet Union, the system of collective security*

Создание литературы о Великой Отечественной войне началось еще в военное время и ныне она насчитывает десятки тысяч различных наименований. Имеются фундаментальные, обобщающие труды. События Великой Отечественной войны получили свое освещение в многочисленных монографиях, мемуарной литературе. В них содержится объективная оценка причин неблагоприятного для СССР начала войны, поражений, сведения о потерях советских войск и противника. Авторы уделяют значительное внимание изучению советского общества военных лет, самоотверженности людей на фронте и в тылу. Многогранна литература о месте и роли белорусского народа в годы войны. Особую ценность представляют книги «Память», в которых правдиво освещена борьба патриотов против фашизма в отдельно взятом населенном пункте. В то же время в отдельных изданиях, подготовленных в послевоенное время, просматривается тенденция огульного отрицания прежней историографии о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, содержатся явно конъюнктурные суждения. Под предлогом борьбы со сталинизмом, с устаревшими взглядами допускается фальсификация основополагающих выводов о причинах ее возникновения, источниках победы советского народа над фашизмом. СССР причисляется к странам с экспансионистской политикой, стремившимся к переделу мира. Все это делает необходимым дальнейшее изучение и углубление темы в историческом аспекте.

Великая Отечественная война является важнейшим историческим событием XX столетия. Она наложила серьезный отпечаток на судьбы народов планеты. Многие страны принимали участие в

борьбе против фашистского блока. Вторая мировая война вовлекла в свою орбиту 61 государство (80% населения земли) и продолжалась 6 лет. Для борьбы с фашизмом волей правительств и народов была создана антигитлеровская коалиция. Вместе с тем объективный подход к историческим фактам 1941-1945 гг. свидетельствует о решающей роли Советского Союза в освобождении Европы и Азии от фашистского рабства, в спасении всемирной цивилизации. С честью выполнил свои обязательства перед Родиной и человечеством белорусский народ, которому война принесла неисчислимые жертвы, разрушения и страдания. Нынешнее поколение обязано знать и не забывать об этом. Политика агрессии и военных авантур должна получить решительный отпор. Поэтому очень важно способствовать формированию у молодежи мировоззренческих и нравственных идеалов, отвечающих общественным взглядам и установкам современного белорусского общества, показать события войны объективно, в совокупности явлений и общих закономерностей, рассмотреть несостоятельность имеющихся тенденциозных, конъюнктурных толкований исторических фактов этой глобальной трагедии.

Материал и методы. В данной статье на основе многочисленных источников авторы рассматривают причины возникновения Второй мировой и Великой Отечественной войн, высказывают собственное мнение об истинных виновниках, развязавших военный конфликт в конце 30-х – начале 40-х годов минувшего столетия.

В основе исследования лежат принципы историзма и объективности. В статье использованы общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция, а также специфические исторические – историко-генетический и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. По мере того, как события Второй мировой войны и её главной составляющей, Великой Отечественной, удаляются по времени, непрерывно возрастает число изданий, освещающих причины её возникновения, героические и трагические страницы в жизни миллионов людей, её геополитические итоги.

Как в зарубежной, так и в отечественной литературе, идеологема войны имела временную интерпретацию. С каждым прожитым годом события военных лет получали все более глубокую разработку, новое осмысление и расстановку акцентов. В советской историографии, где накопилось огромная литература, подходы к раскрытию драматических, судьбоносных для страны предвоенных и военных событий также менялись. С высоты сегодняшнего дня в отечественной историографии можно выделить 3 периода в трактовке событий Великой Отечественной войны.

Первый период находится в пределах возникновения темы и доходит до середины 50-х годов. Он характерен дозированной информацией, наименьшим отклонением от официального социального заказа. Авторы не выходили за пределы заданной парадигмы «О бесстрашии и мужестве советского человека в Великой Отечественной войне» [1]. В основном писатели, а за ними и исследователи, искали тему героики для подъёма духа народа, сосредотачивались на раскрытии самопожертвования, стойкости, патриотизма людей на фронте и в тылу, восхваляли И.В.Сталина как руководителя и полководца [2].

После критики культа личности (1956 г.) наступает второй период. Он длится до середины 80-х годов. На этом этапе в журналах и сборниках опубликованы многие секретные документы военных лет. Они позволили более глубоко раскрыть роль Советского Союза в спасении человечества от угрозы порабощения фашистскими варварами. В работах историков этого периода уже наблюдается критическое отношение к предшествующей историографии. Одновременно с успехами, имевшимися в 1943-1945 гг. в ходе боев показаны объективные и субъективные причины критического положения Красной Армии в период 1941 – лета 1942 гг. Историки строили свои выводы на объективном анализе и сопоставлении различных событий и фактов, не смогли преодолеть все недостатки предшествующего периода. В отдельных изданиях явно преувеличивалась роль Н.С. Хрущёва, Л.И.Брежнева в позитивном исходе войны [3].

С объявлением перестройки в историографии войны наступил третий период. В подготовленных в это время трудах ученых, Великая Отечественная война получила многоплановое освещение. Историки стали более обстоятельно отражать позитивные, а также негативные моменты, ошибки и упущения, что позволило глубже раскрыть и показать не только источники Победы, но и заплаченную за неё цену [4].

В постсоветском периоде, на основе новой методологии, более глубокому анализу подвергается проблема сущности социализма как государственной общественно-политической системы, которая в экстремальных условиях войны продемонстрировала исключительную

мобильность, способность концентрации сил и возможностей на решение важнейших задач. Ученые стремятся выявить причины невиданного сплочения советского народа перед лицом нависшей угрозы в противоречивой обстановке, сложившей в стране накануне войны. В многочисленных источниках, вышедших после 1990-х годов, Вторая мировая война рассматривается преимущественно как эпохальное событие XX столетия, глубоко раскрываются экономические, политические, идеологические, военные, социальные теории и практика 1939-1945 гг. Правдивое освещение получила внешняя политика СССР, боевые операции на фронте, подвиги солдат и офицеров, тружеников тыла, судьбы крестьянства и коллаборационизм. Важными работами российских ученых этого периода, получивших одобрение в среде белорусских историков, являются: четырёхтомный сборник военно-исторических очерков [5], а также работы: В.А.Анфилова [6], М.А.Гореева [7], Г.А.Куманёва [8], Самсонова А.М. [9]. Эти труды опираются не только на документальную базу, но и мнения зарубежных исследователей, в том числе немецких. В них видится тенденция рассмотрения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн как единого неразрывного процесса.

В последующем, как представляется авторам, в исторической науке по теме Второй мировой и Великой Отечественной войн необходимы дальнейшие научные дискуссии по всем направлениям. Но поскольку по мере приближения 70-летия начала Второй мировой войны возрастает острота дискуссии периода от Мюнхенского соглашения до нападения Германии на СССР (все чаще поднимается вопрос о якобы имевших место советских планах превентивной войны против Германии) следует особо выделить проблему об истинных виновниках войны. Отдельные историки при рассмотрении вопроса о виновниках развязывания Второй мировой войны, а затем её составляющей Великой Отечественной войны упорно следуют логике Гитлера. Выступая, перед готовыми напасть на СССР войсками, он 22 июня 1941 года говорил: «Кремлёвские власти... намеревались уничтожить не только Германию, но и всю Европу...» [10; С.134]. По его словам выходит, что Германия, начиная войну с СССР, имела освободительные цели – спасение народов Европы и наносила по СССР превентивный удар.

Версию о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны, в контексте выступления Гитлера, разработали историки – неонацисты Германии, Японии, Англии, Франции [11]. В общественное сознание народа Европы и Азии с упорством продвигался тезис о Советском Союзе как о стране агрессоре, о решающем вкладе западных государств в разгром германского и японского милитаризма. В Прибалтийских странах все настойчивее ведется реабилитация коллаборационизма как некоего патриотического движения в защиту свободы Латвии, Литвы, Эстонии. В отдельных опубликованных книгах, в том числе, и отечественными историками, берется крен в сторону возложения ответственности за развязывания войны на Германию и СССР в равной степени. Белорусский историк З. Шибек в своей книге «Нарыс гісторыі Беларусі 1795-2002 гг.» пишет: «Бальшавікі і нацысты што трызнілі пра сусветнае панаванне ўцягнулі ў крываваю бойню і Беларусь» [12; С.310].

В начале 90-х годов вышла книга, получившего убежище в Англии беглого советского разведчика В.Б.Резуна «Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?», в которой он развивает миф о том, что Советский Союз «главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны» [13; С.5]. По мнению британского ученого С. Милайна, такое «переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР в развязывании Второй мировой войны не только бессмыслица, но и воодушевляет сторонников нацистского наследия войны». Так поступают, по мнению Милайна, сторонники «возрождающегося правого национализма в Восточной Европе...» [14; С.1]. Мнение ученого разделяется в Республике Беларусь как отечественной наукой, так и общественным мнением. Утверждение же Резуна (В.Суворова) считается набором лжи и клеветы [15; С.65-66]. Не только историкам, но и простым гражданам известно: данная версия ни что иное как оправдание бесноватого фюрера, стремившегося на Восток для расширения территории Рейха.

К сожалению, и сегодня по истечению более чем 65 лет со дня Победы над фашистской Германией «научные изыскания» такого рода находят сторонников в официальных кругах западных стран. Так, в принятой 3 июня 2009 года резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ, СССР обвиняется в соучастии совместно с Германией в развязывании Второй мировой войны. Как справедливо отмечается в Заявлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, такое заключение является не иначе как грубым оскорблением памяти миллионов наших

соотечественников, отдавших в годы войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига [16; С.2].

Думается, что при рассмотрении темы об истинных виновниках возникновения Второй мировой войны, было бы справедливо восстановить, хотя бы кратко историческую обстановку и рассмотреть советскую политику 30-х – начала 40-х годов XX столетия. Опереться на мнение тех авторов, которые говорят о том, что корни Второй мировой войны уходят в Версальско-Вашингтонскую систему. Эта система узаконила передел мира в пользу англо-французско-американской коалиции, что породило глубокие противоречия в международных отношениях. После Версаля принцип неделимости мира так и не утвердился, шла непрерывная борьба за региональное и мировое господство. Гитлер ещё в 1925 году в книге «Майн кампф» заявил о геополитических притязаниях: «дранг нах Остен» к необъятным просторам России. В Германии системно развивалась расистская теория о превосходстве германской нации над другими народами. Если следовать этой теории, все народы, кроме немцев являются «недочеловеками», они подлежат беспощадной эксплуатации или уничтожению.

Геополитические цели Японии сформированы в 1927 году, в представленном императору меморандуме генерала Г.Танака – завоевать земли от Китая до Европы [17; С.20-21]. 7 июля 1937 г. японские войска вторглись в Китай и в короткий срок захватили Шанхай, Пекин и другие важные центры.

По вине фашистской Италии возникает военный очаг в Северной Африке и в бассейне Средиземного моря. Хорошо вооруженная итальянская армия в октябре 1935 г. вторглась в Эфиопию; в апреле 1939 г. – в Албанию. Малые страны – Польша, Венгрия, Румыния, Финляндия ориентировались на политику великих стран, рассчитывали с их помощью поправить, как им казалось, историческую несправедливость, - расширить свои территории.

Из вышеизложенного хорошо видно, что неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели мир в середине 30-х годов к расколу. В одну коалицию вошли Германия, Италия, Япония, в другую – Англия, Франция и США. Конец Версальско-Вашингтонской системе пришёл с подписанием 25 ноября 1936 года Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому через год присоединилась Италия и ряд других государств. В результате возник открытый военный союз, поставивший целью - новый передел мира.

Советский Союз неоднократно предлагал Великобритании и Франции сформировать систему коллективной безопасности в Европе, заключить договор, который предусматривал бы оказание друг другу немедленной военной помощи в случае германской агрессии, направленной либо непосредственно против любой из трех держав, либо против стран, граничащих с СССР. Англия, Франция и США до середины 1940 года не признавали СССР как партнера. У них складывалось мнение о Советском Союзе как о слабом союзнике на случай войны. Эти страны встали на позиции уступок фашистам. При попустительстве Англии и Франции, Германия осуществила «аншлюс» Австрии, получила Судетскую область, а затем оккупировала всю Чехословакию. Уступая одну позицию за другой, западные страны полагали, что этим можно будет избежать войны. Способствовали формированию такого мнения и германские средства информации и пропаганды. В Германии до августа 1939 года постоянно и ежедневно подчеркивали о своем антисоветизме, уверяли международную общественность, что их действия направлены не только на защиту своей страны, но и на защиту «от угрозы большевизма» всей Европы. У СССР также имелось достаточно оснований не доверять руководству Англии, Франции, США. Примером их непоследовательной политики были их действия во время гражданской войны в Испании. В начале эти страны, совместно с другими, приняли решение о невмешательстве в дела Испании, закрытии источников помощи мятежникам (генерал Франко). Но, как оказалось, в последствии договоренности ими не выполнялись.

С Англией и Францией велись переговоры о подписании военных соглашений. СССР согласился выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5тыс. орудий, 9-10тыс. танков, 5,5 боевых самолётов, поставив вопрос о пропуске советских войск в случае агрессии Германии через территорию Польши. Время шло, ответы английских и французских миссий были уклончивы, неопределённые, кроме предложения того, что СССР должен взять на себя основное бремя войны. 17 апреля 1939 г. СССР предложил провести переговоры с принятием документов о взаимной помощи. Не смотря на то, что советская инициатива встретила поддержку в широких общественных кругах западных стран, английское и французское правительства, настроенные, как и предшествующие годы, не торопились заключить с СССР какие-либо соглашения с конкретными обязательствами.

Начавшиеся в Москве летом 1939 г. англо-франко-советские переговоры проходили тяжело, в обстановке взаимного недоверия. Со стороны западных держав эти переговоры велись второстепенными лицами. По большинству пунктов стороны придерживались противоположных точек зрения [19; С.101-102]. Ведя переговоры с СССР, Лондон одновременно вел секретный торг с Гитлером. Речь шла о разделе мира на английскую и германскую сферу интересов. Понятно, что предпринимались попытки отвести угрозу от своих стран, одновременно в своих планах они были не прочь направить агрессивные замыслы фашистского блока против СССР.

В середине августа 1939 г. советская сторона окончательно убедившись в том, что западные миссии приехали с пустыми руками и не готовы к подписанию военной конвенции, повела параллельные переговоры с Германией. Настойчивая инициатива Германии об улучшении отношений с СССР стала рассматриваться И. Сталиным как мера, способная остановить германскую агрессию подалеже от своих западных границ. Этому и послужил подписанный 23 августа 1939г Пакт о ненападении и секретный протокол к нему о разделе «сфер влияния». В результате подписания Пакта СССР получал гарантии (хотя и ненадёжные) сохранить мир на Западе. Пакт с Германией охладил японское руководство, нацеленное на конфликт с СССР: 15 сентября 1939 г. Япония подписала соглашение с СССР и МНР о прекращении боевых действий.

Договор позволял СССР на какое-то время оставаться вне европейской войны между Германией и западными странами, которая, как считало советское руководство, могла возникнуть в результате германо-польского конфликта. И. Сталин полагал, что эта война примет затяжной характер, и, ослабив, в целом капиталистическую систему, даст возможность СССР усилить свой военно-экономический потенциал.

Анализируя текст договора и приложение к нему, историки дают договору различные оценки. После того, как советской общественности стало известно о секретном приложении, критическое отношение к договору возросло. В исторической литературе отмечается, что при подписании условий договора советское руководство допустило пренебрежительное отношение к нормам права и морали (он принят в обход законов СССР и договорных обязательств перед третьими странами). Договор нанес урон международному престижу страны. Ведь до августа 1939 г. СССР считался флагманом в борьбе с фашизмом. Метаморфоза (резкая перемена взглядов и идеологических подходов) в СССР по отношению к гитлеровской Германии дезориентировала сложившиеся взгляды советских людей к фашистской системе. В сложном положении оказались левые силы зарубежных стран, решительно выступавшие против фашизма. В нашей республике до сих пор ведется дискуссия о выгодах принятого договора для оборонной способности СССР. Что касается включения Западной Беларуси в состав БССР (что отражено в секретном приложении), то следует отметить положительный отзыв в исторической науке по этому вопросу: закончился трагизм разделенности нации, длившийся с 1921 г. по 1939 г. [20; С.220, 253].

Факты подтверждают, что советская дипломатия середины 30-х гг. до августа 1939 г. предпринимала все возможные меры по формированию системы коллективной безопасности. Посол США в Москве Л.Штейнгард телеграфировал 17 июня 1941 г. в Вашингтон: «Я считаю, что вся политика Советского Союза в течение последних месяцев сосредоточена на том, чтобы избежать нападения Германии» [21; С.718]. По мере приближения начала войны Белый дом все больше склонялся к мнению, что нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию были следствием скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии [18; С.19].

В ноябре 1940 г. под воздействием международной обстановки (после того как капитулировала Франция, под пятой вермахта оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург) и в Великобритании стало меняться настроение в пользу СССР как потенциального союзника.

Понимание руководством США, Англии и других стран истинных целей внешней политики Советского Союза и его возможностей противостоять агрессивным планам, которое к ним пришло после июня 1941 г., привело к созданию антигитлеровской коалиции. Создание коалиции стало крупнейшим дипломатическим прорывом в отношениях между СССР и буржуазно-демократическими странами. Объединение усилий различных социально-политических систем ускорило победу над фашистским блоком.

Заключение. Как видно, на разных этапах создания истории о войне 1939-1945 гг. господствовали различные теории, стереотипы и догмы. В советской, зарубежной, белорусской

историографии накоплен огромный фактический материал, в котором дается вполне объективная характеристика событий военных и предвоенных лет. В отдельных изданиях (чаще в зарубежных) поведение стран на этапе 1937-1941 гг. носят идеологическую окраску и вольную интерпретацию. Чаще всего в отрыве от сложившейся обстановки того времени рассматривается пакт Риббентропа-Молотова, что приводит к фальсификации вопроса об истинных виновниках войны.

Документы, открытые в последние годы для научных целей показывают: после прихода к власти Гитлера советская внешняя политика была направлена на создание системы коллективной безопасности. СССР имел твердое намерение войти в союз государств и народов для борьбы с фашизмом [18; С.5-8]. Однако взаимная неприязнь и подозрительность капиталистических стран (Англия, Франция, США) и СССР не позволяли им своевременно объединиться, а это способствовало возрастанию агрессивности стран антикоминтерновского блока.

Видя, что соотношение сил в Европе все больше менялось в пользу Германии, чтобы получить отсрочку вступления с ней в войну, Москва повела осторожную политику. СССР стал готовиться к отражению агрессии.

Отведение СССР роли экспансионистского государства не может быть принято в научном обществе, так как исследователи не нашли документов с грифом ЦК ВКП(б) или правительства СССР о готовящемся нападении на Германию. В то же время определенно известно о разработке и утверждении в Германии еще в середине 1940 г. плана «Барбаросса» и генеральной директивы «ОСТ» по уничтожению СССР и ее экономики.

В оценке войны нельзя допускать смешения нравственных ориентиров. История вынесла свой вердикт: к развязыванию Второй мировой войны привели острые экономические противоречия между крупными странами, предельная идеологизация и разделение мира по социально-политическому принципу; главным виновником, развязавшим Вторую мировую и Великую Отечественную войну, является нацистская Германия. Мировое сообщество признало этот Нюрнбергский приговор окончательным, не подлежащим пересмотру.

Следует и дальше утверждать сформировавшийся в нашей и других странах образ советского народа как Народа-Патриота и – Победителя. Отказ от устоявшегося вывода об оборонительном характере со стороны Советского Союза Великой Отечественной войны, о его решающем вкладе в победу, ничто иное как откровенное очернение памяти погибших, психологическая травма фронтовиков. Долг ученых и политиков – сказать правду о самой страшной войне в истории человечества, пресекать любые попытки ее исказить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. - М.: Москва, 1947.
2. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т.2. – М.: Госполитиздат, 1948; Операции Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – М., 1959; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3 т. – М., 1946-1947 гг. и др.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. – В 6 т. – М., 1960-1965; История Второй мировой войны. 1939-1945 гг.: В 12 т. – М., 1973-1982; Баграмян И.Х. Так начиналась война. – 2-е изд. – М., 1971; Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941-1944 гг. – М., 1986 и др.
4. Историки спорят. 13 бесед / Под общ.ред. В.С.Лейчука. – М.: Политиздат, 1988; Страницы истории КПСС: Факты. Проблемы. Уроки / Сост.: В.К.Горев, В.Н.Донченко, С.А.Степанов; Под ред. В.И.Купцова. – М.: Высшая школа, 1988; Иного не дано: Судьбы перестройки; Вглядываясь в прошлое; Возвращение к будущему: [Сб.ст.] / Ред.сост. А.А.Проташик; Под общ.ред. Ю.Н.Афанасьева. – М.: Прогресс. – Мн.: Беларусь, 1988.
5. Великая Отечественная война. Кн.1: Суровые испытания. 1995; кн.2: Перелом.1998; Кн.3: Освобождение; кн.4: Народ и война, 1999.
6. Анфилов В.А. Грозное лето 1941 г. М., 1995.
7. Гореев М.А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). – М., 1995.
8. Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Отв.ред. Г.А.Куманев. – М., 1985.
9. Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939-1945. – М., 1990.

10. Великая Отечественная война 1941-1945гг. Военно-исторические очерки. - Кн.1. - М.: 1998.
11. К ним следует отнести в первую очередь: Г.Бренке, У.Валенди, В.Мазера (Германия), П.Янг, Д.Селби (Англия), М.Бомон (Франция), Т.Хаттори (Япония).
12. Шибeko З. Нарыс гісторыі Беларусі 1795-2002 гг. – 2003.
13. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? – М., 1992.
14. Газета Гардиан, 9 сентября 2009.
15. Новік Я.К., Новік Н.Я. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксте Другой сусветнай вайны). Курс лекцый. Мн., 2006.
16. См.: Советская Беларусь 31 июля 2009.
17. См.: Черевко К.Е., Кириченко А.А.. Советско-японская война (9августа – 2 сентября 1945г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). - М.: 2006.
18. Ржешевский О.А. Перед великим испытанием // Новая и новейшая история. - № 3. – 2010.
19. Исторический архив. – № 3. – 2008.
20. Нарысы гісторыі Беларусі: У 2-х ч. Ч.2 / М.П.Касцюк, І.М.Ігнаценка, У.І.Вышыньскі і інш.; Інстытут гісторыі АНБ. – Мн.: Беларусь, 1995; Гісторыя Беларусі: Вучэбн.дапам. Люты 1917 г. – 2000 г. / Под ред.Я.К.Новіка, Г.С.Марцуля – 2-е выд.перапрац. і дап. - Мн.: Універсітэцкае.
21. Москва-Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1921-1941 гг., Сб.док. Отв.ред.академик Г.Н.Севостьянов. – Т.3. 1933-1941. – М., 2009.

Обеспечение потребностей экономики и населения Белорусской ССР в транспортных услугах (1943 - 1991 гг.)

Р.В. Тимофеев

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Данное исследование по пятилетним периодам показало изменения в развитии грузовых и пассажирских перевозок в Белорусской ССР в 1943-1991 годах на примере основных видов транспорта. Были отмечены успехи и трудности в их осуществлении, передовые методы работы и основные организационные мероприятия, использование новых видов техники и повышение уровня квалификации кадров. Особое внимание было уделено показу уровня удовлетворённости хозяйства и населения республики в транспортных услугах. В статье отмечен тот факт, что наиболее важную роль в развитии перевозок играл железнодорожный транспорт, затем за ним следовал автомобильный. Сделан важный вывод о том, что развитие транспорта фактически отставало от всё время возрастающих потребностей республики в перевозках, так как производственные планы по ряду показателей и за ряд лет не выполнялись. Показаны предпринимаемые органами власти и самими работниками транспорта усилия по преодолению непроизводительной работы транспортных предприятий, мешавшей достижению необходимых показателей.

Ключевые слова: экономика, население, транспорт, услуги, перевозки.

Meeting the needs of economy and population of Byelorussian SSR in transport services (1943 - 1991)

R.V. Timofeyev

Establishment of education «Vitebsk State University named by P.M. Masherov»

The given research on five year periods has shown changes in the development of cargo and passenger transportation in Byelorussian SSR in 1943-1991 on the example of the basic types of transport. The successes and difficulties in their realization, advanced methods of work and basic organizational measures, use of new kinds of engineering and increase of a skill level of the staff are marked. Special attention is given to the display of the level of economy and population satisfaction in transport services. The article identifies the fact, that the most important role in the development of transportation was played by railway transportation, followed by the automobile one. An important conclusion is made that the development of transport actually lagged behind constantly growing requirements of the republic in transportation, as the production plans in a number of parameters and for a number of years were not carried out. The author indicates the efforts by authorities and workers of transport themselves on overcoming unproductive work of the transport enterprises which interfered with the achievement of the necessary parameters.

Key words: economy, population, transport, service, transportation.

В условиях инновационного развития Республики Беларусь в начале XXI века большое значение играет своевременная доставка товаров, сырья, материалов и выполнение социальных транспортных параметров в отношении её населения. Поэтому весьма интересным является изучение опыта по обеспечению

нию потребностей экономики и населения в рамках Белорусской ССР. Такой вопрос давно имеет право быть отдельным предметом тщательного научного исследования, так как от перевозок грузов и пассажиров напрямую зависело функционирование всех сфер жизни общества. Сегодня работы такого плана отсутствуют, а из современных изданий, где вопросы обеспечения перевозок затрагивались, можно отметить коллективные труды по истории железной дороги БССР [1, 2], монографические работы Л.М. Лыча [3, 4] и И.В. Мандрика [5]. Однако, там обеспечение перевозок касалось только одного вида транспорта и не были показаны тенденции в их расширении.

Актуальность изучения обеспечения потребностей экономики и населения в перевозках состоит в том, что оно позволяет проанализировать эффективность тех или иных форм и методов их осуществления, определить наиболее распространённые и перспективные способы их организации, выделить основные направления развития отдельно взятых видов транспорта.

Наиболее важным элементом работы является определение уровня обеспечения населения и экономики республики в перевозках по пятилетиям. В исследовании решались следующие задачи: показ выполнения плановых показателей и темпов их роста по пятилетиям, определение круга основных проблем, которые касались обеспечения перевозок со стороны того или иного вида транспорта, выделение факторов, которые влияли на достижение определённого уровня транспортного развития.

Материал и методы. Для проведения исследования использовались докладные записки заведующих отделами транспорта и связи обкомов КПБ в отдел транспорта и связи ЦК КПБ, материалы к ним; протоколы заседаний постоянных комиссий по транспорту и связи Верховного Совета БССР, материалы к этим протоколам; докладные записки транспортных подразделений республики в Верховный Совет БССР; переписка облисполкомов БССР с группой транспорта и связи Совета Министров БССР по вопросам работы транспорта; материалы Комиссии Бюро Совета Министров БССР по координации работы транспорта в республике; материалы проверок и рекомендации Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПБ и Совета Министров БССР; материалы о деятельности транспорта, поступившие в Управление делами Совета Министров БССР; сведения о деятельности транспортных подразделений Совнархоза БССР (Национальный архив Республики Беларусь). Много необходимой информации содержалось в приказах, переписке с областными автотрестами, областными автотранспортными управлениями Министерства автомобильного транспорта БССР; в приказах и переписке с подразделениями Главного управления речного флота при Совете Министров БССР; в переписке со своими подразделениями Белорусского управления гражданской авиации Министерства гражданской авиации СССР, в документах о деятельности отраслевых профсоюзов железнодорожников, автотранспортников, речников и авиаторов (Национальный архив Республики Беларусь).

Значимые для работы документы были найдены в протоколах партийных организаций и материалах к ним железнодорожного, автомобильного, воздушного, трубопроводного транспорта и электро-транспорта из Государственного архива Витебской области; в распоряжениях, в переписке по работе транспорта облисполкомов из Государственных архивов Брестской, Гомельской и Могилёвской областей; в материалах заседаний областных Советов профессиональных союзов Белорусского республиканского Совета профсоюзов из Государственных архивов Гомельской и Могилёвской областей; в материалах о работе исполнительного комитета Брестского областного Совета народных депутатов, Брестского городского совета депутатов и его исполнительного комитета, Московского районного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета в г. Бресте, Брестского отделения Белорусской железной дороги из Государственного архива Брестской области. Широкие статистические сведения были взяты из всесоюзной, республиканской и ведомственной периодической печати, сборниках указов Верховных Советов БССР и СССР, сборников постановлений Совета Министров БССР.

В исследовании в первую очередь использован системный метод исследования, который позволяет рассмотреть проблему в комплексе, раскрыть целостность объекта и выявить многообразие окружающих его связей. Его дополнили такие общенаучные методы как индукция и дедукция, синтез и анализ.

Результаты и их обсуждение. Перевозки грузов в БССР возобновились с момента освобождения её территории от оккупации осенью 1943 г. Важная роль отводилась железнодорожному транспорту. За 1944 г. железные дороги БССР выполнили план погрузки воинского имущества на 142%, что было очень

важным для успешного проведения наступательных операций Красной Армии, в том числе «Багратион» [3, с. 21, 109]. С июля 1944 г. в военные и гражданские перевозки максимально включилась Западная дорога, которая смогла до конца года выполнить план погрузки для нужд фронта на 151% [1, с. 102].

После окончания войны железным дорогам, расположенным на территории БССР, приходилось начинать перевозки с минимальных показателей. Так, грузооборот в тонно-километрах в 1945 г. по сравнению с 1940 г. составил по Западной дороге 80,5%, Белорусской - 51,1% [2, с. 281]. Республике для восстановления разрушенного войной хозяйственного комплекса требовалось осуществить перевозки в огромных объёмах. Основная роль в выполнении этих задач легла на плечи железных дорог. Железнодорожники Западного округа за 1947 г. смогли погрузить на 40% больше вагонов, чем за 1945 г. Однако, они сами признавали, что уровень их работы был пока ещё не достаточным и потребности республики в перевозках удовлетворялись не полностью.

Работа железнодорожного транспорта стала предметом обсуждения в партийных комитетах всех уровней. Для исправления ситуации принимались меры по укреплению железных дорог опытными кадрами, повышению трудовой дисциплины, своевременному материально-техническому снабжению всех подразделений железной дороги. Внедрялись передовые методы труда: движение машинистов-«тяжеловесников» и «пятисотников», скоростное вождение составов.

Предпринятые усилия дали положительный результат. Так, если отправление грузов в 1945 г. по дорогам БССР составляло только 9245 тыс. тонн, то в 1950 г. уже 17731 тыс. [4, с. 112]. План четвёртой пятилетки (1946-1950 гг.) по основному на тот момент показателю - погрузке был выполнен на 102%.

Не оставалось без внимания в эти годы и обеспечение населения в перевозках. В мае 1946 г. в действие введено летнее расписание пассажирских поездов дальнего следования, открылось их прямое сообщение. Было налажено движение и пригородных поездов. В 1948 г. железнодорожниками было увеличено количество поездов и скорость их движения. Однако, и теперь не хватало пригородных составов, поезда ходили переполненными. Наблюдались трудности с приобретением билетов в поездах дальнего следования. Тем не менее в период с октября – декабря 1943 г. к 1950 г. перевозки пассажиров по железным дорогам БССР возросли с 24 тыс. до 22 млн. человек. Но и при этом значительном росте они составили лишь 36,7% довоенного уровня [2, с. 282; 3, с. 21]. Как видно пассажирские перевозки в республике восстанавливались медленно, потребности населения в них в тот период удовлетворялись не полностью.

Для повышения эффективности перевозок органы управления в 1950-е гг. с помощью научно обоснованного размещения предприятий и совершенствования планирования пытались ликвидировать нерациональные и дальние грузовые маршруты. Одним из резервов в деле улучшения работы транспорта являлось развитие смешанных железнодорожно-водных и автомобильных перевозок.

В дальнейшем происходил рост технической оснащённости железных дорог БССР, повышение квалификации кадров, что позволило увеличить интенсивность перевозочной работы железнодорожников. Большинство проводимых ими мероприятий было направлено на выполнение графиков движения поездов, ускорение оборота вагонов и увеличение среднесуточного пробега локомотивов. Однако, полной обеспеченности потребностей республики в перевозках достичь пока не удавалось. В 1951 г. план погрузки грузов дороги БССР (кроме Оршанского отделения) не выполнили.

В последующем ситуация изменилась: в 1953-54 г. план погрузки по Белорусской дороге был выполнен на 101%, а в 1955 г. план грузооборота выполнен на 114%. То есть в целом наблюдалась положительная тенденция. Грузооборот основной дороги республики – Белорусской – в 1952 г. составил 12 млрд. тонно-километров [4, с. 161]. За 1951-55 г. он увеличился в 1,5 раза.

Отражая потребности населения, совершенствовалось обслуживание в пассажирских поездах Работники вокзала станции Орши с 1951 г. первыми в республике стали применять организацию продажи билетов в поездах. В 1953 г. было увеличено количество пригородных поездов, однако имелись срывы в выполнении графика их расписания. Из-за нехватки подвижного состава Белорусская дорога не имела возможностей обеспечить потребности в перевозках пассажиров в выходные и предпраздничные дни. Тем не менее, её пассажирские перевозки в 1955 г. увеличились в сравнении с 1950 г. на 53% [6, с. 2].

Улучшение материально-технического снабжения Белорусской дороги, поставки новых моделей вагонов и локомотивов, внедрение передового опыта вождения поездов позволили увеличить перевозки

во 2-й половине 1950-х гг. Перевод транспорта на семичасовой рабочий день заставил железнодорожников организовать свою работу так, чтобы и при этом сокращении обеспечивать возросшие нужды народного хозяйства в перевозках.

По данным Статистического управления грузооборот за 1956 г. увеличился на 13%, за 1957 – 1960 гг. вырос с 23 до 26 млрд. тонно-километров (т.к.). Об уровне обеспечения потребностей республики в перевозках можно судить по тому, что выполнение план грузооборота по Белорусской дороге за 1956-60 гг. колебалось в рамках 98 – 121%, по погрузке в пределах 100 – 108%, то есть в большинстве случаев планы выполнялись.

Для улучшения обслуживания пассажиров производилась реконструкция вокзалов, в начале на крупных станциях, затем на мелких, расширялись залы ожидания, они наполнялись новым оборудованием. Появлялись пассажирские вагоны новой конструкции, более вместительные. В 1960 г. произошло увеличение скорости пассажирских поездов, что уменьшило нахождение пассажиров в дороге. Участники сессии Витебского областного Совета в 1958 г. приняли решение о восстановлении поезда Полоцк – Бигосово, отменённого в 1954 г. Произошло увеличение пассажирских перевозок и в 1958 г., когда со станций Белорусской дороги было отправлено уже 32,3 млн. человек [4, с. 112].

В дальнейшем следовании за 1950-58 гг. перевозки пассажиров увеличился на 8,7%, а в пригородном – на 70 %. На рост пригородного сообщения повлияло расширение промышленного производства в городах: многие рабочие проживали в сельской местности. Требовались ежедневные поездки на постоянную работу. Однако, удовлетворить полностью потребности в перевозках пассажиров Белорусская железная дорога не смогла, в 1960 г. план по перевозкам пассажиров был выполнен только на 98%.

Широкому развитию экономики БССР благоприятствовало её географическое положение. Поэтому она имела сравнительную развитую транспортную сеть. На состояние перевозок грузов оказывали влияние многочисленные факторы. Так, большой простой вагонов вызывало неравномерное выполнение грузовой работы по дням недели. Чтобы сократить простои с мелких станций, например, Брестского отделения в 1963 г. грузовую работу перевели на крупные. Оборот вагонов ускорили за счёт технического перевооружения дороги. Грузооборот всей дороги вырос с 29 млрд. т.к. в 1961 г. до 37,1 млрд. в 1965 г. Выполнение плана по грузообороту за 1961-65 гг. было 101-106%, по отправлению в пределах 101-106%.

Для удобства пассажиров в этом пятилетии в расписаниях скорых поездов были упразднены некоторые остановки. Расширялся сервис: так, в 1962 г. было доставлено на дом уже 20 тыс. билетов. В целях экономии времени граждан в соответствии с распоряжением СМ СССР от 20 мая 1965 г. им стали продавать абонентские проездные билеты на пригородные поезда [7, л. 82].

Ряд пригородных поездов в 1964 г. был радиофицирован, в них появилось электрическое освещение, стал лучше выполняться график движения. Тем не менее неполадки в обслуживании пассажиров остались, что отметил на XXV съезде КПБ в 1961 г. начальник Белорусской дороги. Пассажирские перевозки дороги в 1961 г. по сравнению с 1955 г. выросли более чем на 20% [8, с. 2]. В 1965 г. перевозки составили уже 40,3 млн. человек, но планы в тот период не выполнялись.

Для развития перевозок СМ БССР и железнодорожники чаще использовали административные методы. За эффективное использование подвижного состава предприятия грузоотправители поощрялись редко. До середины 1960-х гг. главной проблемой для Белорусской дороги оставались простои вагонов и несвоевременный вывоз грузов со станций. В конце 1960-х гг. слабо сокращались нерациональные перевозки, не соответствовал требованиям времени уровень маршрутизации. Железнодорожники пытались решить эти вопросы. Ускорение оборота вагона они повысили за счёт сокращения стоянок поездов на станциях. Грузооборот дороги за 1966 - 1970 гг. вырос с 38,5 млрд. до 49,9 млрд. т.к. Выполнение плана грузооборота колебалось в рамках 100,4 – 105%, выполнение плана перевозок происходило в пределах 98-103%. То есть и на этом этапе потребности народного хозяйства полностью не удовлетворялись

В обеспечении пассажирских перевозок новым оказалось введение в 1966 г. прямых плацкарт для пассажиров, следовавших через Москву. Массовой стала с 1970 г. продажа билетов предварительными кассами. В 1970 г. было отправлено 63,4 млн. пассажиров [4, с. 219]. Рост пассажирооборота в 1966-68 гг. составлял 9-14%. В 1966-70 гг. план пассажирооборота выполнялся и перевыполнялся.

В 1-й половине 1970-е гг. в республике наметилось сокращение непроизводительной работа по перевозкам за счет передачи отдельных грузов (более всего строительных) на речной транспорт. В 1971-72 гг. улучшилось оснащение погрузочно-разгрузочных станций, в 1974 г. возросли перевозки грузов маршшрутами и в контейнерах. Однако, не выполнялись планы по росту среднего веса поездов. Грузооборот Белорусской дороги возрос с 53,7 млрд. т.к. в 1971 г. до 62,3 млрд. в 1975 г. План грузооборота выполнялся в пределах 100,4 – 105%, но в основном возле минимального показателя, план перевозок – в рамках 100,3 – 103% с ухудшением показателя к концу пятилетия, что свидетельствует о нарастании трудностей.

В 1-й половине 1970-е гг. соответственно росту доходов населения увеличилось число поездок в поездах дальнего следования, выросло количество фирменных составов. Учитывая пожелания пассажиров, за счет замены вагонов было увеличено количество плацкартных мест. В 1971 г. на дороге было перевезено 78,58 млн. пассажиров [2, с. 323]. План пассажирооборота в 1971-74 гг. выполнялся, но в 1975 г. уже нет, так как при директивной экономике возможности исполнителей учитывали не всегда.

Во 2-й половине 1970-х гг. продолжали допускаться непроизводительные простои под погрузочно-разгрузочными операциями, существовали порожние пробеги, не полностью использовалась грузоподъёмность вагонов. ЦК КПБ в 1980 г. сказал, что необеспеченность потребностей в перевозках приводило к нарушению технологического цикла в промышленности и строительстве, к потерям продукции, снижению эффективности производства. Это происходило несмотря на то, что в 1976-80 гг. на Белорусской дороге была проделана работа по совершенствованию организации перевозочного процесса и управления им. Объективной причиной отставания была нехватка пропускных способностей на ряде линий.

Грузооборот колебался в разные стороны, он увеличился с 63,4 млрд. т.к. в 1976 г. до 65,1 млрд. в 1977 г., затем упал до 62,1 млрд. в 1978 г., потом вновь вырос до 66,3 млрд. в 1980 г. Кроме 1976 г. планы грузооборота выполнялись, по перевозкам наоборот, в 1976 г. существовало превышение планового показателя (104%), в остальные годы планы были выполнены, то есть потребности удовлетворены.

Рост технической оснащённости дороги давал свои плоды. Поэтому она уже могла назначать дополнительные поезда в выходные дни. Для ввода в расписание опоздавших составов диспетчеры вместе с дежурными по отделениям разрабатывали графики их ускоренного продвижения. Остались и трудности. На вокзалах из-за нехватки касс происходило скопление пассажиров, особенно перед праздничными днями, не хватало и плацкартных мест [9, л. 144]. Всего перевозки пассажиров за 1976-80 гг. выросли с 91 до 101,4 млн. человек [10, с. 156]. Планы с большим трудом, но выполнялись.

Результатом усилий, как со стороны органов управления, так и со стороны конкретных руководителей стало улучшение в 1-й половине 1980-х гг. организации перевозочного процесса. Росла производственно-техническая база, вводились в эксплуатацию новые маршруты, пополнялся подвижной состав. Однако, транспортные ведомства не справлялись со своей главной задачей – своевременной и полной перевозкой всех запланированных грузов, о чём было заявлено на Пленуме ЦК КПБ в январе 1984 г.

Основная доля нерациональных перевозок грузов осуществлялась из-за размещении производства по выпуску продукции без должного внимания к транспортному фактору. В 1980-е гг. не везде эффективно использовался подвижной состав, имелись порожние пробеги и простои [11, л. 12]. Чтобы преодолеть недостатки, Белорусской дорогой в 1981 г. проводилась работа по обеспечению вывоза грузов и приём их получателями в три смены, применялась безотцепочная загрузка вагонов и перевозка маршрутами. Грузооборот за 1981 – 85 гг. вырос с 67,5 млрд. т.к. до 73,2 млрд., перевозки грузов с 104,1 млн. до 113,4 млн. тонн. Плановые показатели были выполнены.

ЦК КПБ и СМ БССР постоянно следили за уровнем обеспечения перевозок пассажиров, обязывали Белорусскую дорогу улучшать качество подготовки пассажирских составов в рейс и повышать культуру обслуживания. Но по ряду объективных и субъективных причин справлялись с ростом перевозок железнодорожники всё хуже. Однако, за 1980-85 гг. дорога смогла увеличить пассажирооборот с 10,9 до 13,7 млрд. п.к. [12, с. 107, 109]. Планы за эти годы были выполнены.

Потребность хозяйства в перевозках ряда грузов во 2-й половине 1980-х гг. обеспечивалась не в полной мере, а в 1990-91 гг. ситуация ещё больше обострилась из-за сложной экономической обстановки в СССР. Сохранялись, а в 1990-91 гг. увеличились недостатки в обслуживании населения перевозками,

всё масштабнее нарушалось движение. В 1986 г. трудности в работу вносила несогласованность действий предприятий транспорта и обслуживаемых им отраслей. Выход был найден в создании станций с большим объемом переработки. В 1986-87 гг. происходило внедрение интенсивных технологий. Однако, вновь стали нарастать трудности. В 1989 г. задание по обороту вагона дорога уже не выполняла, он за год был замедлен на 2,2 часа. В связи с ростом с 1 января 1991 г. цен на подвижной состав, эксплуатационные материалы в 1,5-3,5 раза Белорусская дорога ввела с 1 апреля 1991 г. новые тарифы, но их повышение не компенсировало затрат, связанные с организацией перевозок. Отмеченные проблемы напрямую сказались на объемах грузовой работы.

С 1986 по 1989 г. грузооборот дороги вырос 77,9 млрд. до 81,6 млрд. т. к. [13, с. 88, 89]. В 1986-89 гг. планы по грузообороту и по отправлению грузов были выполнены. В 1990-91 гг. произошло падение грузооборота на 10%, так как повлияли экономические трудности, которые сопровождали распад хозяйственных связей. Выполнение плановых показателей было нарушено, потребности хозяйства в перевозках перестали удовлетворяться.

Сложности в обеспечении пассажирских перевозок в 1990-91 гг. обострились. В 1988 г. среднее время для приобретения билета в летний период составило уже 1,4 часа. С нарушением расписания в 1990 г. прошло 289 поездов дальнего следования. Однако, используя пока ещё благоприятную ситуацию в начале пятилетия железнодорожники увеличили перевозки пассажиров за 1986-89 гг. с 130,8 до 147,7 млн. человек [13, с. 89]. В 1990-91 гг. в год перевозилось до 150 млн. пассажиров. Планы по пассажирообороту в 1986-90 гг. были выполнены, в 1991 г. - не выполнены.

Одновременно с железнодорожным восстанавливал свою деятельность с момента освобождения первых районов республики и автотранспорт. Так, одной из первых в декабре 1943 г. была создана Речицкая автобаза. Исходя из Закона о пятилетнем плане развития хозяйства БССР на 1946-1950 гг. главными задачами для автотранспорта было улучшение использования и обслуживания грузовых автомобилей, повышение уровня грузоперевозок. Объем перевозок вначале был небольшим. По данным, поступившим в отдел транспорта и связи ЦК КПБ(б), в 1944 г. планирование перевозок автотранспортом общего пользования в республике не производилось и за этот год автобазами Наркомата автотранспорта было перевезено только 7175 тонн грузов и сделано 163159 т.к..

Однако, усилия власти по улучшению материально-технического снабжения, возросшие потребности хозяйства в ближних перевозках дали свои плоды. В 1950 г. грузооборот автотранспорта составил уже 481 млн. т.к. [4, с. 4]. План перевозок грузов в 1947 г. был выполнен на 132,2%, в 1949 г. по тоннажу на 108% и по т.к. на 98%, 1950 г. по тоннажу на 97%, по т.к. - на 93%, то есть имели место колебания в уровне удовлетворения потребностей в грузоперевозках.

Меньше средств у автотранспортников оставалось на развитие перевозок пассажиров. В июле 1944 г. в Минске стали использоваться первые городские автобусы, которые представляли собой только небольшие машины. Их всё время не хватало. Так, весь Минск в июле 1946 г. обслуживало только 10 автобусов, которые ежедневно перевозили до 8 тыс. пассажиров, что было недостаточным.

Главными вопросами в развитии автотранспорта в 1951-55 гг. были большие простои и порожние пробеги автомобилей. Поэтому министерство автотранспорта БССР обязало руководителей автотрестов их ликвидировать, так как в 1954 г. материально-техническое снабжение автохозяйств было упорядочено. За 1954-55 г. выполнение плана грузооборота колебалось в рамках 100,8 – 112%, по перевозкам 98-105%. Автохозяйствами министерства в 1955 г. было перевезено грузов в 7,1 раза больше, чем в 1950 г. [14, с. 2]. Увеличение перевозок было достигнуто и за счёт получения большого количества новых автомобилей, и за счёт лучшего использования имевшихся.

Больше вопросов вызывало развитие пассажирского движения. Нерегулярным было автобусное движение в 1951 г. даже в Минском районе, не говоря уже о других. У диспетчеров не было информации о наличии автобусов и времени их отправки в рейс. В 1952 г. по Минску городские автобусы ходили переполненными, в областных центрах ситуация была ещё хуже. Обеспечение транспортных потребностей населения считали важным делом высшие органы власти и на XXII съезде КПБ было заявлено, что протяженность маршрутов за 1951-55 г. увеличилась почти в 2 раза, а количество пассажиров, переве-

женных автобусами, возросло в 6,3 раза [6, с. 2]. Годовой план по пассажирским перевозкам в 1953 и 1955 г. был выполнен более чем 100%, в 1954 г. на 107%.

По мнению руководителя министерства автотранспорта БССР, высказанному в 1956 г., достигнутый уровень перевозок не обеспечивал растущие потребности хозяйства. Для исправления ситуации власти республики увеличили автопарк и улучшили его эксплуатационные измерители. Однако, в работе автотранспорта продолжали оставаться недостатки: часть автомобилей простаивала, половину всех пробегов автомобили совершали порожняком, плохо использовались автоприцепы. Всё время предпринимались и усилия по их ликвидации. Так, приказ по Совнархозу БССР в ноябре 1957 г. был направлен на объединение мелких автохозяйств в крупные автотранспортные конторы. Отражая отмеченные выше трудности, выполнение плана по грузообороту за 1956-60 гг. колебалось в рамках 99-105%.

Из положительного в развитии перевозок пассажиров автотранспортом необходимо отметить, что в 1960 г. функционировало уже 687 междугородных и пригородных маршрутов на 52 тыс. км. Тем не менее, сессия Витебского областного Совета в 1958 г. определила уровень обслуживания перевозками как далёкий от удовлетворительного. Перевозки за 1956 – 59 гг. росли в рамках 7 – 33%, в 1956-57 гг. планы не выполнялись, в 1958 -60 гг. – выполнялись.

В 1-й половине 1960-х гг. у транспортников были проблемы с поддержанием хорошего технического состояния автомобилей, сами перевозки было сложно планировать. Поэтому согласно данным исследовательской лаборатории автотранспорта в 1963 г. половина автомобилей курсировала порожняком. Не придавала устойчивости перевозкам малая экономическая самостоятельность предприятий. Однако, всё время происходил поиск новых форм работы, которые бы удешевляли перевозки. Так, экономия была получена за счёт создания специализированных автокомбинатов. Общий экономический рост республики, перенос ряда перевозок на автотранспорт внесли свой вклад в то, что его грузооборот вырос. Выполнение плана по грузообороту за 1961-65 гг. колебалось в рамках 101-109%..

Больше в этот период автотранспортники стали уделять внимания обеспечению грузоперевозок для личных нужд населения. Так, постановлением СМ БССР от 18 июня 1962 г. в республике была создана сеть бюро транспортных услуг. В целях упорядочения обслуживания при Минском городском автомобильном тресте осенью 1961 г. была создана центральная диспетчерская служба. Тем не менее, оставались нерешённые вопросы. Например, в Витебске в 1961 г. из-за нехватки денег на содержание было закрыто несколько маршрутов. Не были изжиты случаи присвоения части выручки водителями и кондукторами. Несмотря на трудности, автобусами в 1961 г. было перевезено 368 млн. человек. Выполнение плана перевозок пассажиров за 1961-65 гг. колебалось в рамках 100-103%.

Во 2-й половине 1960-х гг. главными сложностями в развитии автотранспорта остался порожний пробег и простои, во многих организациях заявки на автоперевозки составлялись без экономических расчетов. К ухудшению использования автопарка приводило применение почасовой оплаты работы машин. Из-за неудовлетворительного состояния дорог и недостаточного обеспечения запчастями происходил пережог горючего. Огромной проблемой было неэффективное использование грузового автотранспорта в субботние и воскресные дни. Выполнение плана по грузообороту находилось в рамках 100,9 - 109%, по перевозкам: 99,4 – 105%, то есть потребности удовлетворялись не всегда.

Больше стали во 2-й половине 1960-х гг. уделять внимания развитию пассажирской работы. Автобусным сообщением в 1970 г. были связаны все районные центры, 88% населенных пунктов. Велась работа по изучению пассажиропотоков, совершенствовалась транспортная сеть. Тем не менее, большое количество рейсов срывалось. В 1966-68 гг. рост пассажирооборота составлял от 15 до 17%, затем снизился. В 1966 – 70 гг. план пассажирооборота выполнялся и перевыполнялся.

Недостатки в работе автотранспорта в 1971-75 гг. были связаны как с отставанием материально-технической базы, так и малопроизводительным использованием транспортных средств. По-прежнему был велик удельный вес порожних пробегов автомобилей и сверхнормативных простоев. Поэтому для улучшения перевозочного процесса ведомствами совершенствовалась организация труда. Многие делали союзные власти. По постановлению СМ СССР от 6 июля 1973 г. в республике стали шире распространять опыт по переключению короткопробежных перевозок с железнодорожного транспорта на автомо-

бильный. Планы грузооборота в 1971-75 гг. выполнялись в пределах 100,3-109%. С выполнением планов перевозок было хуже, здесь показатели были в рамках 99,1 – 106%.

В республике в 1-й половине 1970-х гг. развивалась пассажирская маршрутная сеть, проводились мероприятия по повышению регулярности движения. Были и недостатки: невыполнялись рейсы по техническим неисправностям автобусов, присваивалась часть выручки от провоза пассажиров, движение городских автобусов нечетко согласовывалось с началом и окончанием смен на предприятиях. План пассажирооборота в 1971-75 гг. выполнялся в пределах 100-101%.

Быстрый рост промышленного производства и объемов капитального строительства вызвали во 2-й половине 1970-х гг. высокие темпы развития автотранспорта, были продолжены мероприятия по укрупнению автохозяйств. Однако, сложности в осуществлении перевозок не уменьшились. Основной причиной невыполнения объема перевозок было увеличение расстояния при их осуществлении. Чтобы повысить эффективность автопарка, министерство автотранспорта в 1978-79 гг. увеличило среднесуточную продолжительность работы автомобилей на линии и расширяло контейнерные перевозки.

Грузооборот автотранспорта общего пользования вырос с 6,4 млрд. т.к. в 1976 г. до 7,4 млрд. в 1980 г. [10, с. 158]. С выполнением плановых показателей у автотранспортников были большие проблемы. За 1976-80 гг. план по грузообороту был выполнен только в 1976 г., а в остальные годы размер его выполнения составлял 96,1-99%. По перевозкам грузов планы не были выполнены в 1977-78 гг. Всё это свидетельствует, что потребности хозяйства в перевозках в этот период в большинстве случаев не удовлетворялись даже по официальным данным, которые максимально подтягивались.

На 4190 пассажирских маршрутах длиной в 250 тыс. км. в 1979 г. было занято 9500 автобусов. В 92 городах было организовано внутригородское сообщение. Много осталось и негативного, так часто нарушалось время прибытия и отправления автобусов, из года в год увеличивались убытки городских предприятий при перевозках пассажиров, так как росли города и удлинялись маршруты. Но несмотря на это перевозки автобусами возросли с 1,4 млрд. человек в 1976 г. до 1,5 млрд. в 1980 г. [10, с. 158]. Кроме 1979 г. планы по пассажирообороту выполнялись.

В 1-й половине 1980-х гг. возросла передача грузов с железной дороги на автотранспорт для перевозки на короткие расстояния, что сокращало общие транспортные издержки. Тем не менее, в январе 1982 г. в своём постановлении СМ БССР отметил, что резервы здесь использовались слабо. Значительное внимание было уделено наращиванию объёмов перевозок грузов на прицепах. За 1981 - 85 гг., кроме 1983 г., планы по грузоперевозкам были выполнены. Значимой для успешного осуществления пассажирских перевозок была продажа именных льготных месячных билетов на проезд. В 1983 г. тысячи автобусов ежедневно выполняли 84 тыс. рейсов и перевозили 4,5 млн. пассажиров. Пассажирооборот за 1980-85 гг. вырос с 14,3 до 16,3 млрд. п.к. [12, с. 107, 109]. Планы выполнялись, но без превышения, то есть перевозки не обгоняли потребности, а только реагировали на них.

После 1987 г. среди многих предприятий на автотранспорте началось падение объёмов грузовой работы. Тогда же возрос удельный вес простоя грузовых автомобилей в исправном состоянии, но сократилась доля пробега без груза и увеличилась производительность машин. Отражая вложенные средства, автотранспорт общего пользования БССР увеличил свой грузооборот за 1986-89 гг. с 7,2 млрд. тонно-километров до 7,7 млрд. [13, с. 88, 89]. Затем из-за разрыва межреспубликанских хозяйственных связей произошло его значительное снижение. В 1986-89 гг. планы грузооборота были выполнены, в 1990-91 гг. нет, что повторило ситуацию с железнодорожным транспортом. По перевозкам планы в 1987-89 гг. были несколько перевыполнены, в 1990-91 гг. наоборот недовыполнены.

В 1987 г. 7 тыс. автобусов ежедневно выполняли 89,2 тыс. рейсов и перевозили 5,7 млн. пассажиров. Однако, много рейсов снималось из-за технических неисправностей, нехватки водителей и плохого содержания дорог, не были решены вопросы ликвидации убыточности перевозок. Стоимость билета на городской транспорт за 1991 г. выросла в 3 раза, но затраты на перевозки в 5 раз. В 1990-91 г. произошло невыполнение планов, то есть потребности в перевозках перестали удовлетворяться.

Значительная роль в перевозках грузов и пассажиров отводилась речному транспорту. Навигацию 1944 г. речники Днепро-Двинского бассейна провели в условиях прифронтовой полосы, но своевременно перевезли грузы, необходимые фронту и хозяйству. Важную роль в этом деле сыграло постановление

СНК СССР от 9 января 1944 г. «О транспортном освоении малых рек». Однако, препятствием к их расширению было отсутствие в 1945 г. подготовленных грузов для отправки. В то же время, развитию перевозок помогали восстановительные работы и поставки судов.

В 1946 г. Днепро-Двинское пароходство основное внимание уделяло своевременной обработке судов под погрузкой и выгрузкой. На расширение речного транспорта было направлено постановление СМ БССР от 16 марта 1948 г. о развитии перевозок на р. Неман. Важным для роста перевозок оказалось взаимодействие речников с железнодорожниками на перевалках грузов. Проведённые мероприятия дали положительный результат и в 1945 г. Днепро-Двинским пароходством план по тоннажу был выполнен на 114% и по т.к. на 160% [15, с. 3]. В 1948 г. речники перевезли грузов в два раза больше, чем за 1947 г., в 1950 г. их грузооборот составил 336 млн. т.к. [4, с. 4]. С 1945 г. развивается пассажирское движение. Так, выполнение плана перевозок на линии Мозырь-Киев в 1945 г. составило 135%, что говорило о большом спросе на такой вид перевозок.

В 1950-е гг. у речников основными направлениями работы было проведение мероприятий по снижению себестоимости перевозок и быстрому продвижению грузов. Серьезной проблемой была вновь нехватка грузов, мешала несогласованная позиция министерств, допускались простои флота. Однако, речной флот за 1951-55 гг. смог увеличить свой грузооборот на 77%. Значимым в 1950-е гг. стало открытие новых пассажирских линий на малых реках республики, использовался речной транспорт и для организации туризма. За 1951-55 г. перевозки пассажиров речным флотом увеличились на 20% [6, с. 2].

Значительные изменения произошли в работе речного транспорта во 2-й половине 1950-х гг. Речники Гомеля весной 1956 г. начали погрузку несамоходных судов до начала навигации, что дало возможность быстрее перевезти первые партии грузов, уменьшая такой свой недостаток как тихоходность и сезонность. Более широкое развитие в 1957 г. получило судоходство на реках, которые ранее слабо использовались. Производительность самоходного флота в 1957 г. выросла, но буксирного ухудшилось. Грузооборот за 1956 г. вырос на 8%, в 1957-60 гг. он рос с 0,86 до 1,13 млрд. т.к., в 1957-58 гг. увеличение перевозок составляло 12-15%. Новшества коснулись и перевозок пассажиров, в навигацию 1956 г. мелкие пристани массово использовали катера. На Гомельском участке в 1960 г. было введено в эксплуатацию речное такси «Стрела». Рост перевозок в 1957-58 гг. был в пределах 22-30%, за 1957 г. было перевезено 1,5 млн. пассажиров, в 1958 г. - 1,8 млн. человек.

На речном флоте в начале 1960-х гг. не был решён вопрос с механизацией труда, поэтому не выполнялись планы, был низкий уровень эксплуатационной работы и слабое качество ремонта. В целях выхода из ситуации, например, Речицкий участок в 1963 г. проводил дополнительные рейсы за счёт сэкономленного времени. Подобных усилий оказалось мало и как следствие в 1959-65 гг. в республике были убыточны как пассажирские, так и грузовые перевозки, а порожные пробеги флота в 1965 г. составили 45% от общего пробега. Несмотря на отмеченные проблемы, в 1959-62 гг. перевозка грузов за счёт их переключения на этот вид транспорта возросла в 5 раз, а по сравнению с 1940 г. – в 11,6 раза [16, с. 2]. Грузооборот в 1961-65 гг. колебался от 1,02 млрд. т.к. в 1961 г. до 0,94 млрд. в 1963 г., за 1963-65 гг. перевозки грузов менялись в пределах 2,9 – 3,5 млн. тонн. Развивалось у речников и пассажирское сообщение. Так, в Гомеле в 1962 г. были расширены скоростные рейсы, а витебские речники в 1963 г. предлагали речные трамваи. В 1961 г. план по перевозкам пассажиров был выполнен, а в 1962-65 гг. нет.

По мнению руководства речного транспорта в 1966 г. общий уровень его развития и экономические показатели были недостаточны. Лишь треть всех грузов речной флот доставлял потребителям со скоростями, не уступавшими железнодорожному транспорту. Анализ, проведённый отделом транспорта и связи при СМ БССР в 1969 г., показал, что темпы роста его грузооборота были низкими и не превышали 1,5-2% из-за отсутствия перспективной схемы развития, нарушались графики движения судов. Грузооборот колебался от 1,23 млрд. т.к. в 1966 г. до 1,22 млрд. в 1970 г., а перевозки грузов равномерно росли с 3,8 млн. до 5,3 млн. тонн. В 1966 г. было открыто 29 пассажирских линий, в том числе 4 скоростных, увеличилась дальность перевозок, перевезено 1,6 млн. человек. В 1966 – 1968 гг. планы пассажирооборота перевыполнялись при ежегодном его увеличении до 10%, в 1969 г. выполнялись, в 1970 г. нет.

Проведению перевозок грузов на речном транспорте в 1-й половине 1970-х гг. помогло введение в навигацию максимально количества судов. Однако, грузооборот упал с 1,26 млрд. т.к. в 1971 г. до 1,2

млрд. в 1972 г., затем вырос до 1,47 млрд. в 1974 г., а перевозки грузов выросли с 6 млн. до 8,8 млн. тонн. По просьбам пассажиров речники Верхне-Днепровского речного пароходства открывали в 1970-е гг. новые линии, в 1974 г. стали использоваться пассажирские теплоходы на воздушной подушке. Однако, в 1971-75 гг. планы пассажирооборота не выполнялись.

Речники Верхне-Днепровского пароходства в 1976-1979 г. внедряли прогрессивные методов переработки грузов в портах, организовывали комплексные грузовые бригады. Грузооборот колебался с 1,41 млрд. т.к. в 1976 г. до 1,75 млрд. в 1978 г. Перевозки грузов росли динамично с 8,95 млн. до 11,4 млн. тонн. В 1976-80 гг. речники поддерживали в рабочем состоянии пассажирские линии, улучшали качество обслуживания пассажиров, расширяли использование новых судов. Пассажирооборот колебался в рамках 40-48 млн. пассажиро-километров (п.к.), перевозки пассажиров в рамках 0,93 – 1,17 млн. [10, с. 156].

В 1-й половине 1980-х гг. сложности в проведении перевозок не уменьшались, узковедомственный подход к транспортировке продукции промышленностью приводил к большим потерям материальных средств. Грузооборот в 1981-85 гг. колебался как в сторону увеличения, так и уменьшения, но тем не менее вырос с 1,96 до 2,24 млрд. т.к., перевозки грузов изменялись в рамках 11,3 - 13,6 млн. тонн. Пассажирская работа речников концентрировалась на повышение комфорта для пассажиров во время плавания и поддержание графиков. Пассажирооборот за 1980-85 гг. вырос с 41 до 46 млн. п.к., перевозки пассажиров с 0,93 до 1,11 млн. человек [12, с. 107, 109].

Речной транспорт в 1986-91 гг. оперировал большим производственным потенциалом. Тем не менее на падение объёмов его перевозок оказали влияние более дешёвые тарифы на железнодорожные перевозки. Перевозки грузов выросли с 14,7 млн. тонн в 1986 г. до 18,5 млн. в 1989 г. Затем упали до 18 млн. в 1991 г. Грузооборот за 1986 – 89 гг. вырос с 1,35 млрд. тонно-километров до 2,08 млрд. [13, с. 88, 89]. В 1986-89 гг. высокими темпами развивались, а 1990-91 г. уже закрывались в связи с убыточностью пассажирские маршруты. То есть повлияла новая экономическая ситуация, когда на главное место вышла прибыль, а не потребности людей. Пассажирооборот пока вырос с 19 до 37 млн. п.к. в 1986-89 гг., перевозки пассажиров с 0,8 до 1,2 млн. человек [13, с. 88, 89]. Затем произошло его снижение.

Выводы. Наибольший рост перевозки грузов и особенно пассажиров транспортники БССР показали в первое послевоенное пятилетие, так как начинались фактически с минимальных показателей. Наименьший рост проявился в 1980-е г., когда был достигнут высокий их уровень и каждый процент роста должен был быть обеспечен высокими капитальными вложениями, которых не хватало, и использовались они недостаточно эффективно. То есть чем выше в изучаемый период были производственные задания для транспорта республики, тем сложнее они выполнялись.

В конце 1980-х в связи с нарастанием сложностей в социально-экономическом развитии республики и её соседей величина перевозок намного сократилась. Если во 2-й половине 1940-50 гг. больше всего было проблем с количественной нехваткой транспортных услуг, то в 1960-80-е гг. уже с их качеством. Сами производственники, в том числе руководители ведомств, постоянно говорили о том, что развитие транспорта не удовлетворяло в полной мере потребностям республики и её населения, особенно часто это происходило на съездах и пленумах КПБ, заседаниях Верховного Совета БССР.

Если смотреть по реальным достижениям транспортных предприятий по пятилеткам, то в большей степени потребности в перевозках всё таки практически удовлетворялись, отставания чаще были по отдельным показателям. Развитие грузовых и пассажирских перевозок происходило в изучаемый период как бы вдогонку, то есть без опережения, только отвечая на факт появления новых потребностей как в количественном, так и в качественном выражении.

Наименьшими изменениями по темпам роста объёмов перевозок отметился в 1950-80-е гг. железнодорожный транспорт, так как был наименее зависим от погодных условиях и мог использовать внимание к себе в виду своего стратегического характера. Самыми высокими темпами роста перевозок и грузов и пассажиров отличался автомобильный транспорт, так как был проявлением новых технологий 50-х гг. XX века, что позволило ему стать главным конкурентом железнодорожного транспорта, а по ряду показателей в 1970-80-е гг. обойти его.

Во 2-й половине 1940-х – 1950-е гг. перевозки грузов на железной дороге росли намного более быстрыми темпами, чем перевозки пассажиров, что говорило о первоочередности для транспорта нужд экономики, а не человека. В грузовой работе главной и так и не решённой была проблема с неэффективным использованием подвижного состава, связанная в первую очередь с простоями вагонов при погрузочно-разгрузочных работах. Простои объяснялись тем, что руководители предприятий плохо занимались вопросами механизации таких работ, задерживали подвижной состав сверх установленных норм.

Высокой организованности в грузовых перевозках можно было добиться только при условии тесного производственного контакта между железнодорожниками и грузоотправителями. Одной из главных проблем в функционировании пассажирского автотранспорта было нарушение графиков его движения, особенно в 1945-1955 г. Увеличение числа перевозок пассажиров автобусами в 1965-1985 гг. свидетельствовало о создании более удобного и разветвлённого, чем раньше автомобильного сообщения.

В 1980-е гг. медленно улучшалось качество обслуживания пассажиров по причине слабого развития производственно-технической базы вследствие нерационального использования выделенных на эти цели капитальных вложений.

Наибольшими колебаниями перевозок грузов и пассажиров в изучаемый период выделился речной транспорт республики, так как он был более зависим чем другие от состояния природной среды, что ставило его в неравные конкурентные условия с другими видами транспорта и в 1970-80-е г. привело к постоянному снижению доли в республиканских перевозках грузов и особенно пассажиров.

Литература

1. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии. К столетию со дня введения в строй / А.В. Кость; под общей редакцией Е.П. Юшкевича. - Мн.: Беларусь, 1971. - 208 с.
2. Железная дорога Беларуси: История и современность; под общей редакцией В.Г. Рахманько. - Мн.: ОДО «Триолета», 2001. - 488 с.
3. Лыч, Л.М. Эшалоны бягуць на захад. 3 гісторыі перавозак на чыгунках Беларусі (верасень 1943 - май 1945 г.) / Л.М Лыч. - Віцебск, Выдавецтва УА «ВДТУ», 2005. - 166 с.
4. Лыч, Л.М. Аднаўленне і развіццё чыгуначнага транспарту Беларускай ССР. (верасень 1943 - 1970 гг.) / Л.М Лыч. - Мінск, Навука і тэхніка, 1976. - 224 с.
5. Мандрик, И.В. Развитие железнодорожного транспорта республики в 1970-1991 гг.: состояние, проблемы, уроки / И.В. Мандрик - Витебск, Издательство УО «ВГТУ», 2003. - 218 с.; Мандрик, И.В. Белорусская железная дорога в 70-х-80-х годах XX столетия: исторический, социально-экономический и политический аспекты / И.В. Мандрик Витебск, УПП ВОУТ, 2003. - 296 с.
6. Статистическое управление БССР. Об итогах развития экономики и культуры БССР за период пятой пятилетки (1951-1955 гг.) // Советская Белоруссия. - 1956. - 1 июня. - С. 2.
7. Переписка по вопросам развития железнодорожного и автомобильного транспорта. 3 мая - 24 августа 1965 г. Гомельский облисполком // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). - Ф. 1174. - Оп. 7. - Д. 576.
8. Котяш, Г. В новые рейсы / Г. Котяш // Советская Белоруссия. - 1962. - 15 июля. - С. 2
9. Протоколы заседаний Витебского облисполкома. 1976 г. // Государственный архив Витебской области (ГАВО). - Ф. 1966. - Оп. 22. - Д. 1414.
10. Народное хозяйство БССР в 1980 г. Мн.: Наука и техника, 1981. - 190 с.
11. Переписка по вопросам развития транспорта. 1982 г. Гомельский облисполком // ГАГО. - Ф. 1174. - Оп. 8. - Д. 1457.
12. Народное хозяйство БССР в 1985 г. Мн.: Наука и техника, 1986. - 195 с.
13. БССР в цифрах. 1989 г. Мн.: Наука и техника, 1990. - 250 с.
14. Дробышевский, В. Развивать автомобильный транспорт и дорожное хозяйство / В. Дробышевский // Советская Белоруссия. - 1956. - 11 февраля. - С. 2.
15. Алтаев, А., Горбачевский, В. Навигация 1946 года / А. Алтаев, В. Горбачевский // Советская Белоруссия. - 1946. - 30 марта. - С. 3.

16. Капельчик, А. Скоро, скоро лед растает / А. Капельчик // Советская Белоруссия. - 1963. - 11 апреля. - С. 2

Сведения об авторе

Тимофеев Ростислав Владимирович, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, кандидат исторических наук. 210022. Витебск, Московский пр. 27-2-56. Тел. 25-77-43.

Генацыд яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі генеральнай акругі “Літва” (на прыкладзе заходніх раёнаў Віцебскай вобласці)

А.І. Корсак

Установа адукацыі «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт»

Нягледзячы на наяўнасць значнай колькасці прац, у якіх закраналася праблема генацыду яўрэйскага насельніцтва Беларусі, застаецца шмат звязаных з ёю маладаследаваных праблем, таму ў дадзеным артыкуле аб’ектам даследавання з’яўляецца правядзенне нацыскай Германіяй палітыкі ізаляцыі яўрэйскага насельніцтва і працэс знішчэння гета на тэрыторыі заходніх раёнаў Віцебскай вобласці ў 1941 – 1942 гг. У працы вырашаюцца наступныя задачы: па-першае, прааналізаваны працэс адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу акупіраванай тэрыторыі Беларусі, які праводзіўся нацысцкімі органамі ўлады ў 1941 – 1942 гг.; па-другое, паказаны меры, якія прадпрымаліся нямецка-фашысцкімі акупантамі дзеля пазбаўлення асоб яўрэйскай нацыянальнасці палітычных і эканамічных праў; па-трэцяе, разглядаецца працэс знішчэння вязняў гета на прыкладзе заходніх раёнаў у межах сучаснай тэрыторыі Віцебскай вобласці, у прыватнасці гета г.п. Відзы Браслаўскага раёна і г.п. Лынтупы Пастаўскага раёна.

Ключавыя словы: *Вялікая Айчынная вайна, гета, яўрэйскае насельніцтва, акупацыйны рэжым, адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел, Віцебская вобласць, генеральная акруга “Літва”.*

Genocide of the Jews on the territory of General District Lithuania (based on the example of western areas of Vitebsk region)

A.I. Korsak

Polotsk State University

In spite of numerous scientific papers on the problem of Genocide of Jews in Belarus there are a lot of problems on it which are not investigated enough. Therefore the object of the present research is isolation of Jews by Nazi Germany in western areas of Vitebsk region and extermination of ghettos in 1941-1942. In the article the following problems are considered. First, the analysis of the process of administrative and territorial division in Belarus

during Nazi occupation in 1941-1942 is given. Secondly, measures directed on depriving Jews of national, economical and political rights taken by Nazi invaders are shown. Thirdly, the process of annihilation of prisoners of a ghetto on the example of western areas within the modern territory of Vitebsk region (Vidzy settlement of Braslav district, Lyntupy settlement of Postavy district) is considered.

Keywords: *The Great Patriotic War, ghetto, Jewish population, occupational regime, administrative and territorial division, Vitebsk region, General district "Lithuania".*

Палітычныя і сацыяльна-эканамічныя абставіны, а таксама рашэнні дыпламатаў на высокім узроўні, прывялі да знішчэння 6 млн. еўрапейскіх яўрэяў у гады другой сусветнай вайны. Дакументы, якія маюць дачыненне да праблемы генацыду яўрэйскага насельніцтва, не вызначаюцца сваёй шматлікасцю. Па-першае, некаторыя пытанні не фіксаваліся нацыстамі пісьмова; па-другое, у выніку ваенных дзеянняў, асабліва апошніх этапаў Вялікай Айчыннай вайны, многія дакументы былі знішчаны; па-трэцяе, тыя матэрыялы, якія знаходзяцца цяпер у сценах архіваў, або не заўсёды з'яўляюцца даступнымі для даследчыкаў, або не вызначаюцца сваёй інфарматыўнасцю. У апошні час гісторыкі ўсё часцей пачалі звяртацца да вуснай гісторыі праз размовы з відавочцамі падзей 1941 – 1945 гг. Безумоўна, гэтая крыніца не з'яўляецца абсалютна дакладнай, таму з'яўляецца патрэба разглядаць вышэй вызначаныя крыніцы комплексна.

Тым не менш, нягледзячы на тое, што адны дакументы страчаны для гісторыі, а іншыя раскіданы па розным месцам, даследчыкі праблематыкі Халакосту спрабуюць даць поўную аб'ектыўную карціну, звязаную з генацыдам яўрэйскага насельніцтва не толькі на тэрыторыі еўрапейскіх краін, але і на Беларусі таксама.

Матэрыял і метады. У дадзеным артыкуле аўтар на падставе архіўнага матэрыяла з выкарыстаннем успамінаў відавочцаў разглядае працэс стварэння гета з наступным знішчэннем яго вязняў на тэрыторыі заходніх раёнаў у межах сучаснай Віцебскай вобласці, якія падчас Вялікай Айчыннай вайны ўваходзілі ў склад генеральнай акругі “Літва”.

Тэарэтыка-метадалагічным падмуркам даследавання з'яўляюцца прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. У артыкуле выкарыстоўваюцца дзве групы метадаў – агульнанавуковыя: абагульненне, параўнанне, класіфікацыя, аналіз і сінтэз, індукцыя і дэдукцыя, а таксама спецыяльна гістарычныя: гісторыка-генетычны і гісторыка-сістэмны метады, якія дазволілі паказаць арганічную сувязь ідэалогіі нацысцкай Германіі са з'яўленнем і ажыццяўленнем палітыкі “канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання”, выявіць асноўныя яе этапы, формы і метады, а таксама ахарактарызаваць сістэму ідэалогіі і палітыкі гітлераўскай Германіі ў адносінах да асоб яўрэйскай нацыянальнасці.

Вынікі і іх абмеркаванне. Яшчэ да пачатку ваенных дзеянняў супраць СССР нацысты распрацавалі план адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу акупіраваных у будучым зямель, рэалізацыя якога з некаторымі змяненнямі адбылася восенню 1941 г. Так, тэрыторыя з улікам нацыянальнасці насельніцтва і ў прыблізным суаднесенні з межамі дзеянняў груп армій дзялілася спачатку на рэйхскамісарыяты: “Украіна” на чале з Э. Кохам і “Остланд”, якім кіраваў Г. Лозе. Рэйхскамісарыяты складаліся з генеральных акруг: “Беларусь”, “Літва”, “Валынь – Падолля”, “Жытомір”, тылавы раён групы армій “Цэнтр”. Генеральныя акругі ў сваю чаргу падзяляліся на абласныя акругі (гебіты) [1].

Што датычыцца паўночна-заходняй тэрыторыі сучаснай Віцебшчыны і Міншчыны, то яе лёс канчаткова быў вырашаны вясной 1942 г. Так, паводле Загада № 10 ад 20 сакавіка 1942 г. генеральнага камісара ў Каўнасе частка Ашмянскага, Свірскага, Відзаўскага, Астравецкага, Смаргонскага і Пастаўскага раёнаў далучылі да генеральнай акругі “Літва” на чале з генеральным камісарам Андріянам фон Рэнтэльнам. Такім чынам, па выніках адміністрацыйна-

тэрытарыяльнага падзелу Відзы (цяпер Браслаўскі раён) былі ўведзены ў склад Швянчонскага уезда Вільнюскага гебіта, а Лынтупы (цяпер Пастаўскі раён), у сваю чаргу, – у склад Свірскага уезда Вільнюскага гебіта генеральнай акругі “Літва” [2]. Такое перапланаванне тэрыторый, магчыма звязана з палітыкай нацыстаў у дачыненні да літоўскага насельніцтва, якое на самым пачатку распаўсюджвання нацыянал-сацыялістычных ідэй Гітлера было больш схільна да палітыкі Германіі, чым да Савецкай Расіі, тым самым немцы хацелі пашырыць тэрыторыю Літвы за кошт беларускіх зямель.

Так, Швянчонінскі уезд быў акупіраваны немцамі 27 чэрвеня 1941 г. Адразу былі ўстаноўлены нацысцкія органы акупацыйнай улады на яго тэрыторыі, кіраўніком якога быў прызначаны Міколас Кукуціс, бургамістрам горада – Вінчас Блажыс. На чале паліцыі ў 1941 г. стаяў маёр Пятрас Янушкавічус. Свае абавязкі мясцовае кіраўніцтва выконвала старанна, асабліва калі гэта датычылася яўрэйскага насельніцтва, жыццё і правы якіх абмяжоўваліся рознымі распараджэннямі акупацыйных улад. Так, камісар Вільнюскага гебіта Х. Вульф 18 жніўня 1941 г. выдаў загад сваім падначаленым на месцах аб абавязанасці яўрэяў насіць апазнавальныя знакі і пражываць у гета. На падставе дадзенага распараджэння М. Кукуціс 25 жніўня 1941 г. даводзіць да мясцовага яўрэйскага насельніцтва аб забароне набываць прадукты харчавання ў сялян на вуліцах і паблізу дарог, наведваць рынкі да 11 гадзін дня, дазвалялася купляць прадукты ў магазіне але толькі ў прамежак часу з 17 да 18 гадзін [2].

Трэба адзначыць, што гета на пачатак акупацыі дадзенай тэрыторыі яшчэ не было створана – яўрэі працягвалі пражываць на сваіх старых месцах. Але былі знішчаны непатрэбныя, на погляд нацыстаў, элементы з ліку яўрэйскага насельніцтва, пакінулі толькі тых, хто меў пэўную працоўную кваліфікацыю і іх сем’і. Пра гэта сведчыць справаздача камандуючага аператыўнай каманды – 3 аб вырашэнні яўрэйскага пытання ў Літве (чэрвень 1941 г.): “Я магу сёння сцвярджаць, што мэта вырашыць яўрэйскую праблему ў Літве выканана аператыўнай камандай 3. У Літве больш няма яўрэяў, акрамя тых, хто патрэбны для працы і іх сем’яў. Гэта: у Шаўлі 4 500 чал., у Каўнасе 15 000, у Вільнюсе 15 000... Гэта яўрэі і іх сем’і ні ў якім разе не павінны быць расстраляны... (пер. аўтара.)” [3].

У чэрвені 1941 г. нямецкія войскі ўступілі ў Відзы. Асаблівасцю населенага пункта было тое, што на яго тэрыторыі не адбывалася значных баёў. Галоўныя напрамкі наступлення вермахта мінулі яго.

У першы тыдзень акупацыі нацысты прыступілі да канчатковага вырашэння “яўрэйскага пытання” на рэгіянальным узроўні. Так, у раёне Відзаўскага возера было расстраляна каля 50 чалавек яўрэяў, у тым ліку дзеці, старыя і жанчыны. “Перад расстрэлам іх падверглі зверскім пыткам: жанчын і дзяўчат распраналі дагала, гвалтавалі і забівалі, а потым усіх загналі ў возера. Прычым частка яўрэяў патанула, а астатніх расстралялі на беразе возера” [4]. У тэкстах дзённіка дырэктара бібліятэкі Вільнюскага гета Германа Крука пададзена іншая лічба – 80 чалавек [2].

Восенню гэтага ж года было створана гета ў межах сучасных вуліц Пушкіна і Горкага г.п. Відзы, старастай прызначаны Л. Левін¹. Умовы існавання былі невыноснымі, скіраваныя, у першую чаргу, на фізічнае знішчэнне праз голад, холад і распаўсюджанне розных інфекцыйных хвароб. Акрамя таго, вязні гета кожны дзень выконвалі свае працоўныя абавязкі перад акупацыйнымі ўладамі на патрэбы нацысцкай Германіі. Паводле ўспамінаў мясцовай жыхаркі В.М. Дзевянчуковай: “... мне было 9 год, калі немцы прыйшлі ў Відзы, у пасёлку яны стварылі гета, якое было агароджана дротам, знаходзілася ў Відзах за ракой. Памятаю, як зараз, у немцаў былі вялізныя плошчы памідор, а яўрэі іх палолі...”².

Вясной 1942 г. сярод вязняў распаўсюдзілася эпідэмія сьпннага тыфу. Вядома, што немцы баяліся розных інфекцыйных захворванняў, таму дзеля барацьбы з хваробай на

---

¹ Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Адамовіч В.М. 1926 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна

² Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Дзевянчуковай В.М. 1932 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна

тэрыторыю гета быў адпраўлены ўрач Х. Гінзбург. Згодна яго успамінаў пасля прыбыцця на тэрыторыю лагера: "... гета было агароджана высокім плотам, але аховы не было. Тэрыторыя лагера была вызвалена ад мясцовага беларускага і польскага насельніцтва. Выхад быў вольны. Так было да восені 1942 г. Сыпным тыфам захварэла чалавек каля 10, іх удалося ізаляваць..." [5].

16 ліпеня 1942 г. Вільнюскі акруговы камісарыят інфармаваў біржу працы, што ў Відзаўскім гета знаходзіцца 444 працаздольных яўрэяў – 291 мужчына і 153 жанчыны. 6 жніўня 1942 г. Швянчонская біржа працы даводзіць да ведама Вільнюскай біржы працы, што ў Відзаўскім гета пражывае 1 505 яўрэяў. Сярод іх 721 чалавек – працаздольныя мужчыны і жанчыны. У той час на розных работах было занята 520 яўрэяў гета, у 210 працаздольных вязняў гета не было працы [2].

У канцы лета ў зоне беларуска-літоўскага памежжа была праведзена акцыя па ліквідацыі малых гета. Перад акцыяй акупацыйныя ўлады рабілі рэгістрацыю ўсіх працаздольных яўрэяў, каб ведаць, колькі яўрэяў можна пакінуць у жывых і колькі знішчыць непрацаздольных.

У пачатку лістапада 1942 г. у Відзы прыбылі паліцэйскія атрады украінцаў і літоўцаў. Афіцыйнай версіяй іх прыезда была арганізацыя экспедыцыі ў раёне Каз'янскага леса [5].

Паводле ўспамінаў відавочцаў: "... калі яўрэі даведаліся, што іх будуць страляць, яны прыходзілі да людзей хавацца. Хавалі і ў маёй сям'і яўрэйскага пастуха, ён ў нас прабыў два дні, а на трэці дзень, уночы, пастукалася яго радня і забрала. Былі і такія ў пасёлку, якія за гэта бралі грошы. Мы грошаў не бралі, як жа не пусціш, калі тыя падалі на калені. Людзі раней былі дружныя і не баяліся смерці, хоць і разумелі, што іх чакае за ўкрыццё яўрэяў толькі смерць. Немцы то немцамі, але і былі мясцовыя бандыты, каторыя здекваліся з яўрэяў і рабавалі іх, але пра гэта даведаліся немцы і вывезлі бандытаў за могілкі. Доўга іх там мучалі, патрабавалі аддаць нарабаванае, а потым расстралялі"³.

Наконт таго, калі было знішчана Відзаўскае гета, існуе рознагалоссе. У Расійскай яўрэйскай энцыклапедыі падаецца дата – снежань 1942 г. [6]. У літоўскім выданні "Гетто Ошмянскага, Свірскага, Швянчёнскага уездаў: спіскі узнікоў" на падставе дадзеных Літоўскага дзяржаўнага цэнтральнага архіва наогул сказана, што "... восенню ўсе відзаўскія яўрэі (за выключэннем 72 чалавек) былі пераведзены ў Швянчонскае гета. Затым 4 красавіка 1943 г. яны разам з астатнімі вязнямі былі вывезены ў Вільнюс і на наступны дзень расстраляны ў Панярай" [2]. Тое, што нацысты пачалі акцыю па ліквідацыі гета ў Відзах восенню 1942 г., пацвярджаюць і ўспаміны мясцовых жыхароў: "... у саміх Відзах яўрэяў не расстрэльвалі, восенню іх вывезлі за пасёлак"⁴. Колькасць знішчанага яўрэйскага насельніцтва ў гета Відзаў падаецца ў 2 708 чалавек [4; 6]. З вышэй прыведзеных дадзеных можна меркаваць, што частка яўрэяў Відзаў была знішчана непасрэдна ў мястэчку, а частка (верагодна, працоўная) пераведзена спачатку ў Швянчонскае, а затым Вільнюскае гета, вязні якога часткова былі знішчаны ў 1943 г., астатнія пераведзены ў лагеры Эстоніі з наступнай ліквідацыяй у 1944 г. [7]. Улічваючы тое, што згодна ўспамінам Х. Гінзбурга, украінскія і літоўскія атрады прыбылі на тэрыторыю Відзаў у лістападзе 1942 г., а на момант 22 лістапада гэтага ж года гета яшчэ існавала, то можна зрабіць вывад аб ліквідацыі часткі гета ў лістападзе – снежні, адсюль і ідзе розніца ў датах знішчэння відзаўскіх вязняў.

Інфармацыя пра падзеі, звязаныя з лёсам Лынтупскага гета, амаль адсутнічае за выключэннем матэрыялаў вуснай гісторыі.

Як было згадана вышэй, згодна Загаду № 10 ад 20 сакавіка 1942 г., які ўступіў у сілу 1 красавіка таго ж года, Лынтупы ўвайшлі ў склад Свірскага уезда Вільнюскага гебіта. Першыя падраздзяленні нямецкага вермахта у Свіры з'явіліся 24 чэрвеня 1941 г. Нямецка-фашысцкія

³ Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Дзевянчуковай В.М. 1932 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна

⁴ Запісана ў 2008 г. Корсак А.І. ад Дзевянчуковай В.М. 1932 г.н., г.п. Відзы Браслаўскага раёна

акупанты на тэрыторыі уезда дзейнічалі па ўжо наладжанаму механізму: ствараліся новыя органы улады, выдаваліся распараджэнні адносна мясцовага насельніцтва, у тым ліку і асоб яўрэйскай нацыянальнасці. У 1942 г. на чале новастворанай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі быў прызначаны Іонас Хмеляускас, яго намеснікам – Юргіс Лудавічус, старшынёй уезднай паліцыі – Канстанцінас Пятраускас. Прыблізна ў канцы 1941 г. у Свіры было створана гета, на чале Юдэнрата, колькасцю каля 4 чалавек, стаў Хаім Рэзнік. Праіснавала яно да канца 1942 г. – вязняў гета перавялі ў канцлагер для яўрэйскага насельніцтва, што знаходзіўся ў в. Міхалішкі [2].

Нямецка-фашыска акупанты ўвайшлі ў Лынтупы ў чэрвені 1941 г.

Што датычыцца Лынтупскага гета, то ў апублікаваных крыніцах Літоўскага дзяржаўнага цэнтральнага архіва маюцца звесткі перапісу насельніцтва ад 1942 г. пасля новага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу, згодна якому яўрэйскія гета існавалі і ў іншых гарадах Свірскага уезда – Гервятах (55 чалавек), Канстанцінаве (26 чалавек), Астраўцы (102 чалавекі), у тым ліку і Лынтупах (150 чалавек). [2]. Але архіўных звестак пра тое, якім чынам яно было створана і ў якіх абставінах было знішчана, не выяўлена.

Пасля рэгістрацыі яўрэйскага насельніцтва нацысты адзначылі іх дамы. Паводле слоў З. Кацковіча ў Лынтупах было створана гета ў канцы 1941 г., якое ахоўвалі літоўскія паліцэйскія фарміраванні – гэта было найбольш характэрна для той часткі тэрыторыі Пастаўшчыны, якая была аднесена да генеральнай акругі “Літва”.

Згодна ўспамінаў І. Стэфановіча “яўрэяў спачатку сагналі ў дом Завадскага, які знаходзіўся ў раёне плошчы. Затым іх рассялілі па пяці дамах па вуліцы Красоўскай. Гета знаходзілася пад аховай. Дамы былі з забітымі вокнамі. Старшынёй ў гета немцы прызначылі маладую дзяўчыну імя якой Бася”. У снежні 1942 г. вязні гета былі выгнаны на вуліцу, адкуль у калоне адзін за адным іх павялі за чыгуначную дарогу ў бок лесу. Расстрэлам лынтупскіх яўрэяў займаліся літоўскія паліцаі, у выніку было знішчана каля 93 чалавек [8].

Усяго, па дазеным выданні “Памяць Беларусі”, у Лынтупах было знішчана каля 240 чалавек [9]. Улічваючы, што расстрэлы яўрэйскага насельніцтва на беларускіх тэрыторыях, у тым ліку і заходнія раёны Віцебскай вобласці, былі распаўсюджанай з’явай адразу пасля пачатку ваенных дзеянняў у чэрвені – ліпені 1941 г., то дадзеная лічба з’яўляецца найбольш верагоднай.

Заклучэнне. Такім чынам, гета на тэрыторыі заходніх раёнаў Віцебскай вобласці ў сучасных яе межах, якія падчас Вялікай Айчыннай вайны, а дакладней згодна Загаду № 10 ад 20 сакавіка 1942 г., знаходзіліся ў складзе генеральнай акругі “Літва”, існавалі параўнальна невялікі прамежак часу. Так, гета ў Відзах праіснавала каля года – восень 1941 г. – восень-снежань 1942 г. Прыкладна такі ж самы тэрмін дзеяння характэрны і для Лынтупскага гета (канец 1941 г. – снежань 1942 г.). Невялікі тэрмін існавання быў характэрны для ўсіх малаколькасных гета на акупіраванай тэрыторыі Беларусі.

Спіс крыніц і літаратуры

1. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага раёна. – Мн.: БЕЛТА, 2001. – 688 с.
2. Гетто Ошмянского, Свирского, Швянчёнского уездов: списки узников. – Вильнюс: Литовский государственный центральный архив, 2009. – 659 с.
3. Трагедия Литвы: 1941 – 1944 годы. Сборник архивных документов. – М.: Европа, 2006. – 400 с.
4. НАРБ. – Ф. 845. – Воп. 1. – Спр. 64. – Л. 3
5. Ханоих Давидович Гинзбург. Видзы Браславский район. Режим доступа: <http://shtetle.co.il/Shtetls/vidzy/vidzy.html>.
6. Видзы // Российская Еврейская Энциклопедия. Режим доступа: <http://rujen.ru/index.php>
7. Крысин, М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность / М.Ю. Крысин. – М.: Вече, 2007. – 576 с.

8. Шульман, А. Хранитель памяти. Режим доступа:
<http://shtetle.co.il/Shtetls/lyntupy/hranmem.html>.
9. Памяць Беларусі: Рэспубліканская кніга / Рэд. Кал.: Г.П. Пашкоў (гал. Рэд.) і інш.; Маст. У.П. Свентахоўскі. – Мн.: БелЭН, 2005. – С. 202.

Чалавек у гісторыка-культурным працэсе ў Беларусі XVII-XVIII ст. (на матэрыялах мемуарных крыніц)

І.Р. Вуглік

Прыватная установа адукацыі “Інстытут сучасных ведаў імя А.М. Шырокава”

У артыкуле І.Р. Вугліка “Чалавек у гісторыка-культурным працэсе ў Беларусі XVII-XVIII ст. (на матэрыялах мемуарных крыніц)” разглядаюцца пытанні стылістыцы бытавых паводзін, успрыяцця чалавекам гісторыка-культурных рэалій Беларусі XVII-XVIII ст. На матэрыялах мемуарных крыніц, шэраг з якіх паходзяць з радзівілаўскага архіўнага фонда і ўпершыню уводзіцца ў навуковы абарот, даследуюцца асаблівасці тагачаснага бытавога, будзённага жыцця, а таксама спецыфіка яго адлюстравання ў прыватных запісах. Вылучаюцца пэўныя гісторыка-бытавыя тыпы, разглядаюцца адметныя рысы іх бытавых паводзін. Адзначаецца падзейная насычанасць тагачаснага жыцця, увага да фіксацыі будзёных жыццёвых падзей. Прасочваюцца змены ў светаўспрыманні чалавекам навакольных падзей, звязаныя з паглыбленнем эмацыянальнага пачатка, аксіялагічнай кампаненты. Дадзеныя з’явы уводзяцца ў кантэкст агульных культурных тэндэнцый еўрапейскай, беларускай культур часоў барока і суадносяцца з агульнаеўрапейскім працэсам развіцця індывідуалізму.

Ключавыя словы: гісторыя, культура, гісторыка-культурны стыль, асоба, мемуарная літаратура, гісторыка-культурны працэс.

Person in the historical and cultural process in Belarus of 17-18 centuries (on the materials of memoirs)

I.G. Vuhlik

Private owned educational establishment “Institute of modern knowledge named after A.M. Shirokov”

The article of I.G. Vuhlik “Person in the historical and cultural process in Belarus of 17-18 centuries (on the materials of memoirs)” considers the issues of the stylistics of household behavior, the perception by man of the historical and cultural events in Belarus of that period. On the basis of memoir sources, some of which are from Radzyvil archive and are presented for the first time, peculiarities of everyday household life of that period are studied as well as the way this life was depicted in private papers. Distinct historical and household types are identified, peculiar features of their household behavior are considered. Concentration of events of that period of life is singled out as well as attention to noting down everyday events. Changes in man’s outlook of the surrounding events connected with the deepening of the emotional or axiological component are traced. The given phenomena are introduced into the context of general cultural tendencies of European and Belarusian cultures of Barocco times; they are correlated with the general European process of the development of individualism.

Key words: history, culture, historical and cultural style, personality, memoir literature, historical and cultural process

Вывучэнне грамадскай псіхалогіі і свядомасці, пачуццяў і думак, духоўнага жыцця, “ментальнасці” людзей як істотнай часткі гістарычнага даследавання атрымала развіццё і прызнанне ў французскай школе “Аналоў” (М. Блок, Л. Феўр) [1, с.198-204]. Гісторыя нашай культуры часоў старажытнай Рэчы Паспалітай у значнай ступені праходзіла пад знакам экспансіі індывідуалізму, працэсаў нарастання асабістага пачатку, развіцця рэфлексіі асобы, што вызначае актуальнасць гэтай гістарычнай метадалогіі і праблематыкі. Дадзена тэматыка мае істотны гістарычны, культурна-бытавы аспект, бо дазваляе зрабіць рэканструкцыю будзёнага жыцця чалавека ў пэўную гістарычную эпоху, паказаць гістарычны працэс знутры, даследаваць тое, з чаго ен складаецца – жыццё

канкрэтных людзей, яго стылістыку і праблематыку, гісторыка-рныя бытавыя тыпы з характэрнымі для іх паводзінамі, светаўспрыманнем. Істотнай крыніцай для рэканструкцыі індывідуальнага жыцця чалавека з’яўляюцца мемуарная літаратура, уздым якой у Еўропе, у тым ліку і на беларускіх землях прыйшоўся на XVII-XVIII ст. Гэты від крыніц, побач з лістамі, рэпрэзентуе найбольш інтымны, індывідуалізаваны тп жыцця, светаўсарымання. Праблема чалавека ў гісторыка-культурным працэсе на матэрыялах мемуарнай літаратуры часоў старажытнай Рэчы Паспалітай вывучалася А. Мальдзісам [2, с. 80-123], іншымі навукоўцамі, таксама аўтарам артыкула [3; 4]. Разам з тым, для яе даследавання важнай з’яўляецца апрацацыя новых крыніц і даследчыцкіх аспектаў, што з’яўляецца мэтай дадзенага артыкула.

Матэрыялы і метады. Метадалагічную і метадычную асновы артыкула складаюць гістарычны, тыпалагічны, структурны канцэпты, метадыка гістарычнага, культуралагічнага даследаванняў.

Развіццё індывідуалізму, увага да падзейнага боку індывідуальнага існавання з’яўляюцца ў гісторыі еўрапейскай культуры адным з фундаментальных культурных вектараў, які яскрава праявіўся ў культуры рэнесансу і барока. Яго паказчыкам з’явілася распаўсюджванне ў XVII-XVIII ст. такіх эпістальных жанраў, як “партрэты”, “характары”, мемуары, лісты, да якіх потым дадаліся інтымны дзённік і аўтабіяграфічная проза. Ва ўсходнееўрапейскім, пераважна славянскім культурным рэгіёне, у тым ліку і ў Польшы, ў літаратуры ішлі аналагічныя працэсы, звязаныя з інтымізацыяй, індывідуалізацыяй твораў [5, с. 264-319]. На беларускіх землях Рэчы Паспалітай, Вялікага Княства Літоўскага працэс індывідуальнай фіксацыі падзей выразна праявіўся ў гісторыка-мемуарнай прозе, якая пачала зараджацца ў шляхецкім асяроддзі з другой паловы XVI ст. і набыла форму “дыярыюшаў”, успамінаў, якія досыць часта грунтаваліся на радавых дзённіках. А. Мальдзіс, адзначае, што для мемуарнай прозы XVII ст. галоўным аб’ектам увагі была падзея, прычым асоба аўтара, яе ўспрыманне свету і ўнутраныя пачуцці паказваліся досыць рэдка, “падзейнасць” была ўласціва і шматлікім дзённікам, успамінам наступнага стагоддзя, хаця ў гэты час з’яўляюцца творы з выразнымі суб’ектыўнымі, інтымным пачаткам [2, с. 38, 41, 42, 73, 75]. Адзначым, што суб’ектыўны пачатак праяўляўся ў асноўным у апісанні падзей асабістага жыцця, ён у меншай меры распаўсюджваўся на ацэнку гістарычных падзей, значных асоб (за выключэннем успамінаў М. Матушэвіча, Л. Цяшкоўскага, А. Ельскага).

Характэрнай рысай мемуарнай літаратуры на нашых землях XVII ст. з’яўляецца падрабязная, штодзённая канстатацыя падзей амаль без іх аксіялагічнай адзнакі. Гэта сустракаецца пераважна ў запісах службовых асоб, іх дыяпазон ахоплівае сферу службовых абавязкаў, у цэнтры – постаць патрона. Гэты тып бытавых паводзін – таксама адзін з мадэльных на нашых землях, дзе вялікая колькасць шляхты была заняты службовымі абавязкамі. Сама па сабе пільная ўвага да будзёных падзей кожнага дня сведчыць аб поглядзе на жыццё як на падзейны, самакаштоўны працэс, дзе “малая гісторыя” асобнага чалавека злучаецца з больш значнай гісторыяй жыцця яго патрона. Гэта тычыцца фрагмента ананімнага дыярыюша, хутчэй за ўсё XVII ст., напісанага па польску набліжаным князя Радзівіла, у якім пераважала знешняя канстатацыя падзей [3, с.121-122]. Месца пражывання князя і аўтара дзённіка – Слуцк (ён перайшоў да Радзівілаў пасля шлюбу Соф’і Алелькавіч з Янушам Радзівілам): туды з Варшавы накіроўваліся 200 драгун, што суправаджалі князя у дарозе да Варшавы, са Слуцка прыходзілі лісты [6, л. 18]. Руплівасць, з якой вяліся запісы (дзённы рээстр падзей звычайна ўтрымлівае некалькі, да 9 пунктаў), сведчыць аб увазе да будзёных падзей чалавечага жыцця, што робіць іх падзейна істотнымі. Таксама гэта – сведчанне досыць напружанага графіка жыцця, яго падзейнай насычанасці, якая рупліва фіксавалася – напрыклад, запісы з чацьверга 12 студзеня па панядзелак, 19 чэрвеня, вяліся кожны дзень. Адзначым, што сярод адзначаных аўтарам падзей разам занатаваны шматлікія, сістэматычныя ўзгаданні пра справы князя, афіцыйныя падзеі і, таксама, асабістыя справы аўтара – сустрэчы, бяседы, наведванні касцёлаў, атрыманне і напісанне лістоў, грашовыя справы, месцы начлега, інш., што сведчыць пра індывідуалізацыю светаўспрымання. У сухой канстатацыі падзей, што складае аснову дзённіка, сустракаюцца пачуццёвыя моманты, якія звязаныя з эмацыянальнымі нагруккамі: пасля паведамлення аб размове з маскоўскімі пасламі 24 сакавіка у пятніцу ў Варшаве адзначаецца, што гэта доўжылася цэлы дзень, бясконца [6, л. 9]; красавік, пятніца, 28, – у Варшаве “сядзелі доўга ў начы ў Сенатарскай палаце” [6, л. 13]. Смерці, хваробы, вяселлі знаёмых, спрэчкі, злачычнства канстатуецца з аднолькавай сухой аб’ектыўнасцю: май, 31 серада – прыехаў пасланец ад вельмі хворага пана; чэрвень, субота, 10 – прыйшоў ліст ад яснавельможнага пана падкаморнага Хелмінскага, у якім ён запрашае на пахаванне жонкі; май, аўторак, 30 – прыйшло ў лісце паведамленне аб смерці пана Зеньковіча [6, л. 18]; люты,

нядзеля, 22 – быў на вяселлі [6, арк. 1]; красавік, чацьвер, 27 – нецьвярозы пан Твардоўскі пасварыўся с панам старастам Лукомскім і асуджаў яго, параўноўваючы з жанчынай [6, л. 13]; рейтар скраў пяць каней [6, л. 8], інш. Такім жы чынам паведамляецца і аб значных грамадскіх падзеях: красавік, 8, субота — у Варшаве кароль з набліжанымі і ўсім дваром наведваў пахаванні, працэсія ішла дзень і ноч по вуліцам і касцёлам; пасля гэтага адзначаецца, што быў урачыста адзначаны “трыумф” у Маскве ўзвышэння панскага [6, л. 10]. Гаворка можа ісці аб падзеях 1605 г., звязаных з панаваннем у Масковіі Лжэзімітрыя ці, хутчэй, 1610 г. – бітвай пад Клушынам, узяццем Масквы гетманам Станіславам Жалкеўскім.

Застольная бяседа ў той час на нашых землях, як і ў Еўропе, была месцам вырашэння дзелавых пытанняў, яна часта ўзгадваецца ў мемуарах. Добры стан пасля бяседы з пітвом, а таксама наведвання гасцей звычайна канстатаваўся – аўтар адзначаў, што ўсе былі ў “добрым разуменні” (*dobrej mysli*) [6, л. 5, 18]. Аб характары правядзення тагачасных грамадска-палітычных акцый, сведчаць запісы, якія тычацца сейміка ў Мінске: аўторак, 31 студзеня – вырашаліся вайсковыя справы, потым “меў у сябе” на абедзе мясцовае панства; 1 лютага, ў сераду, “Князь, Яго Міласць” прымаў у сябе на абедзе паноў Мінскага ваяводства; 2 лютага князь прымаў розных людзей у сябе на абедзе [6, л. 2]. Увогуле, сярод застолій узгадваюцца ў асноўным абеды, якія даваліся знатнымі асобамі і мелі, як можна меркаваць, адносна афіцыйны характар; радзей узгадваецца вячэра, напрыклад, у Мінску [6, л.2], якая, верагодна, была ў большай ступені прыватнай падзеяй. Гэта адпавядае вядомаму ў XVIII ст. характару бясед якія падзяляліся на званія, прыватныя [4, с. 29].

У мемуарах, дыярыюшах XVII ст. асабістыя адносіны праяўляюцца да падзей, якія маюць непасрэднае дачыненне да аўтара. Гэта тычыцца штодзённых запісаў польскамоўнага ананімнага дзённіка з радзівілаўскага фонду, падзеі якога датуюцца 1726 г. і прысвечаны паездцы ў Карону [7, арк. 51-52]. Іх аўтар уваходзіў у княжацкую світу, запісы адрознівае індывідуальная адзнака падзей, эмацыянальна-аксіялагічная афарбоўка: аўтар апісвае іх з пункту гледжання добрага ці дрэннага выніку для сябе. Адначасова гэтыя запісы – сведчанне аб тагачаснай бытавой культуры, адносінаў да гасцей. Так, кажучы аб начлезе ў Люкоўзе, аўтар скардзіўся, што пан Падлеўскі не дазволіў спаць у ізбе, прымушаючы спаць на зямлі (на вуліцы), а розныя слугі называлі аўтара марнатраўцам [7, арк. 51]. У Варшаве ў пакоі княжскага палаца, дзе казалі, што дадуць пасцель, людзі на трэцяй частцы пакою ляжалі скопам, у кутах пад сталом, аўтару ад гаспадароў добрага слова не было, слугі на пытанні дзе то ці іншае, адказывалі, каб шукаў сам [7, арк. 51].

У XVIII ст. з’явіліся дыярыўшы, дзе, акрамя дэталёвай фіксацыі дзённых падзей, меліся разважанні, нават выказванні інтымных пачуццяў (М. Матушэвіча, С. Маскевіча), іх змест, у значнай ступені, – гісторыя суб’екта, яго эмацыянальна, інтэлектуальна рэфлексаванага падзейнага жыцця. Аднымі з адносна новых па светаўспрымання мемуараў з’яўляецца дыярыюш Рафаіла Слізня (1774-1779, 1794-1795 гг.), дзе аўтар эмацыянальна ацэньвае падзеі, разважае аб жыццёвых праблемах [3, с.121]. Дзённік дае ўяўленне аб тыпе бытавых паводзін заможнага шляхціца. Згодна з традыцыямі таго часу, Р.Слізень сітэматычна чытаў французскія кніжкі, пісаў лісты, дыярыюш, аб чым скурпулёзна паведамляў у нататках, дзень без чытання спецыяльна адзначаўся ў дзённіку. “Калі быць прыўдзівым, дык на пісанне лістоў ухадзіць дастаткова часу”, – сведчыў ён [8, л. 4]. Паказальна, што Р.Слізень, хаця і не прызначаў дыярыюш для шырокага чытача, друка, выражаў надзею аб тым, што яго будуць чытаць: у датаваных 1774 г. дзённых нататках ён апісваў, як да абеду “бавіўся” чытаннем, пісаў дзённік “... хіба калі чытаць які нехта будзе...” [8, л. 4]. Сярод модных заняткаў таго часу абавязковай была гульня ў карты, якая адымала шмат часу. Увогуле, распарадак дня быў адносна ўстойлівы: уставаў Р. Слізень а гадзіне шостаі ці а палове сёмага, ішоў у капліцу, потым чытаў, займаўся хатнімі справамі, пісаў лісты, іншым разам прымаў гасцей ці хадзіў у госці, клаўся спаць а гадзіне дзясятай, перад сном чытаў. Як і ў дыярыюшах папярэдняга часу, эмацыянальная афарбоўка праяўлялася ў назіраннях надвор’я: “Дзень ясны, цёплы” [8, л. 6].

Прынцыпова супрацьлеглы тып светаўспрымання і паводзін прадстаўлены пастаццю праваслаўнага дзеяча А. Філіповіча, які пакінуў складзены ў 1645-1647 гг. так званы “Дыярыюш” – звод разнастайных, у тым ліку і мемуарных, але пераважна публіцыстычных твораў. Барочны, звязаны з рэлігійнай экзальтацыйнасцю характар аўтара праяўляецца ў яго самаідэнтыфікацыі, якая спалучала месіянства і самапрыніжэнне, арыентацыі на частыя відзёжы, бачанні рэлігійнага, апакаліпсічнага характару, барочнай па вобразнасці ролю аўтара “...на высокім театрум света того...” [9, с. 202]. У кантэксте дынамічнай эпохі была і яго прасторавая, сацыяльная мабільнасць – ён наведваў землі нашы, украінскія, польскія, Маскоўскай дзяржавы; А. Філіповіч размаўляў з

маскоўскім царом, быў на Варшаўскіх вальных сеймах, жыў у манастырах, трымаўся зняволеным у Варшаве і Кіеве і г. д.

Заклучэнне. Прадстаўленыя помнікі мемуарнай літаратуры сведчаць аб існаванні разнастайных гісторыка-бытавых тыпаў на беларускіх землях XVII-XVIII ст., спецыфіка якіх звязана з характарам дзейнасці іх прадстаўнікоў. Дынаміка светаўспрымання людзей той эпохі вызначалася нарастаючай увагай да фіксацыі падзей, імкненнем да іх аксіялагічнай, пачуццёвай характарыстык. Разам з тым, асабісты, эмацыянальны аспект праяўлення ацэнкі навакольнага свету ў істотнай ступені залежыў ад характара занятка, тэмперамента чалавека (А. Філіповіч). Срод новых рысаў быту, адзначаных у мемуарах, эпахальным еўрапейскім тэндэнцыям XVIII ст. адпавядаюць прыхільнасць шляхты да чытання, напісання лістоў і дзённікаў, значная роля бяседы ў грамадскім жыцці, ухіл у забаўляльныя формы быта, першаю чаргу – гульні ў карты. Разнастайныя формы быта ўтрымлівалі стыльва-эпахальныя, пераважна барочныя праявы.

Спіс літаратуры

1. Блок, Марк. Апологія истории или ремесло историка. Перевод Е.М. Лысенко. Примечания А.Я. Гуревича / Марк Блок. – М.: Наука. – 232 с.
2. Мальдзіс, Адам. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі / Адам Мальдзіс. – Мн.: Лімарыус, 2001. – 384 с.
3. Вуглік, І. Р. Приватныя запісы XVII-XVIII стст. як рэпрэзентанты характэрных рыс быту і культуры беларусаў (новыя матэрыялы і аспекты) / І. Р. Вуглік // Весці БДПУ. – Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2006. – № 2. – С. 120-123.
4. Вуглік, І.Р. Матэрыяльная культура і быт старабеларускай шляхты XVII-XVIII ст. Вучэбна-метадычны дапаможнік / І.Р. Вуглік. – Мн.: ЗАТ “Современные знания”, 1985. – 84 с.
5. Angyal, Endre. Swiat slowianskiego baroku / Endre Angyal. – Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy. – 1972. – 498 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Г. Мінск. – Радзівиллы, князя. Фрагменты дневниковых записей. – Фонд. 694. – Оп. 1. – Ед. 147.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Г. Мінск. – Мемуары князей Радзівиллов. – Фонд 694. – Оп. 1. – Ед. 241.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь. Г. Гродна. – Дневник Рафаила Слизня за 1774-1779 и 1794-1795 гг. – Фонд. 1663. – Оп. 1. – Ед. 14.
9. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI- начала XIX в. /Под общ. ред. В.А. Сербента и др. – Мн.: Издательство Академии наук БССР, 1962. – С. 194-206.

Ігар Рыгоравіч Вуглік, кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры культуралогіі Приватнай установы адукацыі “Інстытут сучасных ведаў імя А.М. Шырокава”, вучоны сакратар Савета інстытута.

220012, г. Мінск, в. Сурганова, д. 21, кв. 37. Т. 80295730014, 3318034 х.

Ретроспективный взгляд на социально-правовое положение шляхты Великого княжества Литовского в XVI в.

И.Ю. Уваров

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого»

В статье изложены основные вопросы, связанные с развитием эволюции военно-служилого сословия шляхты в период развития и формирования Великого княжества Литовского в XVI веке.

Представители привилегированного сословия стремились к приобретению земельных латифундий в обмен за отправления ими земской службы, связанной с защитой государства во время нашествия неприятелей.

Вопросы об имущественном держании шляхты оставались самыми обсуждаемыми темами на заседаниях сеймовых сессий. Это и много другое привело к тому, что издаваемые законы в ВКЛ целиком и полностью защищали интересы шляхетского сословия.

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, шляхта, сейм.*

Retrospective view to social and legal status of the nobles in Grand Duchy of Lithuania in XVI century

I. Uvarov

Educational establishment «Gomel State Technical University named after P.O. Sukhoy»

The main issues in the article are connected with the progress of evolutionary development of the military-service estate of gentry during the period of the development and formation of Grand Duchy of Lithuania in the XVI century.

The representatives of the privileged estate tried to get latitudia for their duties for Zemstvo, dealt with the defense of the State in times of enemies' invasion. The questions of gentry's property status were the most discussed subjects at the Sejm sessions.

This phenomenon and many others has led to that the published law in Grand Duchy of Lithuania entirely and completely protected the interests of the gentry's estate.

Key words: *Grand Duchy of Lithuania, the nobles, sejm*

Выясняя сложные вопросы об имущественном держании шляхты ВКЛ в XVI в., представители исторической науки выдвигают разные теории при разработке этой важной проблемы. Процесс эволюции шляхты следует рассматривать как порождение социально-экономических потребностей времени.

Основной целью данной статьи является детальное изучение истории Великого княжества Литовского. В наши дни все более и более назревает необходимость специальных исследований по истории шляхты, с использованием соответствующего материала первоисточников. Вопросами изучения социально-экономического развития феодального хозяйства Беларуси в XVI в. занимались как дореволюционные русские, так и советские, в том числе и современные историки.

Материал и методы. Воплощением методологических принципов стал общенаучный метод исторического исследования. Этот метод широко и удачно использовался при изучении самых различных исторических явлений. Автор стремился показать широту и одновременно конкретность поставленной проблемы. Был проведен анализ источников и выявлены фактические аспекты.

Привлеченные в данной работе источники разнообразны по общему содержанию массовых данных экономического и социального характера. Наличие разнообразных сведений дает возможность получить качественные характеристики интересующих нас явлений и проследить их эволюцию на отдельных этапах развития и становления экономики в ВКЛ в XVI в.

Результаты и их обсуждение. В XVI в. поветовая шляхта Великого княжества Литовского была

разделена на отдельные группы по принадлежности к своему имущественному держанию. Поворотным периодом в истории шляхты, в том числе и белорусской, стало время, связанное с изменениями во внутренней политике феодального государства. Это проведение реформ, изданием великокняжеских привилегий и введение нового законодательства страны.

В условиях военной угрозы со стороны крымского ханства и других противников, укреплялись взгляды и обычаи шляхты, которые имели свои истоки с времен глубокой старины. В это время привычные и обыденные мотивы становились нормой жизни этих людей.

К середине XVI в. одним из проблемных вопросов, который встречался в частном судопроизводстве и неоднократно поднимался шляхтой на заседаниях вальных сеймов ВКЛ, был вопрос о доказательстве шляхетского происхождения. Так, на сейме 1551 г. шляхта требует отмены документов на право владеть своим имуществом. Поскольку еще в начале XVI в. любой свободный человек, если желал служить, мог подыскать для себя село, пустошь или просто земельный участок и просить великого князя об утверждении за ним этого надела: всякого рода «господарская данина была жалованием за прошлую текущую или будущую службу» [9, 22; 17, 69; 15, 179-180]. В целом ряде грамот зафиксированы всякого рода хозяйственные сделки отдельных частных лиц друг с другом. Ревниво оберегая свои права на приобретение земельных участков, шляхтичи тщательно хранили в своих фамильных архивах не только акты этих приобретений, но и все те документы, которые свидетельствовали о правах бывших собственников на их владения. По своему содержанию эти акты имеют отношение к купле-продаже имущества, дарения, обмен, залог имения и т.п. Согласно принятому законодательству в ВКЛ шляхта была наделена равными правами независимо от своего имущественного положения. Однако в действительности существовало экономическое неравенство, так как богатых шляхтичей, которые владели тысячами крепостных, было совсем немного. К середине 60-х гг. XVI в. после проведения правительством аграрных мероприятий связанных с реформой 1557 г. и утверждением статута 1566 г. доступ в ряды шляхетского сословия был существенно ограничен [10, 108-119]. Доказывать свое, отношение к данной сословной группе становилось все труднее [26, 218]. Новые законы практически полностью исключали возможность перехода крестьян, мещан и служилых людей в шляхетское сословие [31, 161].

Чтобы не лишиться своего земельного владения, шляхтичи были обязаны в письменной форме подтвердить свое право на землевладение и свою принадлежность к данной феодальной сословной группе. Например, гомельский боярин Иван Хоморович лишился своего имения из-за утери соответствующего документа. При отсутствии такого свидетельства феодалы лишались прав считаться шляхтичами и переходили в другое сословие, становясь арендаторами чужой земли или крестьянами. Конфискованные ревизорами земли отходили в состав господарских владений [32, 94; 22, 33]. В 1528 году была организована общегосударственная перепись – «попис войска» Великого княжества Литовского. На основе принятых ранее сеймовых постановлений «пописа войска» появилась возможность определить общую численность «посполитого рушения» и дифференциации шляхетского сословия по их состоятельности (объем земельных владений) и общественно-политический статус [6, 36-39; 4, 150-160; 29, 286; 28, 11].

Социальное положение шляхты, чьи имения располагались в господарских владениях великого князя, в известной мере было регламентировано постановлением резолюции аграрной реформы середины XVI в. Согласно «Уставы на волоки» 1557 г. шляхетские земли, владельцы, которых не имели документального подтверждения, должны были перейти в состав господарского домена. Согласно «уставы 1557 г.» единицей обложения стала волока, участок земли в 33 морга (морг – мера, равная 1/30 волоки), волока (земельный участок размером в 21,37 га) [8, 465; 15, 541-586; 20, 22]. Проведение правительством аграрной реформы было встречено представителями привилегированного сословия крайне враждебно. Бояре и шляхтичи в буквальном смысле забросали правительство просьбами не трогать их имений и не измерять земли на волоки [29, 332; 23, 12; 24, 61]. Первоначально аграрная политика государства ориентировалась в основном на западные земли Великого княжества. Здесь средний крестьянский надел равнялся 0,62 волоки, а на восточных окраинах страны – 0,94 волоки. Это было обусловлено тем, что на западе были размещены основные латифундии господарского домена и тем, что Восточные воеводства страны стали плацдармом развернувшейся Ливонской войны [30, 16; 22, 6; 19, 12-14; 25, 34-50; 18, 77; 28, 124-144].

Из документальных материалов видно, что еще в 1513 г. происходила выборочная проверка шляхетских прав, «шляхтич есть с роду шляхтич и имеет отчину». За данными документами феодалы обращались к великому князю или в суд. Участниками судебных процессов являлись представители господствующего класса. Слушанием судебных дел занимался иногда сам государь в период своего пребывания как в Вильно, так и в других городах ВКЛ и Короны. К примеру, в 1524 г. 24 февраля за справедливой защитой к великому князю обратились господарские дворяне Ленук, Сасина и Петр Филиппович. Просители сообщали, что пан Станислав Шит, не хочет признать их шляхетство. На судебном

заседании в Кракове в присутствии маршалка земского, старосты слонимского Я.М. Радзивилла и маршалка дворного, старосты берестейского и лидского пана Ю.И. Илинича права шляхтичей были защищены и доказано их шляхетство. В грамоте сказано: «...Водле суда и листу судового тых панов, при чти шляхетства их есмо zostавили...», «...Сасину и Ленку, а Петру – Фелиповичу, на честь шляхетства примовити. И на то есмо им дали есь наш лист з нашаю печатью привесистою» [6, 110; 13, 83-88; 11, 105].

В привилеи Сигизмунда-Августа от 22 декабря 1551 г. говорится о признании шляхетских прав бояр Бернатовичей и Диржевичей. Бояре жаловались Великому князю, что издавна служили военную службу «з давних часов на войну ездили», пока наместник Ковенский пан Станко Кортевич не стал занижать достоинства их предков. На что господарь дал ответ: «Вреда им не причинять и оставить, как было пускай служат нам военную службу и на войну ездят» [6, 128-130]. Случалось, что после измерения земли на волоки ревизоры отнимали имение у землевладельца. Так, в 1558 г. ревизор пан Градовский отнял землю у Станислава Юцайтиса в Ретовской волости. Юцайтис обратился к правительству с жалобой, ища защиты. В господарском ответе на его челобитную было указано, что данный землевладелец является шляхтичем, и подобно его предкам, должен отправлять свои сословные повинности: нести службу [6, 185-186]. Такого рода реакция со стороны правительства было делом довольно распространенным. Следует отметить, что представители великокняжеской администрации особенно усердствовали на территории западных поветов. В Поднепровских волостях ревизии имений не отличались особым консерватизмом, что свидетельствовало о льготной системе землевладения [6, 218-219; 22, 34]. До реформ середины XVI в. шляхтич мог доказать свое родовое право на владение земельной собственностью представив свидетелей [29, 295]. По этому поводу шляхта на Виленском сейме 1559 г. просила великого князя, чтобы он отменил положение о подтверждении шляхетства [9, 153]. В случае потери соответствующего документа на право владения землей шляхтич мог обращаться с просьбой в господарскую канцелярию ВКЛ для подтверждения его сословных прав. Выданная канцелярией копия утверждалась как привилей великого князя без особых проволочек «ино к гдыж то показалося, же они есь бояре шляхта». При этом оговаривалось: чинши с них не брать и требовать отправления «конной службы» [6, 231]. Иногда подобные просьбы шляхты рассматривались на вальных сеймах. В 1565 г. Станислав Довнарлович обратился к господарю прямо на сейме с просьбой подтвердить его социально-политический статус. В жалобе отмечено, что он «человек простого звания», имеет воинские заслуги и претендует на равные права с другими боярами. Великим князем была рассмотрена эта жалоба и дан положительный ответ. «Довнарлович на услугах военных яко юж родовитой боярин повинен будет так, як был», то есть, обязан служить и на войну ездить [6, 282].

В ответах Сигизмунда-Августа на просьбы жемойсткой шляхты, представленные ему на Виленском сейме 1554 г., говорится о соблюдении прав шляхты, нарушаемых некомпетентной проверкой привилеев [15, 253]. Общеземские привилеи оставляли за шляхетским сословием те земельные пожалования, которые оно получило от прежних господарей, и при условии, если держатели земли могли представить соответствующие документы [29, 294].

К середине XVI века в ВКЛ произошло законодательное расчленение военно-служилого сословия. Бояре и земляне ВКЛ, располагавшие земельными владениями и отправлявшие военную службу, получали право именоваться шляхтичами. Другая часть военно-служилого сословия, продолжая исполнять свои функции, не получили шляхетских прав и «вольностей» в их полном объеме. После реформы 60-х гг. XVI в. паном стал называться каждый шляхтич, который имел документально подтвержденное земельное владение, так как каждый мелкий феодал ссылался на родовитость своего происхождения [26, 220; 17, 69]. Расширение прав шляхты способствовало росту судебных процессов по делу о признании шляхетства. Это был один из возможных легальных и не всегда доступных способов проникновения простых людей, представителей военно-служилой категории граждан в сословие шляхты. Так, на сейме 1551 г. шляхта просила господаря, чтобы люди простого звания не превозносились выше шляхты и не получали шляхетских прав и вольностей [27, 552]. Вся дальнейшая деятельность правительства ВКЛ была направлена на то, чтобы предотвратить доступ в ряды шляхты простых людей, что привело к созданию замкнутого корпоративного сословия шляхты.

Получив землю, шляхтич мог ее передать по наследству при одном условии: если его сын будет продолжать нести земскую службу. Правда, на этот счет существовала оговорка: с «ласки господарской» и если «не сгинет служба князя великого». Статут 1566 г. предоставил феодалам право пожизненно владеть землей с передачей ее по наследству, но с разрешения самого господаря [21, 594; 5, 216; 9, 535; 16, III-34, VII; 1, 5]. Со времен великого князя Александра поземельная политика государства ориентировалась на отдачу земли в службу, с правом вотчинного владения [21, 609]. В ВКЛ награждение землей феодала могло быть на какой-то период и бессрочным. Большое количество земли отдавалось на условиях особого распоряжения государя. Так как земля давалась за службу, то неисполнение ее влекло за собой отнятие имения. К примеру, в 1499 г. 26 мая великий князь дал разрешение купить пану коморни-

ку, сыну Полоцкого владыки Луке Андреевичу участок земли возле реки Ула. Согласно условиям купли, новый владелец был обязан отправлять земскую повинность «...с тое земли нехай он нам служыт» [9, 46; 21, 585; 14, 779-780]. Впоследствии вместо конфискации феодального владения мог назначаться денежный штраф, как было указано в рецесе сейма 1568 г. [15, 503].

Из грамоты от 11 июля 1501 г. видно, что великий князь производит наделение земель боярина Осипа Вербовича. Это было связано с тем, что земли, оставленной от отцовского надела, становилось недостаточно для ведения хозяйства [7, 4]. И сын боярина, продолжив службу отца, вступил во владения отцовским именем и сам, выполняя военную службу, получил дополнительно участок земли. Так, например, случилось с боярином Иваном Константиновичем, который после долгих ожиданий получил свою долю в Смоленском повете 1510 г. [13, 640-641]. Сложно сказать, какая участь постигла этого феодала после того, как войска Василия III в 1514 г. взяли Смоленск. Пожары, погромы, грабежи, разруха, голод и болезни подстерегали народ везде и повсюду. Подобную участь долгие годы разделяли многие феодалы и простые жители ВКЛ. Отсюда вытекает стремление представителей военно-служилого сословия к обеспеченной жизни, так как они первыми с оружием в руках при необходимости становились на защиту родной земли.

Как уже говорилось выше, земли, с которых не исполнялась военная служба, конфисковывались. Решение о таких действиях выносилось на заседания сеймовых сессий [13, 93-95]. Некоторые предумышленные феодалы стремились одновременно с получением земельного владения взять у господаря лист на подтверждение своих прав. К примеру, боярин Городенского повета Ивашка Кошчич получил в 1518 г. от старосты пана Юрия Николаевича Радзивилла документ на владение землей. Однако этот боярин пожелал получить еще дополнительно письменную грамоту от великого князя, в чем тот повелел ему быть хозяином на своей земле [12, 50]. Все просьбы и жалобы, подаваемые в администрацию великого князя, можно рассматривать как стремление феодалов укрепить свое право на землевладение [12, 102]. Иногда великокняжеской канцелярии приходилось выдавать повторные грамоты феодалам на землю, для того, чтобы решить земельные споры между боярами и шляхтой. Так, в 1528 г. бояре Виленской волости запросили в канцелярии великого князя подтвердительную грамоту на земельное владение, данное им еще при Казимире [6, 70]. В 1561 г. к господарю обратился боярин Вилякович с требованием выдать ему подтверждающий документ о праве на владение землей и крестьянами. В челобитной боярина сказано, что у его матери сгорели бумаги на землевладение. На это Сигизмунд-Август ответил, что после раздела земли на волоки, даст им две грамоты на конную службу и на боярство [6, 229-230]. Из сказанного можно сделать вывод: что в XVI столетии уже идеально работает архив великокняжеской канцелярии, где ведется учет без малого почти всех землевладельцев, которые держали имения [2, 35-35^{об}; 3, 323, 323^{об}, 324, 324^{об}, 345, 382, 383, 386, 389^{об}, 390, 391^{об}, 394, 395^{об}, 396, 401].

Заключение. Процесс становления сословия шляхты во многом зависел от включения этой группы граждан в общественную социализацию, а также осознание ими своего положения и значения для государства. Это был затяжной, сложный и противоречивый период, поскольку он во многом зависел от социально-экономических, политических и правовых факторов. Этому свидетельствуют общие мнения авторов изложенные в специальных работах по данной теме. Однако дальнейшее исследование этой проблемы остается трудным делом, так как данные события слабо или частично отражены в имеющихся источниках. Надо полагать, что огромную, значимую ценность в этом направлении будут представлять те материалы, которые остаются еще неизученными и неопубликованными.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Национальный исторический архив Беларуси (в дальнейшем НИАБ). Ф. 1734, оп. 1, ед. хр. 1 Часть 1. «Слонимский городской суд» Книга записей за 1569 г.
- 2 НИАБ. Ф. 694, оп. 1, д. 438 (Фонд князей Радзивиллов – далее Ф. 694). Архив имений несвижской ординации отчет о состоянии несвижского архива 1853–1886.
- 3 НИАБ Фонд 694, оп. 2, д. 4958. Часть 1. Инвентарь 1650 (древнейший) перечисляются дела, что хранятся в этом архиве.
- 4 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. Т. II 1506–1544. Спб.: Тип. 2-го отделения, 1848. – 437 с.
- 5 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. Т. 3 1544–1587. Спб.: Тип. 2-го отделения, 1848. – 356 с.
- 6 Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 1–39. Т. 24: Акты о боярах 1491–1796 гг. – Вильна, Тип. Губ. права, 1897. – 547 с.
- 7 Акты, исторические относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. (Сост. ст. сов. А.И. Тургеневым). Т. 1. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 гг. Спб.: Тип. Эд. Праца, 1841. – 612 с.
- 8 Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов: В 3 т., Т. 1: С древних времен до середины XVII века. / Сост.: З.Ю. Копыцкий, М.Ф. Залого. – Минск.: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – 516 с.
- 9 Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. I.: Тексты актов Литовской Метрики / Предисл. М.В. Довнар-Запольского. – М., 1897. – 570 с.
- 10 Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVII вв.: Сборник материалов / Подгот.: И.И. Яковкин. – Л.: Госуд. соц.-экон. изд-во, Ленинградское отд., 1936. – 153 с.
- 11 Литовская метрика. Lietuvos metrika / Вильнюсс. ун-т. Книга судебных дел. /1522-1530/: (Копия конца XVI в.) / [Редкол.: С. Лазутка (отв. ред.) и др.]. – СХLХ, 513 с.: ил. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1997. Т. IV.
- 12 Литовская метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijai leidykla, 1997. Т. 10. Книга записей (1440-1523) / [Подгот.: Э. Банионис, А. Балюлис, Предисл. А. Балюлиса]. – 178 с.
- 13 Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Спб. Т. 20. Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 2., 1903. – 1599 с.
- 14 Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Спб. Т. 27. Литовская метрика. Отд. 1. Ч. 1., 1910. – 943 с.
- 15 Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Юрьев, Т. 30. Литовская метрика. Отд. 1–2. Ч. 3., 1914. – 881 с.
- 16 Статут Великого княжества Литовского 1566 г. В кн.: // Временник императорского общества истории и древностей российских. М., 1855. Кн. 23. – 175 с.
- 17 Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М.Е. Бычкова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ РАН, М., 1996. 173 с.
- 18 Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытных часоў да 1996 г.: В 2 т. Т. 1: Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. Мн.: Бел. навука, 1997. – 431 с.
- 19 Голубев В.Ф. Землевладение и землепользование крестьян Белоруссии во второй половине XVI–XVIII вв. Автореф... на соис. Учен. Степ. Кан. ист. Наук: 07.00.02, Мн., 1987. – 21 с.
- 20 Голубев В.Ф. Сялянскае землевладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII ст.ст. АН Беларусі. Ін-т гісторыі, Мн.: Навука і тэхніка, 1992, – 174 с. / Пад. рэд. Доктара гіст. навук В.І. Мялешкі /. 173 с.
- 21 Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, Тип. Ун-та, 1901. – 884 с.
- 22 Довнар-Запольский М.В. Очерки по организации Западно-русского крестьянства в XVI в. / Ред.: М.К. Любавского. – Спб., Тип. АН, 1907. – 508 с.
- 23 Иоффе Э.Г. В.И. Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма / XV первая половина XVII века /. Автореф... на соис. Учен. Степ. Кан. ист. Наук. (07.00.09) Мн., 1974. – 21 с.

- 24 Копысский З.Ю. Белоруссия феодального периода в Советской историографии 20-х годов. // Советское славяноведение: Двухмес. журнал / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука. 1986. № 4. – 72-81 с.
- 25 Королук В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 111 с.
- 26 Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, тип. К. Маттисена, 1911. – 624 с.
- 27 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. т. 1–15. Т. 1 1361–1598. – СПб., 1863. – 301 с.
- 28 Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. –М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 815 с.
- 29 Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-русском государстве. М., Изд-во АН СССР, 1958. – 547 с.
- 30 Похилевич Д.Л. Крестьяне слонимщины в XVI–XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения. // Наукові записки Львівського держ. ун-та сер. історична. 1949. Т. XVII. – 129-169 с.
- 31 Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, Наука. Сиб. отд-ние. 1991. – 393 с.
- 32 Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: Вучэбны дапаможнік. – Мн., Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

Адрес для корреспонденции: 246746, г. Гомель, ул. Рогачевская, д. 2, кв. 46

Органы управления театральными организациями Витебской губернии в 1917 – 1924 гг.

В.Г. Ширма

Учреждение Государственный архив Витебской области

Октябрьская революция 1917 г. повлекла за собой формирование новой системы управления в театральной среде и способствовала превращению театра в «агитатора и пропагандиста коммунистической идеологии». Несмотря на это театр явился для широких слоев населения средством постижения прекрасного. Однако, отсутствие четкой структуры в управлении, некоторая идеологизация работы и проблемы материально-бытового характера не мешали развитию театральных учреждений в первые годы советской власти в Витебской губернии, и позволили проявиться таланту таких деятелей культуры как М. З. Шагал, М. В. Добужинский, П. Н. Медведев и др. В статье автор показывает становление системы управления театральными организациями Витебской губернии в 1917–1924 гг. Отмечается, что органы управления театральными организациями имели большое значение в популяризации искусства, способствовали самоидентификации национальных меньшинств и развитию театральной культуры губернии. Развитие театров Витебской губернии шло параллельно с развитием органов цензуры и контроля за репертуаром.

Ключевые слова: *Октябрьская революция, органы управления, театры, цензура, контроль за репертуаром.*

Management bodies of the theatrical institutions of Vitebsk province in 1917 – 1924

V.G. Shirma

State archive of Vitebsk region

October revolution of 1917 has caused the formation of a new control system in the theatrical sphere and promoted the transformation of the theater into «the propagandist of communistic ideology». Despite it the theater was for various strata of society a means of comprehension of the beautiful. However, absence of accurate management structure, some

ideological direction of the work as well as problems of material-household character didn't hinder the development of theatrical establishments in the first years of the Soviet power in Vitebsk province. Thus the talent of M.Shagal, M.V.Dobuzhinsky, P.N.Medvedev and others showed itself. In article the author shows setting up of the theater management system of Vitebsk province in 1917-1924. It is noticed that theater management institutions were of great importance in art popularization, promoted self-identification of national minorities as well as the development of theatrical culture of the province. The development of the theaters of Vitebsk province went in parallel with the development of bodies of censorship and control over repertoire.

Keywords: *October revolution, management bodies, theaters, censorship, control over repertoire.*

После Октябрьской революции 1917 г. в Витебске происходит настоящий расцвет культурной жизни, в последствии оказавший большое влияние на развитие не только белорусского, но и мирового искусства. Здесь жили и творили такие деятели культуры как Ю. М. Пэн, М. З. Шагал, К. С. Малевич, М. М. Бахтин, Н. А. Малько, М. В. Добужинский, П.Н. Медведев и др. Именно в этот период времени в Витебске открывается народная консерватория и художественное училище, работает профессиональный симфонический оркестр и балетная студия. Такой же взлет происходит и в сфере театрального искусства – возникает первый в республике театр революционной сатиры, продолжает работу городская театр, появляются национальные труппы, приезжают профессиональные артисты.

Освещению вопросов развития театральных учреждений в Витебской губернии в 1917 – 1924 гг. в отечественной историографии, посвящено немало работ, но, как нам представляется, эта тема не потеряла своей актуальности. Одним из первых уделил внимание истории театра на Витебщине В.И. Нефед [1], затронувший в своей работе деятельность театра революционной сатиры и создание БГТ-2. Большое значения имело появление «Театральной Беларуси» [2], первого в истории культуры отраслевого издания, посвященного театральному искусству, в которой были представлены статьи описывающие театры, действовавшие в губернии. Среди исследований, посвященных театральному искусству, следует отметить монографии Т.В. Котович [3, 4], в которых автор объективно проанализировал эволюцию театральной культуры Витебщины. Тем не менее, работ, посвященных органам управления театральными организациями нет, в соответствии, с чем была поставлена следующая цель – изучить органы управления театральными организациями Витебской губернии.

Материалы и методыю. Источниками для написания статьи послужили фонды Государственного архива Витебской области и Национального архива Республики Беларусь. Были проработаны фонды Витебских губернских отделов народного образования и политико-просветительного комитета, Витебского городского отдела коммунального хозяйства и коллекции периодической печати 1917 – 1941 гг. В результате был изучен обширный комплекс документов связанных с развитием театрального дела в Витебской губернии. Высокой степенью информативности характеризуются протоколы заседаний городского отдела коммунального хозяйства и губернского отдела народного образования, анализ которых позволяет судить о репертуаре театров губернии, о тех проблемах, которые возникали в руководстве театральной сферой. Большую ценность представляют отчеты губполитпросвета о работе театров, содержащие сведения, которые дают возможность проследить динамику развития театральных организаций.

Методологическую основу статьи составили принципы историзма и объективности, системный и деятельностный подходы. Были использованы следующие общенаучные методы – индукция, дедукция, анализ, синтез. В соответствии с принципом историзма, деятельность органов

руководивших театральными организациями, сам процесс выработки принципов, методов руководства культурным строительством рассматриваются во временной динамике, в контексте соответствующего исторического фона. Использованы были такие методы исследования, как историко-сравнительный, реконструкции исторических событий и метод количественного анализа.

Выводы и их обсуждение. Все руководство театральным делом, впрочем, как и всей культурной сферы было сосредоточено в руках Народного комиссариата просвещения РСФСР. Его функции были очень обширны, так как он заведовал всем школьным и дошкольным делом, политико-просветительной работой в массах, профессионально-технической подготовкой, издательской деятельностью, научными учреждениями и учреждениями в области театра, музыки, изобразительного искусства, кино. На местах культурным делом управляли местные отделы народного образования.

Анализ архивных документов позволяет утверждать, что в Витебской губернии процесс формирования системы культурных учреждений был достаточно длительным и непоследовательным.

В ведении губернского отдела народного образования в 1917–1918 гг. находилось все школьное, дошкольное и библиотечное дело, политико-просветительная работа в массах и вся литературно-издательская деятельность. Все театральные учреждения губернии подчинялись губернскому отделу народного образования, однако театральным делом в Витебске заведовал отдел городского хозяйства (в 1918 г. в городе действовал только Городской театр). Он, в свою очередь, не только поддерживал в хорошем состоянии здание театра, но также приглашал артистов на гастроли, руководил приемом на работу актеров, предоставлял помещения театра для концертов и собраний, контролировал постановку пьес. Так, например, к зимнему сезону 1919 г. отделом были приглашены артисты, составлен репертуар на весь сезон, «переустроено электрическое освещение и эффекты на сцене, и такие же меры были приняты в художественном отношении». Отметим, что существовавшее положение не устраивало не только работников театра, но и отдел городского хозяйства.

В ноябре 1918 г. председатель отдела городского хозяйства в письме в губисполком ходатайствовал о передаче всего театрального дела в ведение отдела народного образования Витебского губисполкома. В результате с января 1919 г., при губоно был создан художественно-театральный совет, в состав которого вошел и представитель отдела городского хозяйства. Совет взял на себя обязанности по дальнейшему развитию театрального дела на Витебщине. Среди его членов значатся П. Н. Медведев, А. О. Цшохер, М. З. Шагал, М. В. Добужинский и М. П. Сахновский.

Все находящиеся в г. Витебск кинотеатры и Городской театр со 2-го марта 1919 г. передавались из отдела городского коммунального хозяйства в ведение губернского отдела народного просвещения «с напутствием, что в области своей театральной деятельности необходимо рассматривать театр, не как доходное учреждение, а как просветительное» [7, л. 370]. Таким образом, организация театрального дела и все управление им перешло в ведение театральной секции подотдела искусств при губернском отделе народного просвещения, штат которой состоял из заведующего, инструктора и секретаря [5, л. 370]. К 1919 г. в губернии появляется системность в организации и управлении театральной сферой, в то время как до революции никакой системы управления провинциальными театрами не существовало. (Прим. – до революции в столичных городах театры действовали под контролем Дирекции Императорских театров, а провинциальные подчинялись местным властям).

В период с октября 1919 – по 1 февраля 1920 гг. были начаты работы по организации рабоче-крестьянского театра в г. Витебск, получившего в последствии название 2-го Городского театра, для чего разрабатывались анкеты, проводились обследования деятельности театральных кружков на местах. Был организован губернский показательный театральный музей и губернский склад театральных пособий.

Национальная политика советской власти содействовала созданию национальных театральных коллективов. Так, с 1 февраля 1921 г. при губернском подотделе искусств была организована постоянная латышская труппа. Также, в г. Витебск существовал Еврейский театр, а по губернии успешно давала гастроли еврейская труппа «Унзер Винель» [5, л. 371].

В Витебске на протяжении 1918–1924 г. работали различные театры: Городской театр (с 1920 г. – Губернский показательный театр), Театр революционной сатиры (1919–1920 гг.), 2-й Городской театр, Еврейский театр и 1-й Юношеский губернский показательный театр (1923 г. – сентябрь 1924 г.).

В целях объединения и систематизации театральной работы в городе 15 мая 1921 г. было создано Единое управление делами Витебских театров при губернском отделе народного образования. В его ведение поступили Губернский показательный театр, 2-й Городской театр, Латышский театр и Еврейский театр, просуществовавший до 22 февраля 1922 г.

Управляющим делами витебских театров был назначен Б. И. Суходрев, которому поручалось провести следующие мероприятия: а) объединить хозяйственные и финансовые аппараты всех театров, б) немедленно принять с представителями губернской рабоче–крестьянской инспекции на учет имущество и инвентарь всех театров, в) укомплектовать русскую драматическую труппу на летний сезон, г) разработать, конкретный план театральной работы в полном масштабе. Администраторами витебских театров стали Л. Г. Долгицер, Б. О. Тихонтовский, Е. И. Боровский [5, л. 371].

После гражданской войны и военной интервенции все громче стала заявлять о себе литературно-художественная и культурно–просветительская организация – губернский политико-просветительный комитет. С 1 июля 1921 г. в его подчинение перешел Губернский показательный театр, государственный симфонический оркестр.

23 сентября 1921 г. Единое управление делами витебских театров было реорганизовано в Управление Художественных предприятий, в ведение которого наряду с театрами вошли все губернские кинотеатры. Это реорганизация была вынужденной, так как управление не смогло вовремя выплатить зарплату актерам, и срочно был необходим ремонт зданий театров, а «на счету у губоно и губполитпросвета таких сумм не было, то было принято решение передать театры комбинированному управлению художественных предприятий» [5, л. 371].

С 28 марта 1923 г. Управление Художественных предприятий было реорганизовано в Художественное отделение при Губполитпросвете, которое уже 1 апреля 1923 г. было ликвидировано, а взамен организовано художественное отделение губполитпросвета, задачами которого стали идеологическое и административное руководство всем художественным делом губернии, оказание содействия в организации театрального, музыкального и изобразительного искусства, разработка примерного репертуара для театров города и губернии, руководство финансово–хозяйственной стороной всех зрелищных предприятий.

Художественное отделение было «призвано с одной стороны руководить идейно-художественным направлением искусства в городе, сделать его более доступным широким рабочим массам, а с другой существуя на хозрасчете, на принципе самокупаемости, лавировать в условиях нэпа между всеми трудностями» [6, л. 39]. Развитию театрального дела в губернии мешало то непомерное количество налогов, которые вынуждены были платить театры. Приведем только некоторые из них: государственный налог, в пользу Красного Креста, за землю и строения, за право расклейки афиш, вершковый сбор с афиш. Отметим, что в Москве сбор с афиш «взимался в размере 2-х коп. зол. С каждого вершка, при чем афиши печатались в количестве 1000 штук, в то время как в Витебске не установлен сбор с каждого вершка 2½ коп. золотом при количестве афиш 60 штук» [7, л. 3об].

Формирование театральных организаций происходило не только в Витебске, но и в губернии. Подотделом искусств при губернском отделе просвещения проводилось обследование и инструктирование работников уездных исполкомов по вопросам театрального искусства.

Система театральных учреждений в уездах губернии состояла из народных, передвижных театров и театральных трупп любительского характера. Так, например, в Лепельском уезде в 1922 г. действовало 6 народных театров, в Невельском – 16.

Попытки создавать свои театры были в городах Городке, Лепеле, Сенно, Полоцке. Приведем пример создания театра в Городке. В этом уездном городе в 1918 г. действовали драматическая студия союза Коммунистического союза молодежи и еврейский драматический кружок. Лишь в июне 1920 г. в отдел народного образования поступило предложение организовать постоянную труппу, для этого в качестве театрального инструктора была привлечена «профессиональная артистка» Мария Васильевна Бахметова. Труппа была организована приказом № 55 по Городокскому уездному отделу народного образования от 28 сентября 1920 г. Состав труппы был следующий: Федор Моисеевич Рябчик (режиссер и актер), актеры Шекуто, Яковлева, Бахметова, Алексеева-Григорович, суфлер Боролайго и сценарист Крысяков. Уже в ноябре 1920 г. в Народном доме им. Ленина в г. Городок труппа представила свой первый спектакль – комедию А. Н. Островского

«Лес» [8, л. 95-96]. В 1921 г. Народный дом им. Ленина, как свидетельствуют архивные материалы, был переименован в городской театр (прим. – на основании отчетов отдела народного образования).

Развитие театров Витебской губернии шло параллельно с развитием органов цензуры и контроля за репертуаром. Еще в 1918 г., когда городской театр находился в ведении городского отдела коммунального хозяйства, была создана художественно-театральная комиссия при Витебском губисполкоме, «чтобы поставить на должную высоту... в репертуарном отношении» театральное дело в городе. Ярким примером работы комиссии и понимания, каким должен быть новый советский театр, служит статья сотрудника отдела коммунального хозяйства, члена театральной комиссии Я. Гольштейна в газете «Известия Витебского Губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов»; «театр не может остаться в стороне от общего революционного перерождения. Он должен стать вместо развлечения для богатых... источником света и красоты, воспитания и перевоспитания для широких слоев трудового народа... Наряду с пьесами, будящими в человеческом сердце общее чувство доброго и прекрасного, особое внимание должно быть обращено на постановку таких вещей, в которых с особенной яркостью были бы выражены идеи, вызывающие отвращение ко всякой форме порабощения человека и толкающие к стремлению в царство вечной и беспредельной свободы.» [9, л. 5об.]. Результатом новой театральной политики стало открытие нового сезона 1918 г. в городском театре пьесой А.В. Луначарского «Королевский бродячий».

Необходимо отметить, что даже на раннем этапе существования советского государства для управления театральным делом была характерна плановость и регламентация репертуара постановок. Так, Губернским отделом народного образования в 1919 г. был подготовлен список основного репертуара театров Витебской губернии, из которого режиссерские советы театров, выбирали пьесы для постановки. В частности, Витебский городской театр в зимнем сезоне 1919 г. предлагал зрителям пьесы «Дочь моря» Г. Ибсена, «Пигмалион» Б. Шоу, «Дети Ванюшина» С. А. Найденова, «Дамская война» Э. Скриба [5, л. 371].

После передачи театра в ведение губоно, «в целях борьбы с антихудожественными и идейно-бессознательными спектаклями, концертами и художественными вечерами» была создана художественно-контрольная комиссия без разрешения которой «не мог быть устроен ни один спектакль, концерт или художественный вечер» [10, л. 15.].

В уездах Витебской губернии допускались постановки театров и театральных трупп, которые имели разрешение губернского подотдела искусств и губернского отдела Всероссийского профсоюза работников искусств с репертуарами программ, утвержденными указанными учреждениями.

Витебский городской театр ездил с гастролями по губернии, помогал развитию театрального дела. Так, например, в июле 1920 г. он для местной публики представил в Городке четыре спектакля. В тоже время в Городке местными силами Народного Дома им. В.И. Ленина при участии артистов Витебского городского театра А.А. Сумарокова и В.Ф. Драга было поставлено два спектакля «Дядя Ваня» А. П. Чехова и «Без вины виноватые» А. Н. Островского [8, л. 96].

В 1921 г. было принято «Положение о театральной политике РСФСР» согласно которому, провозглашается, что театр – это «агитатор и пропагандист коммунистической идеологии, воспитатель нового человека, создатель нового бытового уклада. Нет театра – развлечения, есть театр – школа, театр – трибуна, яркий, художественный и сильный рупор идеологии и воли рабочего класса» [11, Л. 86об.].

В 1921 – 1922 гг. репертуар театров состоял из следующих пьес: «Холопы», «Дни нашей жизни», «Арлекин», «Касатка», «Мечта любви», «Незнакомец». [12, Л. 504–505.] (прим. – авторов пьес установить не удалось). Это только часть пьес, которые были разрешены к показу в театрах губернии.

Контроль за репертуаром витебских театров в 1921 – 1923 гг. проводили губполитпросвет и ГПУ. Как свидетельствуют архивные документы их действия, часто были несогласованными, поэтому в 1922 г. был создан «репертуарный совет», который состоял из представителя от «губполитпросвета, ГПУ, члена профсоюза работников искусств, культотдела губпрофсовета, правления художественных предприятий. Совет собирался не реже одного раза в месяц для утверждения репертуара театров. Для контроля над текущими постановками и зрелищами» из Совета выделялся президиум в количестве 3 человек. В последующем было принято решение о том, что предварительную цензуру будет проводить губоно, а дальнейшую – ГПУ.

В августе 1922 г. при отделе народного образования Витебского губисполкома был организован подотдел литературы и издательств (гублит), в задачи которого входили вопросы цензуры, предварительный просмотр всех театральных постановок и инспектура зрелищ.

В 1923 г. была принята инструкция о порядке Наркомпроса РСФСР о контроле за репертуаром театров по которой «ни одно произведение не может быть допущено к публичному исполнению или демонстрированию без разрешения Главного Комитета по контролю за репертуаром при Главлите или соответствующих местных органов». [5, л. 371] С этой целью при гублите в 1923 – 1924 гг. действовал репертуарный совет (комитет) подотдела литературы и издательств, который давал разрешение на постановку драматических и музыкальных пьес, а также показ кинофильмов. Такие же советы существовали при уездных политпросветах. Для просмотра репертуара пьес, предоставляемых уездными театрами при гублите 12 января 1924 г. была создана репертуарная тройка.

Заключение. Таким образом, процесс формирования системы управления театральными организациями Витебской губернии был достаточно коротким и непоследовательным. Проводился поиск лучших форм управления, за счет чего проводились бесконечные реорганизации в системе управления театрами: изначально театральное дело губернии находилось в руках губернского отдела народного образования, однако театральным делом в Витебске заведовал отдел городского хозяйства; далее были – Единое управление делами Витебских театров, Управление Художественных предприятий, Художественное отделение при Губполитпросвете. Органы управления театральными организациями имели большое значение в популяризации искусства, способствовали самоидентификации национальных меньшинств и развитию театральной культуры Витебской губернии. Система театральных учреждений в уездах губернии состояла из народных, передвижных театров и театральных трупп любительского характера. Развитие театров Витебской губернии шло параллельно с развитием органов цензуры и контроля за репертуаром. На протяжении 1918 – 1924 гг. действовали художественно-контрольная комиссия, репертуарные советы при губоно и гублите, функции которых включали предварительный просмотр всех театральных постановок и инспектуру зрелищ.

Список источников и литературы

1. Няфёд У.І. Гісторыя беларускага тэатра. – Мн.: Выш. Школа., 1982. – 543 с.
2. Тэатральная Беларусь: энцыклапедыя: у 2 т. / пад агул. рэд. А.В. Сабалеўскага. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2002 - 2003.
3. Котович Т.В. Театральная культура Витебщины XX века: монография / Т.В. Котович. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 180 с.
4. Котович Т.В. Режиссура ритуала: монография / Т.В. Котович. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 223 с.
5. Ширма В.Г. К вопросу о развитии театрального искусства Витебской губернии (1917 – 1924 гг.) // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы международной научно-теоретической конференции, Витебск, 19 – 20 апреля 2007 г.) / Ред. кол.: В.А.Космач (гл. ред. и др.). – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2007. – Ч. 1. – С. 370 – 372.
6. План работы угороно на II полугодие 1923/24 учебный год, месячные отчеты окрполитпросвета. // Учреждение Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 170. – Оп. 1. – Д. 337. – Л.39.
7. Протокол заседания репертуарного комитета Витебского губернского п/отдела литературы и издательств от 30 января 1924 г. о репертуаре Витебского губернского показательного театра, доклады и докладные записки о работе художественного и симфонического оркестра Витгубполитпросвета за 1923 – 1924 гг. // ГАВО. – Фонд 1319. – Оп. 1. – Д. 40. – Л.3об.
8. Ширма В.Г. Деятельность учреждений и организаций культуры Городокского уезда в 1918 – 1923 гг. // Гарадоччына ўчора, сёння, заўтра. Матэрыялы I Гарадоцкіх краянаўчых чытаньняў. 26 кастрычніка 2007 г./ Ред. кол.: А.М.Дорофеев (отв. ред. и др.). – Городок, 2008. – С. 93 – 101.
9. Известия Витебского Губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. 1918 г. // ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 27. – Л.5об.

10. Известия Витебского губвоенревкома, № 10 – 14, 16 –20, 23 –32, 34, 35. 1920 г. // ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 2. – Д. 53. – Л.15.
11. Основные положения Главполитпросвета РСФСР о театральной политике, протоколы общих собраний артистов и служащих рус. драматической студии в г. Минске, доклады о работе худ. Отдела Главполитпросвета БССР и театра рев. Сатиры, удостоверения сотрудников художественного отдела и заявления артистов о приеме на работу. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1048. – Л. 86об.
12. Отчеты о работе правления художественных предприятий Витгубполитпросвета за октябрь 1921 –сентябрь 1922; расходная месячная смета на приобретение газет и списки служащих учреждений, подведомственных политпросвету Витебской губернии. // ГАВО. – Фонд 1319. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 504 –505.

Формирование и развитие образовательного пространства в г. Витебске (1900-1914 гг.)

С.Г.Косарева

Учреждение образования «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»

После включения белорусских земель в состав Российской империи в качестве одного из направлений политики российского самодержавия в духовной сфере стало образование.

В данной статье рассматривается система учреждений образования в Витебске в начале XX в., так как здесь наиболее ярко воплотились черты, свойственные проводимой на белорусских землях российской политике культурного строительства.

В работе анализируются особенности образования и финансирования учебных заведений, правительственного контроля над содержанием и ходом учебно-воспитательного процесса, рассматривается проведение политики русификации в сфере народного просвещения.

Ключевые слова: образовательная политика, русификаторские процессы, полинациональная городская среда, образовательное пространство, начальное народное училище, церковно-приходская школа, гимназия, реальное и коммерческое училище, учительский институт, профессиональное образование.

Formation and development of educational space in the town of Vitebsk (1900-1914)

S.G. Kosareva

Vitebsk state academy of veterinary medicine

With the inclusion of Belarusian lands into the Russian Empire education became one of the orientations of Russian autocracy policy in spiritual sphere.

In the given article the system of educational institutions in Vitebsk at the beginning of the XX-th century is considered as the peculiarities of the Russian policy of cultural building adopted on the Belarusian lands were here most brightly embodied.

In the article features of the formation and financing of educational institutions, the governmental control over the maintenance and the course of teaching and educational process are analyzed, implementation of the policy of Russification in the sphere of the national education is examined.

Key words: educational policy, Russification processes, polynational urban surroundings, educational space, primary national specialized school, parish school, gymnasium, non-classical secondary school, commercial specialized school, teachers' college, vocational education.

Одним из направлений культурной политики правительства Российской империи на белорусских землях в пореформенное время становится образование. Вопросам его становления, содержательным аспектам обучения уделялось значительное внимание в исторических исследованиях. В дооктябрьский период данная тема рассматривалась с позиций официальной российской идеологии, где русский народ и культура выступали в качестве государствообразующих, а под понятие «русский» попадали и белорусы. В коллективной работе «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье» [1] отмечается об изменениях, произошедших в системе обучения и воспитания на белорусских землях уже во второй половине XIX века, связанных с усилением русского национального элемента. Развитие школьного дела и, в частности, начального образования, рост уровня грамотности, положение женского образования в Северо-Западном крае рассматривается в работе «Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Полное географическое описание нашего Отечества» [2]. Авторы придерживались официальной позиции и оставили вне поля зрения негативные аспекты образовательной политики российского правительства в белорусских губерниях.

События 1917 г. пробудили интерес к изучению национальной истории и культуры. Образовательная политика российского правительства на белорусских землях стала рассматриваться с позиций национального возрождения. Так, в работах М.Довнар-Запольского [3], В.Игнатовского [4] дана негативная оценка правительственных мероприятий в области образования. Специальные труды по истории просвещения Беларуси пореформенного периода появились в 1960-1980-е гг. В обобщающих работах «Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г.» [5], «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» [6], «Из истории школы Белоруссии и Литвы» [7] была определена нормативная база образовательной политики и показан процесс становления системы учреждений образования. Однако, несмотря на богатый аналитический материал, образовательные мероприятия правительства Российской империи рассматривались узко: оценивались лишь с классовых позиций.

В 1990-е гг. в отечественной историографии расширяется круг исследований и пересматриваются устаревшие концепции советской эпохи. Появляется большое количество работ, связанных с исследованием как отдельных аспектов образовательной политики на белорусских землях в конце XIX – начале XX веков, так и изучением культурного развития в целом. Так, в работах З.Шибeko [8] рассмотрен интеллектуальный потенциал городов Беларуси и их образовательные возможности. В комплексном исследовании «Гісторыя Беларусі. Том 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)» [9] описано и проанализировано развитие системы народного образования на белорусских землях в пореформенное время, однако за рамками исследований остался комплексный анализ российской образовательной политики в полинациональной среде белорусских городов, приведшей к развитию духовно-нравственного потенциала населения и, вследствие этого, складыванию элементов белорусской национальной культуры. Целью данной статьи является анализ основных направлений образовательной политики правительства Российской империи на примере становления системы образования в полинациональной городской среде Витебска в начале XX века.

Материал и методы. Источником для написания работы послужили материалы фондов Национального исторического архива Беларуси. Были проработаны документы

фондов Витебской городской управы (протоколы заседаний) и попечителя Виленского учебного округа (распоряжения, циркуляры). Существенным дополнением к архивным источникам послужили «Памятные книжки Витебской губернии», издававшиеся с 1860 по 1914 г. Данные издания характеризуются высокой степенью информативности, так как содержат разнообразные административные и справочные сведения: списки преподавателей учебных заведений, их адреса, сведения о службе и общественной деятельности. Значительную ценность для исследования представляют также «Обзоры Витебской губернии», которые издавались с 1885 по 1916 гг. Витебским губернским правлением. Здесь представлены справочные данные о количестве учебных заведений города и их деятельности. Были использованы статистические материалы в отношении грамотности жителей Витебска и наличия низших и средних учебных заведений, содержащиеся в первом томе сборника «Витебская старина». Сборник был подготовлен и издан А.П.Сапуновым. Интересные сведения об открытии учебных заведений города, о проведении различных торжеств содержатся в сборнике «Полоцко-Витебская старина», который издавался Витебской ученой архивной комиссией. Помимо этого были использованы материалы сборников обязательных постановлений и инструкций, изданных Витебской городской думой, разнообразная отчетная документация (сметы доходов и расходов города и т.д.) и материалы периодических изданий второй половины XIX – начала XX веков - газет «Витебские губернские ведомости», «Витебский голос» и «Витебский вестник». Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности, системный подход. Использовались общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез) и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Во второй половине XIX века в белорусских губерниях быстрыми темпами увеличивается количество начальных учреждений образования. В 1860–1880-е гг. большая часть их переходит к духовному ведомству. В церковно-приходских школах, учителя для которых готовились Синодом, детей обучали письму, четырем правилам арифметики и закону Божьему. В 1887 г. было основано Витебское Свято-Владимирское епархиальное братство, которое руководило подобными церковными начальными школами.

Качество обучения в церковно-приходских школах было невысоким, поэтому возникает необходимость в распространении иного типа учреждений начального образования. Так, в земских трехгодичных начальных школах обучением школьников занимались представители земской интеллигенции. Кроме обычных предметов, изучаемых в церковно-приходских школах, здесь преподавали историю, географию и природоведение.

Условия и особенности формирования массовой народной школы в России определяли «Положения о начальных народных училищах». В Виленском учебном округе, куда входила и Витебская губерния, развитие народного образования осуществлялось на основе особых «Временных правил» от 23 марта 1863 г. Согласно им на белорусских землях искусственно сужалась сеть учебных заведений, создавались преграды на пути открытия частных школ и обучения на родном языке. Существовали ограничения для населения неправославного вероисповедания при поступлении в учебные заведения (кроме низшей начальной ступени). В 1865 г. издается указ о преобразовании учебных заведений Виленского учебного округа: трехклассные начальные уездные училища становились двухклассными. В 1872 г. было издано «Положение о городских училищах», согласно которому уездные училища подлежали преобразованию в городские. Однако к началу XX века в Витебске продолжали

сосуществовать несколько типов начальных учебных заведений: городское четырехклассное училище, несколько приходских (в том числе духовное) и еврейских училищ. Отметим, что все они предназначались для мальчиков. Девочкам также предоставлялась возможность получить начальное образование либо в женской школе при приходском училище, в училище для девиц духовного звания и училище для бедных девиц, либо в частных одноклассных школах-пансионах. Девочки еврейского происхождения могли обучаться в казенном девичьем еврейском училище или на дому.

«Временные правила» для школ Северо-Западного края с небольшими изменениями сохранялись вплоть до 1917 г., однако реалии времени требовали подготовки все большего количества квалифицированных кадров. Общий уровень грамотности населения обеспечивала именно начальная школа. Правительство Российской империи в конце XIX – начале XX веков более всего финансировало образование в Витебской губернии, расходы на которую из расчета на одного человека превышали аналогичные затраты в Могилевской губернии в 2,5 раза. Это было обусловлено стремлением поставить в более выгодное положение губернию с самым высоким процентом русского населения во всем Северо-Западном крае. В Витебской губернии были одни из самых высоких темпов роста начальных школ [10, с. 19].

В период с 1900 по 1914 гг. количество начальных учреждений образования в Витебске значительно возросло. В 1913 г. в городе действовало 4 городских училища, 9 мужских начальных училищ и 2 еврейских училища для мальчиков, 1 женское епархиальное и 5 женских начальных училищ, 1 еврейская талмуд-тора и 2 детских сада [11, с. 7]. Среди низших городских учреждений образования следует отметить частное одноклассное училище для глухонемых детей, школы грамоты (для детей обоего пола) и начальные учебные заведения для взрослых: школу общества трудовой помощи, а также мужскую и женскую воскресные школы, открытые при 1-м и 2-м городских училищах. Условия работы в воскресной школе были тяжелыми: обычно в одной комнате размещались по две-три группы обучающихся [12, с. 3].

Несмотря на значительное количество начальных школ как для христиан, так и для евреев, возможность получить начальное образование в Витебске имело только около половины всех детей соответствующего возраста. Отсутствие денежных средств не позволяло открывать новые учебные заведения. Спрос на получение начального образования удовлетворялся путем открытия дополнительных отделений при уже существовавших приходских училищах [13, с. 478]. Органы городского самоуправления Витебска старались оказывать посильную финансовую помощь начальным учебным заведениям Министерства народного просвещения. Так, в 1903 г. Витебская городская дума одобрила предложение о предоставлении ежегодного пособия в размере 800 рублей на открытие нового городского трехклассного училища, а позднее постановила предоставить на эти цели кредит в размере 1500 рублей [14, л. 58]. Следует отметить, что низкий уровень обучения в начальных образовательных учреждениях был связан со слабой подготовкой учителей, нехваткой педагогических кадров, отсутствием необходимых учебных пособий, а иногда и помещений, а также бедностью городской казны. Кроме того, выпускники городских училищ не могли продолжать свое обучение в средних учебных заведениях. Ситуация изменилась в 1912 г.: согласно «Положению о высших начальных училищах» городские училища переименовывались в высшие начальные, было разрешено открытие женских высших начальных училищ, разрешался переход из них в среднюю школу после сдачи определенного дополнительного экзамена.

Таким образом, правительство Российской империи делало ставку на начальную школу с русским языком обучения. Именно она должна была укрепить учащихся в православной вере, воспитать уважение и преданность правящей династии. Открытие начальных училищ не требовало от руководства городов дополнительных усилий: городским властям необходимо было только обеспечить училища помещениями, все же остальное предоставляло Министерство просвещения. Города со скромными бюджетами могли позволить себе выделять на открытие низших начальных учреждений образования небольшие пособия. Населению иудейского вероисповедания было разрешено создавать свою структуру образовательных учреждений, которые также контролировались городскими властями.

Наиболее распространенными типами общеобразовательной средней школы являлись гимназия и реальное училище. Число гимназий резко возросло в начале XX века. В Витебске были открыты женская Алексеевская гимназия, частные женские гимназии А.А.Варвариной и К.М.Черновой, частная мужская гимназия И.Р.Неруша, еврейские прогимназии Д.С.Давыдовой и Р.Л.Хавкиной. Прогимназии являлись самостоятельными учебными заведениями и имели право проводить экзамены на звание приходского учителя. Правительственные гимназии содержались за счет небольших дотаций из государственной казны, сумм, выделенных городскими органами управления, платы за обучение и добровольных пожертвований. Частные гимназии и прогимназии подчинялись распоряжениям местного учебного округа и придерживались государственных программ обучения. Содержались они в основном за счет платы за обучение, однако им выделялись и небольшие правительственные субсидии.

Гимназии по-прежнему сохраняли свою сословную обособленность (обучение преимущественно детей дворян православного вероисповедания), однако появлялись некоторые элементы демократизации. Так, в Александровской гимназии Витебска, старейшем учебном заведении города, в конце XIX века обучались, кроме православных, католики и протестанты, а дети мещан составляли около 30 % учащихся [15, с. 7-8]. В женской гимназии, основанной в 1870 г., в основных классах учились преимущественно дочери дворян православного вероисповедания, а на вечернем отделении – мещан-иудеев.

Содержание обучения в гимназиях соответствовало общероссийскому положению. В них преподавались Закон Божий, русский язык, история, география, природоведение, математика, физика, древние и иностранные языки, а также в мужских гимназиях – философия, политические науки и обучение приемам военной службы, в женских – педагогика, рукоделие и пение. Директор гимназии, инспекторы гимназий и прогимназий избирались попечителем учебного округа и утверждались в должностях: первый – министром народного просвещения, последние – попечителем учебного округа [16, с. 13]. В средних учебных заведениях Витебска работало много опытных педагогов, привлеченных сюда не только имеющимися в городе широкими экономическими перспективами, но и активной культурной жизнью. Следует отметить, что в преподавательский состав Александровской гимназии Витебска во второй половине XIX – начале XX веков входили известные ученые и общественные деятели: А.П.Сапунов, В.К.Стукалич, И.П.Трутнев, Н.Я.Никифоровский, М.В.Анцев, З.П.Осипов, и др. Благодаря их исследованиям истории и культурной жизни Северо-Западного края и, в частности, Витебщины и творческой педагогической деятельности стало возможным распространение высокого уровня образованности среди населения города.

В 1911 г. открывается Витебское реальное училище, обучение в котором было рассчитано на приспособление к нуждам и запросам промышленности и торговли. Здесь особое внимание уделялось естественным и точным наукам. Разновидностью реальных училищ были коммерческие училища. Они создавались в основном на средства торговой и промышленной буржуазии. Витебск был абсолютным лидером по численности купечества Беларуси: тут проживало почти 12 % этого сословия. В городе имелось несколько коммерческих училищ. Количество учащихся в данных учебных заведениях было значительным: только в одном училище Грекова обучалось 292 человека [17, с. 3]. Следует отметить, что женское профессиональное образование чаще всего получали девушки мещанского происхождения. На звание народной учительницы экзаменовались главным образом девушки православного вероисповедания. Однако в коммерческих и ремесленных учебных заведениях Витебска удельный вес евреек, по сравнению с женщинами других национальностей, был значительно выше [18, с. 39].

Вопросы о развитии профессионального образования неоднократно обсуждались на заседаниях Витебского губернского земства. С начала XX в. расширяется сеть низших профессиональных учебных заведений, в которых появилась возможность продолжить образование тем, кто окончил начальные училища. Кроме обучения профессиям в них изучались и общеобразовательные предметы. При городских училищах открывались профессиональные курсы и классы (бухгалтерские, почтово-телеграфные, учительские и др.). В Витебске действует низшее мужское железнодорожное училище и обучение при трамвайном депо. Городские общественные организации также оказывают посильную помощь в становлении и развитии системы низшего профессионального образования. Так, в 1913 г. Витебское общество трудовой помощи открывает женскую профессиональную школу на 20 человек [19, с. 4].

Подготовка специалистов с высшим образованием в Российской империи сводилась, прежде всего, к обслуживанию нужд государственного аппарата, а затем к деятельности в народном хозяйстве. Для государственного управления готовились в основном дети дворян, выходцы из других слоев – для работы на производстве. Однако в пореформенный период ситуация постепенно стала меняться. Необходимость открытия высшего учебного заведения в Витебской губернии в начале XX века диктовалась потребностями постоянно растущей сети учебных заведений. Витебская городская дума, общественные деятели и организации неоднократно поднимали вопрос перед Министерством народного просвещения об открытии в городе университета или технического института. В 1908 г. Витебская дума ходатайствовала об открытии в городе учительского института, который начинает свою работу 1 июля 1910 г. Директором был назначен К.И.Тихомиров [20]. Выпускники института получали неполное высшее образование и могли преподавать в высших начальных училищах. Принимались сюда мужчины православного вероисповедания всех сословий, окончившие учительскую семинарию и имевшие двухгодичный стаж педагогической практики. Выпускники духовных семинарий и гимназий зачислялись в учительский институт без экзаменов. Срок обучения в институте составлял три года. Учебный процесс был организован по учебному плану и программам, утвержденным Министерством народного просвещения. В 1913 г. состоялся первый выпуск воспитанников учительского института, которые стали преподавателями в высших начальных училищах в городах Витебской губернии.

В 1911 г. по инициативе Витебской ученой архивной комиссии в городе был открыт Витебский филиал Московского археологического института, где велась подготовка археологов и архивистов.

Заключение. В становлении и развитии системы образования в полинациональной городской среде Витебска во второй половине XIX – начале XX вв. проявились черты, свойственные всей культурной политике правительства Российской империи в сфере образования в отношении белорусских городов. Российское самодержавие делало ставку на русскую школу, удобную с точки зрения контроля за воспитательным и образовательным процессами. Однако русификаторские процессы проходили не столь интенсивно и стремительно, как намечалось российским правительством. Во-первых, сказывалась нехватка денежных средств как в Министерстве просвещения, так и в городской казне. Во-вторых, большинство населения составляли евреи, имеющие свою систему учреждений образования, поддерживающую жизнеспособность еврейской культуры. В-третьих, в Витебске православное население в основном было представлено русскими, большинство же городской интеллигенции составляли русские и поляки, поэтому русификация приводила к русско-польскому противостоянию, а белорусский этнический элемент практически не учитывался, а поэтому и не затрагивался. Тем не менее, распространение грамотности среди горожан, поддержка российских ученых и общественных деятелей способствовали развитию духовного потенциала витеблян и повышению уровня образованности населения.

Литература

1. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: Репринтное воспроизведение издания 1882. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. – 550 с.
2. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Полное географическое описание нашего Отечества / сост.: В.П.Семенов (Тян-Шанский) [и др.]. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 456 с.
3. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В.Доўнар-Запольскі. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. – 510 с.
4. Ігнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX стагоддзя: Лекцыі, чытання студэнтам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту / У.Ігнатоўскі. – Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1928. – 252 с.
5. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі са старажытных часоў да 1917 г. / М.А.Ткачоў [і інш.]; пад. рэд. М.А.Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
6. Нарысы гісторыі асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / С.А.Умрэйка [і інш.]; гал. рэд. С.А.Умрэйка. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 241 с.
7. Из истории школы Белоруссии и Литвы: сб. науч. трудов / Институт теории и истории педагогики; отв. ред. В.З.Смирнов. – Москва: Издательство «Просвещение», 1964. – 323 с.
8. Шыбека, З.В. Гароды Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзя) / З.В.Шыбека. – Мінск: Эўрафорум, 1997. – 189 с.

9. Гісторыя Беларусі ў 6 т. / рэд. кал.: М.Касцюк [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000-2006. – Т.4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XXст.) / М.Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
10. Снапкоўская, С.В. Ля вытокаў нацыянальнай педагогікі: 3 гісторыі школы і педагогічнай думкі Беларусі канца XIX – пачатку XX ст. / С.В.Снапкоўская. – Мінск: Народная асвета, 1995. – 128 с.
11. Новый путеводитель по городу Витебску на 1913 г. / сост. Д.Я.Терпигорев. – Витебск: Губернская типография, 1913. – 84 с.
12. Местная хроника // Витебский голос. – 1906. - № 225. – С. 3
13. Народное образование в Виленском Учебном округе. Приложение к Циркуляру по Виленскому Учебному округу. Восьмой год издания. – Вильна: Электро-типография «Русский почин», 1908. - № 11. – С. 477-479
14. Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 76. Книга записи постановлений городской думы за 1901-1906 гг.
15. Подлипский, А. Витебская Александровская гимназия (1801-1918). Страницы истории и ученики / А.Подлипский. – Витебск: Витебская областная типография, 1994. – 66 с.
16. Дореволюционная гимназия: содержание и организация обучения / сост. М.В.Богуславский. – Москва: Центр «Педагогический поиск», 2000. – 160 с.
17. Местная хроника // Витебский голос. – 1906. - № 199. – С. 3
18. Новік, Н. Жаночая прафесійная адукацыя на Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / Н.Новік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - № 5. – С. 34-39
19. Из жизни губернии // Витебский вестник. – 1913. - № 1. – С. 4
20. Открытие Витебского учительского института // Полоцко-Витебская старина: Издание Витебской ученой архивной комиссии. Кн. 1. – Витебск: Типография Насл. М.Б.Неймана, 1911. – 255 с.

Сведения об авторе:

Косарева Светлана Геннадьевна

Старший преподаватель кафедры экономической теории и истории
УО «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»

Аспирантка кафедры истории Беларуси по специальности
07.00.02 – Отечественная история (заочная форма обучения)

Моб. тел. (044) 783 73 48 velcom
e-mail: kosareva.svetlana2010@yandex.ru

Строительство жилья хозяйственным способом в БССР (1957 – 1960-е гг.)

М.Ю. Зинченко

Белорусский государственный университет

В статье анализируется проблема возведения жилья хозяйственным способом в городах БССР. Выявлены и описаны основные этапы данного процесса, подробно рассмотрен механизм осуществления инициативного строительства, обеспеченность ресурсами, типы возводимых жилых домов. Раскрыта специфика и роль данного вида жилищного строительства, указаны его объемы, место и значение в обеспечении населения жильем в контексте государственной жилищной политики. На конкретных примерах рассматриваются успехи и трудности, возникавшие в процессе осуществления строительства жилья методом народной стройки.

Ключевые слова: государственная жилищная политика, характеристика жилого фонда, хозяйственный способ жилищного строительства, города БССР.

House construction by household method in the cities of BSSR (1957 – 1960-ies)

M.U. Zinchenko

Belarusian State University

The article analyses the problem of construction by household method in the cities of BSSR. The author describes the main stages of this process, the mechanism of its realization, resources securing, and type of the houses built with help of this method. The article highlights specific character and role of this form of housing construction, indicates its volume, place and significance in the dwelling provision in the context of state housing policy. The progress and hardship of construction by household method are considered in concrete examples.

Keywords: state housing policy, characteristic of housing, household method of house building, the cities of BSSR.

Статья посвящена рассмотрению причин и обстоятельств возникновения в городах БССР строительства жилья методом «народной стройки». Целью работы является описание системы ввода жилой площади хозяйственным способом, выявление роли и значения этого механизма в обеспечении городского населения жильем. Поставленная цель реализуется посредством решения следующих задач: проведение анализа нормативно-правового регулирования строительства хозяйственным методом, рассмотрение его организационной и материальной базы, динамики развития, а также достижений и трудностей, возникавших в процессе его осуществления.

Материал и методы. Объектом исследования выступает жилищное строительство, осуществлявшееся хозяйственным способом в городах БССР в конце 1950-х – конце 1970-х гг.

В процессе подготовки работы использовались как общенаучные методы исследования, в частности индуктивный и дедуктивный, так и специфические исторические методы как-то: историко-сравнительный, историко-типологический и историко-генетический.

Проблема жилищного строительства хозяйственным способом в исторической литературе рассматривается фрагментарно, преимущественно в контексте анализа благосостояния и уровня жизни рабочего класса. В комплексных трудах по отечественной истории проблема инициативного строительства как таковая вообще не затрагивается. Некоторые аспекты данной темы анализируются в монографии Козловской А. Е. «Рост материального благосостояния рабочего класса БССР, 1946-1970 гг.». Ряд вопросов, касающихся проблемы инициативного строительства, нашел отражение в

советской публицистической литературе, в информационных изданиях Белорусского совета профсоюзов. Достоинством данных работ является наличие обширного фактологического материала, но основное внимание в них сосредоточено на положительных сторонах рассматриваемого явления. Кроме того, эти работы носят преимущественно описательный характер, им свойственна поверхностность и одноплановость анализа.

Более полно изучить избранную тему позволяет использование материалов фондов Национального архива Республики Беларусь. В частности фонда № 265 Белорусского республиканского совета профессиональных союзов, а именно его жилищно-бытового отдела. Документы отдела содержат много ценной информации. Наиболее репрезентативными являются материалы о ходе жилищного строительства, о работе по улучшению жилищных условий населения, об итогах выполнения плана жилищного строительства, контроле за осуществлением жилищного строительства, представленные постановлениями и приказами, справками, отчетами и показателями. Разнообразные сведения по рассматриваемой проблеме представлены также в материалах фонда № 4 отдела строительства и городского хозяйства Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии. Документы отдела представлены в основном справками, письмами, информацией, докладными записками партийных органов, министерств и ведомств.

Результаты и их обсуждение.

Сущность и становление хозяйственного механизма строительства жилья

Жилищное строительство хозяйственным способом предполагало использование внутренних материальных и людских ресурсов предприятий и организаций для обеспечения работников этих предприятий жильем. Оформилось и получило широкую общественную известность это направление обеспечения жильем на Горьковском автомобильном заводе, где в 1956 г. 24 застройщика из числа рабочих и служащих завода непосредственно сами из строительных материалов изыскиваемых на производстве построили 18 жилых домов, в которых по завершению строительства квартиры получили их семьи. [1, с. 7]

Такое жилищное строительство предполагало изыскание на строительство жилья средств, не предусмотренных в рамках государственного планирования. Руководство республики поддержало эту инициативу, так как в условиях послевоенного жилищного кризиса вопрос обеспечения населения жильем стоял в БССР чрезвычайно остро. Жилой фонд городов БССР во время Великой Отечественной войны был разрушен на 70-80 %. Кроме того, происходил быстрый рост численности горожан: с 1950 г. по 1960 г. городское население увеличилось на 62 %. [2, с. 3; 3, с. 78] Исходя из этого, развертывание инициативного строительства стало одним из важнейших способов ввода жилой площади, в которой так нуждались граждане. А в условиях ограниченности ресурсов, когда средства государственного бюджета направлялись в первую очередь на восстановление и развитие промышленности, объемы жилья, возводимого за счет прямых целевых государственных капиталовложений, не всегда могли обеспечить даже минимальный уровень потребностей населения. На подавляющем большинстве предприятий республики проблема обеспечения персонала жильем также стояла остро. К примеру, на Минском тракторном заводе в рассматриваемый период 4000 семей крайне нуждались в жилье, 535 семей – жили в бараках. На Витебском ковровом комбинате ожидали получения жилья 400 человек. [4, с. 8; 3, с. 84]

Заинтересованность властных структур в повсеместном распространении практики инициативного строительства нашла закономерное отражение в нормативно-правовой базе. В постановлении ЦК КПБ и СМ БССР «О развитии жилищного строительства в Белорусской ССР» от 1957 г. одобрялся почин рабочих Горьковского автозавода и была поставлена задача оказывать содействие широкому развитию жилищного строительства силами промышленных предприятий. Ставилась задача - строительство жилья методом народной стройки вести в больших или меньших размерах на всех предприятиях республики.

Организация и осуществление инициативного жилищного строительства в городах БССР

Согласно принятым решениям в республике развернулось строительство жилья хозяйственным способом. На многих предприятиях были созданы советы (или комиссии) содействия самодеятельному жилищному строительству с секциями по профилю работ. В составе совета на Минском тракторном заводе (МТЗ) работали инженерно-строительная, материально-технического снабжения, финансово-экономическая, механизации, автодорожная секции, а в аналогичном совете Гомельского деревообрабатывающего комбината - секции по архитектурно-техническим, финансовым вопросам, материально-технического снабжения, организации труда и механизации

строительных работ. Кроме того, группа работников МТЗ предварительно изучила опыт организации и проведения самодеятельного строительства на Горьковском автозаводе.

В строительные бригады включались главным образом будущие новоселы и их семьи, но в строительстве домов в той или иной мере принимал участие весь коллектив предприятия. Для подготовки рабочих к выполнению строительных работ на МТЗ, например, были организованы 2-х-месячные курсы без отрыва от производства. В выходные дни на многих предприятиях устраивались воскресники для помощи инициативному строительству. На Оршанском льнокомбинате для выполнения наиболее ответственных работ была приглашена бригада из квалифицированных строителей. При этом все рабочие комбината взяли обязательство отработать на стройке не менее 2-х рабочих дней.

Отбор кандидатов в застройщики осуществлялся на собраниях коллективов предприятий. В большинстве случаев специальные комиссии крупных структурных подразделений предприятия выдвигали кандидатуры застройщиков - будущих жильцов, которые обсуждались и утверждались на общих собраниях рабочего коллектива. Если потенциал предприятия позволял, как например, у МТЗ, то к участию в строительстве принимались все желающие улучшить свои жилищные условия, при этом приоритетное право имели работники вообще не имевшие жилой площади и в ней нуждавшиеся. На Гомельском деревообрабатывающем комбинате, где желающих принять участие в строительстве часто оказывалось больше, чем требовалось, принимались лишь те, кто остро нуждался в жилой площади, при этом учитывалась их производственная и общественная деятельность. На этом предприятии фабричный комитет вместе с дирекцией комбината после проверки жилищных условий рабочих определял, кому из нуждающихся необходимо в первую очередь предоставить квартиры и закреплял за ними строящиеся хозяйственным способом дома.

На предприятиях в основном финансирование строительства осуществлялось за счет фонда предприятий и фонда ширпотреба. Дополнительные средства на строительство, как правило, изыскивались посредством развертывания социалистического соревнования за рентабельную работу предприятий, а также за счет получения сверхплановой прибыли. Так, на Минском тракторном заводе за счет ликвидации потерь на производстве, резкого уменьшения брака в металлургических цехах и сокращения потерь деталей в незавершенном производстве за год удалось сэкономить средства, достаточные для постройки 5 тысяч кв. м. жилплощади. [4, с. 8]

В вопросах обеспечения строительными материалами небольшие предприятия были вынуждены рассчитывать на помощь других организаций или местной администрации, крупные же заводы сами создавали для своего жилищного строительства необходимую материально-техническую базу. Минский тракторный завод на специально оборудованном для этих целей полигоне изготавливал стеновые шлакоблоки, что позволяло не приобретать дефицитный кирпич. На «Гомсельмаше» из отходов основного производства также в полевых условиях выпускались крупные блоки для строительства стен. Построенный там полигон производил за сутки необходимое для строительства одного дома количество блоков, при том, что каждый шлакоблок заменял 250-300 кирпичей. Это позволило предприятию за несколько месяцев 1957 г. построить двадцать три двухквартирных дома, а в 1958 г. - девять 16-квартирных домов. [4, с. 16] Добрушская бумажная фабрика для обеспечения своего инициативного строительства материалами организовала шефство над близ лежащим кирпичным заводом, помогла ему механизировать производство. Полученный в результате этого сверхпланово произведенный кирпич был использован при строительстве домов. Такие же взаимоотношения были установлены с известковым заводом. Заготовка лесоматериалов была организована силами коллектива. Отдельные строительные материалы были выделены фабрике из фондов Витебским горисполкомом за счет перевыполнения планов предприятиями местной промышленности. Рабочие предприятий, осуществлявших жилищное строительство хозяйственным способом, максимально использовали в строительстве отходы производства. На МТЗ камни для закладки фундаментов были собраны рабочими цехов на свалках, отвалах, колхозных полях и в старых фундаментах. Водопроводные трубы были сварены из металла, оставшегося после завершения основного производственного процесса. В подразделениях железной дороги лесоматериалы изыскивались за счет использования досок, снятых с ремонтируемых вагонов. Работники предприятий в свободное время заготавливали лесоматериалы на отведенных им для этого участках и обеспечивали их доставку на строительные площадки. Оршанское отделение железной дороги использовало кирпич из разрушенных во время войны зданий. Крыши домов, строившихся рабочими Добрушской бумажной фабрики, изготавливались из отходов производства - просмоленной

товарной дощечки. Для лучшего обеспечения инициативного строительства материалами признавалось необходимым построить в республике 60 кирпично-черепичных заводов малой мощности, в том числе Совнахозу БССР – 50 заводов и Главстрою БССР – 10. [5, с. 95]

Первоначально на большинстве предприятий строились двухэтажные кирпичные дома и одноэтажные деревянные дома: 2-х - 16-ти квартирные с малометражными квартирами с центральным либо печным отоплением. В 1957 г. 75% возводимых хозяйственным способом жилых домов были одноэтажными. Однако строительство одноэтажных 1-2-х квартирных домов было невыгодным вариантом с экономической точки зрения, так как приводило большому расходу пригодных для застройки территорий, к удорожанию строительства, как самих домов, так и инженерного их благоустройства. Это было отмечено в 1958 г. в научно-техническом совещании по обобщению опыта строительства домов своими силами в г. Горьком, где было признано необходимым отказаться от одноэтажной застройки и вести строительство 3-4-х этажных домов, где это обеспечено материально-технической базой, а во всех остальных случаях 2-х этажных. Застройку рекомендовалось вести районами с 2-3-х этажными домами по специально разработанным для такого вида строительства типовым проектам. [6, л. 138]

Результаты, достижения и трудности самодеятельного жилищного строительства

Необходимо констатировать, что возведения жилья хозяйственным способом играло довольно значительную роль в обеспечении городского населения в период с конца 1950-х по 1960-е гг. Так только за 1957 г. методом народной стройки в республике было построено 100 тысяч кв. м. жилья. В крупнейших городах было построено по линии самодеятельного более 700 домов с общим количеством квартир - 3000 (90 тыс. кв. м.) Многие предприятия добивались в возведении жилья хозяйственным способом довольно значимых результатов. Однако в целом из 2240 предприятий БССР строительство жилья методом народной стройки вели только 500, хотя потенциальные возможности для организации такого строительства имелись и на многих других предприятиях. [7, л. 4; 8, с. 5] Серьезным препятствием в организации инициативного строительства являлось отсутствие или недостаток собственных средств, затруднения в обеспечении строительных площадок многими материалами. В решении этих вопросов необходима была помощь ряда республиканских министерств. Обращения же предприятий в вышестоящие организации не давали зачастую положительных результатов. Руководители предприятий часто отмечали отсутствие поддержки со стороны профильных министерств. Исходя из этого, партийные и советские структуры неоднократно предписывали Совнархозу БССР повысить ответственность отраслевых управлений за оказание помощи в развитии строительства жилья методом народной стройки, особенно в части выделения для этих целей строительных материалов, обеспечения строительной техникой и транспортом.

В 1958 г. по республике было введено методом народной стройки около 250 тысяч кв. м. жилой площади, но выполнение этой задачи было весьма напряженным. Фактически за 8 месяцев 1958 г. было введено только 18 % от годового объема планируемой жилой площади. [5, с. 95] В 1960 г. было построено более 160 тысяч кв. м. жилья. В г. Минске за 1959 г. было выстроено и сдано в эксплуатацию более 36 тысяч кв. м. жилья. В БССР за счет внутренних резервов осуществляли строительство жилья около 600 предприятий и организации. [9, л. 144; 10, л. 8, 156]

В последующий период объем инициативного жилищного строительства несколько сокращался, на что повлияли следующие обстоятельства. Во-первых, к концу 1960-х гг. вследствие значительного увеличения государственных капиталовложений в жилищное строительство многие рабочие и служащие получили квартиры, во-вторых, часть населения вступила в жилищно-строительные кооперативы. В-третьих, упорядочена была организационная структура и расширена материально-техническая база строительных организаций, что позволило им увеличить объемы, повысить качество и ускорить темпы государственного жилищного строительства. Но некоторые крупные предприятия продолжали возводить жилье для своих рабочих хозяйственным способом, так как имели большой положительный опыт и хорошо отлаженный механизм его осуществления. Так, например, в 1967 г. на МТЗ с трудовым участием рабочих строилось пять 60-квартирных домов, а в 1968 г. было заложено еще три дома. [7, л. 5] Так, малометражный 40-квартирный дом был построен на МТЗ за 6 месяцев и стоил 673 тысяч рублей, а у треста № 9 строился 13 месяцев и стоил 1100 тысяч рублей. При сметной стоимости одного дома в 58 тысяч рублей, при возведении его силами Оршанского льнокомбината фактическая стоимость составила 28-30 тысяч рублей. [11, с. 7]

К крупным же недостаткам в инициативном строительстве следует отнести недостаточную степень благоустроенности районов застройки, недостаточный технический контроль за

строительством, невысокое в целом качество возведенного жилья. В этом плане показателен следующий пример. В 1957-1958 гг. несколькими строительными организациями и промышленными предприятиями г. Минска был сдан поселок, в котором было построено методом народной стройки и заселено 25 жилых домов на 214 квартир с жилой площадью 5282 кв. м. В стадии строительства на тот момент находилось еще 23 домов на 218 квартир с жилой площадью 5310 кв. м. В этом поселке в районе «Зеленый луг» проживало к указанному времени 1000 человек. При достаточно серьезных масштабах и значении этого жилого массива многие дома заселялись без надлежащего оформления необходимых документов, с большим количеством недоделок, без подключения водопроводных, канализационных, электрических сетей, радио и телевиденья. В поселке не было продовольственных магазинов. Руководители предприятий не реагировали на многочисленные жалобы населения поселка. Только после вмешательства отдела строительства при ЦК КПБ в поселке была организована торговля продовольственными товарами в автолавках, регулярное автобусное сообщение с городом, установлен телефон-автомат, проведена радиофикация домов, организовано озеленение территорий дворов с участием жителей. [12, л. 24 -25]

Также значительной проблемой в инициативном строительстве следует признать формализм и бюрократические проволочки по отношению к предприятиям, желавшим вести такое жилищное строительство со стороны административно-территориальных органов управления. Не всегда своевременно и оперативно решались и другие важные вопросы: медленно отводились земельные участки под строительство, а проектные организации не всегда своевременно разрабатывали и утверждались типовые проекты домов для инициативного строительства.

Часто возникали конфликты и по поводу распределения жилья, построенного методом народной стройки. Так, на минском часовом заводе было неправильно изъято местным исполкомом 25 % жилой площади (для демобилизованных офицеров) в 40-квартирном жилом доме, построенном с трудовым участием коллектива. Застройщик должен был отработать 800 часов – на строительстве 2-х комнатной квартиры, а на строительстве однокомнатной – 600 часов. Такие ситуации были возможны, так как вопрос порядка распределения жилья, построенного с трудовым участием населения, получил освещение в законодательстве с значительным опозданием. Согласно принятым нормам, вся жилая площадь предприятий и организации, построенная за счет средств сверхплановой прибыли и сверхплановой экономии, использованных дополнительно сверх отчисленных в фонд предприятия сумм, а также за счет других средств предприятий и организации, которые в соответствии с законодательством могут направлять на жилищное строительство, подлежит заселению только рабочими-застройщиками. Такая жилая площадь не подлежала передаче исполкомам местных советов, а также выделению министерству обороны. [13, л. 225]

Заключение. Таким образом, в условиях бурного послевоенного развития городов и значительного увеличения численности их населения, а как следствие этих процессов катастрофической нехватки жилья, хозяйственный механизм обеспечения жильем рабочих предприятий внес серьезный вклад (особенно в конце 1950-х – 1960-х гг.) в решение жилищной проблемы городского населения БССР. В рассматриваемый период государственных плановых капиталовложений, отводимых на жилищное строительство, не хватало, что вынуждало властные структуры, с одной стороны, и общество, с другой стороны, искать варианты обеспечения динамично возрастающего населения индустриальных центров республики жильем. Данный вид ввода жилья имел большое социальное значение как для каждого новосела, так и для предприятия, так как обеспечивал им кадровую стабильность. Хозяйственный механизм позволял выявить и направить на решение одной из самых острых проблем – жилищной все возможные ресурсы предприятия и коллектива. Однако его повсеместное, часто директивное и необоснованное насаждение, особенно на предприятиях не имевших объективных возможностей для организации жилищного строительства своими силами, имело противоположенный результат, нашедшей отражение в низком качестве вводимого жилья и медленных темпах строительства.

До 1960 г. только в областных городах было построено 1067 домов на 16657 квартир с общей жилой площадью 450,6 тысяч кв. м. В целом в 1960-х гг. в БССР строилось хозяйственным способом около 100-120 тысяч кв. м. жилья в год. Так данный вид жилищного строительства при значительной роли по объему ввода в эксплуатацию жилой площади, имел существенные качественные организационные недостатки. Постепенно с расширением государственного жилищного строительства и развитием института жилищно-строительной кооперации, объем и значение ввода в эксплуатацию жилья методом народной стройки снижается. Хотя при этом на протяжении 1970-х гг.

некоторые предприятия использовали этот метод строительства жилья для своих рабочих и служащих.

Литература

1. Кулешов, Н. А. На площадках народных строек опыт возведения жилых зданий силами трудящихся / Н. А. Кулешов. - М.: Знание, 1957. - 40 с.
2. Жилищное строительство в Белорусской ССР. – Минск: б/и, 1972. - 13 с.
3. Козловская, А. Е. Рост материального благосостояния рабочего класса БССР, 1946-1970 / А.Е. Козловская; под ред. В.А. Полуяна. – Минск: наука и техника, 1987. – 195 с.
4. Народная инициатива строительства жилья / Бел. респ. Совет профсоюзов. - Мн.: б/и, 1958. – 37 с.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 5. 1956 – 1965 гг. / Ин-т истории партии при ЦК КПСС; под общ. ред. Г. Г. Бартошевича (пред. редкол.) [и др] – Мн.: Беларусь, 1986. – 598 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Фонд 265.- Оп. 9. - Д. 99. Материалы о работе по улучшению жилищно-бытового обслуживания населения и состоянии общественного контроля за работой бытовых предприятий за 1960-1961 гг.
7. НАРБ. Фонд 4. - Оп. 35. – Д. 268. Справки по вопросам строительства в республике.
8. Народная инициатива строительства жилья (сборник материалов из опыта жилищного строительства своими силами в Белоруссии).- Мн. Изд. «звезда», 1958.- 37 с.
9. НАРБ. Фонд 4. – Оп. 35. – Д. 270. Справки отдела и партийных органов о ходе выполнения постановлений ЦК КПБ, благоустройстве городов, ходе строительства жилых объектов и переписка с Министерством коммунального хозяйства по вопросу жилищного строительства и объектам энергосистем.
10. НАРБ. Фонд 265. - Оп 9. - Д. 105. Материалы по усилению общественного контроля за ходом и качеством жилищного и культурно-бытового строительства в БССР за 1960 г.
11. Лебедев С. М. Опыт жилищного строительства методом народной стройки (гор. Гомель) / С. М. Лебедев, В. Б. Иванов. – Мн.: Государственное издательства БССР, 1958. - 51 с.
12. НАРБ. Фонд 4. - Оп 35. - Д. 289. Справки отдела и партийных органов Белоруссии по письмам трудящихся.
13. НАРБ. Фонд 265. - Оп. 9. – Д. 765. Справки, информации, сведения Белсовпрофа о состоянии и улучшении жилищно-бытовых условий трудящихся.

Сведения об авторе:

Зинченко Марина Юрьевна

Ответственность как философская категория

Э.И. Рудковский

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

В статье уделено внимание соотношению свободы и ответственности личности. Социальная ответственность рассматривается как философская категория – категория философской антропологии. Дан анализ содержания и структуры социальной ответственности, выделены различные уровни свободы: эмпирико-теоретический и антрополого-бытийный. Показано соотношение социальной ответственности и других видов ответственности, а также негативного и позитивного ее аспектов. Раскрыта диалектическая связь между субъектом и инстанцией ответственности, конкретный характер ее меры. Автор приходит к выводу, что деятельность человека не может протекать безотносительно к содержанию его внутреннего мира. Чтобы стать свободным, человек должен приобрести соответствующие внешним условиям внутренние качества, важнейшим из которых является ответственность. От степени развития сознания и чувства ответственности зависит направленность к динамизму деятельности, процесс раскрытия творческого потенциала личности.

Ключевые слова: *свобода, ответственность, необходимость, социальная активность, виды ответственности, субъект и объект ответственности.*

Responsibility as philosophical category

E.J.Rudkovsky

Establishment of education «Vitebsk state university named after P.M.Masherov»

The article deals with the correlation between freedom and responsibility of the personality. Social responsibility is considered as a philosophical category - the category of philosophical anthropology. The article also analyzes the contents and the structure of social responsibility, different levels of freedom are singled out: empirical and theoretical as well as anthropological and existential. Correlation of social responsibility and

other types of responsibility is shown as well as its negative and positive aspects. Dialectical link between the subject and the instance of responsibility is disclosed as well as the definite character of its measure. The author concludes that the activity of the man can not occur regardless the content of his inner world. To become free the man has to acquire inner qualities which would correspond the outer circumstances, most important of these inner qualities being responsibility. The degree of the development of consciousness and the feeling of responsibility determine the directions and dynamics of the activity as well as the process of disclosing creative potential of the personality.

Keywords: *freedom, responsibility, necessity, social activity, types of responsibility, subject and object of responsibility*

Важнейшей философской категорией, выражающей сущность человека и его существование, является свобода. Ни одна философская проблема не приобретала в истории человеческой мысли столь большого теоретического и социального значения, как проблема свободы. И это понятно, ибо она затрагивает самым непосредственным образом сознание и деятельность каждого человека. Без свободы личности человек был бы всего лишь биологической особью. Другими словами, свобода – это родовой признак человека.

На протяжении многих веков философы бились над разрешением вопроса о свободе, необходимости и ответственности, который «...как сфинкс говорил каждому из таких мыслителей: разгадай меня, или я пожру твою систему» [1]. Цель данной статьи – анализ содержания ответственности как философской категории. Ответственность иногда рассматривается как категория этики и правопедения. К примеру, в новейший философский словарь (Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998) такая категория не включена.

Материал и методы. При исследовании проблемы использованы методы единства исторического и логического анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, использованы труды классиков философской мысли. Объектом исследования является феномен социальной ответственности личности.

Результаты и их обсуждение. Свобода человека по своей природе деятельна и выступает как овладение необходимостью¹, господство над объективными условиями бытия и своей природой, что достигается только посредством деятельности. Именно в деятельности человек строит мир по мерке собственных потребностей, изменяет его и, как следствие этого, изменяется сам, развивает свои способности и задатки. Рассматривая соотношение свободы общества и свободы личности необходимо помнить, что личность не является простой копией общества, ибо общее не полностью исчерпывает отдельное, а отдельное не целиком входит в общее. Однако, будучи индивидуальным проявлением общего, оно неизбежно несет на себе его печать. Поэтому мера личной свободы всегда конкретна и зависит от той свободы, которой пользуется общество, от тех реальных объективных возможностей, которыми обладает эта личность, чтобы проявить себя сознательным субъектом общественных отношений. Но эти возможности – только объективная основа свободы личности. Реализация их зависит от самого индивида, его отношения к объективной необходимости, от характера выбора, целей и *действий*, направленных на их достижение. Другими словами, свобода означает не только *возможности, условия* деятельности, но и *свойство* этой деятельности.

Возникает вопрос: а как быть с теми ситуациями, в которых выбор крайне ограничен или по каким-то причинам и вовсе, как кажется, исключен? Возможности для выбора, тем не менее, есть и в такой ситуации. Дело в том, что ситуация выбора не исчерпывается одними предметными структурами бытия. В него обязательно входит и человек – субъект выбора. И если предметные структуры бытия очень жестки и однозначны, то возможности ситуации выбора как бы переходят на субъект. Общий знаменатель всех возможностей для выбора – быть или не быть человеком. В критических си-

¹ Г. Гегель отмечал, что необходимость как таковая ещё не есть свобода, но свобода имеет свои предпосылки в необходимости и содержит её в себе как снятую.

туациях человек делает этот выбор, а также выбор между жизнью и смертью.

У феномена свободы есть разные уровни: эмпирико-теоретический и антрополого-бытийный. На антрополого-бытийном уровне свобода становится внутренней потребностью субъекта. Преодоление внешней необходимости здесь связывается, так или иначе, с ростом внутренней необходимости - необходимости в самой свободе. Формула, идущая от Спинозы "свобода есть познанная необходимость" приобретает иной смысл: познание необходимости быть свободным. Свобода как необходимость имманентна человеческой сущности. Свобода как необходимость – это как раз случай, когда без свободы человек не мыслит себе свою жизнь. В свободе как необходимости человек выбирает себя, свою линию поведения, свой образ жизни. Выбирать значит одновременно и отвечать за то, что и как выбираешь.

Проблема свободы может быть понята и практически решена только в тесной связи с решением вопроса об ответственности личности. Свобода неизбежно порождает проблему ответственности. Человек и его свобода имеют общественную природу. Какую бы структуру ни приобретала деятельность человека, в каких бы формах она ни протекала, ее нельзя рассматривать вне общественных отношений и интересов людей, включенных в эти отношения. А. де Сент-Экзюпери писал, что «нет такого поступка, который не затрагивал бы другого человека. Обособленных личностей не существует. Тот, кто отчуждает себя от общности, наносит ей ущерб. Тот, кто печален, печалит других» [2]. У человека как члена общества есть обязанности перед обществом в целом, классом, коллективом, семьей, а, следовательно, и ответственность за выполнение этих обязанностей.

Свобода и ответственность тесно взаимосвязаны. Ответственность личности возможна лишь постольку, поскольку она действовала по собственной воле, т. е. свободно. С другой стороны, свобода без ответственности превращается в ничем не ограниченный произвол. Общество может предоставлять личности права и свободы лишь в той мере, в какой она несет ответственность перед ним. Расширение сферы возможностей, свободы человека ведет одновременно к возрастанию его ответственности.

Действительная свобода и ответственность диалектически взаимодействуют, «стыкуются» на основе объективной необходимости. Как и свобода, ответственность возможна только на основе и в пределах исторической необходимости. Последняя ни в коей мере не снимает проблемы ответственности. Необходимость всегда содержит в себе реальные возможности для выбора. Выбор же тех или иных вариантов поведения зависит от самой личности, которая несет ответственность за свой выбор. Ответственность возможна, так как диалектическое понимание детерминизма предполагает, что человек участвует в определенной объективной связи детерминированных явлений и в то же время может сознательно влиять на ход процессов. Человек никогда не служит механическим передатчиком в окружающую действительность направленных на него воздействий. Более того, именно учет требований объективной необходимости дает возможность оценивать поступки человека, т. е. решать вопрос об объективном критерии ответственности. Сущность ответственности заключается не в природе отдельного человека, а в личностно-общественных отношениях. Выбирая, человек реализует нечто большее, чем просто индивидуальную цель. Поэтому определить социальную значимость любого поступка можно лишь при условии соотнесения этого поступка с общественным «эталонном».

Рассматривая содержание категории «ответственность», мы исходим, прежде всего, из того, что это философско-социологическая категория. Социальную ответственность ни в коей мере нельзя сводить (а это иногда делается) к одной из ее разновидностей: нравственной, юридической и т. д., проявляющейся в зависимости от специфики и вида общественных отношений. Можно и нужно говорить об ответственности нравственной, юридической, экономической и т. д. И в этом смысле категория ответственности является предметом ряда отдельных наук. Социальная ответственность есть «отражение всего многообразия социальных отношений и обобщенное выражение всех форм ответственности».

Все они «в снятом виде» входят в состав социальной ответственности, образуя качественно новую целостность, несводимую к одной из них или к простой сумме этих форм ответственности.

Соотношение между социальной ответственностью и другими видами ответственности можно представить как диалектическую связь общего и отдельного. Общее, как известно, существует в отдельном и через отдельное, в то же время не исчерпывается отдельным. Как известно, свобода имеет множество граней: экономическая, политическая, нравственная и т.д. свобода. Неразрывно связанная со свободой, ответственность также проявляется в различных видах в зависимости от специфики и вида общественных отношений, но поскольку ответственность связана с человеческой «свободой вообще», она имеет такое же родовое, всеобщее значение, и, следовательно, также является предметом философских исследований. Как нельзя ограничить сферой нравственности и права свободу человека, так нельзя ограничить этой же сферой и его ответственность.

Социальная ответственность выступает как основа всех видов ответственности. Она вбирает в себя те общие, социально наиболее значимые стороны и черты, которые свойственны отдельным ее видам. Конкретные виды «животворяют» социальную ответственность и, в свою очередь, берут от нее живительные соки: каждый из них может успешно выполнять и выполняет свои функции лишь постольку, поскольку является выражением единой сущности (социальная ответственность).

Специфика конкретных видов социальной ответственности обусловлена природой тех общественных отношений, внутри которых они возникли и существуют в своей качественной определенности. Различные виды ответственности выступают при структурном анализе социальной ответственности как элементы системы. Каждый из этих видов также имеет структурные подразделения. Например, юридическая ответственность включает уголовную, административную и т. д. Все виды ответственности взаимосвязаны и переплетаются в том или ином отношении. Так, политическая ответственность может быть в одно и то же время и нравственной, и профессиональной, если речь идет о действиях государственного деятеля, которые оцениваются с точки зрения норм морали. Однако обычно употребляется какое-то одно понятие в зависимости от того, какую сторону отношений личности или коллектива нам важно в данный момент подчеркнуть, выделить. Содержание социальной ответственности личности включает в себя следующие объективные и субъективные стороны:

- требования общества, предъявляемые к личности и определяемые ее местом в системе общественных отношений; положение личности в системе общественных отношений очерчивает границы проявления её ответственности;

- эмоциональное переживание и рациональное осмысление характера общественных требований, а также характера и последствий своего собственного поступка (эта субъективная сторона ответственности выступает как социальное качество личности: сознание и чувство ответственности, которые тесно связаны с волевой целеустремленностью как механизмом мобилизации всех духовных сил для практического осуществления требований общества);

- практическую реализацию личностью общественных требований в деятельности;

- оценку деятельности личности с точки зрения соответствия интересам социалистического общества.

Известно, что свобода порождается не самой по себе необходимостью, а взаимодействием сознательной деятельности людей и необходимостью. Ответственность также определяется не объективной реальностью и не субъектом, взятыми отдельно, а постоянным взаимодействием человека и окружающего мира, влиянием результатов человеческой деятельности на судьбы людей. Ответственность выражает отношение между деятельностью субъекта и требованиями объективной ситуации. Вопрос об ответственности возникает тогда, когда речь идет о соответствии или несоответствии деятельности тем требованиям, которые предъявляет данная объективная ситуация. Последняя всегда оставляет человеку возможность для выбора той или иной линии поведения. Ответственность - это умение пользоваться своей свободой в интересах группы или всего общества. Общество соответственно оценивает и спрашивает в тех случаях, когда человек не захотел или не смог по каким-либо причинам реализовать его (общества) требования. Известно, что оценочные отношения — момент любого социального действия, а не только морального. Поэтому любой вид социальной ответственности содержит в себе оценку, обуславливающую реакцию общества на действия личности.

Таким образом, социальную ответственность можно рассматривать в самом общем виде как одно из проявлений связи и взаимной зависимости личности и общества, как отношение, выражающееся в мере соответствия субъективной, человеческой активности характеру общественных требований, а также в определенной оценке этой активности и санкции со стороны общества. Это отношение существует между субъектом ответственности («кто отвечает») и инстанцией, которая предъявляет требования и перед которой отвечают. Данное отношение включает в себя также объект ответственности («за что отвечает»). Субъектом ответственности (как и ее инстанцией) могут быть отдельная личность, коллектив, социальная группа - любая социальная общность, обладающая единством деятельности и организации. В дальнейшем отдельная личность будет рассматриваться как субъект ответственности. Субъектом ответственности может быть только то лицо, которое способно понимать общественный смысл своих действий, соответствующих социальных требований, предъявляемых к нему, и соотносить с ними свои действия. Вследствие этого не может быть субъектом ответственности ребенок, не понимающий смысла своих действий, или же психически больной.

Связь между субъектом ответственности и инстанцией носит диалектический характер: не только субъект ответственен перед инстанцией, но и инстанция в определенной мере ответственна перед субъектом. Можно сказать, что ответственность общества перед субъектом определяет в известном смысле и свободу данного субъекта. Так, бесправность раба означала отсутствие ответственности общества перед ним. Объектом ответственности личности является ее деятельность, однако при

определенных условиях объектом могут быть и действия других людей, а также социальной группы, коллектива, класса, с которыми тем или иным образом связана личность.

Социальная ответственность имеет два аспекта: негативный (ретроспективный) и позитивный. Ответственность в ретроспективном смысле есть ответственность за прошлое поведение, но не за всякое, а лишь за поступки и действия, противоречащие требованиям инстанции. Отрицательный общественный резонанс деятельности личности составляет содержание ее негативной ответственности. Он определяет степень вины личности и характер санкции за неумение или нежелание оказаться на уровне требований той или иной инстанции. Негативный аспект присущ не только юридической, но и другим видам социальной ответственности. Например, осуждение поступков со стороны общественного мнения - негативный аспект нравственной ответственности.

Позитивный аспект ответственности находит свое выражение в соответствии деятельности личности требованиям группы, общества, в творческом отношении ее к своим обязанностям, в свободном, правильном выборе целей и средств их реализации. Не боязнь осуждения (в любой форме) со стороны коллектива и общества, а понимание необходимости соблюдения их требований лежат в основе данного аспекта ответственности личности. Позитивная ответственность немыслима без предвидения. Истинно ответственное поведение основано на предвидении социальных последствий, которые оно может вызвать. Человек обязан знать то, что он может знать.

Характер ответственности исторически менялся. Вместе с прогрессом общества, возрастанием личной свободы индивидов повышается и степень личной ответственности каждого человека перед обществом.

Мера личной ответственности всегда конкретна. Она определяется характером требований, предъявляемых обществом к личности, возможностями, которые оно предоставляет для реализации этих требований, а также степенью сознательного использования личностью этих возможностей. Мера ответственности личности имеет огромное практическое значение. Она существенным образом зависит от соответствия или несоответствия деятельности человека интересам общества, т. е. от общественного резонанса этой деятельности. Ответственным будет такое действие, которое совершается добровольно и соответствует требованиям объективной ситуации. Но именно в этом находит свое выражение свобода личности. Ответственность оказывается мерой свободы, и наоборот: свобода есть мера ответственности. Положение о том, что ответственность есть мера свободы, имеет и другую сторону: чем выше ответственность человека в виде требований, предъявляемых к нему коллективом, обществом и т. п., тем большими правами и возможностями он должен обладать для их реализации.

Ответственность проявляется не только как соответствие субъективной активности требованиям объективной ситуации, что находит свое выражение в свободной, творческой реализации личностью своих функций и обязанностей, но и как внутреннее человеческое качество. Иными словами, кроме внешней стороны ответственности, выражающей отношение личности к требованиям инстанции, существует внутренняя, субъективная, сторона ответственности, которая является частью родового понятия «социальная ответственность».

Руководствуясь в своем поведении требованиями объективной ситуации, личность исходит также и из своих внутренних побуждений, социальных установок и т. д. Эту взаимосвязь внутреннего и внешнего, объективного и субъективного в поведении личности отметил еще Гегель: «Каков человек внешне, т. е. в своих действиях... таков он внутренне, и если он *лишь* внутренний, т. е. если он остается только в области намерений, умонастроений, если он «добродетелен», «морален» и т. д., а его внешнее не тождественно с его внутренним, то одно так же бессодержательно и пусто, как и другое» [3].

Внутренние установки человека, его ценностные ориентации - важнейший регулятор поведения. Они могут соответствовать требованиям объективной ситуации или противоречить ей. Чем гармоничнее субъективное и объективное, тем больше поведение индивида соответствует общественно необходимым образцам. Поэтому очень важно, чтобы каждая личность поднялась до осознания своей ответственности перед обществом, семьей, коллективом.

Ответственность как черта характера, внутреннее качество личности проявляется как чувство ответственности и как ее сознание. Чувство ответственности — это определяемое общественными условиями непосредственное переживание человеком своей все возрастающей связи с обществом, социальной группой. Посредством чувства ответственности устанавливается определенное эмоциональное отношение к тем или иным явлениям действительности. Став устойчивым, это отношение превращается во внутреннее качество личности и существенно определяет ее поведение. Оно предупреждает возникновение демобилизующего настроения, равнодушия, способствует развитию творческой инициативы. Чувство ответственности тесно связано с чувством свободы, которое является важным компонентом морального и психологического статуса человека, удовлетворенного своим поло-

жением, уверенного в своих силах, сознающего социальную значимость. Без внутренней духовной раскрепощённости, уверенности в своих силах не может возникнуть и чувство ответственности.

Как и другие важнейшие человеческие качества, чувство ответственности включает в себя эмоциональный фактор. Оно выражается в таких эмоциональных состояниях, как беспокойство, озбоченность, тревога, старание. Превращение ряда общественных требований, норм общежития в принципы деятельности личности обязательно связано с положительным эмоциональным отношением к ним. При резком снижении чувств человек не испытывает в надлежащей мере безответственности или ответственности своих поступков, он только признает при определенных обстоятельствах, что это плохо, что за это могут наказать и т. д. Поэтому для формирования чувства ответственности личности большое значение имеет здоровый морально-психологический климат коллектива, вызывающий положительные эмоции и способствующий накоплению их опыта. В организационной и воспитательной деятельности важно учитывать не только, что и сколько человек дает обществу, фирме, предприятию, но и как он себя чувствует. Если игнорируется эта сторона, то у работника постепенно теряется интерес к работе, притупляется чувство ответственности.

Однако анализ ответственности как внутреннего качества личности не может быть ограничен рассмотрением только чувства ответственности. Как бы ни было глубоко чувство ответственности, оно не может стать надежным ориентиром, если человек не обладает глубокими и прочными знаниями, соответствующим кругозором. Поэтому помимо чувства ответственности необходимо формировать сознание ответственности. При этом последнее играет ведущую роль, хотя не следует забывать, что обеднение сферы чувств человека, в чем бы оно ни выражалось, с неизбежностью рано или поздно приводит к затуханию сознания ответственности. Сознание ответственности включает, на наш взгляд, а) осознание требований общества или другой инстанции; б) осознание необходимости поступка, тех или иных действий для реализации этих требований; в) предвидение результатов поступка, его значения для судеб людей.

Сознание ответственности неотделимо от духовной свободы человека и осознания им этой свободы. Духовная свобода — это исторически развивающаяся ценность. Если человек не может проникнуть в сущность происходящего вокруг него, то он не может чувствовать себя уверенно и, как следствие этого, всячески стремится избежать ответственности, а значит, и активной творческой деятельности. В практических делах он ориентируется на существующие образцы поведения. Взять на себя ответственность — это стимул к борьбе, стимул к творчеству. Таким образом, сознание ответственности неотделимо от понимания сущности происходящих вокруг человека событий, а также социальной направленности его взглядов, его строя мыслей.

Ответственность как внутреннее качество личности и ответственность как отношение тесно связаны. Если ответственность превратилась в устойчивую черту характера личности, то это через механизм воли находит свое выражение в ответственном отношении ее к своим обязанностям, к требованиям общества. В свою очередь ответственная деятельность, правильно построенная система ответственной зависимости служат основой формирования ответственности как черты характера личности.

Исходя из анализа социальной ответственности как отношения и как внутреннего качества личности, можно дать ее определение как целостного социального феномена: социальная ответственность - это непосредственное осознание и переживание личностью необходимости выполнения требований общества, социальной группы и свободная, творческая реализация этих требований в деятельности, оцениваемой соответствующим образом со стороны инстанции.

Заключение. С позиций философии французского экзистенциализма (Ж.-П. Сартр) человек - это свобода, он или всегда и полностью свободен, или его нет вовсе. Абсолютная свобода предполагает и ответственность человека за все происходящее: человек несёт всю тяжесть мира на своих плечах. Что можно сказать по этому поводу? Как нравственный призыв и гражданская позиция такой взгляд не лишён смысла. Это призыв к тому, что в сложном и противоречивом мире не должно быть равнодушных, сторонних наблюдателей. Вместе с тем, ответственность за всё, как ни крути, равна безответственности. В каждой конкретной ситуации человек может отвечать лишь за то, что находится в поле его прямого или косвенного влияния.

Объективные условия детерминируют функционирование и развитие личности не сами по себе, а через включённость, вовлечённость личности в эти условия, средством которой является человеческая деятельность. Объективные предпосылки – всего лишь возможность свободы. Свобода - это деятельность на основе определённых предпосылок. При этом свобода личности может быть возможно полной лишь тогда, когда она обладает достаточно полным объёмом ответственности.

Деятельность человека не может протекать безотносительно к содержанию его внутреннего мира. Чтобы стать свободным, человек должен приобрести соответствующие внешним условиям

внутренние качества, важнейшим из которых является ответственность. От степени развития сознания и чувства ответственности зависят направленность и динамизм деятельности, использование в процессе её объективных предпосылок всестороннего развития, а значит и сам процесс раскрытия сущностных сил человека, формирование его навыков и способностей, возвышенных потребностей. Причём по мере того как общество создает необходимые объективные условия для развития свободы человека, уровень, масштабы и степень реализации последней всё больше зависимости от самого субъекта свободы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5-ти томах т.1/Г.В. Плеханов. – М.: 1956 – С.590
2. Сент-Экзюпери А. де. Сочинения. / А. де Сент-Экзюпери. М.: 1964 – С.412
3. Гегель Г.Ф.В. Сочинения. Т.1. / Г.В.Ф. Гегель. М-Л.: 1935 – С.234

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рудковский Эдвард Иосифович

Кандидат философских наук.

Доцент, заведующий кафедрой философии УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Служебный адрес: 210038 г. Витебск, Московский пр., 33
Кафедра философии, тел. 22-53-11

e-mail: philosophy@vsu.by

Метафизические предметы

А.Б. Демидов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

В человеческом сознании имеются представления о метафизических предметах, которые не являются результатом чувственного восприятия и не имеют пространственных характеристик. Сознание образует эти представления как необходимые средства для осуществления мышления. Они влияют на весь образ мысли в целом и, в результате, на решения и поступки людей. Ввиду их теоретической и практической важности требуется их научно-рациональное изучение, поэтому неприемлема позитивистская установка на игнорирование метафизических предметов. Представления о метафизических предметах входят в содержание любых наук, в том числе естественных, не подвергаясь специальной рефлексии посредством собственных методов этих наук. Философия необходима среди прочих наук потому, что она исследует метафизические предметы средствами рационального мышления. Философское мышление не уклоняется от метафизических предметов, как от призраков, а как раз пытается осмыслить их, чтобы рационально обращаться с ними. В числе методик, применимых для исследования метафизических предметов, необходима диалектическая методология в двух её разновидностях — диалогической и логической (монологической)..

Ключевые слова: *метафизика, диалектика, диалог, стоимость, ценность, предмет философии.*

METAPHYSICAL SUBJECTS

A.B. Demidov

Establishment of education «Vitebsk state university named after P.M.Masherov»

In human consciousness there are images of metaphysical subjects. They are not the result of sensual perception, they have no spatial characteristics. Consciousness creates these images as necessary means for realization of thinking. These images influence the way of thinking on the whole and, as a result, decisions and acts of people. Because of their theoretical and practical importance their scientifically-rational studying is required. Therefore positivistic orientation to ignoring metaphysical subjects is unacceptable. Images of metaphysical subjects are included into the contents of any sciences, including natural sciences. But they are not a subject to a special reflection by means of the methods of these sciences. Philosophy is necessary among sciences because it researches metaphysical subjects by means of rational thinking. Philosophical thinking does not avoid metaphysical subjects as phantoms, but tries to comprehend them to rationally manage them. Dialectic methodology is necessary for research of metaphysical subjects in its two varieties – dialogical and logical (monological)..

Keywords: *metaphysics, dialectics, dialogue, cost, value, subject of philosophy.*

У людей имеются представления о таких предметах, которые не обладают материальностью, пространственно-временными формами, не воспринимаются чувствами как физически-реальные объекты. Например, бытие, благо, ценность, стоимость, справедливость. Хотя они не существуют в качестве материальных, чувственно воспринимаемых вещей, тем не менее они некоторым образом представлены в сознании и становятся предметами размышления и рефлексии. Такие предметы можно называть «метафизическими», так как греческое слово «метафизика» соединяет в себе слова *μετά* (после) и *φυσικά* (естество, природа) и обозначает буквально то, что «после физики», за пределами физики (природы). Метафизика как философское учение о «первых сущностях» имеет, по И. Канту, три основных предмета, это — душа, мир и Бог.

С некоторых пор в учёных кругах появилось и постепенно усиливалось негативное отношение к метафизике. Ростки непочтения к ней заметны уже в средневековом номинализме. В новое время с возникновением естествознания нетерпимость к метафизике проявлялась всё решительнее. И. Ньютон провозгласил: «Физика, берегись метафизики!» Это значит, что физические (естественные) науки должны обходиться в своих теориях без ссылок на метафизические предметы. В период расцвета позитивизма и сциентизма в XIX–XX веках метафизика стала чем-то вроде персоны нон грата. С началом нового этапа в философии науки, постпозитивизма (с 60-х годов XX в.) уверенность в том, что «позитивная» наука может провести чёткую демаркационную линию между собой и метафизикой, поубавилась, однако насторожённое отношение к метафизике сохраняется.

Цель этой статьи — показать, что люди, в том числе позитивисты, не могут элиминировать из сознания представления о метафизических предметах и что философия как раз призвана исследовать эти предметы, опираясь, прежде всего, на диалектическую методологию.

Материал и методы. Объектом исследования выступает класс представлений, которые не являются результатом чувственного восприятия, вместе с тем необходимо образуемых сознанием. Используются общелогические и теоретические, а также компаративный и диалектический методы.

Результаты и их обсуждение. Обоснован тезис, что предметом философии является не что иное как метафизические предметы, недоступные исследованию методами «позитивных» наук. Обсуждение вопроса о предмете философии ведётся с эпохи античности, начиная, по меньшей мере, с Сократа, и продолжается поныне.

Способы образования представлений о метафизических предметах. Если представления о метафизических предметах не возникают путём чувственного восприятия реальных вещей, то откуда они берутся? Не являются ли они игрой воображения, выдумкой, которой в действительности ничего не соответствует? Можно указать несколько факторов, обуславливающих возникновение представлений о метафизических предметах.

Первый — абстрагирование. Это мысленное отвлечение от тех свойств и отношений явлений, которые несущественны с какой-то точки зрения, и выделение, принятие в расчёт того, что представляется существенным. В результате получается некий «абстрактный предмет», о котором можно прочесть в любом словаре по логике, например: «АБСТРАКТНЫЙ ПРЕДМЕТ — предмет (объект мысли), который реально не существует в объективной действительности, но является результатом мысленного отвлечения свойств и отношений реальных предметов» [1, с. 12]. Или: «...предмет, не существующий в действительности, созданный нашим воображением» [2, с. 7].

Различают несколько разновидностей абстрагирования, например, обобщающая, изолирующая и идеализирующая абстракция. При обобщающей абстракции отвлекаются от несходных свойств предметов и отождествляют их по сходным признакам. Так, словом «дом» обозначают множество разнообразных домов и даже могут сказать: «Наш дом — Беларусь». Говоря слово «дом», подразумевают некий «дом вообще», а не какой-то единичный реальный дом. Не существует в реальности «дом вообще», однако имеется представление о таковом, и это — представление о метафизическом предмете, не воспринимаем чувствами. При изолирующей абстракции выделяют какое-нибудь свойство различных вещей, дают ему особое имя, как будто это свойство — особая вещь, существующая сама по себе, например, «неподвижность». Сама по себе неподвижность, как и справедливость или синева, не существует, но представления такого рода имеются, и они подпадают под понятие о метафизических предметах. При идеализирующей абстракции некие свойства мысленно доводятся до идеального, абсолютного состояния или величины, например, «идеальный газ», «абсолютно чёрное тело», которые в реальности не найти и, значит, они тоже относятся к области метафизики.

Несмотря на то, что абстракции являются разновидностью метафизических предметов, позитивистская философия не отказывает им в праве на существование, поскольку очевидна их необходимость и польза в познавательной деятельности. Разве что делается особая оговорка, что отвлечённые понятия нельзя гипостазировать, т. е. приписывать им реальное существование.

На примере абстракций, с необходимостью возникающих в мышлении, опирающемся на язык и речь, видно, что уже язык как таковой — не только «дом бытия», как сформулировал М. Хайдеггер, но и «дом метафизики». Существа, обладающие речью, пользующиеся языком, неотвратимо пользуются и представлениями о метафизических предметах, или «сверхчувственных сущностях». Нельзя не согласиться с Гегелем, который заметил, что Ньютон сам не соблюдал своё предостережение против метафизики и «что не избегнешь метафизики, а именно сведения природы к

мыслям... Чистыми физиками, только физиками являются на самом деле лишь животные, так как они не мыслят; человек же, напротив, как мыслящее существо есть врождённый метафизик» [3, с. 240].

Если язык «виноват» в том, что в сознании, артикулированном им, порождаются и содержатся представления о метафизических предметах, то нельзя ли избавиться от этой «болезни» и создать очищенный от метафизики язык, пригодный для «подлинной» науки? Сторонники аналитической философии в первой половине XX века пытались это сделать — не получилось.

Другой фактор, обращающий нас к метафизике, — каузальное мышление, неизбежность допущений о существовании причин, обуславливающих определённые действия и явления. В глубокой древности в сознании людей царил анимизм, вера в одушевлённость природных вещей. Действия камня, воды, солнца, ветра люди объясняли наличием душ у вещей. Сами «души» не видны, но видны их действия. Недалеко от подобных воззрений ушли и такие выдающиеся учёные, как Аристотель и Лейбниц, полагавшие, что падение отпущенного камня или ещё чего-либо обусловлено его естественным «стремлением» осуществить свою сущность. Естествознание нового времени отвергло объяснение физических явлений ссылками на «души» и «стремления», а на их место поставило представление о механической «силе» (или химической «валентности», от лат. *valentia* = сила), но ведь «метафизика» от этого не устранилась. Разве кто-то может наблюдать механическую, химическую или биологическую (= жизненную, витальную) силу?! Наблюдению доступны не эти «силы», а оказываемые ими «действия», обусловленные ими «результаты», «следствия». Взять, например, «силу тока» — мы наблюдаем не её, а такие результаты, как нагревание проводников, магнитная индукция. Или взять «силу тяготения» — она недоступна наблюдению, мы видим, что тела, скажем, планеты, как будто чем-то связаны друг с другом. Однако существует ли «сила притяжения»? Её саму, как таковую, никто не наблюдал. Известна даже гипотеза, что в отношениях между массивными телами имеет место не притяжение, а давление окружающего «вакуума» (тоже метафизического предмета). Эйнштейн и его последователи и вовсе склонны объяснять гравитацию не притяжением и не давлением, а всего лишь геометрией, кривизной пространства — и никаких «сил». Так существуют ли некие физические «силы», или они всего лишь метафизические «химеры»?!

Каузальное мышление необходимо, так как в практической деятельности люди стремятся к определённым целям и нуждаются для их достижения в познании причин, могущих обусловить нужные результаты. При каузальном мышлении мы как бы решаем уравнение, определяя, чего и сколько не достаёт, чтобы получился нужный результат. Это недостающее, «икс» — искомая причина определённого результата. Первобытный анимизм приписывал магниту душу как ту незримую причину, которая тянет к магниту железо. Если ударить пару раз молотком по гвоздю, лежащему на наковальне, и сразу пощупать расплюснутый гвоздь, то он окажется горячим. Вроде бы никакой метафизики, сплошная физика: кинетическая энергия превратилась в тепловую. Но что такое энергия? Опять же «сила», по-гречески *εὐρύεια* и есть «сила». Эти «силы» как таковые не наблюдаются — ни кинетическая, ни тепловая энергия. Мы видим движение молотка и осязаем нагревание гвоздя, но превращение энергии из одного вида в другой мы уже не видим, а домысливаем, не видя самих энергий. Энергия — предмет метафизический, интеллигибельный, мысленно представляемый для заполнения лакуны («икса») в объяснении происходящих явлений.

Основатель позитивизма О. Конт отчётливо понимал, что причины явлений — это предметы метафизические, которых «позитивная» наука не должна касаться. Он писал: «...Мы не стремимся указывать *причины*, производящие явления...» [4, с. 559] Достаточно знать, как они происходят, какие регулярности наблюдаются в них. «...Признав недоступным всякое исследование причин, мы ограничиваемся познанием законов» [4, с. 582]. «Что касается определения того, что такое сами по себе притяжение и тяжесть, каковы их причины, то эти вопросы мы считаем неразрешимыми и лежащими вне сферы позитивной философии, предоставляя их теологам и метафизикам» [4, с. 560]. «Истинный позитивный дух состоит преимущественно в замене изучения первых или конечных причин явлений изучением их непреложных законов, другими словами — в замене слова *почему* словом *как*» [4, с. 581]. Как видно из этих суждений, Конт полагал возможным и необходимым избавление науки от каузального мышления, однако на деле вопрос «почему?» неустраним из мышления и речи человека.

Не менее интересная ситуация сложилась в психологии, которая долгое время существовала в рамках философии, а со второй половины XIX века стала обособляться от неё, чтобы стать «подлинной» наукой, эмпирической психологией, избавившись от метафизических «излишеств».

Крайним выражением этой тенденции оказался бихевиоризм. У этого подхода тоже можно усмотреть достоинства, были даже попытки применять его в педагогике, антропологии, социологии, в экономической теории потребительского поведения. Концепция бихевиоризма требовала изучать только то, что доступно наблюдению, измерению, математической обработке (стимул и реакция, поведенческие акты, физиологические процессы) и не принимать во внимание то, что не наблюдаемо (сознание, воля, чувства, побуждения, мотивация — собственно всё психическое, или душевное). Получилась психология без психики. При таком подходе ни один человеческий поступок (в его отличии от произвольных реакций) не может получить объяснения, обоснования и понимания — значит, продуктивность такого научного подхода очень ограниченная. Можно было бы поставить ему в заслугу саму попытку «очищения» от метафизики, хотя на поверку оказывается, что метафизика всё равно засоряет парадигму бихевиоризма, например представлением о психике как некоем «чёрном ящике», а это тоже метафизический предмет.

Третий фактор, ведущий человеческое сознание к метафизике, — стремление мысли к тому, чтобы завершить познание обусловленных явлений познанием безусловного принципа этих явлений. Такое движение мысли досконально исследовал И. Кант. Он полагал, что разум стремится свести множество знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий), чтобы достигнуть высшего их единства. Задача разума состоит в том, чтобы подыскивать безусловное (принципы) для обусловленного рассудочного знания. Путем ряда умозаключений, переходя от знаний, опирающихся на опыт, к представлениям о том, что могло бы лежать за пределами опыта, разум создает «идеи». Они возникают по требованию опыта, ищущего «последние причины». Трансцендентальные идеи — это понятия о чем-то безусловном, о том, что является условием для многого иного, но само ничем не обусловлено. Идеи — необходимые понятия, предмет которых не может быть дан ни в каком опыте. Познание не может успокоиться, пока не найдет последнюю причину всего ряда условий. По словам Канта, «то, что необходимо побуждает нас выходить за пределы опыта и всех явлений, есть *безусловное*, которое разум необходимо и вполне справедливо ищет в вещах в себе в дополнение ко всему обусловленному, требуя таким образом законченного ряда условий» [5, с. 89]. Три основные идеи, с необходимостью создаваемые разумом (они же основные предметы метафизики), — душа, мир и Бог. Их нельзя познать, т. е. выявить соответствующие им эмпирически данные вещи, но эти идеи бесполезны для разума, правда не в качестве конститутивного (основополагающего) знания, а в качестве регулятивного (направляющего и упорядочивающего) знания. Это значит, что, с одной стороны, на метафизических идеях нельзя основывать подлинную науку; с другой стороны, эти идеи полезны и необходимы не в качестве истины, но в качестве целей, ориентиров. Они задают направление движения к развитию опыта, к более совершенным обобщениям и теориям.

Итак, мы выделили некоторые факторы, побуждающие человеческое сознание к созданию представлений о метафизических предметах. Здесь не преследуется цель дать их систематический обзор или классификацию — достаточно того, что показана неизбежность действия таких факторов, как надобность в абстракциях и в познании причин, надобность в безусловном принципе, завершающем ряд обусловленных явлений. Метафизические предметы тем или иным способом представлены в человеческом сознании, влияют на ход мышления, принимаемые решения и совершаемые поступки, поэтому они должны не игнорироваться научной мыслью, а напротив, подвергаться рациональному исследованию и осмыслению.

Суждения о метафизических предметах не «бессмысленны», как пытались уверять представители аналитической философии. Сторонники этого направления, такие как Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап, Дж. Остин и др., уделили значительное внимание исследованию понятий значения и смысла. Они считали достоинством подлинно научных суждений их «осмысленность» в противоположность «бессмысленным» философским суждениям. Например, Р. Карнап писал, что метафизические предложения не могут быть осмысленными, «предложение, если оно вообще о чем-либо говорит, говорит лишь об эмпирических фактах. О чём-либо лежащем принципиально по ту сторону опытного нельзя ни сказать, ни мыслить, ни спросить» [6, с. 84]. Позитивисты-аналитики пытались оградить науку от «патогенных» влияний философии (метафизики), но при этом как будто не замечали, как противоречили своим собственным установкам, ведь сам требуемый ими «смысл» не является «эмпирическим фактом». Смысл — не какая-то чувственно воспринимаемая вещь, а нечто умопостигаемое. Тот, кто говорит о смысле, предмете метафизическом, и требует чтобы смысл был в наличии, будто это «эмпирический факт», сам говорит бессмыслицу. На этой противоречивой

основе аналитическая философия строила обвинение и разоблачение философии как якобы собрания бессмыслицы.

Позитивизм не располагает методикой, позволяющей исследовать метафизические предметы. Действенным методическим средством их изучения является диалектика. Одним из известнейших примеров её плодотворного применения является анализ товарной стоимости как разновидности ценностных предметов.

Диалектическая методология исследования метафизических предметов. С товарной стоимостью люди имеют дело повседневно, знают о ней, воспринимают как нечто обыденное, между тем, реально, вещественно, как «эмпирический факт», этот предмет не существует. Вопросы о том, что такое стоимость, объективна она или субъективна, являются спорными в экономических теориях, среди которых соперничают друг с другом трудовая теория стоимости и маржиналистская теория предельной полезности.

Трудность изучения «природы» стоимости К. Маркс остроумно охарактеризовал следующим образом: «Стоимость [Wertgegenständlichkeit] товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за неё взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenständlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним что вам угодно, он как стоимость [Wertding] остаётся неуловимым» [7, с. 56].

Стоимость товаров невозможно найти в них эмпирическими методами в качестве «эмпирического факта». Стоимость кажется какой-то неуловимой мистической сущностью, которая незримо правит движением вполне ощутимых товарных тел. С точки зрения эмпиризма и позитивизма стоимость следовало бы отнести к области метафизики, удалить понятие о ней из научного употребления, элиминировать бритвой Оккама, представить чисто субъективным феноменом. С такой точки зрения можно ограничиться понятием цены, образующейся на рынке фактически под влиянием субъективных факторов вроде потребности, нуждаемости, чувства удовлетворения независимо от некой «субстанции стоимости». К. Маркс всё же нашёл теоретический подход, позволяющий «взяться» за аналог «вдовицы Куикли». Этот подход основан на диалектическом методе исследования. Без этого метода «природа», суть стоимости была бы неуловима и непостижима. Это отчётливо высказал сам Маркс и довольно внятно разъяснил в ряде своих работ советский философ Э. В. Ильенков, в том числе в своей знаменитой статье «Проблема идеального» [8].

Слова «диалектика», «диалектический метод», «диалектическая логика» привыкли истолковывать терминами «развитие», «противоречие», «всеобщая связь». Однако подобное истолкование представляется недостаточным, мало побуждающим на деле мыслить диалектически. Суть того диалектического метода мышления, который был виртуозно применён Гегелем и Марксом, пожалуй, впервые открыл Николай Кузанский, мыслитель бесконечности, кратко сформулировавший её словами «всё — во всём и каждое — в каждом» [9, с. 110]. (Подобные тезисы формулировали ранее Анаксагор, Прокл, Дионисий Ареопагит.) Что означают эти слова, Кузанец пояснил аналогией: всё во всём присутствует не прямо, а опосредованно, например, в глазе «присутствуют» и рука, и нога, и все органы единого тела, но не вещественно, а идеально: глаз как орган является представителем всего организма, в том числе и руки, и ноги, и прочего. В этом смысле в нём «представлено» всё, как и он «представлен» во всём, а без этого всего целого (организма) не было бы ни глаза как такового, ни руки, ни ноги. Суть гегелевской диалектики как раз в этом: мыслить всякий отдельный предмет не сам по себе (как кантовскую «вещь в себе»), а, выражаясь по-современному, «в контексте» множества (тотальности = всеобщности) всех иных предметов, множества, рассматриваемого в его целостности. Всякий предмет обусловлен иными предметами и сам обуславливает иные предметы, и даже полная его противоположность есть противоположность его самого; без него не было бы отношения этой противоположности; его противоположность «представлена» в нём, он является «представителем» своей противоположности. Это «представительство» одних предметов в других предметах, названное Гегелем «идеальным», внятно разъяснил вышеупомянутый Э. В. Ильенков, показав его объективность и необходимость, а не субъективность, случайность, психическую призрачность.

Маркс, пользуясь диалектическим методом исследования, т. е. рассматривая стоимость не «саму по себе» (в качестве таковой она была бы всего лишь субъективным фантомом), показал стоимость, «овеществлённую» в теле товара, как «представителя» общественных отношений между

людьми, участвующими в производстве и обмене товаров. В товарном теле стоимость «представляет» трудовые усилия, общественно необходимые для производства этого товара. Труд объективно представлен в товаре, и это его объективное представительство является основой субъективных представлений в сознании участников товарного обмена о стоимости товара. Стоимость — «инобытие» труда, представленного в товаре, хотя труд уже не наличествует в товаре как реальный процесс, «эмпирический факт».

В настоящее время экономическую теорию в вузах изучают преимущественно не по Марксу, а в виде «экономикс», трактовки того, как люди осуществляют выбор среди ограниченных экономических ресурсов. Этот подход получил заслуженное признание, доказав свою эффективность. Вместе с тем, он страдает неполнотой, однобокостью. В экономической науке марксизм и маржинализм два разных, но взаимодополняющих подхода. В рыночной (меновый) сделке имеются две противоположные стороны, не существующие друг без друга: одна сторона сбывает товар или услугу, другая — приобретает. Для сбывающей стороны существенна стоимость товара, определяемая затратами труда и ресурсов. Для приобретающей стороны на первом плане стоит способность товара удовлетворять потребности, а не то, каких трудов и затрат стоил этот товар продавцу. Здесь имеются два разных способа видеть одни и те же товары. Марксистская экономическая теория выражает точку зрения сбывающей стороны, иначе говоря, «товаропроизводителя», для которого стоимость товара служит критерием целесообразности его деятельности и не является пустой иллюзией. Товаропроизводитель (или товаровладелец) знает, каких трудов, и затрат ему стоило предоставление товара на рынок, и не заинтересован заниматься делом, которое приносило бы ему убытки. Для приобретающей стороны стоимость (то, чего стоил товар сбывающей стороне) — это абстракция. Покупателя интересуют именно потребительские свойства и цена, но не стоимость. Таким образом, в одной и той же сделке имеют место два разных взгляда на ситуацию. Точку зрения сбывающей стороны, стоимостную точку зрения, объясняет марксистская теория. Точку зрения приобретающей стороны, потребительскую и ценовую, анализирует маржиналистская теория. Эта двойственность взгляда на одно и то же событие сделки аналогична корпускулярно-волновому дуализму в теориях света и принципу дополнительности в квантовой механике, с которыми физическая наука, по крайней мере современная, смирилась. Возможно, и экономической науке следовало бы признать допустимость и равноправие как марксистского, так и маржиналистского подхода, поскольку они не исключают а дополняют друг друга. Опыты экономической науки по осмыслению феномена стоимости различными методами и концепциями помогают в понимании и интерпретации сути метафизических предметов.

Диалектика в гегельянской и марксистской версиях, однако, ещё не вся диалектика. Диалектика XIX века отодвинула на задний план древнейшую версию — диалогическую диалектику, представлявшую собой метод определения заинтересованными собеседниками в их живом диалоге общего родового понятия, охватывающего разноречивые его толкования. Некоторые считают, что само слово «диалектика» впервые применил Сократ, обозначив им искусство обсуждения (диалога), а не просто рассуждения (монолога) с целью определения общих понятий. В сократовском диалектическом методе выделяются три взаимосвязанные его части: самопознание, диалог и индукция [10]. Сократ впервые поставил в центр философского исследования ценностные — т. е. метафизические — предметы, такие как «благо», «справедливость», «красота», «добродетель», «мужество» и т. п. Но им в вещественной действительности ничто не соответствует. Ценности не даны созерцанию, как телесные вещи с их пространственно-временными характеристиками. Не имея зримых образов, они всё-таки представлены как-то в душе, значит, и начинать их поиски надо не вовне, а в себе. Отсюда девиз Сократа: «Познай самого себя». Таким образом, самопознание стало частью сократовского метода познания ценностей. Для самопознания Сократ не занимался «уходом в себя», «интроспекцией», а вступал в диалоги, поскольку люди скорее всего познают себя в общении с другими, побуждая друг друга к высказыванию своих мнений и соотнося их. Диалог — самая оригинальная и заметная часть метода Сократа. И ещё одна неотъемлемая часть его метода — индукция, т. е. «наведение». В ходе диалога высказываются различные мнения об обсуждаемом предмете, которые лишь частично выражают его суть, однако частные суждения постепенно наводят собеседников на общее определение. Эту часть метода Аристотель поставил Сократу в особую заслугу. Диалогическая версия диалектики, как и логическая (монологическая) версия была разработана специально для исследования метафизических предметов. Она получила развитие в XX веке в «философии диалога» и «философии коммуникации». Обе версии диалектической

методологии, в отличие от позитивистской методологии, адекватны задаче изучения метафизических предметов.

Заключение. Всё вышеизложенное резюмируется в следующих положениях:

1. Представления о метафизических предметах необходимо и неотъемлемо содержатся в человеческом сознании, вербально артикулированном. Большинство вербальных знаков не являются уникальными именами единичных чувственно воспринимаемых вещей. Они именуют (обозначают) отвлечённые и обобщённые представления или общие понятия («универсалии»), т. е. предметы не физические, а метафизические. Эти представления о метафизических предметах образуются сознанием как необходимые средства для осуществления мышления. Они влияют на весь образ мысли в целом и, в результате, на решения и поступки людей. Ввиду их теоретической и практической важности требуется их научно-рациональное изучение, поэтому неприемлема позитивистская установка на игнорирование метафизических предметов.

2. Представления о метафизических предметах входят в содержание любых наук, в том числе естественных, не подвергаясь специальной рефлексии посредством собственных методов этих наук. Философия имеет право на существование среди прочих наук хотя бы потому, что она исследует метафизические предметы средствами рационального мышления. Многие науки появились путём «отпочкования» от философии, при этом они отбирали у философии часть предметов исследования, бывших прежде в её распоряжении. Однако метафизические предметы — как раз то, чего другие науки не могут отнять у философии. Долгое время слова «философия» и «метафизика» употреблялись как синонимы — до тех пор пока позитивизм, приобретший широкое влияние, не привил многим учёным и философам опасение быть уличёнными в причастности к метафизике. Тем не менее, про метафизику и представления о метафизических предметах уместно сказать словами народной поговорки: «Её выпроваживают в дверь, а она лезет через окно». По словам Канта, «как бы равнодушно или пренебрежительно ни относились к метафизике <...>, они во всяком случае вернутся к ней, как к поссорившейся с ними возлюбленной...» [5, с. 691] Философское мышление не уклоняется от метафизических предметов, как от призраков, а как раз пытается осмыслить их, чтобы рационально обращаться с ними. По сходному поводу Э. Гуссерль писал: «Настоящий философ вместо того чтобы бежать от них [призраков. — *А.Д.*], предпочтёт осветить тёмный угол» [12, с. 210].

3. В числе методик, применимых для исследования метафизических предметов, необходима диалектическая методология в двух её разновидностях — диалогической и логической (монологической, т. е. диалектической логики).

Литература

1. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — М.: Наука, 1976. — 720 с.
2. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. П. Никифоров. — М.: Владос, 1997. — 384 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. — М.: Мысль, 1975. — 452 с.
4. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 3. — М.: Мысль, 1971. — 760 с.
5. Кант, И. Сочинения в 6 т. Т. 3 / И. Кант. — М.: Мысль, 1964. — 799 с.
6. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Карнап Р. // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. — М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. — С. 69–90.
7. Маркс, К. Капитал. Т 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. — М.: Гос. изд. полит. лит., 1960. — 907 с.
8. Ильенков, Э. В. Проблема идеального / Э. В. Ильенков // Вопросы философии. — 1979. — № 7. — С. 145–158.
9. Николай Кузанский. Сочинения в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1979. — 488 с.
10. Демидов, А. Б. Сократ — первый исследователь ценностей // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XV(62) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, посвященной 100-летию со дня основания УО «ВГУ им. П.М. Машерова», Витебск 3–5 марта 2010 г. / Вит. гос. ун-т; редкол. : А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. — Витебск УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. — С. 328–330.

11. Husserl, E. Formale und transzendente Logik: Versuch einer Kritik der logischen Vernunft /
E. Husserl. — M. Niemeyer, 1929. — 298 S.

Сведения об авторе

Демидов Александр Борисович

кандидат философских наук

доцент

УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова»

доцент кафедры философии

210009 Витебск, ул. Терешковой, 26, корп. 3, кв. 82

телефон служебный: 21-57-70

телефон домашний: 52-96-78

ab-demidov@yandex.ru

Прошу мои контактные данные не публиковать, за исключением e-mail.

Прошу также не трогать в моём тексте букву «Ё», она законом не запрещена и имеет право на существование.

Мифология зороастризма и становление христианства

Е.В. Давлятова

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Дается сравнительный анализ мифологического наследия зороастризма в становлении христианства, его влияние на христианское учение. Анализируются заимствованные мифологические образы и сюжеты, переработанные и дополненные другим содержанием. Иранское влияние особенно явно прослеживается в учении о «двух духах», грехопадении, представлении о воскресении мертвых, о вечной жизни праведников в загробном мире, приходе Мессии, Последнем суде, восстановлении райского состояния души. Отмечается значение зороастризма в том, что в учении был выдвинут не только этический идеал, возвеличены две основы первоначала – символы Света и Добра, но и были заложены основы монотеизма. Показано, как изменялись, дополнялись и трансформировались некоторые древнеиранские мифологические сюжеты и образы, заимствованные христианским учением.

Ключевые слова: миф, дуализм, монотеизм христианство, зороастризм, космогония, Авеста, Библия, квинтэссенция, англология, демонология, эсхатология.

Mythology of zoroastrism and coming into being of Christianity

E.V.Davlyatova

Establishment of education «Vitebsk state university named after P.M.Masherov»

The comparative analysis of the mythological heritage of Zoroastrism in the coming into being of Christianity, its influence on the Christian doctrine is given. Borrowed mythological images and plots processed and complemented with a different content are analyzed. The Iranian influence is especially obviously traced in the doctrine about «two spirits», the fall, the idea of resurrection of the dead, eternal life of righteous people in the other world, the arrival of the Messiah, the Last Judgment, and the restoration of a paradise state of the soul. The meaning of Zoroastrism is marked in the fact that not only ethical ideal was put forward in the doctrine, not only two bases of initial being, symbols of Light and Good, were exalted, but also the bases of the monotheism were incorporated. It is shown how some Old Iranian mythological plots and images, borrowed by the Christian teaching, were supplemented and transformed.

Keywords: myth, dualism, monotheism, Christianity, Zoroastrism, cosmogony, Avesta, the Bible, quintessence, angelology, demonology, eschathology

Взаимовлияние культур и заимствование научных достижений, всегда было законом развития человечества. Если бы этот механизм взаимодействия не работал, и каждому народу приходилось бы заново все изобретать, картина мира была бы совершенно иной.

Все ранние религии и религиозные системы были политеистическими, а существование и почитание верховного божества, своего рода первого среди равных, не мешало господству политеизма как идейно-структурной основы религиозного мировоззрения, что хорошо видно на примере и ближневосточных, и индоевропейских верований. Правда, тенденция к структурным сдвигам в сторону монотеизма уже намечалась. Причем совершенно логично, что, прежде всего, она ощущалась там, где существовали длительные традиции централизованного государства во главе с обожествленным правителем, свидетельством чему является

неудавшаяся реформа фараона Эхнатона, заменившего культ Амона соляным культом Атона. По-своему эта тенденция проявилась и в древнем Иране, где дуалистическая структура, выросшая на фундаменте политеизма, была, своего рода вариантом монотеизма.

Зороастризм как религиозная доктрина древнего мира занимает особое место в истории религий. Несмотря на отчетливо выраженный дуалистический характер доктрины, к которому сводится вся квинтэссенция древнеиранских религий, значение зороастризма состоит, во-первых, в выдвигании на передний план этического идеала и, во-вторых, в том, что в его дуалистической структуре на первом месте был эгрегорически отделившийся от всех остальных верховный Бог-творец Ахура-Мазда. Возвышение и возвеличение Бога-творца, высшего символа Света и Добра, было в общем контексте истории религий важным шагом на пути к монотеизму.

О зороастризме, существует обширная литература на многих языках мира. Монографии, исследования и статьи ученых охватывают широкий круг вопросов о пророке Зороастре, времени и месте его рождения, начале проповеди, проблеме локализации и датировки Авесты, становлении зороастризма как государственной религии и т.д.

Догматика зороастризма, содержание Авесты нашли отражение в трудах и исследованиях нескольких поколений крупных зарубежных и отечественных ученых таких, как К.А. Коссович, К.Г. Залеман, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, В.В. Струве, А.А. Фрейман, Е.Э. Бертельс, И.С. Брагинский, М.М. Дьяконов, И.М. Дьяконов, В.И. Абаев, И. Алиев, И.М. Оранский, В.А. Лившиц, А.О. Маковельский, В.Г. Луконин, Б.Г. Гафуров, Э.А. Грантовский и др.

Среди зарубежных специалистов, внесших большой вклад в изучение Авесты и религии зороастризма, можно отметить А. Дюперрона, Е. Бюрнуфа, Ф. Шпигеля, В. Гайтера, Ж. Дармстетера, Э. Бенвениста, Э. Герцфельда, У. Хеннинга, Г. Виденгрена, И. Маркварта, К. Гельднера, Ж. Дюшен-Гийемена, М. Моле, М. Бойс, Р. Фрая, С.Х. Таги-заде, М. Пур-Давуда.

Однако, исследователи отечественной и зарубежной философии мало внимания уделяют собственно зороастрийской мифологии и философии, что крайне странно, если учесть, что брахманизму и индуизму посвящаются сотни страниц. Безусловно, Ригведа, Упанишады и Махабхарата сохранились лучше, чем Авеста, однако наличие в зороастризме философских воззрений и их влияние на греческую мысль – факт, признанный мировой наукой. Большой интерес представляют также проблемы влияния зороастризма на религии других народов, в том числе на христианство и на ислам. Однако и эти вопросы пока не получили достаточного полного освещения. Целью работы является анализ мифологического наследия зороастризма и его влияния на христианское учение.

Материалы и методы. Данная статья не претендует на всеобъемлющий охват темы, а ставит перед собой более скромную задачу. В ней предпринята попытка рассмотреть ряд вопросов, связанных с заимствованием некоторых мифологических сюжетов зороастризма в христианских текстах, дать их сравнительный анализ. Показать, как проходило влияние и переработка мифологических образов в христианском учении. В качестве источников исследовались тексты Библии и Авесты.

Результаты и их обсуждение. Сравнительное изучение мифологии очень существенно для понимания специфики культурно-исторических ареалов в древнем мире. На определенной стадии исторического развития более или менее развитая мифология существовала практически у всех известных науке народов. Некоторые сюжеты и рассказы в той или иной мере повторяются в мифологических циклах разных народов. Сегодня большинство ученых склоняются к тому мнению, что секрет происхождения мифа следует искать в том, что мифологическое сознание явилось древнейшей формой понимания и осмысления мира, понимания природы, общества и человека. Миф возник из потребности древних людей в осознании окружающей его природной и социальной стихии, сущности человека.

Миф – духовное воспроизведение действительности в форме легенд, рассказов, персонажи и события которых признаются объективно существующими или такими, которые существовали в прошлом. Мифы возникают как результат коллективного творчества и освоения окружающего мира с помощью воображения, в форме наглядно-чувственных образов.

Зороастризм (Парсизм) сформировался на территории Древнего Ирана (Персии) на основе верований маздеизма. Основателем ее считается пророк Заратуштра (авестийское.), Зардушт (среднеиранское), Зороастр (греческое), Заратустра (в европейской традиции, в том числе – русской) – жрец и пророк, которому было дано Откровение Ахура-Мазды в виде Авесты – Священного Писания зороастризма. В сообщениях пехлевийской хроники говорится о том, что Заратуштра жил «за 258 лет до Искандара», т.е. Александра Македонского, то есть в VII–VI вв. до н.э.

В то же время, как указывает Л.А. Лелеков, лингвистический анализ наиболее древней и сакральной части Авесты – «Гаты» («Песнопения»), авторство которой связывается с именем Заратуштры, позволяет отнести время его проповеди к интервалу между XII–X вв. до н.э. Однако четкого подтверждения этой гипотезе нет. Большинство ученых-иранистов, основываясь на данных современных исследований, склоняются к тому, чтобы датировать время жизни Заратуштры серединой второго тысячелетия до н.э. Это значительно отличается от устоявшегося в исторической науке представления о том, что пророк жил в VII–VI вв. до н.э. И. М. Дьяконов, исходя из уровня развития общества, обрисованного в «Гатах», считает, что они должны быть составлены ранее VI и до второй половины VII в. до н.э. Эд. Мейер и некоторые другие учёные в своё время считали даже возможным говорить о времени около начала I тыс. до н.э. Так, например, Дж. Р. Хиннелс считает, что лингвистические исследования все больше убеждают современных ученых, что это было примерно в 12 в. до н.э.

Известная иранистка, М. Бойс соглашается с мнением Дж. Р. Хиннелса о раннем датировании жизни пророка, относя этот момент к 15 в. до н.э.[1]. Таким образом, они утверждают, что именно зороастризм, а не иудаизм был первой монотеистической религией, а Моисей не открыл истину, провозвестив Единого Бога – Творца Неба и Земли, а лишь повторил для народа Израиля то, что уже было сказано Заратуштрой жителям переднеазиатских степей.

В случае, если всё же зороастризм древнее иудаизма (точных хронологических привязок рождения Заратуштры – в истории не имеется), тогда зороастризм можно считать самой древней «религией откровения» или религией «Священного Писания», поскольку Авеста для людей, исповедующих зороастризм, является «откровением данное им через «пророка»». Религоведы полагают, что основные базовые концепции библейского иудаизма (грехопадение, приход Мессии, последний суд, воскресение мёртвых и восстановление райского состояния) получили широкое распространение в иудаизме и приобрели статус фундаментальных положений «откровения» в период вавилонского пленения. А зороастризм – учение более древнее, основы которого были заложены ещё во II тыс. до н.э. Эта гипотеза заслуживает более глубокого изучения и анализа.

По-видимому, первоначально, зороастризм стал оказывать влияние, на иудаизм, начиная с эпохи вавилонского плена, в период Второго храма, не ранее середины I тыс. до н.э. Это влияние проявилось, прежде всего, в области ангелологии, демонологии и эсхатологии.

Иранское влияние особенно явно прослеживается в учении о «двух духах», упоминаемом в кумранских текстах. Говоря о влиянии зороастризма на христианство, нелегко провести границу между тем, что было воспринято христианством через иудаизм, а что пришло непосредственно из Ирана при рождении новой христианской религии. Так, например, хотя упоминание о семи Ангелах в Книге Откровения было заимствовано из Книги Еноха и Книги Товита, однако само это учение восходит к зороастрийскому учению о семерых Святых Бессмертных – ахуров, которых создал Ахура-Мазда, зная о грядущей борьбе со злом. Это святое воинство стало прототипом христианских архангелов. С другой стороны, вера в ангелов-хранителей нигде не засвидетельствована в иудео-христианской традиции до Нового Завета. Быть может, эта вера берет свое начало от зороастрийского учения о Фравашах, духовных существах, рассматривавшихся как часть человеческой личности, но существующих до рождения человека и независимо от человека. Большинство подобных заимствований касается области эсхатологии. Представление о воскресении, хотя и знакомое иудаизму, однако приобретшее характер всеобщей веры лишь в христианстве, уже существовало в Иране на протяжении многих веков. Некоторые места из Исаяи являются верными свидетельствами

заимствования из зороастризма, ибо иудейский пророк воспеваает бога Яхве практически словами зороастрийских гимнов: «Я Господь, Который сотворил все...» «Я создал землю и сотворил на ней человека... Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду... Я, Господь, творю это» [2].

Кроме того, для христиан Иран был еще и страной трех волхвов (магов), которые, следуя за путеводной звездой, пришли поклониться младенцу Иисусу в Вифлеем. Позднее, продолжая наметившуюся уже в иудаизме традицию, христиане отождествляли Заратуштру с Иезекиилем, Нимродом, Сифом, Варухом и даже с самим Христом. Начиная, с Юстина Мученика, христианские апологеты стали ссылаться на Заратуштру и персидских магов как на языческих «свидетелей» истинности христианства, помогающих утвердить эту истинность в глазах язычников.

В целом не сложно заметить глубокое сходство между зороастризмом и христианством, может быть, за исключением разногласий по вопросу об аскезе. Да и здесь можно вспомнить, как фарисеи укоряли Христа за то, что Его ученики не постятся [3].

Война между добром и злом, которая как будто началась еще до сотворения мира (Ахура-Мазда и Ангра-Манью в Зороастризме, Архангел Михаил и Денница в христианстве), Страшный суд, обновление мироздания, Царство Божие – все это есть и в том, и в другом религиозном учении. Совпадает и то, что Вселенная обновится огнем, и тот, кто в нем не сгорит, получит награду в будущем мире: «... каждого дело обнаружится; ибо день (Страшного суда) покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду»[4]. В конце времен произойдет воскресение мертвых и будет Последний Суд с полным уничтожением всех грешников. Затем на земле установится царство Бога, и праведные вступят в это царство, как в сад (называемый персидским словом парадиза), и будут наслаждаться вечным счастьем в присутствии Бога, оставаясь бессмертными и телом, и душой. Примечательно, что слово «парадиз», до сих пор обозначающее во многих языках «рай» восходит к арийскому «парадайза» – буквально, «огороженный сад», то же самое, что и библейский Эдем. Такие парадизы знатные арийцы и персидские вельможи строили в своих имениях.

У ариев обновлению мира огнем и воскрешению праведников в Царстве Божием предшествует появление трех пророков-Спасителей, «сыновей Заратустры». Как мы знаем, у христиан вторым лицом Святой Троицы является Бог-Сын. И это притом, что в ветхозаветном иудаизме такая фигура, как Сын Божий отсутствует.

Евангелие от Матфея начинается с родословной Иисуса Христа. Подобная предыстория есть и у Заратустры. Имена его ближайших предков и далеких пращуров зороастрийская мифология сберегла и донесла до нас. Родословная пророка, согласно арийской традиции, выглядит внушительно. Она восходит к первому человеку, Гайомарду, имя которого в переводе с авестийского языка предположительно переводится как «смертная жизнь». Гайомард – это, по сути, Адам: он был сотворен из земли самим Благим Духом, Ахура-Маздой. В библейской книге Бытия человек появляется в мире в шестой день Творения. И в древнем арийском мифе, Гайомард – тоже шестое творение Бога. Только у этого мужчины еще не было своей Евы...

Согласно верованиям иранцев, первый человек умер в тридцатилетнем возрасте, так как на сотворенный мир напал Дух Зла, Ангро-Манью, неся с собою смерть. Он умер от болезни, насланной Духом Зла, но перед смертью обронил на лоно земли свое семя, из которого вырос куст ревеня о двух стеблях, соединенных между собою. В этом общем растительном теле жили две души. Их тела вскоре разъединились и превратились в человеческие. Это были Машья и Машиани, мужчина и женщина, первая супружеская пара, иранские первопредки.

В христианстве в такой роли выступают Адам и Ева. На схожесть образов указывают совпадения в текстах Ветхого Завета и Бундахишна, пехлевийского комментария к Авесте.

Иранский миф гласит: «Мудрый Господь любил Машью и Машиани и снабжал их всем необходимым, чтобы они не трудились и не страдали. Ахриман возненавидел Машью и Машиани и решил обмануть их. И вот однажды, люди, не познавшие зла, начали говорить между собой, что их сотворил не Мудрый Господь, а Ахриман. Это был первый грех – грех лжи. Первая ложь, стала причиной всех грехов человечества. Услышав эту ложь, Ормузд

спустился на землю и сказал Машьи и Машиани, что отныне им придется трудиться, чтобы выжить. Они должны будут возносить молитвы, и приносить жертвы только Мудрому Господу, иначе они лишатся его покровительства и будут уничтожены Ахриманом».

Структура этого мифа почти дословно изложена в третьей главе Книги Бытия. Также как Машье и Машиане после их «предательства» Адаму предстоит «трудиться, чтобы выжить». «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены своей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбию будешь питаться во все дни жизни твоей. (...) В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...» [5]

Наказана и Ева – «в болезни будешь рожать детей». И далее: «Жене сказал: умножая, умножу (...) и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» [6].

В этом отношении примечательно следующее: судя по строкам: «И заповедал Господь бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» [7] и «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы ни простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Эдемского» [8]. Изгнание Адама из рая тождественно потере им бессмертия. Первые бессмертные люди, начав думать и действовать самостоятельно, выбрав личную амбицию, теряют божественную привилегию бессмертия, а, следовательно, и божественный статус. Потомки библейской первой четы, также как и иранской, заселили землю, став родоначальниками разных народов.

Вслед за «падением» первопредков следует «падение» всего человечества, выражающееся в том, что в мир приходит зло, то есть болезни, старость и смерть. Эта мысль четко прослеживается в зороастрийских текстах. Но самое главное – это и греховность, выражающаяся в потенции человека к отвержению веры. Такие последствия одного поступка, в христианстве называются первородным грехом.

Главным стержнем учения Заратуштры является представление о зависимости мирового порядка и конечного торжества добра в его борьбе со злом, а также от активного участия в последней человека, и именно на стороне добра. В таком случае человеку обещано воздаяние как в нынешней жизни (в виде материальных благ), так и посмертное блаженство во второй жизни. Подобные представления о вечной жизни праведников в загробном мире мы встречаем в Христианских источниках. В зороастризме – стороннику зла – страшные муки (например, кара расплавленным металлом) и осуждение на эсхатологическом суде у Моста судейского разбора – Чинват. Похожие представления о Страшном суде мы находим в иудаизме, христианстве (например, чистилище), и исламе. «Беспощадной будет борьба с приверженцами лжи – Друджа, мешающими процветанию скотоводства... Кто поддержит меня, того привлеку я к Мазда и с ним пройду по Мосту судейского разбора. Горе лже жрецам, приверженцам кровавых жертвоприношений, уничтожающим скот, карапанам и их покровителям, злым колдунам-правителям, кавиям, которые намерены разрушить вторую жизнь. Они будут наказаны у Моста судейского разбора, где будут отделены праведники от грешников. Награда будет уделом праведников» [9].

Согласно учению Заратуштры, изложенному в «Гатах», существует Даэна – олицетворение внутреннего духовного мира человека или общины в целом. После смерти каждый человек, вне зависимости от того, был ли он праведником или грешником, встречает свою Даэну при входе в загробный мир: она имеет женский облик и у праведника выглядит прекрасной юной девой, а у грешника – уродливой старухой. Таким образом, Даэна – некий дух, сопровождающий человека и имеющий отдаленные переклички с библейским понятием «душа». В более поздних слоях древнеиранской традиции, в частности в Младшей Авесте, вместо Даэны упоминаются Фраваша – духи предков, о которых не говорится в учении Заратуштры. Это – сущность Ахура-Мазды и прототип человека в духовном мире. Каждый человек имеет личного неподкупного Фраваша. Можно провести аналогию с христианством, где в образе Даэны выступает душа любого смертного, живущая вечно.

Космогония зороастризма своеобразна. От века существуют два духа – близнеца. Некогда, столкнувшись друг с другом, они произвели (как результат этого столкновения) сущее и несущее, благо и зло [10]. Оказавшись на распутье, близнецы совершают нравственный выбор, один из них берет на себя благо и сущее, другой – зло и не-сущее. Этот выбор является архетипичным для человека. Сталкиваясь с различными сторонами жизни, он должен совершать его, воспроизводя, таким образом, космогоническую проблему. Постоянная борьба двух начал определяет, согласно зороастрийской легенде, и всё существование мира.

Но ещё до его творения два духа-близнеца совершили выбор между добром и злом (близнечный миф встречается в мифах разных народов, в том числе и в библейских текстах). Ангра-Манью ответил на творение антитворением. Злой дух Ангра-Манью вторгся в пределы небосвода, создал планеты и кометы, не подчиняющиеся равномерному движению небесных сфер, загрязнил воду, наслал смерть на первого человека Гайомарта. Ангра-Манью в зороастризме, по сути, это христианский Люцифер.

От столкновения двух противоборствующих начал весь мир пришёл в движение: воды обрели текучесть, возникли горы, задвигались небесные тела. Чтобы нейтрализовать действия «вредных» планет, Ахура-Мазда к каждой планете приставил благих духов.

Всю магическую силу слова Заратуштра направляет на то, чтобы заклясть людей следовать пути Ахуры Мазды, и обрести на этом пути вечное блаженство, а также, чтобы устроить вечными муками нечестивцев: «Говорю я о том, что будет воздано добру, будет воздано и злу, свершится суд огнем и расплавленным металлом... Кто ревностно заботится о скоте, тот и сам окажется на горных пастбищах Арты Вахишты и Воху Манью» [11]. Все приверженцы Ангра-Манью погрузятся «в вечную тьму со скверной пищей и жалобными стенаниями» [12]. При этом, согласно учению Заратуштры, блаженная «вторая жизнь» наступит и на земле, где будут править справедливые цари – саошьянты.

Заратуштра оставил нам три заповеди, три морально-этических принципа зороастризма. Эти принципы выражаются тремя авестийскими словами; Хумат – Благая мысль, Хукст – Благое слово, Хуварст – Благое дело.

Эти три слова определяют три вселенских начала, лежащих в основе нашего мира и проявляющихся на всех уровнях бытия. Они также связаны с тремя формами мира: миром духа – Меног, миром души – Ритаг, миром физических тел – Гетиг.

Для праведного человека, ведущего борьбу со злом, обязательными являются три правила-заповеди: Добрая мысль, Доброе слово, Доброе деяние.

Эти же три начала в христианском понятии представлены в переосмысленной форме в Божественной Троице: Бог – Отец, Бог – Сын, Бог – Святой Дух.

Основную цель мирового процесса зороастризм видит в победе Добра над Злом, что означает необходимость ведения постоянной борьбы с враждебными силами, за победу Правды и Добра над Ложью и Злом. Причем оружием Зороастра против Ахримана и Друджа (по сути это образ Люцифера в христианстве), всегда считалось не только чтение молитв, но и неукоснительное следование указанным выше трем правилам-заповедям. Следует сказать, что ни в и одной из библейских религий сатана (по крайней мере, доктринально) не превратился в злого антибога, подобного иранскому Ангра-Манью, оставаясь в роли могучего, но сотворенного Богом падшего ангела. Если ранний текст Библии почти ничего не говорит о дьяволе, и даже грехопадение не рассматривается здесь как его дело (змей Книги Бытия просто умнейшее из созданий, проживавших в раю), то поздняя традиция (а вслед за ней и христианство), начала отождествлять проклятого Богом за его коварство эдемского змея с сатаной, духом зла и врагом рода человеческого.

Заратуштра признавал одного Бога и Создателя – Ахура – Мазду. Отражение этого мы видим в «Гатах»: «Никого иного, кроме Тебя, не признаю я, о мой Владыка! Потому желаю я, чтобы лишь Ты один был защитой моей и помощником через Ашу (Праведность)!» [13].

Интересно представлена легенда о приемнике дела смертного Зороастра? Спаситель родится от семени пророка, хранящегося, согласно легенде, в глубинах одного горного озера. Когда приблизится «конец времён», в этом озере искупается смертная девушка и зачнёт от пророка. Родившийся таким образом Спаситель и перевесит чашу весов в пользу добра.

Похожую библейскую легенду о непорочном зачатии «Спасителя» мы видим в христианских источниках.

Заключение. Распространение идей зороастризма по эллинистическому миру подготовило почву для принятия языческими народами религии Христа. Во всех центрах античной культуры ко времени появления христианства уже были посеяны семена монотеистической религии, что обеспечило создание благоприятной среды для принятия христианского учения. Страны, в которых впоследствии древо христианской религии дало наиболее мощные побеги, прежде чем воспринять мудрость учения Христа, в той или иной степени соприкоснулись с влиянием дуалистического зороастризма – первой религии утвердившей идею единого Бога – Творца Неба и Земли. Мифологические образы и сюжеты были переработаны, изменены, а иногда и дополнены другим содержанием, но, несомненно, мотивы древнеиранской мифологии присутствуют в христианском учении, отнюдь не отменяя своеобразия последнего.

Литература:

1. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. –С.92.
2. Ветхий завет. Ис. (44:24; 45:12, 8).
3. Новый завет. От Матф.(9:14–17).
4. Новый завет. 1-е Кор. (3:13–14).
5. Быт (3,17 – 19).
6. Быт. (3, 16).
7. Быт. (2, 16-17).
8. Быт. (3, 22-23).
9. Авеста. (Ясна 46).
10. Авеста. (Ясна 30.3).
11. Авеста. (Ясна 33:3).
12. Авеста. (Ясна 31:20).
13. Авеста (Ясна 34.7).

История как знание и реальность

А.С. Табачков

Институт философии НАН Республики Беларусь

В статье в форме тезисов представлена онтогносеологическая концепция истолкования истории как метатеории прошлого. При этом последовательно излагаются, в частности, следующие, наиболее важные для данной концепции, моменты: проблематика анализа способов интерпретации и репрезентации исторического прошлого; вопрос о возможных онтогносеологических конститутивах исторического процесса; проблема связи события и его дискурса; онтогносеологический аспект проблематики свойств и функций источника, факта и дискурса уже имеющегося знания в процессе познания исторического прошлого. Также эксплицируется возможный механизм дифференциации различных типов интерпретации в процессе познания исторического прошлого и излагается гипотеза о том, что сама интерпретация является особой формой причинности исторического процесса.

Ключевые слова: *бытие исторического, экзистентное время, рациональная интерпретация, рационалистическая культура, исторический источник как сущее другого, онтогносеологический анализ.*

History as knowledge and reality

A.S. Tabachkov

Institute of philosophy Republic of Belarus NAS

In this article, in the form of theses, the ontological concept of interpretation of history as a metatheory of the past is presented. In particular, the following, most important for the given concept, moments are consistently presented: a problematic of the analysis of ways of interpretation and representation of the historical past; a question about possible onto-gnoseological constitutive elements of the historical process; a problem of connection of the event and its discourse; ontological aspect of a problematic of properties and functions of a historical source, fact, and a discourse of already available knowledge in the process of understanding of the historical past. The possible mechanism of differentiation of various types of interpretation during process of understanding of the historical past is also stated and a hypothetical thesis that interpretation is the special form of the causality within historical process is presented.

Key words: *historical being, existential time, rational interpretation, rationalistic culture, historical source as an existence of a different one, ontognoseological analysis*

Очевидно, что история пока не может сколь либо удовлетворительным образом справиться с противоречивым и потенциально опасным наследием XX века. Мы считаем, что без выхода на метатеоретический уровень анализа прошлого, эта дисциплина всегда будет подвержена риску нежелательных с любой точки зрения политико-идеологических сепараций. При этом нужно понимать, что подобные сепарации – и связанный с ними абсолютный антагонизм позиций – это не просто манифестация различия мнений: поскольку, с онтологической точки зрения, история это, в том числе, форма существования прошлого в настоящем, существования для и во имя будущего, речь идет ни о чем меньшем, как о расколе самого прошлого – как данной посредством знания реальности.

В представляемой онто-гносеологической концепции историческое прошлое рассматривается как сущностно теоретическое, конститутивными элементами событийного исторического бытия в данной концепции являются так называемые паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий – особые структуры теоретически организованного идеального. При этом определение «теоретически» характеризует, в данном случае, как форму организации, так и функцию данных структур идеального относительно практики деятельного человеческого бытия. В следствие такого истолкования прошлого, историческое знание полагается в представляемой

концепции как знание необходимо метатеоретическое.

В предлагаемой вниманию читателя статье излагается онтогносеологическая концепция истолкования истории как метатеории прошлого.

Материал и методы. Данная статья представляет собой краткие итоги многолетнего исследования автором онтологических и гносеологических особенностей исторического знания и истории как его объекта [1; 2]. Метод исследования – единство исторического и логического анализа.

Результаты и их обсуждение. 1. Современная практика исторического познания, благодаря общему прогрессу культуры и, в особенности, благодаря широко используемым здесь достижениям литературного процесса, смогла сделать репрезентацию своих дискурсов столь реалистичной, что их рецепция стала событием, сопоставимым с событиями непосредственного жизнепрживания реципиента. Так образовался новый культурный феномен экзистенциально воспринятого исторического прошлого, то есть прошлого, ставшего бытийно эквивалентным с непосредственно прожитым. Задача историка, создающего подобный дискурс, стала заключаться при этом в осуществлении такой репрезентации, восприятие которой по силе своего воздействия будет сродни личному опыту. Но если из того, что понимают под опытом, произвольно изымается его рациональная составляющая, то такая историческая работа суть не что иное, как искусственная и опасно неполная анимация событий минувшего. К сожалению, такое развитие было поддержано и обосновано постмодернистской философией истории [3; 4; 5], постепенно перешедшей к стратегии тотальной редукции исторического к литературному. Мы считаем, что в историческом познании интерпретативное анимирование прошлого, предъявляющее его как готовый к повторному пере-проживанию эмоционально-эстетический опыт, не может и не должно рассматриваться в качестве альтернативы теоретическому объяснению событий истории.

2. Время присутствует в бытии исторического как длительность и генезис этого времени имеет внутриэкзистентный, а это значит, событийный характер: первичная длительность не может быть ни чем иным, как длительностью событийной человеческой экзистенции. Сознательное участие в событии это осуществляемая посредством воли и обосновывающего ее интеллекта инвестиция собственного экзистентного времени в отличную от ее собственной, изначально внешнею самой экзистенции, событийность. Интенциональное действие вводит экзистентное время в исторический процесс, транслируя и конвертируя индивидуально-экзистентную темпоральность в уже intersubъективное историческое время. Пространство как пространство развития истории и как конгруэнтная особому характеру ее времени категория возникает в результате событийно-культурной детерминации бытия сущего. Эта детерминация обусловлена взаимодействием конститутива событийности, берущего, как и историческое время, свое начало в первичной событийности экзистенции, и конститутива культуры – как качественной определенности интенционально доступного intersubъективного сущего. Связь времени и так понимаемого пространства осуществляется, таким образом, через бытие культурного индивидуума; и время, и пространство мира культуры оказываются экзистенциально заданными и, в конечном итоге, обусловленными интерпретацией. Это, однако, не означает, что они произвольны: интерпретация, ответственная как за внутриэкзистентные пространство и время, так и за одноименные intersubъективные протофеномены, не безосновна, эта рациональная интерпретация, а рациональность это мощное и тотальное бытийное начало. Но так же верно и то, что рациональность – жертва собственного бытийного могущества, ведь в существенном отношении она сама задает условия собственного существования и поэтому в принципе не может быть совершенной и окончить, завершить свое развитие. Онтологическая невозможность конца развития рациональности в созданном при ее участии мире проявляется в ее непрекращающемся самоистолковании, принимающем форму, в том числе, интерпретации прошлого.

3. Действие, в том числе и конституирующее событие историческое действие, подразумевает волю, но воление – это воление чего-либо, воление, которым занимается история, это воление интенциональное и осмысленное, его объект был дан субъекту – человеку-деятелю прошлого – как знание. Поскольку знание всегда нуждается в структуризации и любой концепт требует контекстуализации, появляется необходимость некой формы организации подобного знания. Знание, могущее служить обоснованием реализации воли, способное задать пространство превращения воли в причинную силу социоисторического процесса, должно быть доказательным и в достаточной степени непротиворечивым, иначе оно не справится со своими задачами. Любая историческая практика нуждается именно в теории или в чем-то подобном, практика как целокупность действия фундируется некой паратеоретической целокупностью знания, интегрированное действие коррес-

пондентно интегрированному знанию. Поэтому история как наука не может заниматься только единичным: человеческими действиями как таковыми и их интенциональными и неинтенциональными следствиями – событиями. История как объективная наука должна исследовать и то, что лежало в основе тех или иных действий людей прошлого, должна выяснять, какие рациональные обоснования послужили базисом принятия решений и последующих действий, определявших ситуацию того или иного культурно-исторического локуса минувшего. Подлинно научный исторический дискурс должен эксплицировать своего рода теорию жизни людей прошлого, идейную, идеальную основу их действий или бездействия. Только эта паратеоретическая составляющая может позволить нам правильно понять прошлое. Познающий прошлое разум ищет в нем не нечто случайное, но родственные себе рациональные элементы. При этом паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий это не некие эпифеноменальные резоны поступков людей прошлого, это созданные человеческой рациональностью структуры формирования волюнтаривно-темпоральных пульсаций бытия социокультурного сущего. Событийные пульсации бытия конституируют историческое время, при этом данные структуры определяют истечение как экзистенциального так и событийного времени – именно через их посредство экзистенциальное время разумно волящих индивидуумов прошлого конвертировалось в событийное intersubъективное время истории. Многомерные метафизические поверхности истечения времени находятся на границах субъективного и объективного бытия и субъективного и объективного времени, более того, они в исторической динамике и определяют эти границы. Сконцентрированная на изучении этих действительно фундаментальных структур, история становится инструментом уже онтологического анализа, своего рода объективной феноменологией прошлого.

4. Рационалистическая культура событийно осуществляется и налично существует только в горизонте, очерченном действующим, принимающим решения, разумом. Любые эксцессы случайного, непредвиденные последствия неучтенных следствий действия и бездействия, обязательно затем помысливаются ретроспективно, рационализация контингентного является одной из важнейших задач истории как дискурсивной практики. С ее помощью происходит восстановление континуальной целостности культуры как пространства разумного, а значит, и целостности самого исторического времени. Взаимодействие прошлого и настоящего в онтологическом плане конституируется актами опосредованного предоставления сущности – прошлое это суть осуществившееся, то есть уже располагающее сущностью как наличностью. В то же время любой событийный момент актуального настоящего-будущего является становлением и поэтому, не располагая еще в должной мере сформированной сущностью, он оказывается восприимчивым к уже наличествующему сущему прошлого. Еще не ставшее, но стремящееся к осуществлению, сущее актуального Сейчас мира культуры нуждается в наличном сущем прошлого как в компоненте транзитивной формы своего становления. В неопределенности событийного становления истории, ставшее прошлого выступает как конкретно данное иное, положительная или отрицательная рецепция которого образует референциальный базис интенционального воления. Построение некоего нового мира любого масштаба требует присутствия осмысленной дискурсивной данности мира старого, история в своем развитии может опереться или оттолкнуться только от себя самой. Паратеоретические паттерны уже осуществленных и ставших частью истории действий через медиум интерпретации и репрезентирующего ее результаты исторического знания могут затем мигрировать в состав актуальных паратеоретических паттернов действий настоящего-будущего. Транстемпоральная и транссобытийная миграция совпадает с переходом между двумя главными формами бытийного присутствия паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий: формой паратеоретического паттерна как структуры – детерминанта актуального действия, непосредственно определяющего состав и динамику событийной конституции и второй формой – его данностью как снятого интерпретативным усилием и сохраненного дискурсом исторического знания смысла – смысла, который может стать затем элементом паратеоретического паттерна действий нового, разворачивающегося в настоящем, события. Это значит, что эта вторая форма, добытая интерпретацией и представленная историческим знанием, является формой подтвержденного или опровергнутого смысла как замысла действия, это подвергнутая проверке критерием практики паратеория действия.

5. Вследствии своего генезиса, исторический источник это, прежде всего, сущее другого, уже более не существующего мира. Именно эта сущностная принадлежность иному порядку культурного бытия определяет его роль гносеологической потенциальности, в которой он выступает в качестве того, что может послужить действительным источником знания о прошлом. При этом у исторического факта и у исторического источника разные способы бытийной актуализации – факт

утверждает, а источник свидетельствует. Факт связан со своим дискурсом, источник с культурным миром – местом своего генезиса, при этом исторический факт дискурсивен, а источник является феноменальной сущностью. Исторический источник это источник фактичности – особого бытийного способа наличия сущего, гетерогенного миру в котором происходит акт его опознания в качестве источника. Посредством фактичности исторический источник представляет свой уже ушедший мир в мире актуального настоящего. При этом его культурная значимость, и в этом его отличие от любого другого объекта, дуальна – она конституирована его значимостью в культуре, синхронной его генезису и значимостью этой его прошлой значимости для мира современной моменту наблюдения культуры. Источник свидетельствует не только о себе, но и о том сущем, с которым он со-бытийствовал в период своей первой актуальности, имевшей место в границах синхронного ему мира, мира его формирования как сущего. Сущее источника осуществилось под непосредственным воздействием рациональности. Это значит, что в нем обязательно должно было зафиксироваться проявление этой несомненно онтологической, предопределяющей характер вещей, силы. И предопределенное может помочь реконструировать предопределившее, феноменальное источника может помочь восстановить ноуменальное актов породившего его деятельного разума, а оно, в свою очередь, может помочь вновь обрести исследуемый феномен прошлого как дискурсивную структуру адекватного знания.

6. Паритетно-сущностное соотнесение сознания и подлежащего истолкованию объекта достигается за счет того, что сознанием создаются ноуменальные модели или симулякры интерпретируемого объекта, первые имеют метатеоретический, а вторые имитационный характер. Исполнение этих объектов-аналогов в сознании познающего может быть либо миметическим воссозданием комплекса переживаний со-участвавших и со-бытийствовавших в событии-объекте людей и, в том случае, если действия историка ограничиваются предъявлением этого воссозданного комплекса к перепроживанию, мы имеем дело лишь с анимирующей интерпретацией прошлого. Исполнение модели объекта, опирающееся на паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий или на как-то по-иному фиксируемую рациональность агентов исследуемого события, превращает интерпретацию в уже метатеоретическую процедуру. В этом случае познание имеет дело уже не с внешней стороной события, с его эффектами, но с самой его идеальной основой, с комплексом организованных в теоретическую форму имплементаций рациональности со-участников события прошлого. Такой тип интерпретации отличается наличием действительных оснований и поэтому способен обеспечивать гораздо большую степень достоверности и, что самое главное, способен проникать за внешнюю сторону событийной реальности прошлого к ее идеальной сути.

7. Установленное при помощи интерпретации отношение с прошлым включает в себя не только момент соотнесенности определенного фрагмента прошлой реальности и современной производящему интерпретацию культуры понимания прошлого, оно включает в себя также и момент реализации инициируемой современностью причинной связи двух обособленных и временно разделенных миров культурного сущего. Таким образом, в дополнение к всегда существовавшему первому, преимущественно непосредственно-каузальному каналу, в каждом акте интерпретации реализуется второй, преимущественно рационально-референциальный канал связи прошлого и настоящего. Наличие этого второго канала дополняет специфичный человеку как разумному культурному существу выбор будущего, выбором прошлого. От неограниченного детерминациями уже свершившихся бытийных осуществлений выбора будущего, выбор прошлого отличается тем, что это выбор ограниченный. Но без него невозможно сколь либо точное позиционирование движения социокультурной реальности настоящего, направление развития которой определяется не только посредством ее перспективной цели, но и тем, откуда осуществляется и отчего отталкивается это развитие. Способность исторических процессов развиваться несмотря на часто неблагоприятные для них стечения обстоятельств, их резистентность по отношению к контингентному, объясняется наличием этих двух каналов трансляции в направлении «прошлое – настоящее». Оба канала обеспечивают трансляцию причинных конститутивов действительности, но причинность действительности, постоянно транслируемая первым каналом, каналом непосредственной каузальности, это причинность Унаследованного, причинность, бытийно оформляемая как Пассивное Предложение Продления. В культурах исторических существует и второй транстемпоральный канал, где через медиум дискурсивного знания о прошлом осуществляется иной, рационально-референциальный, тип трансляции причинного потенциала действительности. Транслируемая им причинность это конкурентные предложения к осуществлению, это причинность деятельного Активного Выбора. С появлением этого второго транстемпорального канала само дви-

жение действительности меняет свою схематику и превращается из простого хода «прошлое – настоящее» в сложное, уже процессуальное перемещение «из прошлого – посредством настоящего – в будущее». Каждый акт интерпретативного познания исторического прошлого означает движение от непосредственно-каузального способа трансляции причинных оснований действительности к способу рационально-референциальному, от пассивного принятия унаследованного к осмысленному выбору продолжения начатого или терминации того, что не должно продолжиться, к росту доли разумного, а это значит, к качественно иной конституции культурного бытия.

8. Комплекс систематизированных историком источников представляет собой организованную систему следствий, то есть потенциальную референциальную целостность и эта система тесно или даже непосредственно – в зависимости от типа источника – связана с совокупностью корреспондентных ей причин, которая также – вследствие производимой над источниками-следствиями в процессе исследования операции систематизации – приобретает характер системы. При этом, в случае анализа паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий, речь идет уже не о приобретении, но о восстановлении системности – поскольку иерархии взаимодействующих паттернов принятия значимых решений, в структурно-логическом смысле, сами образуют системы – ситуативные системы действовавшего исторического разума. Референциальная целостность выступает, таким образом, предтечей и условием смысловой целостности будущего дискурса знания. Именно направленный в сторону прошлого момент систематизации, момент образования референциальной целостности, позволяет воссоздающей креативности познавательного усилия историка впервые предвидеть и предполучить целое действовавшей рациональности, то есть того активного принципа, который, вместе со случайностью, и сформировал событие, со следов-источников которого начиналось это усилие транстемпорального экстаза познающего сознания. Сама возможность перехода от следствий-источников к причинам-элементам прошлой реальности, фундирована тем, что исторический источник является посредником между двумя одновременными интенциональными актами – интенциональным актом человека прошлого и интенциональным актом познающего это прошлое историка. Фактический исторический источник соединяет две интенции в им опосредуемую связь, что формирует транстемпоральный и транскультурный компаунд интенций.

9. Экзистентный характер восприятия исторического прошлого указывает на важную особенность самой экзистенции – на то, что в условиях достаточно развитой культуры она не ограничена пространством личного существования. Способность человеческого пребывания к дискретизации в дискурсивно представленном прошлом может быть названа эмпатической экзистентностью экзистенции, что, в свою очередь, делает экзистенцию интеллектуально развитого культурного человека превышающей пределы индивидуальности метаэкзистенцией, для которой характерна уже трансиндивидуальная историчность. Преимущество данного способа бытия состоит в том, что между двумя состояниями собственной сущности бытийствующий так феномен способен продолжить свое существование и тем закрыть неизбежный разлом идентичности; данная способность самовосстановления позволяет экзистенции преодолевать внутреннее сущностное различие и вести историчное существование. В свою очередь, это возможно потому, что сущность экзистенции дискурсивного концептуального свойства, сущность экзистенции рационалистична по своей природе и именно поэтому она может меняться в актах автоинтерпретации, которая генерирует актуальную идентичность как сущность экзистенции и тем инстанцирует ее в бытии. При этом интерпретация, даже на данном, первичном, уровне автоинтерпретации, не изменяет необратимо свой объект, но производит новую сущность, то есть, в случае автоинтерпретации экзистенции, производит новую экзистентную сущность, не отменяя бытия сущности прежней, которая событийно фиксируется и становится частью прошедшей реальности. Но трансиндивидуальная историчность метаэкзистенции нуждается в метатеоретическом знании о прошлом, только такое знание может в полной мере сделать прошлое частью пространства и времени ее развития.

10. Процессуально связанное чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия образует событийно-дискурсивный темп бытия и именно этот темп лежит в основе самой темпоральности культурного мира. При этом мысль как замысел, мысль, структурирующая себя как план осуществления это попытка быть, быть неким специфицированным, определенным образом. Проективная мысль это мысль бытийная, несущая в себе возможную будущую ситуацию, состояние или связь; такая мысль – это возможная судьба большей или меньшей области сущего. В терминах данного исследования, мыслимое замысла это паратеоретический паттерн неспонтанного интенционального действия, что, в свою очередь, дает возможность толковать исторические события как бытийные узлы интегральной со- и контр-реализации данных паттернов. Формирова-

ние этих узлов всегда контаминировано случайностями, эксцессами проявления воли и ошибками, но именно в них различные паттерны действий соединяются в многомерную конструкцию идеального такой сложности и такой продуманности, что она может уже служить формой полноценной событийной реализации идеального в объективную историческую реальность.

Заключение. Представленный выше метатеоретический подход позволяет, на наш взгляд, рассматривать историческое знание как не менее эпистемологически состоятельное и онтогносеологически обоснованное, чем любое другое знание, получаемое в сфере его институализированного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Табачков, А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.
2. Табачков, А.С. История как метатеория прошлого / А.С. Табачков. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 189 с.
3. Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Анкерсмит; пер. с англ. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
4. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 717 с.
5. Хаттон, П. История как искусство памяти / П. Хаттон; пер. с англ. – М.: Изд-во «Владимир Даль», 2003. – 425 с.

Проблемы и актуальность формирования студенческой семейно-гендерной культуры

О.И. Чеснокова

Учреждение образования «Витебский государственный технологический университет», Витебск

Статья посвящена проблемам семейного и гендерного воспитания студенческой молодежи и возможностям его совершенствования в современном белорусском обществе. Целью такого воспитания является формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности юноши и девушки. За основу берется опыт работы, существующий в учреждении образования «Витебский государственный технологический университет». В университете внедряются определенные инновации по семейному воспитанию. Так, например, осуществляется работа по формированию семейно-гендерной культуры учащейся молодежи и установок на семейные ценности. Проводятся лекции, беседы, диспуты на темы этики и психологии семейных отношений, ответственного отношения к браку; пропагандируются образцы позитивного семейного воспитания в многодетных, приемных семьях, а также в семьях, воспитавших государственных деятелей и известных людей страны. На кафедре философии работает студенческий научный кружок «Проблемы семейно-гендерного воспитания и образования студенческой молодежи». На его заседаниях обсуждаются проблемы существования гендерных стереотипов в современном белорусском обществе и пути их преодоления; проблемы семейного насилия и торговли людьми; барьеры гендерной коммуникации; традиционные и современные семейные ценности с учетом белорусских культурных особенностей.

Ключевые слова: «гендер», «семейно-гендерная культура», «феминистская парадигма», «гендерно-антропологический кризис», «семейное воспитание», «гендерное воспитание».

Problems and actuality of the formation of student family and gender culture

O.I. Tchesnokova

Educational establishment «Vitebsk state technological university»

The article is devoted to the problems of family and gender education of students and to the possibilities of its perfection in modern Belarusian society. The aim of this education is the formation of the well-developed, intelligent, creative youth. The paper is based on the experience of the Establishment of Education “Vitebsk State Technological University”. Definite innovations of family education are introduced at the University. So, for example, the work to form family gender culture of students and popularization of family value is carried out. Lectures, discussions, public debates on the topics of ethics and psychology of family relations, responsible attitude to the marriage are carried out; patterns of positive family upbringing in large and adoptive families as well as in the families, in which statesmen and famous people of the country were brought up, are propagandized. A student science group “Problems of family and gender upbringing and education for students” functions at the philosophy department. It discusses gender stereotypes in modern Belarusian society and the ways to overcome them, problems of family violence and people trade, barriers of gender communication, traditional and modern family values concerning Belarusian features.

Key words: gender, family and gender culture, feminist paradigm, gender and anthropological crisis, family upbringing, gender upbringing

В современном мире актуально переосмысление фундаментальных основ человеческого бытия, бытия мужчины и женщины, их мировоззренческих духовно-нравственных ценностей. В этой ситуации возникают непростые вопросы: как сохранить целостность человеческой личности в условиях выполнения ею многообразных социальных ролей и ломки традиционной системы семейно-гендерных ценностных приоритетов, каковы механизмы формирования идеалов коммуникативного единства человечества и т.п. Феномен пола в современной культуре привлекает все большее внимание как естественников, так и гуманитариев. В современных исследованиях можно выделить три основные разновидности теорий анализирующих феномен пола: биоцентристские, социоцентристские и культуроцентристские теории. К первым можно отнести социобиологию и сексологию. Ко вторым – теорию структурно-функционального анализа, гендерные исследования феминистской направленности, структурализм, постмодернизм. Культуроцентристские теоретические положения развиваются в русле философской антропологии, экзистенциализма,

определенных религиозно-философских концепций и т.п. В последнем случае возможен как религиозный, так и светский вариант культуроцентризма. Отсюда проблемы пола, взаимоотношения полов или, как принято сегодня говорить в современном научном сообществе, гендерные проблемы, могут быть осмыслены в трех измерениях: природно-биологическом, социальном и духовно-культурном.

Материал и методы. С целью достижения достоверности в рассмотрении поставленной проблемы были использованы материалы исследований по проблемам пола и гендера в западной и отечественной литературе, монографическая литература. Определим используемые нами понятия и методологию. Так определение различных теорий пола как «биоцентристских», «социоцентристских» или «культуроцентристских» обращает внимание исследователя на различные контексты изучения данного явления, а именно природный, социальный или культурный, в русле которых возникают различные формы осмысления проблем пола и гендера.

Первый ряд проблем касается понимания человеческого пола в контексте биологической природы человека. Эти идеи разрабатываются представителями социобиологической науки, которые решают проблемы сущности и причин половой дуальности человечества, границ половой дихотомии и ее динамики.

Второй ряд проблем затрагивает вопросы социального бытия пола, а именно, проблемы гендерных ролей и статусов, гендерной симметрии и асимметрии, гендерного равенства и неравенства, гендерных практик, проблемы полоролевой дихотомии и гендерной дискриминации. В области современных социально-гуманитарных исследований стало традицией заменять слово «пол» и его производные на слово «гендер», означающее «социальный пол» или «социально-сконструированный пол». Политкорректными в этой области считаются словосочетания – «гендерные проблемы», «гендерное равенство» (ср. «половые проблемы», «половое равенство» и т.п.).

Третий ряд проблем – это вопросы духовного бытия пола (так называемый «феномен ментального пола» – понятие автора – О.Ч.). Пол здесь трактуется как онтологическая духовно-материальная сущность, которая к тому же получает аксиологическое измерение. Так в христианском контексте пол это разъединяюще-объединяющая реальность.

Авторская теоретико-методологическая платформа строится на идее интегративного понимания феномена пола, в основе которого лежит принцип био-социо-культурной природы половых различий. Интегративная реконструкция модели пола/гендера осуществляется не путем взаимодополнения различных ценностей, характерных для заявленных трех моделей пола, а путем взаимоналожения биоцентристской, социоцентристской и культуроцентристской парадигм.

Результаты и их обсуждение. Рассуждая о проблемах пола/гендера, мы не можем обойти своим вниманием вопросы семейного воспитания и кризиса семьи. Современные семейно-гендерные проблемы непосредственно вытекают из ситуации антропологического кризиса и свидетельствуют о перерастании его в кризис гендерно-антропологический. Выживание человечества зависит сегодня напрямую от выживания конкретных мужчин и женщин, от выживания института семьи и продолжения дальнейшей ретрансляции семейных ценностей подрастающему поколению. Следовательно, возникают вопросы и к теоретикам и к практикам семейно-гендерного воспитания. Это связано с тем, что достаточно большой промежуток времени существовало состояние неопределенности и размытости в данных вопросах. В эпоху перестройки и постперестройки советская система семейного и полового воспитания перестала быть авторитетной и обязательной для тиражирования. Новое государственное видение данных проблем на постсоветском белорусском

пространстве только формируется. На этой свободной территории почти 20 лет (с 1990-х годов по настоящее время) активно работают представители феминистско-ориентированных гендерных исследований. В свое время я критиковала парадигмальные основания их идей, обращая внимание на их противоречивость, шероховатость и западноцентрированную идеологию (см. «Феномен пола в современной культуре. Философско-культурологический анализ» - Витебск, 2004), однако им стоит отдать должное, во-первых, за разработку современного понятийного аппарата, без которого сегодня не обходится ни один или почти ни один ученый, изучающий эту область проблем, во-вторых, за постановку и попытки решения многих социальных проблем, таких как насилие в семье, торговля женщинами, осознанное родительство (материнство и отцовств), в третьих, в целом за поворот общества к проблемам полового и гендерного воспитания и образования.

Актуальность данной проблематики напрямую связана с практикой воспитания молодого человека, девушки; с процессом привития и усвоения ими ценностей семейной и гендерной культуры. На наш взгляд эти два ряда ценностей – семейные и гендерные - должны усваиваться в процессе социализации как взаимодополняющие друг друга, поэтому я предпочитаю говорить о семейно-гендерном воспитании подрастающего поколения. В Республике Беларусь с 2006 по 2010 годы реализуется «Программа воспитания детей и учащейся молодежи», в которой в разделе «Воспитание ответственного семьянина» идет речь о привитии ценностей гендерной культуры, которые трактуются авторами программы как семейные - это «воспитание ценностного отношения обучающихся к представителям обоих полов, преодоление гендерных стереотипов и дискриминации по половому признаку» [1, с.151]. По этому поводу возникает несколько вопросов. Во-первых, какое содержание вкладывают составители Программы в термин «гендерная культура»? Возможны различные толкования данного понятия, вплоть до противоположных. Двумя крайностями в его трактовке являются, к примеру, эссенциализм и антиэссенциализм. Другими словами, идея о жизненных предназначениях мужского и женского пола, об их онтологических различиях – это эссенциалистский (сущностный) подход к трактовке феномена «пол» и противоположный антиэссенциалистский (анти-сущностный) взгляд обращает наше внимание на подвижность половых характеристик, на антиценностное отношение к своей половой принадлежности. Я бы назвала последние идеи гендерным радикализмом. В этой связи одной из главных проблем гендерных исследований становится вопрос интерпретации женского (феминного) и мужского (маскулинного) в культуре. Являются ли они сущностными характеристиками двух противоположных полов/гендеров, или это лишь фантомы, результаты эффекта восприятия и самовосприятия? В первом случае может быть реализована идея «правильной гендерной ориентации себя в мире». Цель преподавателя – научить мальчиков и девочек, юношей и девушек быть «настоящими мужчинами» и «настоящими женщинами», тем самым успешно встроить их в систему социально-культурных отношений, где они будут вести себя как компетентные мужчины и женщины.

Во втором случае мы попадаем, если выразиться образно, в мир Алисы в стране чудес. Целью такого гендерного образования является обучение сомнению в своем половом и гендерном самоощущении; привитие навыков критического анализа гендерных стереотипов как на уровне теоретического сознания (мифология, религия, идеология, философия), так и на уровне сознания обыденного; экспериментирование со своими половыми и гендерными идентичностями и т.п. Главной идеей становится мысль о социально-культурной детерминированности полоролевых моделей поведения. Гендерное образование, как не парадоксально это звучит, в этой интерпретации может стать образованием «бесполым» или «надполовым», так как говорить о формировании и образовании «настоящих мужчин» и «настоящих женщин», с точки зрения феминизма, это сексизм (унижение по признаку пола) и половая сегрегация. Есть и другая сторона медали – это самосбывающиеся прогнозы, которые реально могут приблизить наступление времени «абсолютно размытой пологендерной идентичности». Таким образом, в антиэссенциалистской модели гендерное образование – это получение и приращение знаний об относительности половых различий (о релевантности полов), о несправедливости субординации полов в пирамиде власть-подчинение и о перспективах равенства полов в экономической, социальной и политической сферах. По-видимому, гендерное образование как и любое другое не должно быть ни релятивным, ни догматичным; оно «в снятом виде» может содержать опыт предков, опыт традиций национальной культуры, но не избегать инноваций, которые в свою очередь также необходимо просеивать через «культурное сито».

Из содержания работ доктора психологических наук Шумской Л.И., которая является одним из разработчиков Концепции и Программы непрерывного образования детей и учащейся молодежи в

республике Беларусь на 2006-2010 годы, становится понятным, что автор отстаивает эссенциалистскую точку зрения на проблемы взаимоотношения полов, однако вводит в свой арсенал некоторые гендерные идеи, например, для каждой возрастной группы предлагаются свои методы и формы гендерного воспитания, говорится о гендерном равенстве и гендерной терпимости и т.п. Несмотря на эти «гендерные включения» речь все же идет о необходимости формирования «настоящих мужчин» и «настоящих женщин», об «осознании жизненного предназначения двух противоположных полов» и т.п.

Современные реалии развития белорусского общества таковы, что воспитательная работа с молодежью в образовательной сфере выступает приоритетом, имеющим государственную и общественную значимость. Содержание воспитания белорусских студентов основывается на общечеловеческих, гуманистических ценностях, культурных и духовных традициях белорусского народа, государственной идеологии, отражает интересы личности, общества и государства. Основными направлениями воспитания становятся наряду с профессионально-трудовым, гражданско-патриотическим и нравственным воспитанием, гендерное и семейное воспитание. Целью данного исследования является анализ одного из направлений воспитательной работы в Витебском государственном технологическом университете, а именно семейно-гендерного воспитания и возможностей его совершенствования в современном белорусском культурном контексте. В университете проводятся лекции, беседы, диспуты на темы этики и психологии семейных отношений, ответственного отношения к браку; осуществляется пропаганда образцов позитивного семейного воспитания в многодетных, приемных семьях, а также в семьях, воспитавших государственных деятелей и известных людей страны. Также в Витебском государственном технологическом университете вводятся определенные инновации по данному направлению воспитательной деятельности. Это связано не только с необходимостью выполнения Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2008-2010 годы, но и с интересом студентов к данной проблематике. Так, например, проводится работа по формированию семейно-гендерной культуры учащейся молодежи и установок на семейные ценности. На кафедре философии с 2005 года по настоящее время работает студенческий научный кружок «Проблемы семейно-гендерного воспитания и образования студенческой молодежи». На заседаниях этого кружка обсуждаются проблемы существования гендерных стереотипов в современном белорусском обществе и пути их преодоления; проблемы семейного насилия и торговли людьми; барьеры гендерной коммуникации; традиционные и современные семейные ценности с учетом белорусских культурных особенностей и т.д. В работе гендерного кружка используются различные методы и формы повышения семейно-гендерной культуры студентов: тренинговые занятия, анкетирование, интервьюирование, написание эссе, рефератов, докладов на ежегодную внутривузовскую конференцию, республиканские и международные конференции по проблемам семьи и гендера. Студенты активно участвуют в создании компьютерных презентаций по гендерной тематике и т.п.

В учебные программы социально-гуманитарных дисциплин введены определенные корректировки, так, например, гендерно-ориентированными вопросами были дополнены программы по философии, социологии, политологии, культурологии, этике, эстетике, основам права, правам человека, психологии, истории Беларуси. На лекциях и практических занятиях социально-гуманитарных дисциплин регулярно обсуждаются вопросы гендерного равенства. На информационных часах, проведенных для преподавателей, кураторов и актива БРСМ, слушателей факультета повышения квалификации и переподготовки озвучивалась информация о гендерном равенстве, о ценностях семейной жизни, о недопущении в процессе преподавания проявлений гендерной дискриминации.

В УО «ВГТУ» регулярно проводится информационно-просветительская работа по повышению престижа семьи в обществе, формированию осознанного родительства, повышению роли отца в семье. Так на информационных часах в общежитиях университета и в студенческих группах были проведены встречи студентов с представителями администрации вуза на темы: «Роль духовной культуры в социализации современной молодежи», «Проблемы формирования культуры семейных отношений у молодежи», «Проблемы семьи и семейной педагогики: история и современность», «Торговля людьми как нарушение прав человека», «Тенденции развития современной семьи. Воспитание культуры семейных отношений в молодежной среде», «Проблемы общения в студенческой среде. Качество коммуникативной культуры будущих специалистов».

В рамках выполнения мероприятий Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2008–2010 годы с 2008 года по настоящее время социально-психологической службой университета и преподавателями кафедры философии были проведены ряд тренингов по развитию лидерских способностей юношей и девушек, по стимулированию их участия в принятии решений. Социально-психологическая служба университета, юрист университета и преподаватели социально-гуманитарных кафедр также принимают активное участие в организации и проведении социально-психологических и юридических консультаций для жертв семейного насилия, осуществляют профилактическую работу по предупреждению правонарушений в студенческой семье. В УО «ВГТУ» работают «телефон доверия» и «студенческая горячая линия». В университете также создана социологическая группа, которая проводит анкетирование студентов всех курсов по наиболее важным проблемам студенческой жизни, среди которых вопросы правовой культуры студентов, состояния моральной и семейной культуры студенческой молодежи, анализ основных жизненных ценностей и установок учащихся. В начале учебного года сотрудники социально-психологической службы университета составляют социально-психологический паспорт первокурсника, в котором отражают вопросы семейного положения, ценностные предпочтения и морально-психологический климат в студенческих группах. По результатам опросов можно констатировать наличие стойкого интереса молодых людей к проблемам пола, брака и семьи. Однако часто информированность в этих вопросах вступает в противоречие с реальной житейской практикой. Одним из способов разрешения данного противоречия могут стать различные формы гендерного образования. Сегодня трудно однозначно сказать, как будет развиваться гендерное образование на белорусской почве. Здесь возможны и позитивные и негативные прогнозы. Возможно, по примеру западных и российских коллег увеличится количество и качество курсов по гендерным/женским проблемам и специалистов-профессионалов по гендерным исследованиям не только в вузах, но и в школах, в средних учебных заведениях [2, с.4]. Почти повсеместно гендерное образование на постсоветском пространстве существует в виде курсов по выбору. Думается, что для расширения гендерного вузовского компонента может быть полезно чтение гендерного блока проблем в рамках любого социально-гуманитарного курса, будь то философия, социология, политология, культурология, психология или история. Однако, назрела потребность введения обязательных гендерных курсов для социологов (гендерная социология), антропологов (гендерная антропология), историков (гендерная история), педагогов (гендерная педагогика) и т.п. Также возникает проблема восприятия гендерных курсов студенческой аудиторией. Существует эта проблема как в гомогенной, так и гетерогенной аудитории; она также связана с различными методологическими принципами и методическими приемами разных авторов, читающих гендерные курсы. Исследователи гендерных проблем обсуждают возможности использования в образовательном процессе «мягких» (традиционных, эволюционных) и «жестких» (провокационных, революционных) технологий.

Заключение. Какое будущее ждет специалистов в области гендерных и женских исследований на постсоветском пространстве? Ученые, пришедшие в эту новую область знаний, являются профессионалами в социально-гуманитарных науках. По-видимому, сегодня на постсоветском научном пространстве назрела серьезная потребность в пересмотре и реинтерпретации многих традиционных истин. Это не обязательно может осуществляться в виде «жесткой» феминистской критики, но пересмотр возможен и с помощью более «мягких», гендерных технологий. Данные исследования могут сочетать в себе революционный запал и одновременно идею ненасилия и гармонии интересов мужчин и женщин. Преподавание семейно-гендерных курсов в этом контексте может развиваться в двух противоположных направлениях: в сторону радикальной феминистско-гендерной критики или в сторону анализа реального положения женщин и мужчин в социально-экономической, правовой и духовной культуре белорусского общества. Это реальная возможность для создания нового междисциплинарного, межкультурного образовательного и воспитательного пространства.

Литература

1. Шумская, Л.И. Качество и эффективность воспитательного процесса в вузе / Л.И. Шумская. – Минск: Изд.центр БГУ, 2007. -263 с.
2. Методика и методология гендерного образования в средней школе: Учебно-методическое пособие. – Иваново, 2004. – 203с.

Базисные категории предпринимательской деятельности

В.И. Орлов

Учреждение образования «Витебская государственная академия ветеринарной медицины»

Предпринимательская деятельность рассматривается в статье как феномен взаимодействия экономической, политико-институциональной и ценностно-идеологической сфер общественной жизни. Соответственно, категориальное пространство теории предпринимательской деятельности включает в себя понятия, характеризующие все эти сферы. В экономической – это «капитал», «рынок», «экономическая эффективность». В качестве основных социально-политических институтов анализируются политические, экономические, социально-культурные, научно-образовательные, религиозные и юридические. Важнейшим институтом в бизнесе является институт частной собственности, представляющий собой синтез юридических, экономических, культурно-идеологических норм и ценностей. Государство рассматривается не только как политический, но и экономический институт, влияющий на развитие частно-предпринимательской деятельности. В ценностно-идеологической сфере центральной является категория «идеология». Для анализа бизнеса как социального феномена необходимо понимать, что в своем экономическом поведении человек опирается не только на рациональное мышление, но и на идеологические регулятивы.

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, рынок, капитал, государство, идеология.*

Basic categories of theoretical basis for running a business

V.I. Orlov

Vitebsk State Vet Academy

The process of running a business is considered in the article as a phenomenon of interaction in economic, political and institutional and value-centered ideological spheres of social life. Consequently, the categories of business theoretical basis include the notions that characterize all these spheres. In the economic sphere these are “capital”, “market”, “economic efficiency”. Political, economic, social and cultural, scientific-educational, religious and judicial institutions are analyzed as the basic social and political institutions. The institution of property, which is the synthesis of judicial, economic, cultural-ideological norms and values, is the basic institution in business. The state is looked upon as a political and economic institution that influences the development of the process of running a business. The category of “ideology” is the central in the value-centered ideological sphere. To analyze business as a social phenomenon one should realize that man in his economic behaviour focuses both on rational thinking and ideological regulatives.

Key words: *business, market, capital, state, ideology.*

Традиционно в любой деятельности в качестве центральных выделяют такие понятия как «субъект деятельности», и «объект деятельности». Данные категории применительно к бизнесу разносторонне проанализированы в многочисленных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако такой подход в неявном виде базируется на предположении о высокой степени самодостаточности бизнеса, что противоречит реальному положению дел. Мы будем исходить из противоположной точки зрения и рассматривать предпринимательскую деятельность как результат взаимодействия трех сфер общественной жизни: экономической, политико-институциональной и ценностно-идеологической. Таким образом, категориальное пространство теории предпринимательской деятельности должно включать в себя понятия, характеризующие все три данные сферы. Соответственно, целью нашего исследования является анализ таких базисных категорий, как «капитал»,

«рынок», «экономическая эффективность», в их социальном измерении, а также анализ категорий «государство», «власть», «идеология» применительно к специфике предпринимательства.

Материалы и методы. Теоретической основой данной работы являются положения о сущности предпринимательской деятельности и ее структуре, разработанной в трудах таких отечественных и зарубежных философов, социологов и экономистов, как: В.В. Радаев, М. Вебер, Д. Норт, Ф. Фукуяма, придерживающихся точки зрения о ведущей роли общественного сознания по отношению к общественному бытию.

Результаты и их обсуждение. В качестве главных категорий экономической сферы автор выделяет такие как «капитал», «рынок», «экономическая эффективность». Анализ предпринимательской деятельности показывает: предмет и субъект ее настолько взаимосвязаны между собой, что в данном случае можно говорить об особой субъект-предметной деятельности. Любой, попавший в сферу капиталистического производства объект, становится лишь предметом деятельности, то есть капиталом. Подлинная сущность бизнеса заключается в нахождении того конкретного способа включения любого элемента действительности в функциональную производящую систему, позволяющего трансформировать его в капитал. Данная сущность отлична от результатов предпринимательской деятельности и от ее экзистенциального смысла.

Современная наука выделяет несколько форм капитала: *денежный*, или экономический; *культурный*, или человеческий; *социальный*, или общественный; *символический*, и др. **Денежный**, или экономический, **капитал** – это накопленное богатство, реализованное в средствах производства либо способное их создать или приобрести. А. Смит и Д. Рикардо, рассматривали капитал просто как накопленный запас орудий, сырья, средств существования и денег. Необходимым условием накопления этого запаса они считали существование частной собственности на средства производства. «Лишь только в руках частных лиц, – писал А. Смит, – начинают накапливаться капиталы, некоторые из них естественно стремятся использовать их для того, чтобы занять работой трудолюбивых людей, которых они снабжают материалами и средствами существования в расчете получить выгоду на продаже продуктов их труда или на том, что эти работники прибавили к стоимости обрабатываемых материалов» [1].

Отметим, что, капитал не обязательно должен актуализироваться в денежной форме, но в условиях свободного рынка любые экономические активы (земля, здания, оборудование и т.д.) имеют свой денежный эквивалент. Причем такой эквивалент должен носить функциональный характер. Именно наличие функционального денежного эквивалента (то есть денежного капитала) позволяет различным объектам предпринимательской деятельности становится ее предметами. Денежный капитал по самой своей сущности носит безличностный характер. Однако существуют и формы личного капитала, а также социального или общественного. В отличие от безличностного, последний имеет надличностный характер.

Впервые термин «социальный капитал» был использован в 1916 году Л. Дж. Хэнифэн. В широкое научное употребление этот термин был введен в 80-х годах прошлого столетия социологом Дж. Коулманом и политологом Р. Патнамом. Социальный капитал в отличие от денежного зависит от общения и взаимодействия людей между собой. Отметим, что «социальный» капитал – это категория, выражающая набор ценностей и норм, имеющих важное значение только для какой-то общественной группы. Вне этой группы данные ценности могут вообще не иметь никакого смысла. Особенно эффективным сотрудничество становится при существовании доверия между членами данного социума, таким образом социальный капитал можно считать выражением потенциала доверия.

В условиях переходной экономики такой потенциал особенно важен для бизнесмена. При наличии нужных связей и знакомств необходимость в денежном капитале могла быть очень незначительной или вообще свестись к нулю. В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века существовала реальная возможность нажить баснословное состояние, обладая только социальным капиталом. Нередко чиновники, имеющие непосредственный доступ к дефицитным ресурсам, через подставных лиц открывали собственные фирмы и создавали огромные состояния. Именно таким образом произошло накопление первичного капитала в России, Украине, и некоторых других республиках, образовавшихся после распада СССР. Описанная ситуация является ярчайшим проявлением феномена конвертации социального капитала в денежный.

Безусловно, подобного рода конвертация существует и в странах с развитой системой капиталистических отношений. Вот почему наиболее престижные западные вузы привлекают к себе будущих студентов не только тем уровнем знаний, который они могут им дать, но также и возможностью

уже на студенческой скамье наладить неформальные взаимоотношения с будущими политиками, бизнесменами и т.д. Именно по этой причине многие крупные российские бизнесмены предпочитают чтобы их дети получали высшее образование не в России, а на Западе.

В каждом конкретном обществе существуют специфические культурные механизмы, с помощью которых происходит накопление капитала. Однако и сами элементы культуры могут являться капиталом. И в первую очередь речь идет о знаниях, умениях, моральных ценностях, присущих как отдельному индивиду, так и обществу в целом. **Культурный**, или человеческий, **капитал**, так же, как и денежный, способен приносить прибыль. В настоящее время он приобрел решающее значение, влияя на темпы экономического развития. Таким образом, одна форма капитала переходит в другую – денежную. С другой стороны, именно денежные инвестиции в образование способствуют росту культурного потенциала общества и одновременно повышают уровень материального благосостояния людей. Темпы увеличения человеческого капитала относятся к главным приоритетам современного мира. В этой связи особо подчеркнем, что Республика Беларусь не обладает большими сырьевыми запасами, а, следовательно, для компенсации этого дефицита, нам необходимо вкладывать средства не только в развитие энергосберегающих технологий, но и в совершенствование всей системы образования.

В последние годы в западной социологии и экономике широко распространено понятие «интеллектуальный капитал». До настоящего времени четкого определения его не существует. Одни авторы подразумевают под интеллектуальным капиталом не только научные кадры (интеллектуальную элиту), но и заводские марки, товарные знаки и др. Другие исследователи причисляют к понятию интеллектуального капитала такие факторы, как лидирующие позиции в области использования новых технологий, непрерывное повышение квалификации персонала, оперативность выполнения заявок клиентов [2]. Мы считаем, что интеллектуальный капитал необходимо рассматривать в качестве одного из видов культурного капитала.

Культурный и интеллектуальный потенциал, точно так же, как экономический, может накапливаться и передаваться по наследству. В первую очередь речь идет о тех нововведениях и изобретениях, возникающих благодаря тому, что именно система частного предпринимательства является силой, способствующей ускорению научно-технического прогресса. На этом основании французский социолог Г. Тард сделал вывод о том, что подлинный капитал – это не деньги, а изобретения, а, следовательно, накопление капитала – это в первую очередь накопление изобретений. «Вызывать воспроизведение, – отмечал Г. Тард, – такова, в самом деле, высшая способность капитала, должным образом понимаемого. Но чему присуща эта способность? Продуктам или определенному виду продуктов? Нет, счастливым инициативам, память о которых сохранилась. Капитал – это традиция, социальная память, которая бывает для обществ тем же, чем является для живых существ наследственность – жизненная память, загадочная по самой природе своей» [3].

Наличие механизма передачи нового позволяет нам говорить не только о социальной памяти, но и о капитале как специфической форме социальной памяти. Безусловно, передача социального опыта от поколения к поколению происходит не только в сфере бизнеса. Однако интенсивностью накопления капитала производственных изобретений человечество обязано именно частным предпринимателям. И дело здесь не только в том, что многие капиталисты сами были изобретателями, генераторами идей или первопроходцами путей (достаточно вспомнить Г. Форда – основателя автомобильной империи), но и в том, что бизнес по своей динамической природе является положительным фоном, питательной средой, из которой легко исходят изобретения. Но если, аккумулируясь, последние превращаются в капитал как социальную память, то тем самым капитал является одним из способов реализации предпринимательской деятельности как формы человеческой коммуникации. Коммуникации не только между современниками (хорошо известно, что новшества внедрения какой-либо фирмы очень быстро становятся достоянием других фирм), но и между различными поколениями.

По мнению П. Бурдьё, символический капитал является самой универсальной формой капитала, в которую конвертируются все остальные его формы. Согласно этой точке зрения, в обществе существует стремление не только к экономическим, но и к символическим преимуществам. Символический капитал является мощным средством господства. «При покупке очевидного имущества, такого, как земля, – отмечает П. Бурдьё, – решение покупателя определяется выбором самой вещи, в случае же имущества неочевидного, такого, как вьючный скот и особенно мулы, главное – выбрать продавца» [4]. с другой стороны, поддержка общественного мнения не только одного конкретного

бизнесмена, но и всей системы частного предпринимательства, способствует укреплению и стабилизации денежного, социального и культурного капитала. Конечно, в данном феномене присутствуют и негативные элементы. Дело в том, что желаемая символика может насаждаться с помощью манипулирования общественным мнением. Таким образом достигается взаимопереход двух видов капитала – символического и денежного.

Отметим, что подобная взаимосвязь существовала и в СССР. В советские времена банковское дело, например, считалось «женской» сферой деятельности и имело низкий социальный статус. В постсоветский период банковское дело преобразилось в престижную мужскую сферу социальной деятельности. Объяснение данному феномену достаточно простое: работа в банке в настоящее время представляет возможность не только быстро сделать карьеру, но и заработать денежный капитал. Однако денежный капитал на постсоветском пространстве является скорее символом нелегитимного успеха, объектом зависти со стороны большинства населения. На Западе же положение дел радикально иное. Там богатство и капитал являются не только онтологическим символом успеха, но и самого бытия.

Важнейшей категорией характеризующей предпринимательскую деятельность с экономической точки зрения является категория «рынок». Наличие развитого рынка – основной инвариант любого типа капиталистических отношений, причем рынок – это механизм регулирующий не только экономическую деятельность но и общественную жизнь в целом. Первым социологом, наиболее полно исследовавшим единство рынка и общественной жизни в работах «Протестантская этика и дух капитализма» и «Экономика и общество», был М. Вебер. Он установил взаимосвязь между религией, общественной жизнью и экономикой. Рынок для него является фактором рационального формирования общественного сознания. Отметим, что в качестве особого механизма с помощью которого осуществляется взаимосвязь между спросом и предложением в условиях общественного разделения труда рынок существовал задолго до возникновения капитализма. Существовал рынок (и в достаточно развитой форме) в СССР и других социалистических странах. Однако в них не было развитой рыночной экономики. Под последней понимается не только общественное разделение труда но и наличие развитой частной собственности.

Каждому обществу присущи характерные именно для него формы товарно-денежных отношений, которые не обязательно носят чисто меркантильный характер. Отмечая характер действий рыночных агентов, В. В. Радаев выделяет три логики рыночных действий: эгоистическая; утилитаристская, деонтологическая. *Эгоистическая логика* предполагает следование собственному экономическому интересу независимо от норм и долгосрочных последствий. Решающей силой, корректирующей поведение, является внешнее принуждение, а нравственные побуждения считаются «дефицитным ресурсом» и не принимаются в расчет. *Утилитаристская логика* предполагает выход за рамки эгоистичных установок в плоскость нормативного индивидуализма. Она нацелена на максимизацию выгоды или минимизацию издержек, ориентирована на более длительную перспективу и включает заботу о личной репутации. *Деонтологическая логика* исходит из существования кодексов поведения, которые не сводятся к экономическому интересу и не нуждаются во внешнем принуждении. Участники рынка подчиняются моральным императивам, опирающимся на традиции или являющиеся продуктом идеологических воздействий [5]. Эгоистическая логика описывает тип «доэкономического» человека. Действия эгоиста могут привести к потере выгоды или к дополнительным издержкам. Утилитаристская логика представляет «экономического» человека. Деонтологическая логика характеризует «экономико-социологического» человека. К сказанному добавим, что все эти виды логик могут реализовываться как в чувственной, так и в рациональных формах.

В заключение анализа категории «рынок» отметим, что экономические агенты, участвующие в обмене, вынуждены нести издержки участия в обмене, то есть транзакционные издержки. По мнению Д. Норта, важным фактором детерминирующим количество этих издержек является «размер рынка, который определяет, является ли обмен персонифицированным или нет. В случае персонифицированного обмена большую роль играют такие факторы, как связи родства, дружба, личная приязнь или неприязнь, имелись ли деловые отношения ранее или нет. Все перечисленное выше снижает необходимость в дорогой спецификации прав собственности и в четком юридическом описании обязательств сторон. Напротив, при персонифицированном обмене нет никаких стимулов или ограничений против того, чтобы стороны просто эгоистично извлекали выгоды друг от друга. Соответственно стоимость заключения контракта будет возрастать по мере повышения потребности в более сложной спецификации прав собственности и обязательств, возникающих при совершении сделки. Со-

вершенная конкуренция является основным ограничением на эффективных рынках, где осуществляется неперсонифицированный обмен» [6].

Категория «эффективность» представляет собой наиболее трудную для определения категорию. Предварительно отметим, что эффективность может носить как чисто рыночный, так и социальный характер. В первом случае речь будет идти о получении бизнесом прибыли. Очевидно, что если частное предприятие будет долго работать без прибыли и нести убытки, то в конце концов оно перестанет функционировать, то есть разорится. Однако в реальной рыночной экономике в первую очередь важна эффективность работы не отдельных предприятий, а всей экономической системы в целом. Более того, банкротство отдельных субъектов этой системы является одним из основных условий ее успешного существования. Прибыль и убыток перемещают факторы производства от неэффективных производителей к более эффективным. Таким образом эффективность экономической жизни общества достигается во многом благодаря нестабильному, то есть неэффективному существованию ее элементов.

Отметим, что важнейшим показателем эффективности рыночной экономики и всей системы частнопредпринимательской деятельности является резкое повышение уровня материального потребления всеми слоями общества. Современный капитализм превратил социальные низы, которые в предыдущие эпохи составляли толпы рабов и крепостных, бедняков и нищих в покупателей, ради которых старается предприниматель. Кроме того овременные новые товары становятся прибыльными только при условии их массового производства и поэтому рассчитаны для широкого потребления. «Отличительная черта большого бизнеса, – подчеркивает Л. Мизес, – как раз массовое производство для удовлетворения нужд широких масс» [7]. Капитализм улучшил средний уровень жизни, что позволило миллионам людей пользоваться благами, которые еще недавно были доступными лишь элите. Любое новшество – сначала роскошь для небольшого числа людей, и только потом оно становится доступным каждому. Именно такая доступность и является проявлением социальной эффективности предпринимательской деятельности.

В целом можно считать, что социальная эффективность является одним из важнейших условий выполнения бизнесом своих социальных функций. Отметим, что социальная эффективность тесно связана с рыночной, вот почему логичнее ее назвать «социально-экономической». Важнейшим ее условием является наличие потребительского кредита. Однако широкое распространение последнего носит и негативные последствия. Так, например, если раньше право собственности на приобретенную вещь возникало до пользования ею, то теперь все изменилось. Появление кредита позволило перейти от цивилизации «накопительской» к цивилизации «пользовательской». Сегодня вещи появляются у потребителя еще не будучи заработанными. Обладание вещью предваряет собой воплощенную в ней сумму трудовых усилий. Потребление как бы опережает производство, что чревато угрозой утраты индивидуумом чувства ответственности за последствия своих поступков.

В качестве второй сферы мы рассмотрим политико-институциональную, в которой выделим такие основополагающие элементы как «государство», «гражданское общество», «основные социальные институты» и «власть».

Роль государства была решающей в традиционном обществе. На втором этапе (индустриальное общество), благодаря социальной модернизации его руководящая функция намного уменьшилась, государство в большей степени стало выполнять роль арбитра и координирующего центра. Вот почему некоторые авторы считают, что на третьем этапе, т.е. в постиндустриальном обществе приоритет должен принадлежать гражданскому обществу, последнее приобретает черты глобальности, а государство превращается лишь в один из субъектов социально-политического процесса. Однако, данное утверждение не в полной мере адекватно реальному положению дел. Как отмечал Ф. Фукуяма «гражданское общество может вырождаться в группу лиц, ищущих доходов для себя, чья цель не более достойна доверия, но кажется более важной в рамках правительственных субсидий или при замещении правительства гражданским обществом. Каждое из этих сообществ в результате добивается своего, рассчитывая не столько на общественное планирование, сколько на природу гражданского общества как таковую» [8].

Кроме того, идея о превращении государства в один из многих субъектов политического процесса в настоящее время не применима к Беларуси и некоторым странам постсоветского пространства. Дело в том, что мы не прошли второго этапа в своем развитии, а соответственно еще крайне далеки от третьего. Беларуси нужен скачок, но не революционного, а эволюционного типа. совершить данный скачок возможно лишь при руководящей роли государственной власти. В данном случае речь

идет не о феномене архаики, не о возврате в традиционное общество, а о насущной социальной необходимости. Государство, таким образом должно временно усилить свое влияние на общественную жизнь, для того, чтобы это влияние с течением времени ослабло. Причем сам процесс должен происходить в хронологически уплотненном темпе. То, на что Западной Европе понадобились столетия, нам необходимо выполнить в течение нескольких десятилетий. В переходный период очень важно, чтобы государство управлялось лидером, имеющим безусловный авторитет у собственного народа.

В качестве основных социально-политических институтов мы будем рассматривать такие как 1) политические; 2) экономические; 3) социально-культурные; 4) научно-образовательные; 5) религиозные; 6) семейно-бытовые; 7) юридические.

В социологической науке под институтами обычно понимаются, во-первых, правила социального поведения, т. е. совокупность социальных норм и культурных образцов, определяющих устойчивые формы человеческой деятельности. При данной понимании необходимо считать, что институты включают в себя набор формальных и неформальных правил, а также механизмы их добровольного или принудительного осуществления. Естественно, что эти правила создаются какими-то конкретными людьми или группами, а для наблюдения за исполнением правил также необходимо наличие организованных социальных групп. Последние в социологии понимаются как институты во втором смысле данного слова, т. е. как организации, взаимосвязывающие внутри себя индивидов с помощью общей целевой функции.

Традиционно к политическим институтам относят государство, политические партии и другие организации. Но государство является также важнейшим экономическим институтом. Причем даже в тех странах, где построено достаточно развитое гражданское общество, экономическая роль государства очень велика. Достаточно вспомнить об усилении вмешательства государственных структур США, стран Западной Европы и Японии в экономические процессы происходящие после мирового кризиса 2008 г.

Кроме государства к экономическим институтам можно отнести банки, различные предприятия и фирмы. В системе частнопредпринимательской деятельности важным институтом является институт частной собственности. Отметим, что данный институт являвшийся стержнем классического капитализма, претерпел существенные изменения. В современных условиях большое значение приобрела ассоциированная собственность (акционерная, корпоративная, кооперативная и т.д.). Появились новые виды собственности: коллективная собственность персонала фирмы, совладение на основе передачи акций персоналу и, наконец, возник так называемый государственный капитализм. Обычно для стран постсоветского пространства в качестве универсального средства для эффективной перестройки экономики указывают на приватизацию. Однако такие экономисты как Д. Норт и М. Фридмен предостерегают от подобного заблуждения. Еще в 2001 году глава экономистов свободного рынка М. Фридмен отметил, что десять лет назад указал бы для стран осуществляющих переход от социализма к рыночной экономике три слова: «приватизация, приватизация, приватизация. Но я ошибался, – продолжает он. – Оказалось, что соблюдение законности может быть важнее приватизации» [8, с. 41]. Д. Норт в нобелевской лекции, произнесенной в декабре 1993 г. подчеркнул, что для стран Восточной Европы «приватизация не является панацеей от экономической отсталости» [9].

Право собственности – это не чисто юридическая или экономическая категория. Дело в том, что оно должно быть подкреплено совокупностью определенных культурно-идеологических ценностей, способствующих его эффективному практическому воплощению в жизнь. Речь в данном случае идет не о творческом опровержении концепции М. Вебера, а лишь о том, что с течением времени уровень религиозности на Западе резко понизился и на смену протестантской этике, пришли другие, не религиозные культурные механизмы регулирования частнопредпринимательской деятельности. Большую роль в реализации этих механизмов сыграла система государственного образования. Роль специфического религиозного образования на Западе резко уменьшилась, а соответственно выросла роль государственного.

Хорошо известно, что вплоть до XX века, религия играла в общественной жизни если не решающее, то по крайней мере очень важное значение. Соответственно, логично предположить, что в становлении различных типов капитализма, большое значение играли различные религиозные учения. Однако, до возникновения протестантской этики, частнопредпринимательская деятельность регулировалась религиозными воззрениями опосредованным образом, и только лишь протестанты смогли регулировать ее в явном виде, придав прибыли мистический характер, отождествив ее со спасением человеческой души.

В целом, можно считать, что социально-экономические институты устанавливают определенный порядок в обществе, и в частности, порядок в предпринимательской деятельности. Для осуществления своей роли эти институты должны обладать властью. Отметим, что этимологически само слово «власть» как раз и происходит от слова «лад» (легче всего данную этимологию увидеть в белорусском слове «улада»), то есть, «порядок». Такое понимание власти характеризует все социальные институты, но в первую очередь, государство. Вот почему З. Бауман давая определение понятия «государство» указывает, что последнее превращает «случайность в предопределенность, двусмысленность в однозначность, беспорядочность в регулярность – одним словом, первобытный лес в тщательно высаженный сад, хаос – в порядок. Привести в порядок некий уголок мира означало создать там государство, наделенное властью» [10].

Предприниматель как субъект деятельности также должен обладать властью и в первую очередь обладать способностью вносить некоторые изменения в существующее положение дел, причем его власть имеет не безграничный, а вполне определенный характер. Как отмечал Э. Гидденс «Деятель перестает быть деятелем, если он или она теряют способность «преобразовывать», т.е. реализовывать определенный вид власти» [11].

Мы указали на власть, как средство для осуществления полноценной предпринимательской деятельности. С другой стороны обладание властью является высшим смыслом деятельности для многих бизнесменов. Так, например многие крупные предприниматели в США становились сенаторами. Возможность такого превращения во многом объясняется онтологическим статусом капитала. Конечно, в России и Беларуси деньги не могут иметь онтологический статус для большинства населения. На наш взгляд, такое радикальное (в американском духе) изменение сознания нашего народа вовсе и не является необходимым условием устойчивого развития бизнеса. Достаточно лишь признания большинством населения права бизнесменов на господство в определенных сферах общественной жизни. Безусловно, в духовной области предприниматели господствовать не должны, а вот в практической обеспечить им такое господство необходимо.

В эпоху раннего капитализма для протестантского предпринимателя деньги служили не просто показателем успеха, а *животворящим* символом спасения души. В нынешних условиях капитал утратил свой мистический смысл для большинства его обладателей. Однако он обрел иную, внешнюю ценность – власть. Капитал обладает самоценностью лишь на ранних стадиях его накопления. Обычно достигнув определенного уровня материального богатства, люди стараются не увеличить материальное потребление, а уже стремятся к власти.

Третьей сферой является ценностно-идеологическая. Конечно, если рассматривать человека только лишь в качестве рационального существа, то идеология не будет оказывать никакого влияния на его поведение. Роль последнего должна заменить логика. В экономической сфере жизни общества данное предположение привело бы к тому, что все индивиды стремились бы максимизировать свою прибыль любыми возможными способами, то есть, например, нарушать контракты, при условии того, что это можно делать безнаказанно. Однако в условиях рыночной экономики такое поведение очень быстро привело бы к коллапсу всей экономической деятельности. На самом деле, человеческое поведение регулируется не только логикой. Одним из наиболее важных регуляторов является идеология.

Роль идеологии на различных этапах истории общества существенно менялась. В эпоху Средневековья, идеология по существу была тождественна религии, то есть не имела своего собственного значения. В современных условиях «позднего модерна» (термин Э. Гидденса) параллельно существуют общенациональные и глобальная идеологии. Для анализа данного феномена Э. Гидденс предложил оригинальную, категориально развитую и последовательно рационалистическую концепцию современности как продукта двух взаимосвязанных процессов глобализации и рациональной детрадиционализации социальной жизни [11].

На наш взгляд теория Гидденса не совсем адекватно описывает реальное положение дел. Во многих странах, активно включившихся в глобализацию, сохранились существенные элементы Традиции. Однако эти Традиции претерпели некоторую модернизацию. Для нашей республики, в которой до сих пор еще нет государственной идеологии, как раз и необходимо создавать ее путем диалектического синтеза национальной Традиции с новыми идеями, возникшими на базе измененного бытия. Ведущая роль в распространении данной идеологии на все белорусское общество должна принадлежать государству.

Заключение. Таким образом, описанный подход к анализу категориального аппарата теории предпринимательской деятельности, позволяет рассматривать последнюю в качестве многоуровнево-

го полифункционального феномена общественной жизни. Системообразующим сущностным базисным уровнем является ценностно-идеологический. Именно он во многом детерминирует все процессы происходящие на экономическом уровне. Для Беларуси особо важно то, что в нынешних условиях ведущую роль в идеологическом обеспечении предпринимательской деятельности должно играть государство. В целом же «Идеологическая работа, вносящая в национальное сознание новые ценности через образование и просвещение, должна доносить до каждого гражданина идеи и принципы устойчивого развития» [12]. Данная мысль выраженная в «Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь», применительно к развитию системы частного предпринимательства требует осознания нашим обществом идеи о том, что Беларуси необходимы предприниматели новой формации, считающие главным смыслом своей деятельности выполнение общественного долга перед Отечеством. Соответственно, именно в качестве таковых их и должны воспринимать граждане нашей республики.

Литература

1. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1962. – С.50-51.
2. Эдвинсон, Л. Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании / Л. Эдвинсон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 433.
3. Тард, Г. Социальная логика / Г. Тард; пер. М. Цейтлина. – СПб.: «Социально-психологический центр», 1996. – С. 385.
4. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые; пер. с франц. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 226.
5. Радаев, В.В. Рынок как объект социологического исследования / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 34-35.
6. Норт, Д. Вклад неоинституализма в понимание проблем переходной экономики: лекционное выступление 7 марта 1997г./ Д. Норт; пер. В.Б. Кутиловой 2000. // Экономика и финансы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.finansy.ru/publ/north.html>. Дата доступа: 06.09.2010. – С. 2-3.
7. Мизес, Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес; пер. с англ. – М.: Дело, 1993. – 234 с. Мизес, Л. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность / Л. фон Мизес; пер. с англ. – М.: Дело, 1993. – С. 191.
8. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2010. – С. 60.
9. Норт, Д. Функционирование экономики во времени: Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года) / Д. Норт; пер. с англ. // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2004. – № 6. Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?ozid=21&oznumber=6>. Дата доступа: 13.09.2010. – С.8.
10. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2004. – С. 90.
11. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. – С. 56.
12. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь; редкол.: Л.М. Александрович [и др.]. – Минск: Юнипак, 2004. – С. 14.

Адрес для корреспонденций: Орлов Валерий Иванович
210033: г. Витебск, ул. Фрунзе, д. 80, кор. 3, кв. 55.
тел. 8 (0212) 24-06-35.
м.т. (velcom) 683-42-69

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>И.Ф. Штейнер.</i> Экспериментальные поиски Алевся Рязанова и европейская традиция	3
<i>Н.А. Багамольнікова.</i> Аманімія ў тапанімічнай лексіцы	8
<i>В.Ю. Бароўка.</i> Кніга У. Дубоўкі “Пялёсткі” як жанрава-стылёвы феномен	14
<i>Е.А. Казанкова.</i> Корреляции между составом персонажей и иллокутивной структурой их коммуникативных партий (на материале повестей Г. Щербачковой и Л. Улицкой)	19
<i>С.С. Хоронько.</i> Способ описания и систематизации лексики со значением речевой каузации в старославянском языке	27
<i>С.В. Лапунов.</i> Испытание первым боем: толстовская традиция в военных рассказах В. Быкова 1950–60-х годов ..	33
<i>Ю.Н. Пасютина.</i> Проблема типологии романного героя в творчестве М.А. Шолохова	38
<i>В.В. Радзюк.</i> Дублетнасць, сінаніміч-насць і варыянтнасць беларускай граматычнай тэрміналогіі (1917–1926 гады)	42
<i>Я.Р. Зинченко.</i> «Роль» как средство структурирования дискурсивного пространства в формате политического ток-шоу (на материале русского и немецкого языков)	47
<i>О.А. Климович.</i> Язык купчих, жалованных и духовных грамот XIV–XVI вв. в аспекте сравнительно-сопоставительного лингвостилистического анализа	54

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>I.F. Steyner.</i> Ales Riazanov's experimental search and European tradition	3
<i>N.A. Bogomolnikova.</i> Homonymy in toponymic lexis	8
<i>V.Yu. Barouka.</i> The book “Petals” by U. Dubouka as genre and style phenomenon	14
<i>E.A. Kazankova.</i> Correlations between the characters and illocution structure of their communicative parties (on the material of G. Shcherbakova's and L. Ulitskaya's stories)	19
<i>S.S. Horoneko.</i> Method of description and systematization of the vocabulary with the meaning of speech causation in Old Church Slavonic	27
<i>S.V. Lapunov.</i> The test of the first battle: Tolstoy's tradition in V. Bykov's war stories of the 1950–60s	33
<i>Y.N. Pasiutsina.</i> The problem of the novel hero typology in M.A. Sholokhov's works	38
<i>V.V. Radyuk.</i> Doubleness, synonymity and variantness of Belarusian grammar terminology (1917–1926 years)	42
<i>Y. Zinchenka.</i> “Role” as a tool of discourse construction in the format of a political talk show (based on Russian and German language materials)	47
<i>O.A. Klimkovich.</i> The language of XIV–XVI centuries purchase, award and religious licenses in the aspect of comparative linguistic and stylistic analysis	54

О.В. Казими́рова. К определению жанровой специфики публицистического очерка (в русско- и англоязычных традициях) 60

А.В. Сасновская. Значение и смысл при восприятии поэтического текста: место и роль ключевых слов 67

ИСТОРИЯ

И.В. Мандрик, Н.Н. Пархимович. Проблемы войны. Обращение к прошлому и настоящему 75

Р.В. Тимофеев. Обеспечение потребностей экономики и населения Белорусской ССР в транспортных услугах (1943–1991 гг.) 82

А.И. Корсак. Генацыд яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі генеральнай акругі “Літва” (на прыкладзе заходніх раёнаў Віцебскай вобласці) .. 94

І.Р. Вухлік. Чалавек у гісторыка-культурным працэсе ў Беларусі XVII–XVIII стст. (на матэрыялах мемуарных крыніц) 99

И.Ю. Уваров. Ретроспективный взгляд на социально-правовое положение шляхты Великого княжества Литовского в XVI в. 103

В.Г. Ширма. Органы управления театральными организациями Витебской губернии в 1917–1924 гг. 109

С.Г. Косарева. Формирование и развитие образовательного пространства в г. Витебске (1900–1914 гг.) 115

М.Ю. Зинченко. Строительство жилья хозяйственным способом в БССР (1957–1960-е гг.) 121

O.V. Kazimirova. To the definition of genre peculiarity of a feature story (in Russian and English speaking traditions) 60

A.V. Sasnovskaya. Meaning and sense in the process of poetry perception: place and role of key words 67

HISTORY

I.V. Mandrik, N.N. Parkhimovich. Problems of the war. Referring to the past and present 75

R.V. Timofeyev. Meeting the needs of economy and population of Byelorussian SSR in transport services (1943–1991) 82

A.I. Korsak. Genocide of the Jews on the territory of General district “Lithuania” (based on the example of western areas of Vitebsk region) 94

I.G. Vuhlik. Person in the historical and cultural process in Belarus of XVII–XVIII centuries (on the materials of memoirs) 99

I. Uvarov. Retrospective view to social and legal status of the nobles in Grand Duchy of Lithuania in XVI century 103

V.G. Shirma. Management bodies of the theatrical institutions of Vitebsk province in 1917–1924 109

S.G. Kosareva. Formation and development of educational space in the town of Vitebsk (1900–1914) 115

M.U. Zinchenko. House construction by household method in the cities of BSSR (1957–1960-ies) 121

ФИЛОСОФИЯ

<i>Э.И. Рудковский.</i> Ответственность как философская категория	127
<i>А.Б. Демидов.</i> Метафизические предметы	134
<i>Е.В. Давлятова.</i> Мифология зороастризма и становление христианства ...	142
<i>А.С. Табачков.</i> История как знание и реальность	149
<i>О.И. Чеснокова.</i> Проблемы и актуальность формирования студенческой семейно-гендерной культуры.....	155
<i>В.И. Орлов.</i> Базисные категории предпринимательской деятельности ...	161

PHILOSOPHY

<i>E.J. Rudkovsky.</i> Responsibility as philosophical category	127
<i>A.B. Demidov.</i> Metaphysical subjects	134
<i>E.V. Davlyatova.</i> Mythology of zoroastrism and coming into being of Christianity	142
<i>A.S. Tabachkov.</i> History as knowledge and reality	149
<i>O.I. Tchesnokova.</i> Problems and actuality of the formation of student family and gender culture	155
<i>V.I. Orlov.</i> Basic categories of theoretical basis for running a business	161

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
  - индекс УДК;
  - название статьи;
  - фамилия и инициалы автора (авторов);
  - организация, которую он (они) представляет;
  - введение;
  - раздел «Материал и методы»;
  - раздел «Результаты и их обсуждение»;
  - заключение;
  - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается короткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможности применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать

не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
  - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
  - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
  - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
  - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
  - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
  - UDK index;
  - title of the article;
  - name and initial of the author (authors);
  - institution he (she) represents;
  - introduction;
  - “Material and methods” section;
  - “Findings and their discussion” section;
  - conclusion;
  - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
  - summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
  - title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
  - author's home address, telephone number, e-mail address;
  - recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
  - expert conclusion on the feasibility of the publication.
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 10

Сборник научных трудов

Редактор	А.И. Матейон
Компьютерный дизайн	Т.Е. Сафранкова
Корректор	А.А. Дайпеко

Подписано в печать *27.12.2010 г.* . Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.
Усл. печ. л. 20,46. Уч.-изд. л. 16,06. Тираж *75* . Заказ *196*.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.